

ISSN 0869-6063

Номер 4

Октябрь - Ноябрь - Декабрь
2002

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

<http://www.maik.ru>

“НАУКА”

МАИК “НАУКА/ИНТЕРПЕРИОДИКА”

Археол

2002 г.

Российская академия наук
Институт археологии

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 4 2002

Журнал основан в январе 1957 г.
Выходит 4 раза в год

Главный редактор

Л.А. Беляев

Редакционный совет:

Р.М. Мунчаев (председатель),
Т.И. Алексеева, А.П. Деревянко, И.С. Каменецкий,
Ю.Ф. Кирюшин, Н.Я. Мерперт, В.И. Молодин, М.Г. Мошкова,
Е.Н. Носов, А.Д. Пряхин, **Б.А. Рыбаков**, В.В. Седов,
А.А. Формозов, А.И. Шкурко, В.Л. Янин

Редакционная коллегия:

Х.А. Амирханов, А.П. Бужилова,
А.Н. Гей, В.И. Гуляев, Е.Г. Дэвлет, Г.А. Кошеленко,
Н.А. Макаров, **В.С. Ольховский** (зам. главного редактора),
А.В. Чернецов, Е.Н. Черных (зам. главного редактора),
Ю.Б. Цетлин (ответственный секретарь)

Заведующая редакцией

Т.С. Волкова

Адрес: 117036 Москва, Дм. Ульянова, д. 19
Телефон 124-34-42

Москва
Издательство "Наука"
Международная академическая
издательская компания "Наука/Интерпериодика"

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 4, 2002

К 100-летию со дня рождения А.В. Арциховского (1902–1978) <i>От редколлегии</i>	5
Путь ученого <i>Л. А. Беляев</i>	7
А.В. Арциховский во главе кафедры археологии исторического факультета МГУ <i>Ю. Л. Шапова</i>	12
Тель Хазна I: раскопки 2001 года <i>Р. М. Мунчаев, Н. Я. Мерперт</i>	20
Переход от бронзового к железному веку на Северо-западном Кавказе (К постановке проблемы). Часть II <i>В. Р. Эрлих</i>	40
Сохранение археологического наследия России. История и проблемы <i>А. С. Смирнов</i>	50
Полевая археология России на современном этапе: итоги и перспективы <i>И. А. Сорокина</i>	60

Дискуссии

Незаконные раскопки и археологическое наследие России Материалы круглого стола, проведенного редакцией и редколлегией журнала “Российская археология”	70
---	----

Публикации

Литейные формы с Дьякова городища <i>Н. А. Кренке, Е. Ю. Тавлинцева</i>	90
Технологическая характеристика глиняных литейных форм Дьякова городища <i>О. А. Лопатина</i>	111
Поясная центрально-европейская гарнитура римского времени на территории Днепровского Левобережья <i>В. Ю. Малашев, А. М. Обломский</i>	113

История науки

Вспоминая А.В. Арциховского <i>М. Д. Полубояринова, М. В. Седова</i>	125
Из воспоминаний об Артемии Владимировиче Арциховском <i>В. Л. Янин</i>	128
Представления И. Е. Забелина о строении насыпи кургана Чертомлык <i>И. В. Яценко</i>	131

Заметки

К изучению погребального обряда срубной культуры Волго-Донского междуречья <i>Ю. В. Лунькова</i>	143
Круговая керамика из комплекса XIV в. <i>И. В. Болдин</i>	

Критика и библиография

- Н.А. Макаров, С.Д. Захаров, А.П. Бужилова. Средневековое расселение на Белом озере. М., 2001.
Е. Н. Носов 151
- А.П. Деревянко, В.Т. Петрин, Е.П. Рыбин, Л.М. Чевалков. Палеолитические комплексы стратифицированной части стоянки Кара-Бом. Новосибирск, 1998. (Станет ли алтайская стоянка Кара-Бом центральноазиатским Бокер-Тачтитом?)
Ранов В.А. 155
- Феномен алтайских мумий. Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск, 2000.
В. И. Гуляев, В.С. Ольховский 160
- Сезонный экономический цикл населения Северо-западного Прикаспия в бронзовом веке. (Труды ГИМ, Вып. 120). М., 2000.
М. А. Очир-Горяева 165
- Rezepkin A.D. Das frühbronzezeitliche Gräberfeld von Klady und die Majkop-Kultur in Nordwestkavkasien // Archäologie in Eurasien. Band 10. Verlag Marie Leindorf: Rahden/Westf. 2000.
С. Н. Корневский 170
-

Хроника

- К 80-летию Николая Яковлевича Мерперта
Р. М. Мунчаев 176
- О присуждении Борису Анатольевичу Литвинскому премии им. Р. Гиршмана
От редколлегии 181
- Всероссийская научно-практическая конференция “Проблемы борьбы с проведением незаконных раскопок и незаконным оборотом предметов археологии, минералогии и палеонтологии”, (Красноярск, 19–25 июня 2001)
В. И. Молодин, Н. И. Дроздов 182
- Международная научная конференция “К 100-летию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы” (Самара, 2001)
П. Ф. Кузнецов, О. Д. Мочалов 184
- Памяти Надежды Михайловны Кравченко (1935–2001)
А. А. Юшко, А. М. Обломский, Н. С. Абашина 186
-
- Авторский указатель журнала “Российская археология” за 2002 г. 190
-

Сдано в набор 10.06.2002 г.

Подписано к печати 11.09.2002 г.

Формат бумаги 60 × 88¹/₈

Офсетная печать

Усл. печ. л. 24.0

Усл. кр.-отт. 23.6 тыс.

Уч.-изд. л. 25.6

Бум. л. 12.0

Тираж 963 экз.

Зак. 6622

Свидетельство о регистрации № 0110150 от 04.02.93 г. в Министерстве печати и информации Российской Федерации
Учредители: Российская академия наук, Институт археологии РАН

Адрес издателя: 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90

Отпечатано в ППП “Типография “Наука”, 121099 Москва, Шубинский пер., 6

Contents

Number 4, 2002

Commemorating 100-years anniversary of A.V. Artsikhovskiy (1902–1978) <i>The Editorial</i>	5
The path of a scholar <i>L. A. Belyaev</i>	7
A.V. Artsikhovskii as a head of Chair of Archaeology of History faculty, Moscow State University <i>Yu. L. Shchapova</i>	12
Tell Hazna I: Excavations of 2001 <i>R. M. Munchaev, N. Ya. Merpert</i>	20
The Transition from the Bronze to the Iron Age in the North-West Caucasus (Raising a Problem). Part II <i>V. R. Erlikh</i>	40
Conservancy of Historical Heritage in Russia. History and Problems <i>A. S. Smirnov</i>	50
Field Archaeology in Russia at Present: Results and Prospects <i>I. A. Sorokina</i>	60

Discussions

Illicit excavations and archaeological heritage in Russia. (Proceedings of the Round table held by the Editors and the Editorial board of journal "Rossiyskaya Arkheologiya")	70
---	----

Publications

Casting Moulds from D'yakovo Hillfort <i>N. A. Krenke, E. Yu. Tavlintseva</i>	90
Technological Characteristic of Casting Moulds from D'yakovo Hillfort <i>O. A. Lopatina</i>	111
The Details of Central European Belt-sets of the Roman Epoch on the Dnieper Left Bank Territory <i>V. Yu. Malashev, A. M. Oblomskii</i>	113

History of science

Recollecting A.V. Artsikhovskiy <i>M. D. Poluboyarinova, M. V. Sedova</i>	125
From the memories of A.V. Artsikhovskii <i>V. L. Yanin</i>	128
I.E. Zabelin's Idea on Barrow Structure of Chertomlyk Burial Mound <i>I. V. Yatsenko</i>	131

Notes

On the studies of burial rite of timber-grave culture in the Volga and Don interfluvium <i>Yu. V. Lun'kova</i>	143
Wheel-made pottery from closed association of the 14 th c. at Lyubutsk hillfort <i>I. V. Boldin</i>	149

Critics and bibliography

N.A. Makarov, S.D. Zakharov, A.P. Buzhilova. Medieval settlement on the Beloe lake. Moscow, 2001 <i>E. N. Nosov</i>	151
A.P. Derevyanko, V.T. Petrin, E.P. Rybin, L.M. Chevalkov. Palaeolithic associations of stratified part of Kara-Bom camp. (Will the Altai camp Kara-Bom become Central Asiatic Boker-Tachtit?) <i>V. A. Ranov</i>	155
The phenomenon of the Altai mummies. Editors-in-chief A.P. Derevyanko and V.I. Molodin. Novosibirsk, 2000 <i>V. I. Gulyaev, V.S. Olkhovskii</i>	160
The seasonal economic cycle of the population of North-Western Caspian sea littoral in the Bronze Age. Proceedings of the State Historical Museum. Issue 120. Moscow, 2000 <i>M. A. Ochir-Goryaeva</i>	165
Regepkin A.D. Das frühbronzezeitliche Gräberfeld von Klady und die Majkop-Kultur in Nordwestkaskasien // Archäologie in Eurasien. Band 10. Rahden/Westf. 2000 <i>S. N. Korenevskii</i>	170

Chronicle

Commemorating the eightieth anniversary of Nikolay Yakovlevich Merpert <i>R. M. Munchaev</i>	176
Congratulations for B.A. Litvinsky in connection with awarding him R. Ghirsman Prize <i>The Editorial</i>	181
All-Russia scientific and practical conference "The problems of combating of illicit excavations and illicit trade in archaeological, mineralogical, and palaeontological artefacts." Krasnoyarsk, June 19–25, 2001 <i>V. I. Molodin, N. I. Drozdov</i>	182
International scientific conference "The centenary of chronological system of the Bronze Age in southern part of Eastern Europe by V.A. Gorodtsov." Samara, April 23–28, 2001 <i>P. F. Kuznetsov, O. D. Mochalov</i>	184
In memory of Nadezhda Mikhaylovna Kravchenko (1935–2001) <i>A. A. Yushko, A. M. Oblomskii, N. S. Abashina</i>	186

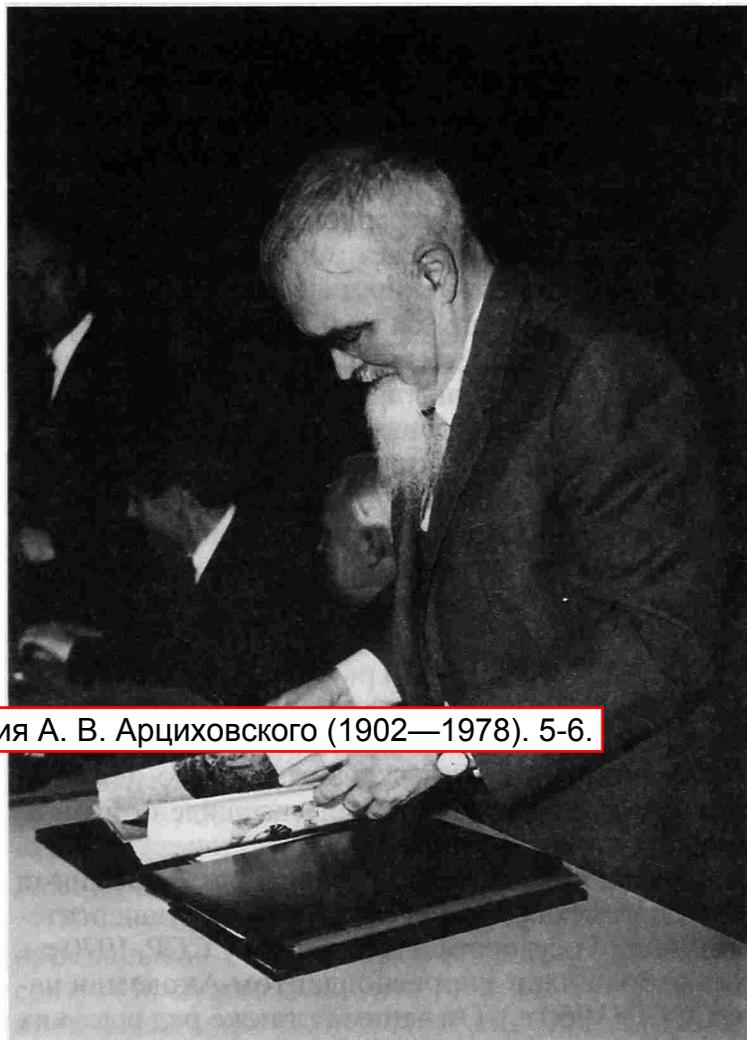
Author Index, 2002	190
--------------------	-----

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А.В. АРЦИХОВСКОГО (1902–1978)

Артемий Владимирович Арциховский – один из основоположников археологии в СССР. С его именем неразрывно связаны многие успехи нашей науки, достигнутые в середине XX в. в России и союзных республиках. Убежденный сторонник историзма, А.В. Арциховский вошел в науку в самый разгар споров о роли и задачах марксистской археологии. Именно он образно выразил основную тенденцию молодой дисциплины, определив ее как “историю, вооруженную лопатой”. Специалист в области славяно-русской археологии, он обладал глубокими познаниями во многих областях науки о древностях и принял на себя тяжелое бремя создания общей картины истории человеческого общества, какой она рисуется по материальным остаткам. Осмысленная с позиций материалистической философии, эта картина была представлена им в курсе общей археологии от происхождения человека до позднего средневековья – работе, носившей, несомненно, первопроектный характер. От редколлегии. К 100-летию со дня рождения А. В. Арциховского (1902—1978). 5-6.

А.В. Арциховский был человеком, глубоко преданным научному знанию, и невозможно описать его путь как жизнь частного лица, вне связи с развитием российской археологии. Он родился 26(13) декабря 1902 г. в Петербурге (отец – известный ботаник В.М. Арциховский, мать – врач), учился в Новочеркасске, а затем – в Московском университете (1922–1925 гг.). Его учителями стали виднейший археолог В.А. Городцов, историки М.В. Фриче и М.Н. Покровский. Защитив в 1929 г. диссертацию “Курганы вятичей”, вскоре (1930 г.) опубликованную, он обобщил материал русских древностей XI–XIV вв. и ввел в науку источниковедческую методiku, основанную на принципах математической статистики. Одновременно Артемий Владимирович начал педагогическую работу, читая в МГУ специальный курс славяно-русской археологии (с 1928 г.) и руководил отделом археологии эпохи феодализма в Государственном Историческом музее (с 1929 г.).

Полевые археологические исследования А.В. Арциховского были связаны с изучением курганов Подмосквья, с первым широкомасштабным опытом раскопок позднесредневекового русского города на новостройках (первая очередь Московского метрополитена) и, главное, с историко-археологическим изучением Новгорода Великого. Работы в Новгороде и открытие берестяных грамот (1951 г.)

принесли ему мировую известность и позволили создать старейшую из существующих постоянных экспедиций, изучающих русское средневековье. В составе Новгородской экспедиции А.В. Арциховский сумел объединить коллектив талантливых ученых, главным образом своих учеников. На новгородском материале присущий Артемию Владимировичу синтетический подход проявился в начатом им многотомном комментированном издании берестяных грамот. Труды экспедиции стали поистине энциклопедическим изданием по славяно-русской городской археологии, а сам Новгород – ее эталонным памятником.

Комплексный подход к источникам включил в круг интересов А.В. Арциховского проблемы нумизматики и геральдики, прикладного искусства и древнерусских миниатюр, анализу которых он посвятил докторскую диссертацию (“Древнерус-

ские миниатюры как исторический источник”, 1940, опубликована в 1944 г.).

Неоценим вклад А.В. Арциховского в преподавание археологии. Вся жизнь А.В. Арциховского была связана с Московским университетом. Став его профессором (1937 г.), он с момента образования на Историческом факультете кафедры археологии (1939 г.) до дня кончины оставался во главе ее, заложив основы подготовки профессиональных кадров. Базой подготовки служило сочетание широкого гуманитарного образования, охватывавшего весь объем мировой культуры (в том числе словесность и пространственные искусства) – с включением студентов и аспирантов в практику научного поиска и преподавания им практических навыков “археологического ремесла”. Неотъемлемыми частями подготовки считались владение современными и знакомство с древними языками, а также полное освоение трудов предшественников и навыков работы с ними: курс “Историография археологии”, читавшийся Артемием Владимировичем, не только помогал изучить наследие науки, но и внушал уважение к дореволюционной традиции. Блестящий лектор, внимательный педагог, разносторонний ученый, А.В. Арциховский оказал формирующее воздействие и на прямых учеников, и, опосредованно, на всех успешно работающих сегодня археологов. Не будет преувеличением назвать нынешнюю московскую археологическую школу именно “школой Арциховского”.

За свою педагогическую и научную деятельность А.В. Арциховский был награжден орденом Дружбы народов, орденом “Знак почета” (дважды), медалями, наиболее почетными премиями (Ломоносовская премия Московского университета, 1966 г.; Государственная премия СССР, 1970 г.), был избран член-корреспондентом Академии наук СССР (1960 г.). Он занимал также ряд высоких научных постов (в 1952–1957 гг. – декан исторического факультета МГУ; с 1956 г. – главный редактор журнала “Вестник Московского университета (серия: История)”, и др.).

Память об Артемии Владимировиче особенно дорога и близка нам потому, что именно он стал первым главным редактором нашего журнала, в то время (1957 г.) основного, по сути, единственного общегосударственного периодического печатного органа отечественной археологии. Журнал давал возможность публикации основных открытий и теоретических разработок, а также служил трибуной для весьма острых дискуссий (например, известная в свое время дискуссия о

новгородской хронологии). А.В. Арциховский оставался на посту главного редактора вплоть до смерти и внес важный вклад в разработку структуры и научного профиля журнала, который в свою очередь существенно повлиял на развитие нашей науки, сформировав мировоззрение нескольких поколений специалистов. Сотрудники редколлегии, помнящие “эпоху Арциховского”, вспоминают о нем с неизменной теплотой и вполне понятным пиететом, рассказывают о том особом стиле работы, который был принят при нем: стиле, основанном на прекрасном владении главным редактором практически всей областью тогдашнего археологического знания. Артемий Владимирович неизменно сам прочитывал все поступающие в портфель статьи, а феноменальная память и необъятная широта накопленных знаний позволяла ему составлять суждение по предметам, под которым охотно подписался бы и узкий специалист. Именно благодаря ему журнал в первые же десятилетия существования приобрел практически неоспоримый авторитет, и опубликовать в нем статью стало высокой честью для каждого отечественного археолога.

В преддверии столетнего юбилея выдающегося ученого редколлегия и редакционный совет “Российской археологии” сочли своим священным долгом отдать дань памяти и уважения нашему общему учителю и первому редактору журнала. В этом номере значительное место отведено теме борьбы за охрану археологического наследия и началу дискуссии о современном состоянии археологии в России – науки, которой А.В. Арциховский посвятил всю свою жизнь. Кроме того, ему посвящается специальный монографический раздел, авторы которого взяли на себя смелость с разных сторон осветить сложный и яркий облик Артемия Владимировича Арциховского – человека и ученого¹.

¹ Характеристику жизни и трудов А.В. Арциховского, а также полный список публикаций его работ см.: Историко-археологический сборник (к 60-летию А.В. Арциховского). М., 1962 (список трудов составлен Яниным В.Л.); Новое в археологии (сборник к 70-летию А.В. Арциховского). М., 1972; Артемий Владимирович Арциховский. Библиографический указатель. М., 1973; Авдусин Д.А. А.В. Арциховский как археолог // Вестник Московского университета. 1978. Сер. История. № 6; Формозов А.А. Следопыты земли Московской. М., 1988. Мы ожидаем, что к этому добавятся также материалы конференции, посвященной 100-летию ученого и проведенной в Новгороде осенью 2002 г.

ПУТЬ УЧЕНОГО

© 2002 г. Л. А. Беляев

В глазах нескольких поколений советских ученых Артемий Владимирович Арциховский был (и, отчасти, остается) истинным культурным героем их науки. Как образ всякого культурного героя, образ Артемия Владимировича цельный, – и в то же время многогранный. Его личность была монолитна, но внутренне сложна и противоречива (что, возможно, и вызывало к жизни те странности, о которых складываются уже легенды). Он виделся ученикам кафедры и вообще студентам (а именно они составляют главную часть его “наследия”, к которому причисляет себя и автор статьи¹) каким-то набором противоположных, почти несовместимых качеств: был одновременно наивным и житейски мудрым; решительным и осторожно-предусмотрительным (почти как человек в футляре); забавным и величественным. Он запомнился (как и подобает культурному герою) персонажем бесчисленных устных рассказов и анекдотов, но одновременно сохранил лицо официально-официозное. Самоотверженный ученый сочетался в нем с “политкорректным” администратором, не без успеха делающим карьеру и ведущим корабль созданной им кафедры через все бюрократические и идеологические препоны. Человек широкого, энциклопедического склада ума – Артемий Владимирович не чужд был пристрастных оценок, даже фобий, и нетерпимости – например, естественной, может быть, в пережившем две русско-германские войны германофобии, девизом которой служило его знаменитое (и совершенно справедливое), почти на крике: “Шлиман был авантюристом!”.

А.В. Арциховский стал наиболее полным олицетворением положительных сторон советской археологии – недаром он стоял у ее истоков и сошел со сцены вместе с нею (его смерть в 1978 г. хронологически предшествовала падению советского строя, но в развитии науки 1970-х гг. конец старой парадигмы был уже очевиден). Он пришел в науку в эпоху поистине революционную. Только что совершилась Октябрьская революция, в России начался период, который сейчас называется советским, и с которым судьба Артемия

Владимировича оказалась неразрывно связанной. Одновременно в мире происходила и другая, менее заметная, но не менее важная для нас “вторая археологическая революция”: молодая наука прокладывала себе пути из области естественных наук, этнографии и истории классического искусства, окончательно расставалась с “антикваризмом” и обретала собственное лицо. Нельзя забывать и того, что человечество стояло на пороге общей научно-технической революции. Так что строительство археологии в стране “победившего Октября” можно рассматривать как одну из бесчисленных троп, по которым ученые вели мир в новое столетие. В СССР эта тропа оказалась особенно, по-русски, извилистой. Попытки превратить ее в прямое шоссе (марксизма, марризма и К^о) или пройти напрямик, вообще без дороги, приводили в тупики, из которых приходилось выбираться с немалыми усилиями. Не сбиться с дороги, не заблудиться, пройти самому и провести других было в постреволюционной России немислимо, нереально сложно. Немногие обладали тем “внутренним компасом”, который один, по видимому, способен выручить в подобных обстоятельствах, – в археологии к ним принадлежал А.В. Арциховский.

Конечно, найти свою дорогу, одновременно прокладывая ее для науки в целом, удалось не сразу. Но нужно отметить, что для роли первопроходца в мире знаний Артемий Владимирович обладал хорошей стартовой позицией. Несмотря на то, что в 1917 году ему было всего 15 лет, он успел впитать ту атмосферу внутренней свободы, фрондерства и общественного вызова, которая была свойственна университетской среде и удивительным образом сочеталась у тогдашней профессуры со своеобразным культурным позитивизмом, преданностью Науке, стремлением сохранить и преумножить положительное знание. А.В. Арциховский родился 26(13) декабря 1902 г. в семье “естественников”: его мать была врачом, отец – профессором ботаники, которого политическая деятельность заставила переехать из Петербурга в Новочеркасск и принять кафедру в политехническом институте. В этом городе Артемий Владимирович окончил гимназию – что, благодаря врожденной великолепной памяти, создало фундамент классического образования, которого были лишены многие его сверстники – и поступил в институт, где преподавал отец. Однако, по оконча-

¹ Автор ни за что не взялся бы за написание этой статьи, если бы не сохранил собственных воспоминаний о “позднем” Арциховском и не был поддержан знатоком историографии А.А. Формозовым, который предоставил для написания собственные воспоминания и разработки. Пользуюсь случаем от всей души поблагодарить его.

нии Гражданской войны, он продолжил образование уже как историк, сначала (до 1922 г.) в Археологическом институте, а затем на факультете общественных наук МГУ, где была открыта кафедра археологии. Руководитель кафедры и признанный глава московской археологической школы В.А. Городцов стал его учителем наряду с видным историком и археологом Ю.В. Готье. Направления, представляемые этими учеными, сосредоточенность на анализе вещей Городцова и историко-археологический подход, естественный для изучения средневековья и свойственный Готье – во многом определили систему взглядов и метод А.В. Арциховского. Однако совсем молодого тогда ученого влекла и методология марксизма – сравнительно нового и, как казалось многим, ошеломляюще свежего направления в общественных науках. Его приходилось изучать в той форме, какую предложила эпоха – в форме “вульгарного марксизма” (то есть не фундаментального философского учения, а его “прикладной” модификации, своего рода “идеологической отмычки”, с помощью которой рассчитывали “запросто” открыть законы развития всех вообще областей духовной и социальной жизни).

А.В. Арциховский работает в семинаре М.В. Фриче (литературоведа, написавшего также ряд плакатно-ярких, образцовых для своего направления работ по истории искусства) и Обществе историков-марксистов Н.М. Покровского, возглавившего всю вообще переработку русской истории в духе вульгарного марксизма, начатую еще до революции. Он ищет, каким образом соединить марксистское социологизаторство с археологией и, в частности, системным изучением вещей. Вклад А.В. Арциховского в утверждение советской археологии именно как исторической (а не, скажем, антропологической или этнологической) дисциплины чрезвычайно велик: известное определение археологии как “истории, вооруженной лопатой” было сформулировано А.В. Арциховским очень рано, уже в 1920-х гг. Однако в нем просыпаются впитанный с детства пиетет к точным наукам и первые шаги “политехнического” образования: ему близки те методы, которые традиционно называются у нас “новыми”, то есть методы точных и естественных наук. Он предпочитает считать, а не просто рассуждать. Отсюда – и первые научные работы, посвященные возможности интерпретации орудий земледелия как индикаторов общественного устройства (“Социологическое значение эволюции земледельческих орудий”, 1927, и др.), появляющиеся в период обучения в аспирантуре (с 1925) только что созданного РАНИОН, где надеялись формировать кадры будущих ученых-марксистов. Здесь он успевает подготовить и защитить (1929 г.) диссертацию “Курганы вятичей”, в которой, применяя математическую статистику, обобщает материал древ-

нерусских погребений XI–XIV вв. Опубликованное в 1930 г., это исследование А.В. Арциховского надолго стало “культовой” книгой многих археологов, во многом сохраняющей значение образца и сегодня. Артемий Владимирович сразу стал широко известен коллегам, перед ним открывалась блестящая университетская карьера.

Но на рубеже 1930-х гг. политическая ситуация, которая не раз вносила коррективы в жизненные планы Артемия Владимировича, резко изменилась. Сталинский режим затронул и науку: были закрыты РАНИОН (служивший прибежищем для части старой профессуры) и этнологическое отделение (бывший факультет общественных наук) МГУ, прошли политические процессы и ссылки ученых-историков. В “марксистском” изучении материальных древностей (само название “археология” становится одиозным и почти запрещено) инициативу перехватил петербургский ГАИМК, во главе которого стояли такие представители вульгарного марксизма, по сравнению с которыми Фриче выглядел дореволюционным салонным краснобаем. А.В. Арциховского, вчера еще считавшегося образцовым марксистом, критикуют за пристрастие к формальному вещеведению. Однако, потеряв на время возможность преподавать в МГУ, Артемий Владимирович получил возможность занять один из ключевых постов в Государственном Историческом музее, где он активно работает с 1929 г. над перестройкой экспозиции по одной из “формаций” – феодализму.

Одновременно Артемий Владимирович продолжал разработки в сфере исторической археологии, основанные на анализе вещей. Его всегда привлекала проблема извлечения дополнительной информации об орудиях труда путем математического обсчета их рабочих элементов и возможность дальнейшего использования этой информации для установления соответствия между получающимися моделями и социально-экономическими ситуациями. Первая проблема решалась путем анализа свойств таких базовых орудий древности, как топоры, серпы и плуги; попытку решения второй А.В. Арциховский сделал в ключевой статье “Археологические данные о возникновении феодализма во Владимиро-Суздальской земле” (1935), где применил метод прямых историко-социологических построений (в духе опытов ГАИМК) на основе орудий.

Необходимо отметить, что А.В. Арциховский достаточно рано увидел недостатки идеологической догматики в науке и опасность ее прямолинейного переноса в исследования, свойственную ранней советской археологии. Вскоре он охладевает к вульгарному марксизму, но благополучно избегает и всеобщего (впрочем, не всегда добровольного) увлечения учением академика Н.Я. Марра. Собственная концептуальная позиция А.В. Арциховского лежит в иной части спектра: убежден-

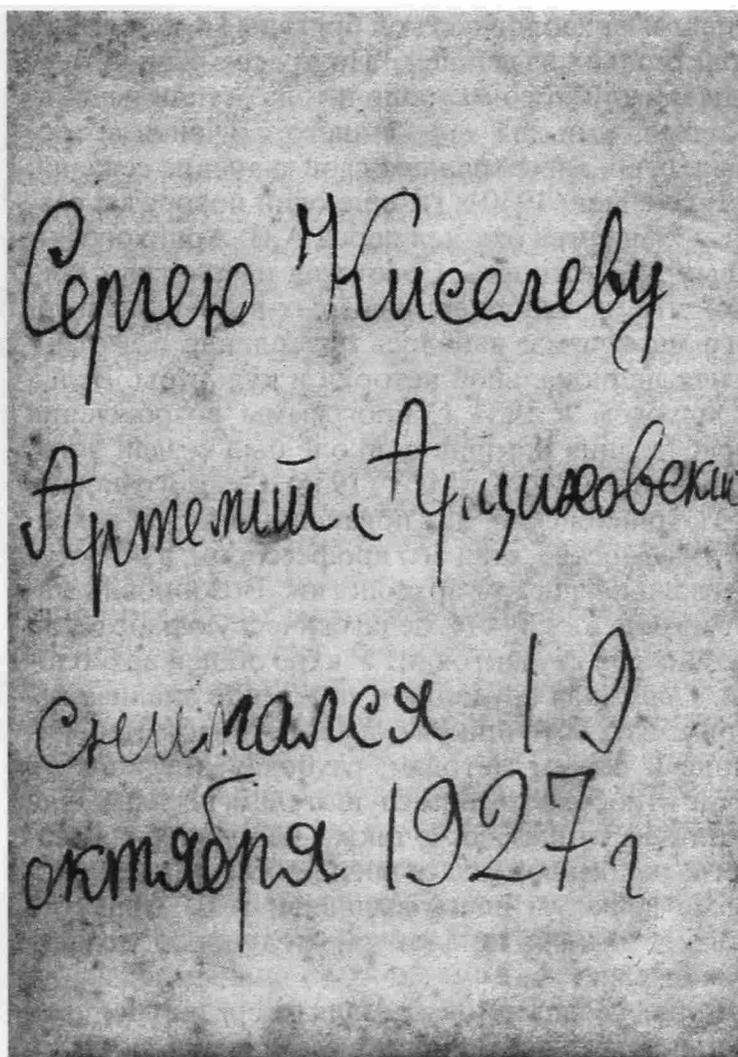
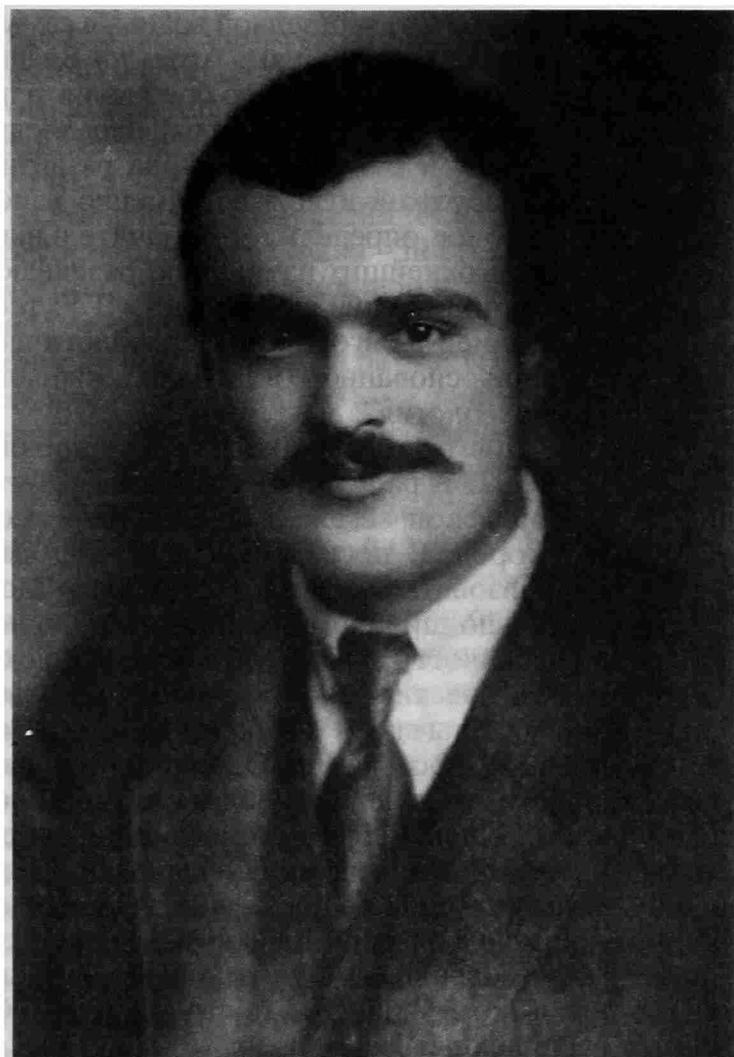

Фото из личного архива С.В. Киселева

ный автохтонист, он склонен видеть этносы исключительно цельными, раз и навсегда состоявшимися; преувеличивать роль местной культурной традиции, возможность опоры на собственные силы и преэминентность в развитии России. Именно этот подход (в какой-то степени продолжение его стойкого, упрямого патриотизма) вскоре окажется востребованным – пока же Артемий Владимирович с определенным успехом противопоставляет идеологической догме свойственный ему здравый смысл и своеобразный эмпиризм научного подхода.

С начала 1930-х гг. эмпирическое, в сущности, экстенсивное направление исследований становится главным фактором стабильности и прогресса в археологии СССР. Как раз теперь А.В. Арциховский использует возможность шире включиться в полевую деятельность, которую получает после ликвидации РАНИОН и образования московского отделения ГАИМК (действительным членом которой он станет позже, в 1935 г.). Важнейшими шагами были раскопки в Новгороде и большой археолого-урбанистический проект в Москве: работы 1933 г. на Метрострое. Оба начинания имели широкие перспективы, но на первых порах московский проект выглядел более престижным: он был

прямо связан с одной из ведущих строек индустриализации и с формированием нового имиджа столицы мирового пролетариата. Материалы работ обнадеживали: открылись городские некрополи с белокаменными надгробиями, деревянные срубы жилищ и мастерских, клады монет, оружия и украшений, целые залежи керамической посуды. Хотя роль исследователей ограничивалась надзором, – культурный слой прорезался сразу на всю глубину, поэтому удалось быстро выявить его основные характеристики. Казалось, именно А.В. Арциховский, безусловно считавший себя москвичом, искренне любивший и знавший столицу России, должен возглавить ее дальнейшие исследования. Но вскоре обнаружились многочисленные неудобства работ в Москве, где мало домонгольских древностей (массу находок составляли вещи XVI–XVII вв.), слой испорчен строительством XIX–XX вв., а древние районы, особенно Кремль, закрыты для научных раскопок. Тем не менее, работы в Москве стали первой попыткой сочетать интересы науки и строительства, имевшей самое широкое (пусть и неоднозначно оцениваемое) продолжение. Кроме того, статья Артемия Владимировича и материалы возглавля-

емой им “археологической бригады” в сборнике с характерным названием “По трассе первой очереди московского метрополитена” стали основополагающими для дальнейшего изучения археологии города и сохраняют свое значение сегодня.

В середине 1930-х гг. еще один поворот в развитии общества открыл перед А.В. Арциховским новые возможности. Советская идеология стала отходить от наиболее одиозных ветвей вульгарного марксизма; началось потепление и в отношении национальной истории и культуры. Вслед за выходом в 1934 г. программы возрождения преподавания истории в школе был создан исторический факультет МГУ (1936). С самого начала А.В. Арциховский, как признанный лидер археологии в Москве, стал его профессором, а в 1939 г. возглавил кафедру археологии. Возобновив начатую еще в 1920-х гг. педагогическую работу, он готовит для студентов МГУ курс общей археологии. Огромная эрудиция и сочетание анализа исторических источников с археологическими, внимание к новым методам, глубокая преданность науке и любовь к своим слушателям, вызывавшая ответную симпатию, а также неординарная, навсегда запоминающаяся внешность (и даже некоторые дефекты речи) выделяли А.В. Арциховского из отнюдь не блеклой среды преподавателей истфака.

Существенные последствия для развития творчества Артемия Владимировича имел поворот Советской власти сперва к умеренному, а затем, по мере нарастания военной угрозы и с началом войны, ко все более откровенному почвенничеству. Благодаря ему возникают такие проекты, как фильм “Александр Невский”, в котором А.В. Арциховский выступал одним из консультантов. Именно со второй половины 1930-х гг. все настойчивее звучит в трудах Артемия Владимировича тема духовной культуры, возобновляются попытки прорвать запрет на изучение древнерусской церковной культуры, наиболее важной для средневековья, с которым ему ранее поневоле приходилось мириться. В своей докторской диссертации “Древнерусские миниатюры как исторический источник” (опубликована в 1944 г.) он вернул в научный оборот миниатюры к житиям и летописям, отчасти выведя их из-под удара, нанесенного по изучению церковной живописи атеистической идеологией. Правда, его метод был тем же, что при работе с вещами: миниатюры выступали как прямые носители исторической информации, вопрос об их иконографической интерпретации вообще не ставился, что излишне упрощало выводы и, главное, ограничивало их достоверность. Однако именно эта работа положила начало целой серии исследований древнерусской миниатюры (в основном, к сожалению, уступавших книге А.В. Арциховского в ясности и строгости поставленной задачи, а также в результативности).

В годы Великой Отечественной войны, в самые страшные дни обороны Москвы, Артемий Владимирович воевал в рядах народного ополчения, а по окончании войны сосредоточил усилия, параллельно Н.Н. Воронину и Б.А. Рыбакову, на развитии изучения древнерусской культуры. Именно в послевоенный период определился окончательный успех трех его важнейших начинаний, развивающихся и сегодня: кафедры археологии МГУ; тесно связанной с ней Новгородской археологической экспедиции; основанного в 1957 году журнала “Советская археология”.

Изучение Новгорода Великого А.В. Арциховский начал в 1929 г. работами на сельских памятниках Новгородской земли, в 1932 г. перенесся раскопки в город. В послевоенный период ему удалось организовать раскопки культурного слоя города предельно широкими площадями, что исключило случайность выбора объектов и позволило археологически реконструировать целые усадьбы и кварталы вдоль улиц с их знаменитыми многоярусными мостовыми. Одновременно велась разработка вещевой хронологической шкалы, а также изучение всего объема материалов методами естественных наук (такими, как дендрохронологический). Анализ замкнутых в пределах конкретных построек вещевых комплексов привел к определению их функций, к выделению жилых домов, хозяйственных построек, разнообразных ремесленных мастерских.

Археологическое исследование Новгорода с самого начала мыслилось как комплексное, включавшее анализ источников разных видов (в том числе письменных) присущими им методами. Такой подход, направленный на изучение взаимосвязей всех открывающихся при раскопках древностей во времени и пространстве, имел результатом реконструкцию динамики развития усадеб, кварталов, улиц и города в целом. Прославившее имя А.В. Арциховского открытие первых берестяных грамот (1951 г.) чрезвычайно точно совпало с той системой главных методических направлений работы Новгородской экспедиции, которые во многом сохраняют значение и сегодня. Этот принципиально новый вид источника, сочетающий свойства археологического и эпиграфического объекта, требовал для полного анализа именно комплексного подхода, при котором археология и связанные с ней естественнонаучные методы отвечают за реконструкцию культурного контекста, а эпиграфика, текстология, филология, лингвистика и др. родственные дисциплины – за анализ собственно текста. Берестяные грамоты были изначально оценены не просто как еще одна группа письменных источников, и не только как свидетельство широкого распространения грамотности в древней Руси, но как “точка встречи”, ключевой пункт объединения материалов археологии с данными письменных источников. Задача

синтеза этих данных легла в основу новой программы научных исследований, изложенной в итоговой, важнейшей в методологическом отношении статье А.В. Арциховского “Археологическое изучение Новгорода” (1956).

В творческом наследии А.В. Арциховского Новгородская экспедиция – постоянно действующая, обладающая устойчивой научной традицией и не уступающая крупнейшим мировым экспедиционным проектам ни по размаху, ни по научному уровню, ни по результатам – занимает первостепенное место. Однако она вряд ли могла сложиться без той опоры, которой стала возглавленная А.В. Арциховским кафедра археологии МГУ. Экспедиция и Кафедра – из числа главных, краеугольных камней, на которых держалось во второй половине XX в. (и успешно опирается до сих пор) здание отечественной археологии. В общегосударственном масштабе не менее важным шагом в деятельности А.В. Арциховского стало создание и руководство (1957–1978 гг.) первым в нашей стране ежеквартальным академическим журналом по археологии, наследником которого является нынешняя “Российская археология”.

Вклад А.В. Арциховского в подготовку молодых археологов и развитие археологии как университетской науки огромен. Вся его жизнь, со студенческих лет до последних дней, оказалась связанной с МГУ. Ему принадлежат основные учебные пособия по общей археологии. Первый печатный курс (“Введение в археологию”, 1940) совмещал главы по зарубежной археологии и отечественным древностям; в нем давалась единая система знаний по первобытной, античной и средневековой археологии (при этом проблемы русской и мировой истории излагались на материалах СССР, Западной Европы и Ближнего Востока в рамках парадигмы марксизма). В послевоенные годы А.В. Арциховским был составлен единый для СССР университетский учебник “Основы археологии”, который стал неразлучным спутником студентов-археологов (и ночным кошмаром для остальных первокурсников). Хотя учебник писался по заданию правительства и не вполне отвечал собственным творческим планам ученого, результат обрел значение образца: общая структура труда, присущие ему предельная сжатость, информативная насыщенность – неизменно воспроизводились в учебниках по археологии СССР и России, вышедших позже (курс Д.А. Авдусина и др.).

В лекциях и семинарах А.В. Арциховский прививал студентам привычку к тщательности и скрупулезности, был придирчив к оформлению научного аппарата (что многие из нас не раз вспомнили позже добрым словом). Он стремился сформировать у нас широту взгляда и любовь к вещам, которые требовал изучать в самом широ-

ком хронологическом и географическом диапазоне. Именно через лекции и рассказы А.В. Арциховского студенты соприкасались с научной традицией конца XIX – начала XX в., с наследием блестящего этапа дореволюционной русской археологии. В курсе “Историографии археологии” он с неизменным уважением вспоминал о В.В. Городцове, А.В. Спицыне, И.Е. Забелине и многих других, уделяя лишь необходимый минимум “марксистской оценке буржуазных концепций” (юношеское увлечение “марксистской археологией” как таковой в послевоенном творчестве А.В. Арциховского перешло в неизбежную для того времени внешнюю демонстрацию следования официальному идеологическому курсу). Кроме того, Артемий Владимирович был разносторонним, “универсальным” гуманитарием; прекрасно разбирался в мировой культуре, изобразительном искусстве и поэзии, а его феноменальная память позволяла составлять в уме целые антологии из стихов классиков.

Заслуги А.В. Арциховского были признаны государством. Однако память коллег, учеников и сотрудников отводит ему в науке место гораздо более высокое, чем обозначенное официальными свидетельствами. Артемию Владимировичу судьба предназначила стать одним из тех людей-мостов, которые, через пропасть нескольких десятилетий войн, революций и диктатур, соединили культуру и науку России конца XIX – начала XX в. с современностью, сделав нас, хотя бы отчасти, преемниками и наследниками традиций дореволюционного общества. Эту нелегкую миссию А.В. Арциховский, подобно Д.С. Лихачеву и другим хранителям традиции, выполнял до конца, тщательно оберегая российскую археологию и университетскую науку от возможных идеологических и организационных ударов. Артемию Владимировичу и его сверстникам приходилось отступать под напором власти, идти на трудные компромиссы с нею, и на еще более трудные – со своим внутренним миром. Но он никогда не отступал в главном, что составляло смысл и содержание его жизни – в служении Науке. Дух этого служения воспринят его учениками, он сохранился там, где работал Артемий Владимирович – на Кафедре, в Новгородской экспедиции, и, хотя бы отчасти (льстим себя надеждой) в нашем журнале.

Легко заметить, что публикуемые сегодня оценки не так уж отличаются от тех, что высказаны почти 25 лет назад в некрологе А.В. Арциховскому. Это значит, что вихрь очередной русской смуты не замутил образа Артемия Владимировича как яркого и положительного, не затемнил и не стер его. Это – одна из высших возможных оценок для любого, кто работает на ниве науки и просвещения.

А.В. АРЦИХОВСКИЙ ВО ГЛАВЕ КАФЕДРЫ АРХЕОЛОГИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

© 2002 г. Ю. Л. Шапова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

В холодный февральский день 1978 г. археология, тогда еще советская, просталась со своим патриархом, Артемием Владимировичем Арциховским. Он погребен на центральной аллее Немецкого (Введенского) кладбища, рядом с родителями и сестрами. Славный род Арциховских пресекается. Правда, некоторые потомки по женской линии носят эту фамилию поныне. (Поныне – одно из любимых слов А.В., которое он с удовольствием писал в анкете: заведующий кафедрой археологии, 1939–поныне, начальник Новгородской экспедиции, 1932–поныне и т.д.)

Три высоких стелы над могилами видны издали. На стеле из красного гранита высечено семилопастное вятичское височное кольцо – так сложилось, что оно сопровождало и хранило Артемия Владимировича всю жизнь, став его символом и оберегом. Оно изображено на обложке и титульном листе его первой книги “Курганы вятичей”, этим знаком отмечены сборники работ учеников и коллег, изданных к его юбилеям; увеличенная отливка кольца была поднесена в день его семидесятилетия (теперь она хранится на кафедре). Вятичским кольцом (правда, пятилопастным ажурным) была отмечена обложка журнала “Советская археология” (1957 г.). Став в 1992 г. “Российской археологией” и многократно сменив формат, цвет обложки, правила оформления рукописей и даже язык резюме (с французского на английский), она эмблему сохранила (стиль журнала меняется, но сохраняется главное: новизна, актуальность, непредвзятость, информационная насыщенность – и височное кольцо свидетельствует о том).

Когда-то над гробом А.В. Городцова Артемий Владимирович сказал: “кончилась жизнь Василия Алексеевича. Начинается научное бессмертие”. Эти слова с полным правом повторил над гробом А.В. Арциховского его ученик Д.А. Авдусин. Говорят, что человек за земную жизнь должен воспитать сына, построить дом и посадить дерево. Не имея собственных детей, Артемий Владимирович воспитывал и растил учеников. Ученики бывают разные: одни слушают только лекции, другие слушают лекции и работают в семинаре, третьи пишут дипломную работу. В год его кончины состоялся 39 выпуск кафедры, число окон-

чивших ее достигло 477 человек; за следующую четверть века к ним прибавилось еще триста – это ученики учеников, следовательно, внуки, ученики в полном смысле – это аспиранты и соискатели. Из 16 кандидатов наук, под руководством Артемия Владимировича подготовивших и защитивших диссертации, почти все стали докторами наук, двое – членами Академии наук, многие отмечены наградами и премиями, получили и признание в отечестве и за рубежом. Темы были разными, традиционными археологическими, нумизматическими (С.А. Тараканова, Л.А. Голубева, А.Л. Монгайт, Г.Б. Федоров, М.Г. Рабинович, С.А. Изюмова, Б.А. Колчин, А.А. Коновалов, Ю.Л. Шапова), политизированными, как варяжский вопрос по археологическим данным (Д.А. Авдусин); часто работы были связаны с этногенезом славян (Т.Н. Никольская, В.В. Седов), историей, археологией и культурой Новгорода (П.И. Засурцев, А.Ф. Медведев, В.Л. Янин). Артемий Владимирович не завидовал успехам учеников, он им радовался и, мне кажется, гордился ими. В работах учеников Артемия Владимировича получила развитие его идея соединить археологию с историей. Самый талантливый и самый яркий из них, академик В.Л. Янин, лауреат всех возможных премий и кавалер многих орденов, продолжил дело учителя.

Посадил ли Артемий Владимирович дерево? Посадил, и не одно. Это легендарные археологические экспедиции: Новгородская, подмосковные (Звенигородская, Беседская, Царицынская), “По трассе первой очереди московского метрополитена” и другие, организацию или работы которых он поддерживал как заведующий кафедрой и декан факультета. Построил Артемий Владимирович и дом: я говорю, конечно, о кафедре археологии МГУ (метафору “кафедра – дом” хорошо развил В.Л. Янин в статье, посвященной ее 60-летию).

Основы преподавания археологии в Московском университете заложили В.А. Городцов и Ю.В. Готье; в 1920-е гг. на факультете общественных наук I МГУ существовало археологическое отделение. Его студентами были А.В. Арциховский, С.В. Киселев, Б.А. Рыбаков, последний своим учителем считал Арциховского. Действительно, Б.А. Рыбаков слушал его лекции, под его

руководством писал дипломную работу, был его аспирантом. Все названные ученики В.А. Городцова преподавали позже на кафедре, к ним позднее присоединились В.Д. Блаватский, М.В. Воеводский, Б.Н. Граков, на некоторое время А.Я. Брюсов, В.И. Громов, А.П. Смирнов. Затем кафедра взрастила следующее поколение профессоров: Д.А. Авдусин, Л.Р. Кызласов, позже В.Л. Янин, Г.А. Федоров-Давыдов, Ю.Л. Шапова, и еще одно: Е.А. Рыбина, А.С. Хорошев, Н.В. Рындина, Н.Б. Леонова. Доцентов на кафедре всегда было непропорционально мало, один-два (сейчас как раз один, А.Р. Канторович, ученик доцента И.В. Яценко, которая проработала на кафедре почти 35 лет).

“Подготовка к профессорскому званию” (как говорили в старые годы) – одна из главных функций кафедры, наряду с подготовкой археологов-практиков, музейных работников и специалистов в области охраны памятников. Выпускники кафедры успешно работают в столичных и российских вузах, научных учреждениях ближнего или дальнего зарубежья. Все это оказалось возможным благодаря избранной стратегии обучения, совмещавшей широкое общее образование, овладение иностранными языками и глубокое освоение методов научной работы. В МГУ, благодаря Артемию Владимировичу, программа подготовки археологов стала в лучшем смысле традиционной: она сохранила связь времен, используя опыт археологического отделения и старой профессуры в целом. Были сохранены основные (“камень”, “бронза”, “железо”, античность) и специальные курсы, семинары, полевая практика. Позднее к ним добавили новые курсы, в частности, историография археологии, которую Артемий Владимирович читал каждый год, после его кончины – Г.А. Федоров-Давыдов, а в настоящее время читает Е.А. Рыбина.

Особое место в программе занимал археологический семинар Артемия Владимировича. Студенты работали в нем охотно, с увлечением. Он преследовал две цели: во-первых, научить работать с вещами: рисовать их, описывать, подбирать аналогии и составлять типологические ряды. Артемий Владимирович приветствовал каждую оригинальную мысль, развивавшую и обогащавшую методику изучения древних вещей (но избегал слова “вещеведение”, которое тогда считалось “буржуазным”). Во-вторых, в семинаре учили работать с научной литературой по археологии: различать публикации и исследования, сборники статей и монографии, пользоваться словарями, энциклопедиями и справочниками, причем не только русскими. (Артемий Владимирович со страстью повторял, что археолог должен знать не менее двух из ведущих тогда языков археологии: обязательно французский и, по выбору, немецкий или английский, только входивший в моду). Са-

мым притягательным свойством семинара было ощущение полной свободы в движении от незнания к знанию: позволялось искать свой, как казалось, единственно верный путь в науке; позволялось считать, что так называемые предшественники, особенно буржуазные, редко бывали правы, по причине незнания исторического материализма и теории формаций. Этот педагогический прием создавал иллюзию самостоятельности, главный же итог работы был в другом: студент привыкал к мысли, что археология требует глубокого погружения в предмет и полной сосредоточенности; что для занятия археологией необходимо знание этнографии и географии, древней истории и искусствоведения, знакомство с палеозоологией и палеоботаникой, геологией и почвоведением, а также занятия технологией, поскольку этого требовал типологический метод.

Семинар был замечательный, он и сейчас существует на кафедре, правда, в несколько измененном виде, под названием типологического. Его участники, как и полвека назад, готовят доклады по истории одной из категорий вещей (меч, стрелы, шлем, топор и др.). Поиск собственного пути не стал менее актуальным, но большое значение приобрели: формирование верных представлений об объеме и качестве достигнутого в области методики работы с вещами; умение правильно понимать и строго различать археологию описательную, аналитическую, историческую и др.; освоение ряда методов, приемов и подходов неархеологического происхождения и характера.

В дополнение к типологическому семинару возник семинар по источниковедению (руководит им Л.Р. Кызласов), где студенты готовят обзорные доклады на общие темы (происхождение и ранняя история земледелия, скотоводства и т.д.). Кроме того, в программу подготовки вошел специальный курс “Естественнонаучные методы в археологии”, который вот уже более тридцати лет читает Ю.Л. Шапова (начинал его, под названием “Новые методы”, Б.А. Колчин). Утверждению новых методов способствовали спецкурсы по статистическим методам в археологии, основам антропологии, археологии окружающей среды и др., читавшиеся по предложению членов кафедры, сотрудников академических институтов и столичных музеев. Появилась и новая форма занятий: тематические семинары (новгородский, смоленский, скифский с античной компонентой, семинары по морфологии древностей и истории древних производств). Это неформальные центры притяжения, которые восполняют нехватку профессионального общения. Нередко заседания семинаров превращаются в праздник; велик бывает съезд коллег в те дни, когда с докладами выступает руководитель новгородского семинара, В.Л. Янин, А.А. Зализняк и другие российские и зарубежные гости. Развитие семинарской работы

и повышение внимания к методам и исследовательским алгоритмам, истоки которых восходят к археологическому семинару А.В. Арциховского, привели к органическому слиянию науки и обучения в единый творческий и воспитательно-педагогический процесс.

Развитие преподавания археологии в Московском университете можно проследить по учебным программам. В число основных курсов (специальных дисциплин) включены курсы методики полевых исследований и источниковедения (естественнонаучных методов), расширена тематика специальных курсов, которые студенты слушают по выбору: жилища каменного века; археология Сибири; археология Малой Скифии; скифский звериный стиль; бронзовый век юго-запада Восточной Европы; история древних производств и методов исследования древних материалов и технологий; комплексное источниковедение; математическая статистика; нумизматика; археология городов древней Руси, Золотой Орды, Сибири и др.

Расширение тематики – не единственное направление развития, не менее важно глубокое погружение в предмет. Ученых в XIX в. делили на два типа: одни знают “все о немногом”, другие – “понемногу обо всем”. Эти типы дополняют друг друга, их эволюция одинаково зависит от умения привлекать и использовать методы, теории, подходы других наук, их деятельность приводит к общему результату: в обоих случаях методологический аппарат обогащается, и наука становится междисциплинарной. Главное условие такого превращения в археологии, где одинаково существенны собственно гуманитарная и общенаучная, теоретическая и аналитическая компоненты, – освоение и последовательное применение методов естественных наук и математики.

Роль А.В. Арциховского в развитии этого направления трудно переоценить. Столетие назад различия естественнонаучной и гуманитарной сфер ощущались слабее, эти интеллектуальные области были ближе друг к другу. Артемий Владимирович, одаренный гуманитарий, рано познакомился с естественнонаучной интеллектуальной культурой. Его отец – ботаник, работавший в Петербурге, затем в Новочеркасском политехникуме и в Москве, в Петровской сельскохозяйственной академии (ныне им. К.А. Тимирязева). Систематика, принципы классификации и ее структура, умение обобщить, выразить суть в математической формуле – все это входило в его профессию. Эти качества нашли выражение уже в первых самостоятельных работах Артемия Владимировича, в исследованиях сердоликовых бус и инвентарей из курганов вятичей. В ранней молодости, в 1920-х годах, он был более увлечен марксизмом и историческим материализмом, считая их новыми методами, а давно известные ему систематику и математику ценил не столь высоко. Однако именно

они оказали заметное влияние на создание морфологии и систематики древностей: Артемий Владимирович делил их на категории, группы, типы и т.д., обращая внимание на такие признаки, как поперечное и продольное сечение, форму и число концов, особенности конструкции и пр. Этот принцип доминировал в археологии долгие годы, его и теперь широко используют в подготовке компьютерных баз данных. Артемий Владимирович предельно ясно осознавал значение методов естественных и технических наук, приносимых в археологию. Время доказало его правоту в этом, как и во многом другом: например, в понимании общемирового характера археологии и бесперспективности противопоставления советской и буржуазной науки.

В педагогической деятельности Артемия Владимировича важная роль принадлежит учебникам. Его “Основы археологии” 1954 года переведены в 1955 г. на украинский, а в 1970 – на узбекский языки. Особое место занимает пособие по курсу общей археологии (1938 г. – стеклографическое издание лекций, вышедшее в 1940 и 1941 гг. под названием “Введение в археологию”, а в 1947 г. дополненное и переработанное). Если учебник должен содержать основательное, без пропусков, изложение событий и проблем по принципу “все важно”, то пособие ближе к очерку: в нем допустим более свободный выбор тем и сюжетов, можно расставлять акценты в зависимости от научной концепции или интересов автора. “Введение” более соответствует жанру очерков, – это краткое и очень плотное обобщение материалов, накопленных мировой археологией к середине XX в. Подведение итогов и оценка достигнутого были очень важны как старт для нового этапа в развитии науки. Мы не знаем, осознавал ли это автор “Введения”, но он нашел для такой задачи блестящее решение.

Рассмотрение охватило всю территорию Старого Света в период от появления человека до средневековья (около 2.5 млн. лет в современной хронологии), включив дошедшие до нас материальные остатки всех видов человеческой деятельности – от шелльских рубил до шедевров средневековой культуры. Подобный масштаб выдвинул на первый план события вселенского масштаба, и для их показа были отобраны самые впечатляющие эпизоды: пещера Чжоу-Коу-Тянь, росписи Альтамиры, единство основных признаков в культурах энеолита от Китая до Западной Европы, дьяковские городища в их закономерной связанности с рельефом. Четко и ярко обозначились: общность процессов в доисторическую эпоху и их последующая неравномерность, трагедия монгольского разорения Руси, блеск культуры и искусства Тимуридов и др. Во “Введении в археологию” учтены и научная традиция, и научная новизна, а “археологическая эпоха” в истории чело-

вещества показана цельно, ярко и масштабно. Книга наглядно показала, что события, разворачивавшиеся на территории будущего СССР, являлись частями мирового исторического процесса. Слушая лекции по общей археологии, читая и конспектируя “Введение в археологию”, а позже – “Основы археологии”, первокурсники практически всех исторических факультетов огромной тогда страны постигали содержание и значение “археологической эпохи” в истории человечества.

Рассказ о заслугах Артемия Владимировича перед археологией не будет полным без освещения его роли в создании исследовательских лабораторий. “Камеральная лаборатория” для разбора, консервации и реставрации находок была традиционной частью ИИМКа и Института археологии, но на историческом факультете МГУ для нее долго не было места: в тесном особняке князей Мещерских учились в две смены, а помещения архитектурного памятника, охраняемого государством, не годились под лаборатории. Приказ о создании археологической лаборатории был издан летом 1953 г., но места все равно не было, поэтому работали кто дома, кто в библиотеке, кто в камеральной лаборатории ИИМК в Черкасском переулке. Собственные помещения были получены после того, как естественные факультеты переехали в здания на Ленинских горах и часть “ботанического” корпуса передали историческому факультету. В нем были вытяжные шкафы, газовые горелки, вода, химические столы, вместительные шкафы для лабораторной посуды и всего необходимого для реставрации. По счастью, для естественных факультетов заказали так много оборудования, что его хватило на оснащение других научных учреждений и лабораторий.

Археологической лаборатории можно было бы придать любой профиль, с самого начала он был естественнонаучным. Это направление в археологии современники воспринимали как новое, но оно не только наметилось, но и быстро развивалось в странах Европы, особенно в Нидерландах и Великобритании. Существует мнение, что идея создания лаборатории зародилась у Артемия Владимировича под влиянием успехов мировой науки (к тому времени были изданы два тома оксфордской “Истории технологии”, и Артемий Владимирович привез их из поездки в Англию в 1956 г. – фотокопия с титульного листа второго тома хранится у меня до сих пор). Но напомним, что интерес к естественным наукам российская археология проявляла и раньше: в первые после революционные годы возник Институт археологической технологии, его планы были прекрасно освещены в печати и получили признание. Они не воплотились полностью, но идея была обоснована, а перспективы направления обозначены.

Создавая археологическую лабораторию, А.В. Арциховский не был одинок. Его поддержи-

вал ректор университета И.Г. Петровский, большую роль сыграл естественнонаучный и технический опыт Б.А. Колчина, знания специфики лабораторных работ М.Н. Кислова. Их отличал не только талант, им были свойственны видение далекой перспективы, высокая интеллектуальная культура, творческий тип мышления. Присущие им организационные способности и научные интересы чудесным образом совпали, и к 200-летнему юбилею МГУ лаборатория на историческом факультете была создана. Первый профиль лаборатории определился сразу: научная и учебная реставрация находок. Работы Б.А. Колчина по истории черной металлургии и металлообработке в древней Руси с применением спектрального и структурного анализа определили другой ее профиль – историко-технологический. Полученные результаты открыли перспективы дальнейшего расширения тематики за счет изучения изделий из стекла и цветного металла. Лаборатория работала в тесном сотрудничестве с так называемыми заказчиками и выдавала результаты с технологическим и историческим комментарием. Ее научный авторитет и популярность росли благодаря новизне получаемых результатов и почти неограниченной возможности расширения области применения новых методов (плохо поддавалась только керамика, интерес к которой всегда был велик). Первые комментированные результаты спектрального и структурного анализов охотно и много публиковали. Более того, их принимали во внимание, рассматривая вопрос происхождения вещей, и ставили в один ряд с аналогами, собранными с учетом формы и декора.

Как показала дальнейшая деятельность, предпочтение исторического и историко-технологического направления было правильным, так же как создание методик и непротиворечивых принципов интерпретации анализов, тесная связь с археологическим и естественнонаучным сообществом, внимание к новейшей мировой литературе по предмету, независимость в научной ориентации, экономическая самостоятельность (лаборатория выполняла заказы бесплатно: таковы были особенности организации науки при социализме и принцип самого Артемия Владимировича). В деятельности лаборатории Артемий Владимирович видел новое научное направление, которое повысило уровень подготовки археологов в МГУ и роль научного исследования во всей системе высшего образования. Именно об этом он говорил в выступлении на Симпозиуме по высшему образованию в 1962 г., переведенном на французский, итальянский и английский языки.

Обязанности Артемия Владимировича как руководителя кафедры не ограничивались педагогической и научной сферой: составление планов и отчетов о научной работе “подразделения”, как в эпоху “планового хозяйства” стали имено-

вать в официальных документах университетские кафедры, требовало изоциренного искусства. А.В. Арциховский владел им в совершенстве: под его пером разрозненные региональные исследования выстраивались в темы с яркими названиями (“этническая история в средние века”, “город и городская культура”), а темы, основанные на лабораторных исследованиях, объединялись как “история древних производств”. Непростой задачей было также нейтрализовать партийную активность, уберечь кафедру от вмешательства в ее внутренние дела, и Артемий Владимирович, с удовольствием вникавший в университетскую жизнь, блестяще справился и с такой задачей, в чем его большая заслуга. Стабильное положение дел на кафедре и возможность работать с полной творческой отдачей даже вызывали легкую зависть историков, деятельность которых находилась под более строгим контролем.

Только после войны открылась для Артемия Владимировича возможность увидеть мир. Первая командировка с научной целью в Болгарию, Югославию и Румынию состоялась в 1946 г. Вскоре свои сокровища открыли для него Чехословакия, Польша, Англия, Греция, Италия. Он участвовал в Международных конгрессах историков в Риме и конференциях советско-английской и советско-французской комиссий историков; был членом Оргкомитета Международного конгресса по этнографии и антропологии, комиссии ЮНЕСКО по изучению научного и культурного развития человечества и др. Артемий Владимирович вошел в мировое научное сообщество как полноправный его член: он не нуждался в услугах переводчиков; охотно и много принимал иностранных гостей в Москве, в официальной и неофициальной обстановке; “хороший тон” с детства был для него в порядке вещей. В глазах зарубежных коллег А.В. Арциховский стоял в одном ряду с Н.П. Кондаковым, Т.С. Пассек, О.Н. Бадером, В.Д. Блаватским и другими потомственными хорошо образованными российскими интеллигентами. Благодаря им за рубежом стали воспринимать советскую археологию как органическую составляющую мировой, а для советских ученых стали понятнее и ближе не только объект, предмет и методы археологии в других странах, но и общие гносеологические и философские основания “новой археологии”. На склоне лет Артемий Владимирович с удовольствием участвовал в совместном советско-польском проекте создания каталога анализов древнего стекла Восточной Европы и Закавказья. Этот его последний международной проект не был завершен, но работа над ним во многом определила превращение описания древностей в их морфологию, серьезно укрепила системный подход, позволив сложиться триаде: морфология, технология, химический состав.

В настоящее время международные связи кафедры очень значительны, их объем и характер изменились благодаря исчезновению государственного регулирования поездок за рубеж. В международных конгрессах и двусторонних проектах с успехом участвует и активная научная молодежь, и заслуженные деятели. Успех на международной арене – верное свидетельство правоты А.В. Арциховского, требовавшего от студентов знания иностранных языков в ту пору безвременья, когда советская археология была отделена от мировой науки железным занавесом. Артемий Владимирович поддерживал стремление членов кафедры улучшать знание иностранных языков, в университете были открыты специальные классы для повышения языковой подготовки профессуры.

Нельзя оставить без внимания редакторскую и издательскую деятельность Артемия Владимировича. Он был членом редколлегий альманаха “Советская археология”, журналов “Вопросы истории”, “Вестник Московского университета (серия история)”, Большой Советской и Исторической энциклопедий и др. Как ответственный редактор выпускал труды Новгородской археологической экспедиции, сборники статей и монографии ее участников, тезисы и учебные программы. Одним из важных дел его жизни стал журнал “Советская археология”, пришедший в 1957 г. на смену одноименному альманаху.

А.В. Арциховский и Новгородская археологическая экспедиция – особая тема, заслуживающая специального внимания ученых и историографов. Новгород столь глубоко вошел в жизнь Артемия Владимировича, что они стали нераздельны. Раскопки широкой площадью, точная и надежная топография, стратиграфия и хронология, новгородская история и ремесла, искусство и литература, древние тексты и берестяные грамоты – вот далеко не все, что следует упомянуть, говоря об А.В. Арциховском и Новгороде.

Хорошо известно, что, взяв в руки 26 июля 1951 г. небольшой свиток бересты и впервые увидев на его поверхности четкие буквы, Артемий Владимирович воскликнул: “Я этого ждал тридцать лет!”. Это была сенсация, начало переворота в новгородской археологии и истории: две разные науки двинулись навстречу друг другу. Их виртуальная принадлежность целому, средневековой истории Новгорода, оказалась реальностью. Созная свою ответственность за судьбу находки, первые грамоты на бересте, собранные в 1951 г., А.В. Арциховский издал отдельным томом в соавторстве с М.Н. Тихомировым, грамоты 1952 года – самостоятельно. Научно-историческое значение и масштаб открытия были очевидными с самого начала; для издания грамот 1953–1957 гг. Артемий Владимирович привлек лингвиста В.И. Борковско-го. Все последующие грамоты, до 1976 г. включи-

тельно, издавали совместно А.В. Арциховский и В.Л. Янин, а начиная с находок 1977 г. публикуют совместно В.Л. Янин и А.А. Зализняк.

Продолжаются не только находки грамот, но и развитие методики работы с ними. На новом этапе в ней соединились две науки: археология и языкознание, представленные двумя творческими индивидуальностями. Новые отношения археологии и языкознания сделали научное издание грамот более строгим, открыли образно яркий мир языка и культуры, в котором жили новгородцы, и принесли новые представления об истории новгородского диалекта, его грамматике, лексике и литературе.

Этому в большой мере способствовали новые подходы и новая аксиоматика. Суть их заключена в глубоком уважении к языковой культуре новгородцев: аксиомой стало признание того, что новгородцы говорили и писали правильно, в соответствии с грамматическими нормами своей эпохи, и уличать их в ошибках – дело напрасное. Все регистрируемые различия лексики, орфографии и синтаксиса являются следствием развития живого языка, его закономерным и динамическим изменением. Из этой второй аксиомы вытекает признание приоритета форм живого письма и речи. Стремление поправить так называемые языковые ошибки далеко уводит от истины: хорошо известно, что расхождения между А.В. Арциховским и Б.А. Рыбаковым в прочтении одной грамоты дали последнему повод для критики новгородской хронологии.

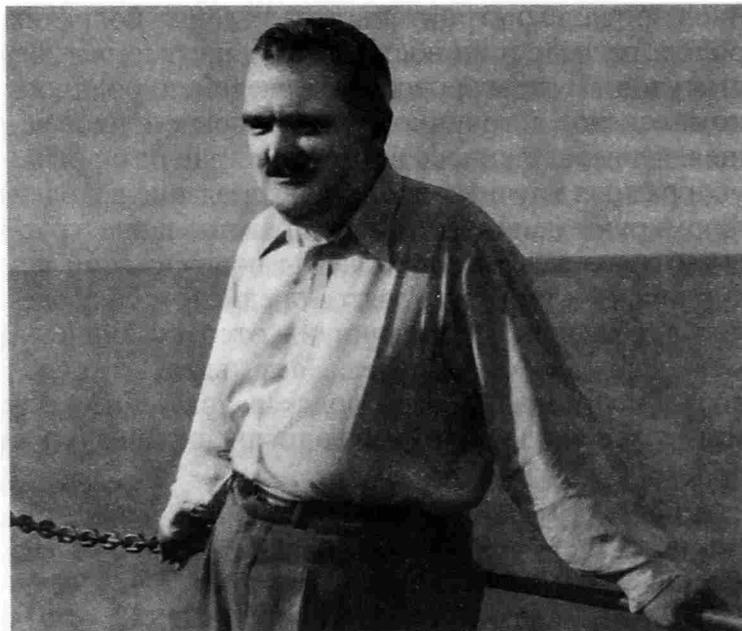
Для настоящего очерка интересны лишь позиция и поведение Артемия Владимировича. Он был великодушным и терпимым полемистом, ставившим целью спора приближение к истине. Как и двадцатью годами ранее, когда этот талант проявился в ответе на статью П.Н. Третьякова “Расселение древнерусских племен по археологическим данным”, он превратил свой ответ на палеографические замечания оппонента в академическую дискуссию о новгородской хронологии. В ходе дискуссии выяснилось, что курганная хронология и ее чисто археологический контекст несопоставимы с возможностями датирования, которые предоставляет стратиграфия семиметровой толщи новгородского культурного слоя. Блистательным завершением дискуссии стала организация работ по дендрохронологии Новгорода, а позже городов Северо-западной Руси и древней Руси в целом.

Новгород стал полигоном, на котором испытывали не только механизацию раскопок и дендрохронологию. Испытанию и апробации подвергались новые методы, подходы, исследовательские алгоритмы изучения древностей, языка, письменности и даже литературы; предметом исследования стало формирование и история торговли, ремесел и прикладного искусства; сложе-

ние города; его строительство; история боярских родов, государственности и государственных институтов. В новгородской экспедиции родилось комплексное источниковедение и современное вещеведение, сложилось взаимодействие разных наук и разных научных школ; новгородские находки формируют наиболее полное представление о русском средневековье; проблемы новгородской истории и культуры становятся предметом обсуждения в постоянно действующих отечественных и международных семинарах. За семьдесят лет своего существования новгородская археология заметно изменила лицо археологической науки в целом.

Современная археология Новгорода резко отличается от той, какой она была в последние годы жизни Артемия Владимировича, и тем паче от той, которая имела место в год ее рождения, семьдесят лет тому назад. Однако, сравнивая “век нынешний и век минувший”, нельзя не признать, что источник нашей силы и наших успехов – в том самом минувшем, в бесспорной правильности выбора главного, стратегического направления развития археологии, который сделал А.В. Арциховский и поколение, к которому он принадлежал. Именно этот выбор закономерно определил и успехи, и промахи российской археологии. Современная археология состоит из множества разных археологий: организованной по векам и менее традиционно, по культурно-историческим эпохам (античная, скифо-сарматская, славяно-русская, славяно-финская, среднеазиатская, сибирская) и территориям (археология Крыма и Кавказа, Поволжья, Поднепровья и Поочья и др.). Отдельно исследуют древние материалы и технологии, историю древних производств, животноводства, скотоводства, земледелия и отдельных видов ремесел; торговлю и экономику; историю почв, климата и экологии в целом. В полный рост встали методологические и теоретические проблемы собственно археологии и ее взаимодействия с общенаучными теориями и методами.

Работая над очерком жизни и деятельности А.В. Арциховского, я поняла, что известны преимущественно его творчество, общественная и производственная деятельность. О других сторонах его личности известно непростительно мало, а ведь именно личность формирует пространство и атмосферу, в которой существует она сама и все ее окружение. Естественен вопрос: как большеголовой, остроглазый и веселый мальчик в матроске с детской фотографии превратился в великана советской археологии. От этой детской фотографии Артемия Владимировича и двух его сестер исходит счастливое впечатление доброты и благополучия. Их общие с сестрами воспоминания он высоко ценил и бережно хранил, о чем с мягкой улыбкой однажды поведал. Это отношение говорит о многом: именно в семье формиру-

Один из лучших фотопортретов Артемия Владимировича, сделанный во время экскурсии по Волхову и Ильменю. Этот портрет он дарил многим с надписью “от подлинника” (из архива автора).

ются жизненные позиции, предпочтения, наконец, философия. Представление о достоинстве и действительном равенстве людей – из этого же мира. Как и безупречный художественный и литературный вкус, свободный французский, хороший английский и замечательный русский язык.

В языке Артемия Владимировича существовали не только изъяснительное, вопросительное и повелительное наклонения, но также особые формы вежливости и изысканной учтивости. В его огромном словарном запасе находилось место для точного различения понятий “умный” и “неглупый”, “неумный” и “глупый”, и это не игра в слова. Сейчас отношения между людьми стали более короткими, обращение “на ты” постепенно распространяется как всеобщая, демократическая норма речи. В действительности это обращение (вне круга родственников, одноклассников-однокурсников и очень близких друзей) снижает уровень общения до вульгарного панибратства, очень далекого от истинного демократизма. Артемий Владимирович считал демократичным именно обращение “на Вы” и по имени-отчеству, приводя, как доказательство правоты, мысль одного из персонажей Достоевского. В вольном пересказе она выглядит так: обращение по имени и отчеству уравнивает людей, поднимая их на тот уровень учтивости, где различия знаний и сословий не имеют значения. Поначалу нормальное для Артемия Владимировича обращение смущало студентов, но затем к нему привыкли: к хорошему привыкают быстро.

Большое впечатление производил общий облик Артемия Владимировича. Его легко узнавали

издалека: он был человеком высоким, с хорошей осанкой, ходил неспешным шагом, ставя ноги чуть-чуть носками внутрь. Всегда был прекрасно одет, хорошо подстрижен и чисто выбрит (даже в пору, когда носил бороду). Вплоть до брежневских времен, когда начались перемены, профессора поколения Артемия Владимировича следовала собственному стилю в одежде: профессорские костюм и пальто шили на заказ: профессор не покупал одежды в магазине; в плохую погоду он носил резиновые калоши с метками, сдавая на вешалку вместе с пальто и шляпой; зимой носил шубу, меховую шапку и обязательно – перчатки. У Артемия Владимировича шапка была с большим бровным околышем, шуба с воротником из бобра, обувь на тонкой подметке, красивый шарф, портфель. Летом профессорский облик завершали чесучевый пиджак или полотняный костюм и светлая шляпа. Все было солидно, красиво, далеко не дешево, но вполне по средствам.

Образ жизни Артемия Владимировича, закрытый для посторонних, был интригующе интересен. Знали, что его дом и хозяйство ведет экономка, что его огромный ЗИМ водит шофер, состоящий на службе у него лично: и зарплату, и отпуск, и сверхурочные, и премиальные Артемий Владимирович выплачивает из собственных средств. У него были и свой портной (приезжая на дом, он привозил с собою на выбор ткань и модный журнал), и свой зубной врач (он возил с собою портативную бормашину и мог лечить зубы дома). Артемий Владимирович был уверен, что занятия наукой требуют большого здоровья, и следил за ним: ежедневно гулял вокруг главного здания на Ленинских горах, а в молодости бегал на лыжах по Москва-реке. Артемий Владимирович любил путешествовать (и в хорошей компании, и один). Каждое лето к его услугам была каюта люкс на теплоходе, и тридцать лет он плавал по одному и тому же маршруту: Москва–Астрахань–Москва (лишь однажды по Каме). Он с гордостью рассказывал, что посетил 63 советских города, 37 зарубежных, объехал почти весь СССР и больше десятка зарубежных стран. В Новгород он ездил в августе, на своем автомобиле, сидя на заднем сиденье справа (остальное пространство занимал багаж).

Многие помнят детали, дополнявшие облик Артемия Владимировича, его самобытную речь, манеру выступать, беседовать, вести научные дискуссии. Он говорил энергично, четко, короткими фразами, вдохновенно, ярко и просто. На своем юбилее по случаю пятидесятилетия в ответ на поздравление кафедры древних языков он с блеском произнес по-латыни длинную речь, чем вызвал всеобщее ликование и бурю аплодисментов. Не беда, что в его произношении туры рога превращались в “куры”, а теория катаклизмов Ж. Кювье – в теорию “татаклизмов” его же име-

ни. Над этой его особенностью осторожно подшучивали, пытались ее воспроизводить, особенно представляя разговор в лицах. Зная об этом, Артемий Владимирович не обижался. Ходили легенды и о его поразительной памяти: он помнил имена всех римских консулов, американских и французских президентов, депутатов всех четырех государственных дум (естественно, дореволюционных), множество дат исторических событий и... фамилии студентов, когда-либо сдававших ему экзамен (обычно профессора записывают имена сдававших экзамен, заданные вопросы и оценку – Д.А. Авдусин, например, исписал несколько общих тетрадей).

Почерк Артемия Владимировича знали немногие, но увидев его однажды – нельзя было забыть, такой он необыкновенный. Он писал по-детски, аккуратно выводя крупные буквы, соблюдая ровные строки и равные интервалы. Может быть, поэтому он писал коротко и точно, строго отбирая нужные слова. Возможно, поэтому он не писал конспектов, а отмечал на заднем форзаце книги номера страниц, необходимых для

ссылок. Все эти детали и мелочи оживляют в памяти образ Артемия Владимировича. Уходит поколение, которому он дарил свое внимание и дружбу, которое с ним тесно сотрудничало, работало под его началом, а затем продолжило его дело. Многие сейчас знают Артемия Владимировича лишь по фотографиям и рассказам, далеко не всегда понимая причины уважения и почтения, которыми окружено его имя.

А.В. Арциховский – учитель многих ушедших и многих ныне процветающих ученых. Они стали специалистами высочайшего класса благодаря тому, что целое поколение ученых и один, конкретный, учитель, проделали гигантскую работу, обеспечив возможность дальнейшего продвижения. Исаак Ньютон считал, что достиг успеха только потому, что “стоял на плечах гигантов”. А.В. Арциховский и все учителя моего поколения мне представляются теми самыми гигантами, на плечах которых мы стоим. Хорошо, если идущие следом осознают свою связь с ушедшими и грядущими.

ТЕЛЛЬ ХАЗНА I: РАСКОПКИ 2001 ГОДА

© 2002 г. Р. М. Мунчаев, Н. Я. Мерперт

Институт археологии РАН, Москва

Исследования уникального многослойного памятника конца IV–первой половины III тыс. до н.э. Телль Хазна I в долине Хабура (Северо-Восточная Сирия), начатые экспедицией Института археологии РАН в 1988 г., продолжают ежегодно по сие время. Весьма значительные результаты их с достаточной оперативностью вводились в научный оборот в изданиях как нашей страны, так и Франции, Италии, Англии, Японии, Сирии, Турции, Грузии. Фактически ныне освещены материалы всех полевых сезонов экспедиции. Естественно с наибольшей регулярностью они публиковались в “Российской археологии”. Последняя достаточно значительная публикация, посвященная сезонам 1997–2000 гг., появилась на страницах № 4 журнала за 2001 г. Но уже в том же году раскопки Хазны I ознаменовались не только продолжением вскрытия густо застроенных участков южного склона телля и резко отличных от них, почти лишенных застройки, участков северного склона, но и открытиями замечательных погребальных комплексов. По богатству и многообразию инвентаря они значительно превосходят все погребения, обнаруженные как в самой Хазне I, так и в синхронных памятниках рассматриваемого района. И представляется весьма целесообразной быстрой публикацией как их самих, так и общих результатов сезона 2001 г., также отмеченных открытием интересных и необычных материалов.

Основным объектом исследования, как и в предшествовавшие 13 полевых сезонов, являлся многослойный памятник Телль Хазна I, расположенный в 25 км к северо-востоку от города Хасаке – центра одноименной провинции, у деревень Аляви и Хазна. Местность эта входит в состав так называемого Хабурского треугольника и охватывает бассейны р. Джаг-Джаг (левого притока Хабура) и впадающего в нее Вади Ханзир (или Вади Риджла). Насыщенность ее, как и всего “треугольника”, многослойными памятниками чрезвычайно велика. Только в непосредственной близости от названных деревень расположены три таких холма. Телль Хазна I является наибольшим из них, на нем и были сосредоточены исследования экспедиции, начиная с 1988 г. Кроме того, стратиграфическая траншея ограниченных размеров была в 1991–1993 гг. вскрыта на втором холме – Телль Хазна II (Мунчаев и др., 1993). В 2001 г. она подверглась дополнительной расчистке и некото-

рому углублению, подтвердившим наличие там более чем трехметрового слоя раннеземледельческой культуры конца VII – первой половины VI тыс. до н.э.

На Телль Хазне I в 2001 г. производилось как углубление вскрытых ранее широких площадей, так и дальнейшее расширение последних. К началу истекшего полевого сезона площадь раскопа здесь превысила 2000 м². При этом в основном она охватывала южный склон холма, где вскрыто свыше 300 остатков сооружений, в том числе десятки целых строительных комплексов различных этапов развития раннединастического памятника, общая толщина культурного слоя которого превышала 12 м. Этот слой подстилался четырьмя метрами более ранних остатков, относящихся к урукской (IV тыс. до н.э.), а в самом основании холма и убейдской (V тыс. до н.э.) культурам. В 2000 г. было начато исследование и северного склона телля, где заложена специальная стратиграфическая траншея, направленная от вершины холма к его основанию. Траншея позволила определить глубокую специфику северного склона, где густая застройка, характерная для южного склона, отсутствовала почти полностью. Здесь фактически можно говорить о создании надежной крепящей системы, огромного контрфорса для плотной застройки прочих частей холма. Застройка эта включала как обычные, так и предельно массивные, поразительно сохранившиеся строительные комплексы, располагавшиеся на последовательных искусственных террасах – платформах. В целом же раскопки убедительно показали, что раннединастический слой Телль Хазны I представляет собой остатки не простого поселения, а древнейшего в Северной Месопотамии культово-административного центра (Мунчаев и др., 1990; 2001; Мунчаев, Мерперт, 1997; 2001; Munchaev et al., 1993; Munchaev, Merpert, 1994 и др.). Это заключение документируется и общей структурой памятника, и наличием “священного участка”, культовой башни, сложных храмовых сооружений, специфического оформления их, столов для жертвоприношений и непосредственных остатков последних, огромных зернохранилищ, рассчитанных на концентрацию зерна и корма для скота и свидетельствующих об особой роли памятника в хранении и распределении их.

Особо подчеркнем поразительную сохранность раннединастических сооружений Телль Хазны I. Наиболее массивные из них составляют значительные, подчиненные единому плану системы, высота же их стен достигает и даже превышает 8 м и, судя по наличию остатков консолей для перекрытий, в ряде случаев близка к первоначальной (Мунчаев и др., 2001. С. 94 сл.). Вскрытие сплошных значительных площадей позволило установить плановый характер застройки основных участков южного склона телля, начиная с его верхней площадки. Несмотря на наличие ряда строительных уровней и многочисленных перестроек, свидетельства определенной плановости прослежены фактически по всей площади застройки. В ряде случаев единые планы сохраняются на нескольких последовательных этапах существования памятника. При этом они определяются упомянутыми выше системами наиболее массивных и долговременных сооружений, а также едиными линиями основных стен, прослеженных иногда на несколько десятков метров и подвергавшихся лишь локальным перестройкам на различных строительных уровнях (Мунчаев, Мерперт, 1994. Figs. 15, 16).

Кратко отмеченные выше особенности Телль Хазны I получили новые подтверждения в результате исследований 2001 г. В этом сезоне раскопки были продолжены как на южном, так и на северном склонах телля. Общая площадь раскопок достигла 2575 м² (рис. 1).

На южном склоне исследуемая площадь крайнего восточного участка расширена в северо-восточном направлении на 250 м². Начато вскрытие квадратов XVII–XVIII/13, 14; XIX–XX/13, 14, 15 (рис. 2). Глубина вскрытия различна соответственно спуску поверхности склона телля к востоку и югу (рис. 3). При этом фиксируются следующие перепады. Верхняя точка – в северо-западном углу квадрата XVII/13 – 0.50 м от 0. Нижняя – в северо-восточном углу кв. XX/13 – около 6.0 м, а в кв. XX/16 – 6.50 м. Следует отметить, что на юге этот участок застройки памятника ограничивается “улицей” № 205, вскрытой в 1998 г. и идущей на глубине в среднем 5.75 м с СВ на ЮЗ, а также массивной прямоугольной конструкцией № 209. Последняя входит в систему упомянутых фундаментальных построек, определяющих овалы очертания памятника в целом (Мунчаев и др., 2001. С. 114, 115. Рис. 14). Эта конструкция срезана склоном холма на глубинах от 4.25 (кв. XVIII/15) до 5.25 м (там же), вскрыта же она до уровня 8.30 м и продолжается глубже. Таким образом, ее сохранившаяся высота уже ныне превышает 4.00 м. Ориентирована она с северо-запада на юго-восток. И ту же ориентировку имеют длинные радиальные стены (radial walls), пересекавшие исследованный в 2001 г. участок с северо-запада на юго-восток (рис. 2). Некоторые из них непосредственно примыкали к конструкции № 209, имев-

шей, как отмечено, ту же ориентировку и являвшейся реперным сооружением для планировки данной части памятника. Более того, эта же планировка безусловно продолжается и к югу от упомянутой “улицы” № 205, в квадратах XVIII–XIX/16–18, вскрытых до уровня 6–7 м в предшествующие сезоны (Мунчаев и др., 2001. С. 108. Рис. 14). Особенно важно подчеркнуть преемственность ее на ряде последовательных строительных уровней, маркированных как основаниями стен и зольно-угольными прослойками полов (1.70, 2.00, 2.30, 2.90, 4.70, 5.20 м), так и каменными вымостками. Последние фиксируются на значительных площадях на глубинах 1.70, 2.00–2.20, 3.00, 4.70 м.

Единственным исключением является лишь самый верхний уровень, остатки сооружений которого сохранились лишь в кв. XVII/13 (рис. 4). Здесь на глубинах 1.70–2.00 м открыты каменная вымостка и основания стен двух небольших смежных построек из сырцового кирпича – № 313 (1.60 × 1.25 м) и № 112 (около 2.00 × 1.60 м), длинные оси которых ориентированы с запада на восток. Верхние срезы их стен отмечены, начиная с глубины 0.95 м. Они перекрывают всю отмеченную свиту построек с радиальной планировкой. Отметим, что по ориентировке своей они идентичны сооружениям на вершине телля (№ 132, 270, 271, 281), отличаясь от ориентировки (и общего плана) сооружений перекрытых ими строительных уровней. Однако сразу же подчеркнем, что никакого различия в массовом материале между ними и последними нет. При рассмотрении вопросов как выработанных принципов планировки, так и соотношения конкретного их претворения в последовательных слоях крайне важна корреляция показаний многочисленных профилей, зафиксированных по всей площади раскопа. Весьма интересный опыт такой корреляции выполнен С. Алексейчуком. Результаты его публикуются здесь (рис. 5). Они представляются нам новым словом в графической документации раскопок сложных стратифицированных памятников, подобных нашему.

Перейдем к основной части вскрытого слоя, отмеченной, как уже подчеркивалось, определенной преемственностью в развитии планов своей застройки (рис. 2).

Непосредственно под постройками верхнего уровня в квадратах XVII/13–14 расчищены остатки массивных стен, принадлежавших, очевидно, двум постройкам, стоявшим на разных уровнях, но с определенной преемственностью плана: близкими линиями западной и восточной стен и, возможно, общими северо-западными и юго-западными углами. Северная постройка (№ 318) стояла на уровне около 3.00 м. Она ограничена пределами кв. XVII/13. Южная постройка (№ 325) стояла на уровне 4.70 м. Юго-восточная ее часть явилась результатом ряда перестроек и первоначально коротким отрезком стены соединялась с радиаль-

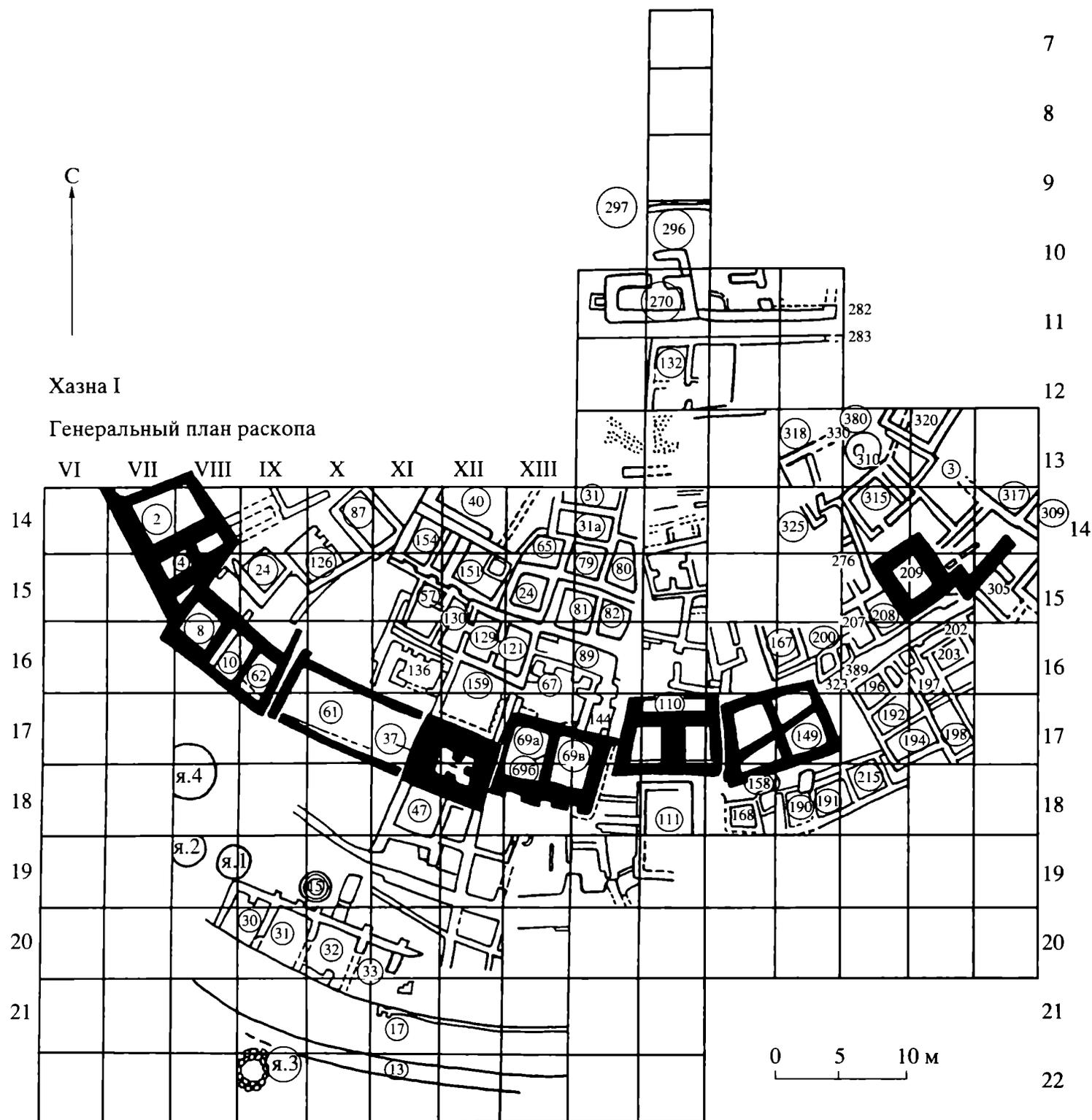

Рис. 1. Телль Хазна I. Общая схема раскопа памятника к концу сезона 2001 г.

ной стеной № 276, прослеженной на протяжении более 7.50 м к юго-востоку, где она примыкала к западной стене башни № 209.

Следующая к востоку радиальная стена № 292 прослежена, хотя и с разрывом, начиная с центральной части кв. XVIII/13 вплоть до восточного борта кв. XX/15, в который она и уходит. Фактически она состоит из нескольких стен, расположенных на единой линии, основание которых понижалось соответственно уровням застройки и поверхности склона.

Между радиальными стенками № 276 и 292 в кв. XVIII/13–14 располагалось квадратное помещение № 315 (2.50 (ЮЗ–СВ) × 2.75 м) с примыкавшим к нему с северо-востока узким (0.50 м) отсеком. Основание его стен и пол с каменной вымосткой определены на уровне 4.70 м, верхний срез стен – в среднем 3.00 м. В северо-западной части кв. XVIII/13, примыкая к северной стене постройки № 315, находилось одно из интереснейших сооружений, открытых в 2001 г. – огромная яйце-

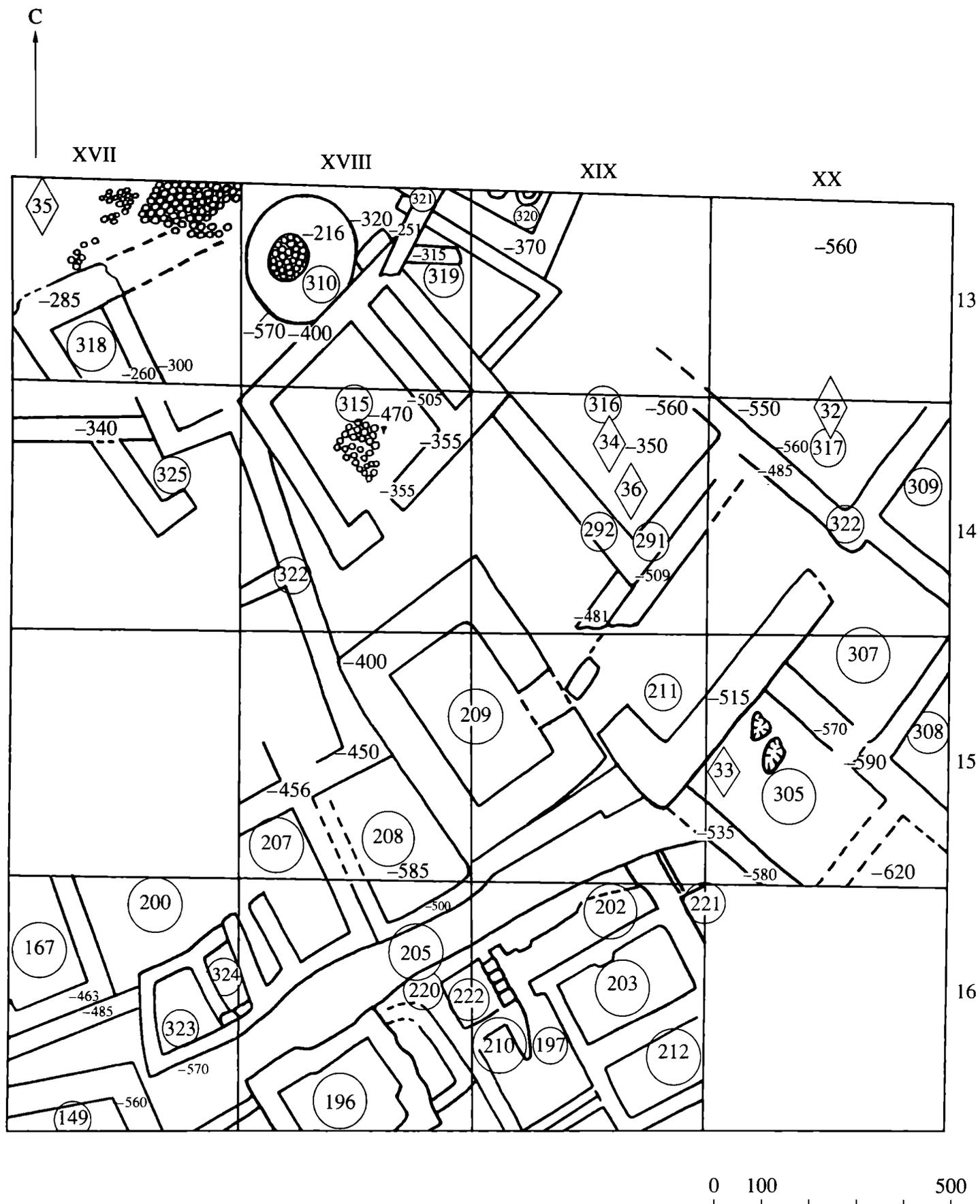

Рис. 2. Телль Хазна I. План раскопа юго-восточного участка.

видная яма (№ 310), описание которой будет дано несколько ниже.

Южнее, в кв. XVIII–XIX/14–15, между теми же стенами располагалась массивная башня № 209. Как уже указывалось выше, башня вскрыта уже

на высоту до 4 м, но основание ее не достигнуто. Можно предполагать, что оно соответствует основанию всей системы древнейших монументальных сооружений памятника (на уровне свыше 14 м от вершины телля). К юго-восточной части башни

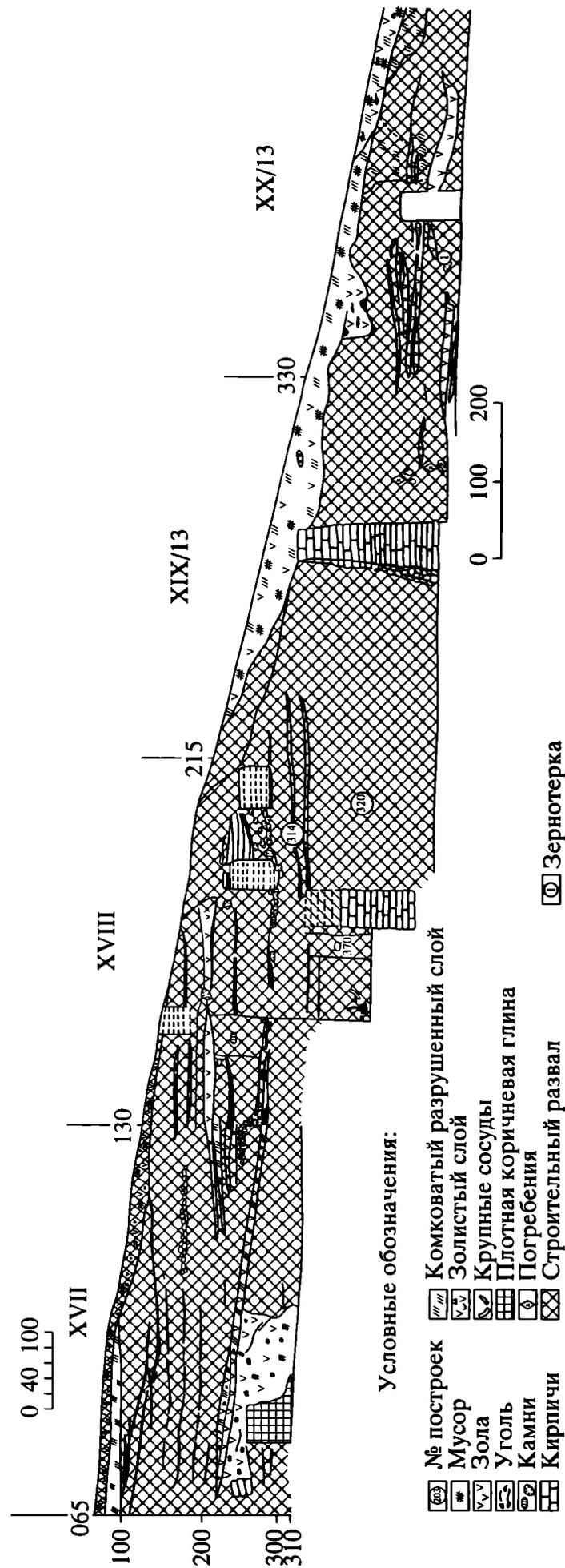

Рис. 3. Телль Хазна I. Профиль северного борга квадратов XVII-XX/13.

примыкает угол не менее монументальной постройки № 211, стена которого прослежена на 5.50 м в том же направлении, уходя в пределы кв. XX/14. И это сооружение уходит вглубь. Оно было столь же долговременно, как и башня № 209: верхний срез стен обеих построек фактически был определен на поверхности склона холма. Очевидно, наличие его остатков обусловило разрыв в радиальной стене № 292, для которой они так же как и башня № 209, служили опорой для радиальной стены № 276.

К югу же от конструкции № 211 к стене № 292 примыкало помещение № 305 с полом на уровне 6.20 м. Размеры помещения 3.50 (СЗ–ЮВ) × 2.50 м. Прямым продолжением этого ряда построек к юго-востоку явилось помещение № 327, вскрытое на том же уровне пока лишь частично.

Следующая к востоку радиальная стена № 322 также состоит из нескольких расположенных на единой линии стен. Между ней и стеной № 292 расположены: в кв. XVIII–XIX/13 – небольшое трапециевидное помещение № 319 (3.50 (СЗ–ЮВ) × 1.75 м) на уровне около 5.00 м, в кв. XIX/13–14 – смежное с ним на той же продольной оси прямоугольное помещение № 316 (4.50 × 2.50 м на уровне 5.60 м), далее в кв. XX/14–15 – к юго-востоку от стены № 211 – помещение № 307 (2.50 (СЗ–ЮВ) × 3 м) на уровне около 6.00 м и в том же ряду – смежное последнему помещению № 308 на уровне 6.20 м.

С севера к стене № 322 в кв. XVIII–XIX/13 примыкала прямоугольная (или квадратная) толсто-стенная постройка № 320, уходящая в северный борт раскопа. Длина ее южной, полностью вскрытой, части 3.25 м, ширина 2.25 м (неполная, первоначально, очевидно, близкая длине). Основания стен (толщиной свыше 0.50 м) на глубине 5.00 м, верхний срез – 3.70 м. В расчищенной части помещения найдено не менее шести крупных (высотой и диаметром 40 см и более) круглодонных сосудов для зерна (или воды). Фактически ими заполнена вся вскрытая площадь постройки. Учитывая же вскрытие лишь половины последней, число сосудов внутри нее следует увеличить, возможно, даже удвоить. Основной уровень их концентрации – 4.70 м (рис. 6).

Восточнее этого сооружения к стене № 322 примыкали с севера остатки построек № 317 и 309, открытые на уровне 5.60 м и свидетельствующие о наличии единого правильного ряда конструкций, идущего к юго-востоку от сооружения № 320. Но северная часть этого ряда подверглась значительным разрушениям (в кв. XIX–XX/13).

Таковы основные показатели застройки и элементов планировки на площади вскрытых в 2001 г. десяти квадратов восточного участка Телль Хазны I. Особо подчеркнем, что эти квадраты вплотную подошли на севере к конструкциям на вершине телля, а на западе – к покрытому сплошной сетью построек центральному участку (в том чис-

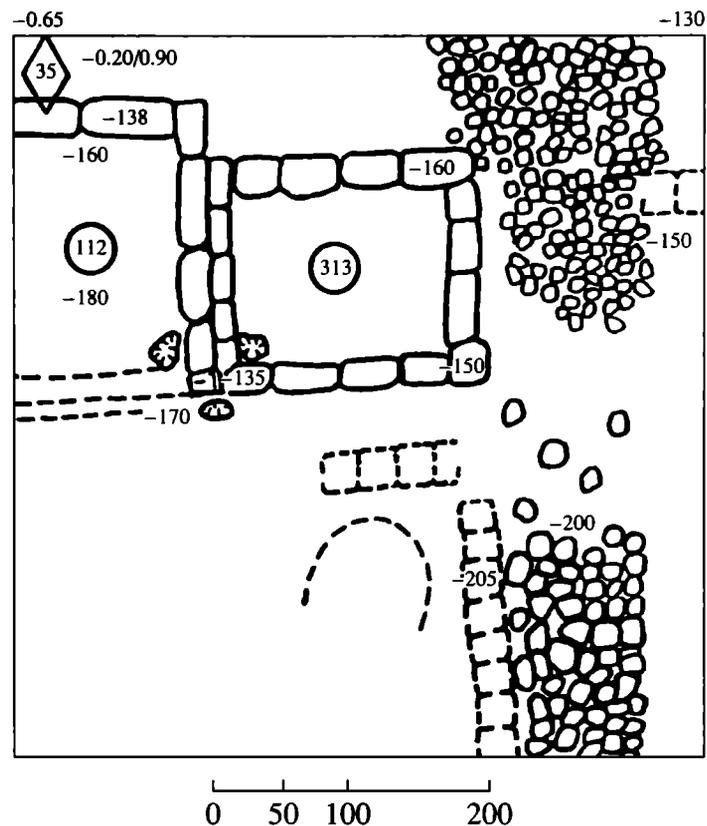

Рис. 4. Телль Хазна I. План сооружений верхнего уровня (1.70–2.00 м) в кв. XVIII/13.

ле к так называемому верхнему храму). Ликвидация в ближайшем полевом сезоне сохраняющихся еще незначительных разрывов между названными участками позволит рассматривать вопросы планировки памятника на площади, охватывающей большую часть южного склона холма.

Вернемся к характеристике упомянутого выше необычного объекта № 310, открытого в северо-западной части квадрата XVIII/13. Он представляет собой огромную тщательно оформленную яйцевидную яму, вырытую в культурном слое. Верхняя ее часть была разрезана по оси север–юг и вскрыта с восточной стороны до уровня 4.25 м, после чего вычищена до дна, тогда как примыкавший к ней культурный слой расчищен пока лишь до середины ее глубины на уровне 4.20 м. Полная же глубина ямы 3.60 м – от уровня 2.10 до уровня 5.70 (рис. 7). Наибольший диаметр ямы 2.70 м. Устье ямы диаметром около 1.00 м было перекрыто каменной кладкой в виде сплошного цилиндра высотой 0.30 м. Камни были скреплены глиной. Цилиндр располагался вблизи поверхности в 35–40 см от нее, но был все же перекрыт культурным слоем и прежде всего четко выраженным полом с ненарушенной зольной прослойкой толщиной до 10 см на уровне 1.77–1.80 м от 0. Следующий подобный пол на уровне 2.10 м уже прорезан ямой, подобно целой свите более ранних полов, отмеченных как зольными прослойками, так и каменными вымостками (на глубинах 2.80 и 3.00 м) и глиняной обмазкой (4.20 м). Стенки ямы

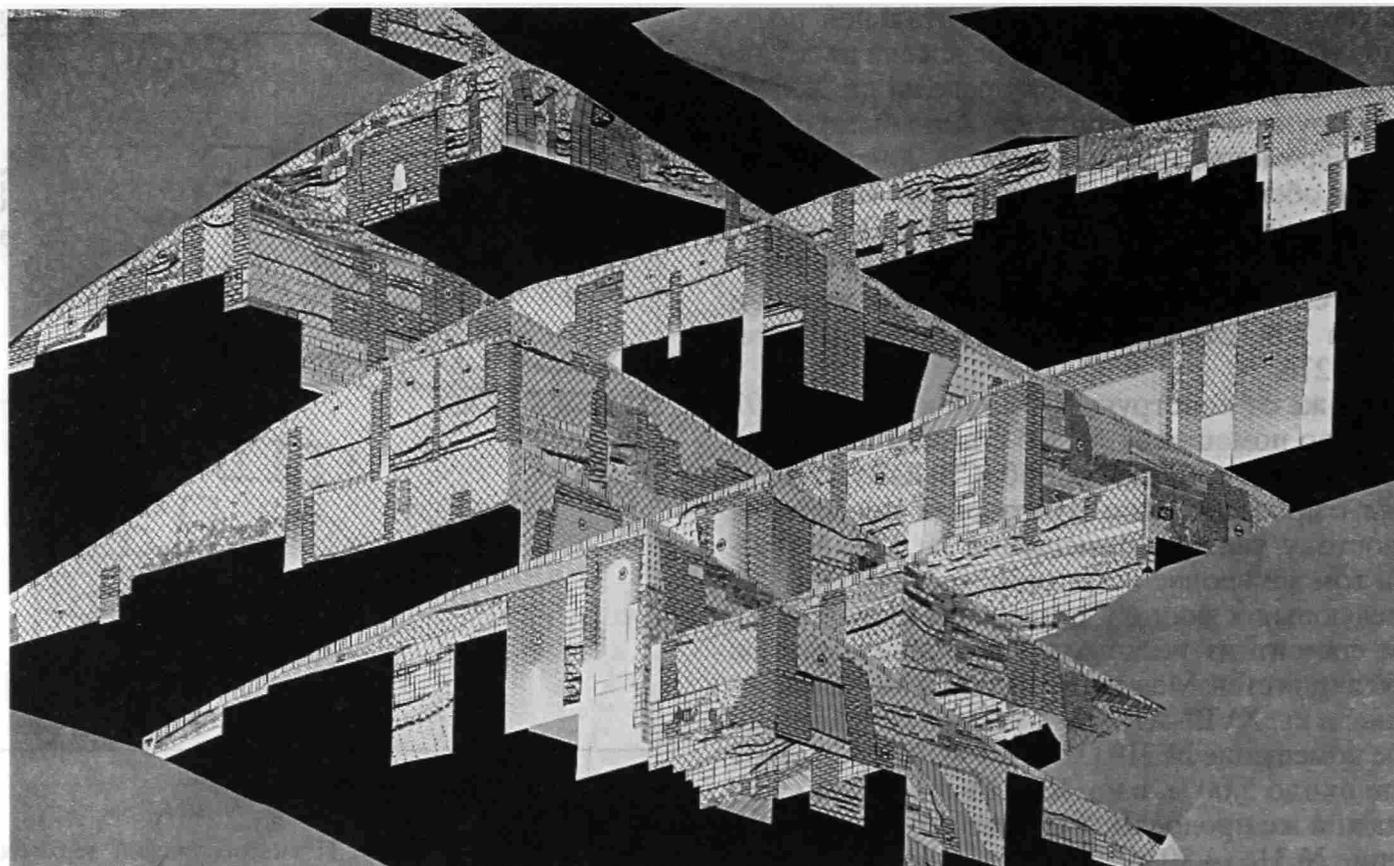

Рис. 5. Телль Хазна I. Корреляция показателей профилей раскопа (по С. Алексейчуку).

Рис. 6. Телль Хазна I. Вскрытая часть сооружения № 320 с крупными сосудами (кв. XVIII–XIX/13).

тщательно заглажены, но следов обмазки их не отмечено. На них четко видны прорезанные поры и многочисленные прочие прослойки золы и угля, а также спрессованной и слабо обожженной глины. Яма была совершенно пуста. Как могло быть выбрано ее заполнение, как и с какой целью была сооружена яма – остается загадкой. Отдельные зерновые остатки в яме не решают вопроса:

их не более, чем в окружающем ее культурном слое. Приведенные стратиграфические показатели позволяют ориентировочно отнести сооружение ямы к финальному периоду функционирования памятника, но все же до его завершения.

Как отмечено выше, в 2001 г. было продолжено вскрытие траншеи на северном склоне холма по линии квадратов XV. Оно было распростране-

Рис. 7. Телль Хазна I. Яма № 310 (кв. XVIII/13).

но на квадраты XV/8 и XV/7. В последнем был достигнут уровень 10.50 м. В целом на нижних участках сохраняются зафиксированные еще в предшествующем сезоне специфика слоя северного склона и резкое отличие его от слоя южного склона. Полностью отсутствуют не только архитектура, но и жилые остатки, такие как очаги, кухонные отбросы, кости животных, орудия, следы производств. Беспорядочные, хотя иногда и значительные скопления керамических фрагментов содержат явно перемешанный материал, происходящий с верхних участков, наряду со строительным мусором и прежде всего балластом, использованным для всемерного укрепления северного склона. Ниже 7.50 м исчезает и строительный мусор, а фрагменты керамики встречаются все реже. В основном же уходящий вниз слой насыщен чистым гумусом. Тем самым интерпретация северного склона холма прежде всего как опоры, как бы огромного контрфорса, крепившего густо застроенный и пологий южный склон, получает существенное подтверждение (рис. 8а, б).

В 2001 г. на Телль Хазне I были открыты шесть погребений (№ 32–37). Все они, как и подавляющее большинство раскопанных до этого, оказались впущенными в культурный слой и относящимися ко второй половине III тыс. до н.э. Наибольший интерес из них представляют погребения № 32 и 35.

Погребение № 32 открыто в северо-восточной части Телль Хазны I, ближе к центральной части вершины холма, в квадрате XX/14, у северного края последнего, на глубине 5.0–5.20 м от 0. Могильная яма не прослежена.

Останки костяка и погребального инвентаря располагались рядом компактных групп в слое

плотной бурой золой. Общая площадь расположения костей и инвентаря 1.80 (З–В) × 1.20 (С–Ю) м. Кости принадлежали взрослому человеку, лежавшему головой на СЗ. Костяк был разрознен (рис. 9, 1). Найдены отдельные фрагменты черепа, ребер, грудины, лучевых костей, костей запястья, один зуб. Разброс их связан, скорее всего, с близостью поверхности склона и соответствующими нарушениями его. Это относится и к костям козла-барана, также разбросанным. Найдены череп животного, кости передних и задних ног, позвонки, ребра и др. (определение Е.Е. Антипиной).

Инвентарь погребения многочисленен и представлен рядом категорий изделий. Найдено 16 глиняных сосудов и две подставки (рис. 10, 11). Почти все они сохранились полностью, концентрируясь в двух основных группах. Первая – западная – включала в себя три крупных круглодонных сосуда высотой свыше 25 см (рис. 10, 1–3). Внутри двух из них находились небольшие сероглиняные полусферические чаши (рис. 10, 4, 5). В той же группе располагались два красноглиняных четко профилированных горшка с шаровидным и несколько приплюснутым туловом и резко отогнутым венчиком (рис. 11, 5, 6). Оба стояли на крупных глиняных подставках цилиндрической формы с вогнутыми стенками, которые были расписаны по всей поверхности сложным орнаментом (рис. 10, 7, 8). Кроме того, в эту же группу входило несколько компактно расположенных сферических горшочков с четко выделенным горлом и отогнутым венчиком (рис. 11, 1–4, 7). Вторую (юго-восточную) группу составляли три таких же горшочка (рис. 11, 8–10). В северной стенке квадрата XX/14 найден кубок с едва намеченными ребрами (рис. 10, 6).

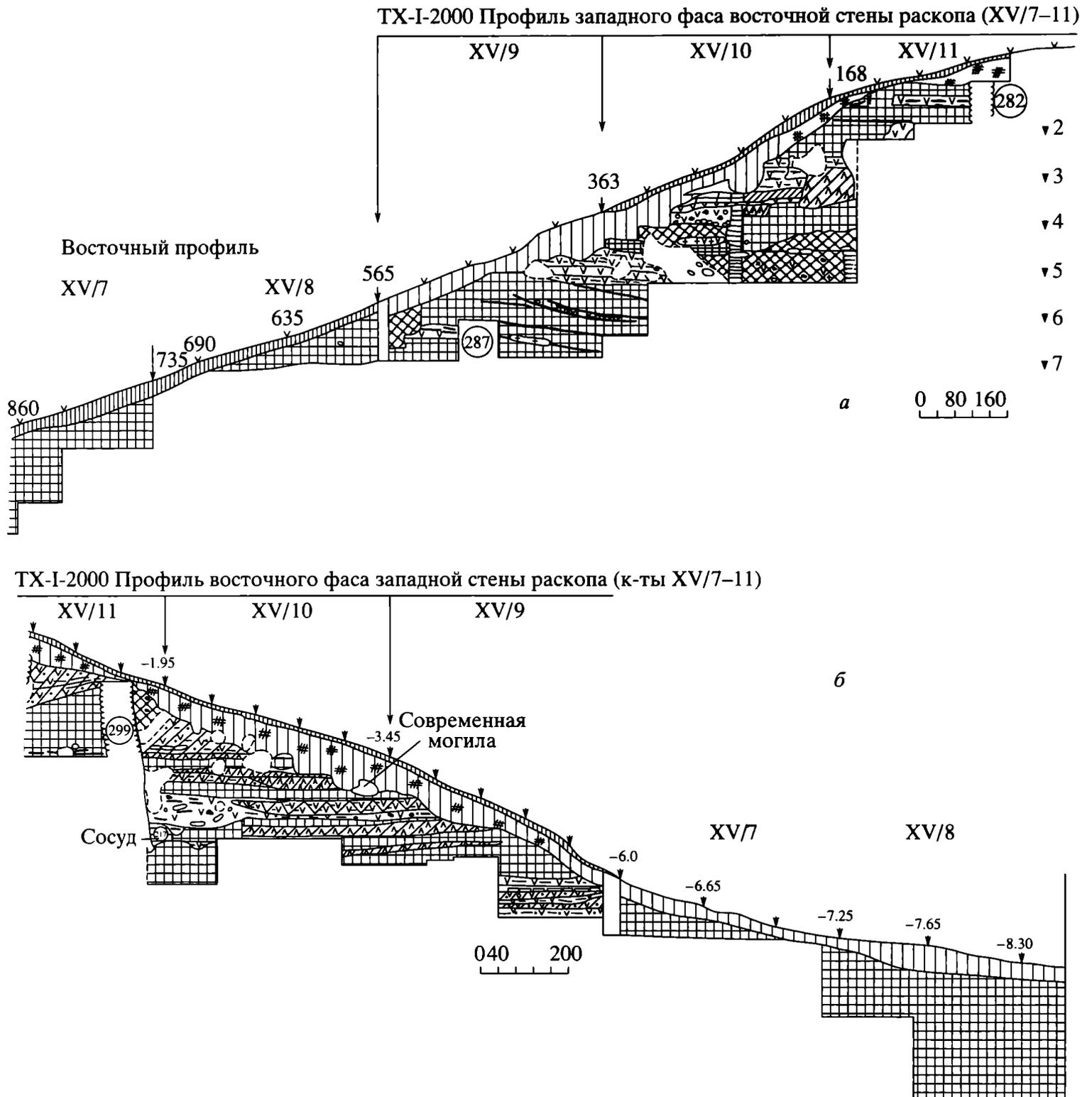

Рис. 8. а – Телль Хазна I. Профиль западного борта траншеи на северном склоне (линия XV); б – профиль восточного борта траншеи на северном склоне (линия XV).

Помимо керамики между костями погребенного, особенно перед грудной частью скелета, обнаружены бронзовая посоховидная булавка с зооморфной головкой, вероятно, льва (рис. 12, 16), три обломка другой бронзовой булавки со спиралевидной верхней частью (рис. 12, 13), бронзовая же пластичная треугольная подвеска с завернутым ушком (рис. 12, 15), 15 бусин: сердоликовая, четыре пастовых и десять раковинных (рис. 12, 9, 10), в том числе две из колоколовидных средиземно-

морских раковин (рис. 12, 12), а также коралловая (?) кольцевидная подвеска (рис. 12, 11). Особо выделим среди инвентаря глиняную подвеску – печать цилиндрической формы с вогнутыми сторонами и геометрическим рисунком (рис. 12, 14).

Таковы погребение № 32 и его выразительный инвентарь. Рассмотрим кратко последний и прежде всего керамику. Все сосуды круглодонные, изготовлены на гончарном круге. Они могут быть разбиты на несколько типов. К первому из них от-

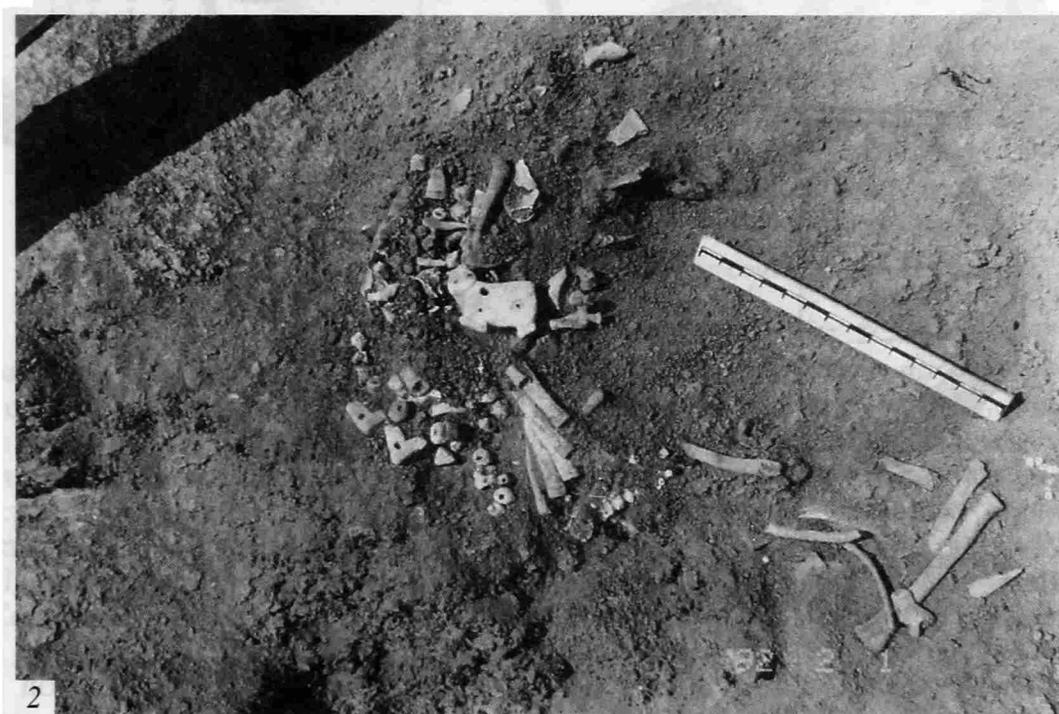

Рис. 9. Телль Хазна I. 1 – погребение № 32; 2 – погребение № 35.

носятся три наиболее крупных сосуда с шаровидным туловом и коротким венчиком (рис. 10, 1–3). Эти сосуды по всем признакам относятся к одному из наиболее характерных типов раннединастической, а также аккадской керамики. Они, в частности, составляют одну из типичных форм керамики Телль Хазны I (Мунчаев, Мерперт, 2001. Рис. 16, 8, 11; Мунчаев и др., 2001. Рис. 18, 1–3; Мунчаев, Мерперт, 1994. Fig. 23) и встречены буквально во всех памятниках Северо-Восточной Сирии (Pfalzner, 1988. Abb. 21, a, c, d; и др.).

Следующий тип представляют два сосуда, стоявшие на подставках (рис. 11, 5, 6). Они имеют округлое тулово, невысокую шейку и покрыты тонким слоем ангоба, один красного цвета, а другой –

коричневато-голубого. Такие сосуды также представлены в раннединастическом слое Телль Хазны I, как и в отдельных телльхазненских погребениях.

К третьему типу относятся небольшие горшочки с округлым туловом и выделенной шейкой (рис. 11, 1–4, 7–10). Пять из семи сосудов покрыты тонким слоем черной или буровато-коричневой краски и тщательно отработаны. На тулове одного горшка и верхней части другого имеются опоясывающие сосуд серо-черные полосы – ленты, сочетающиеся в одном случае с коричневыми и розовыми. Отметим, что подобные же ленты имеются на совершенно аналогичных горшочках из погребений в Телль Бейдаре, где их

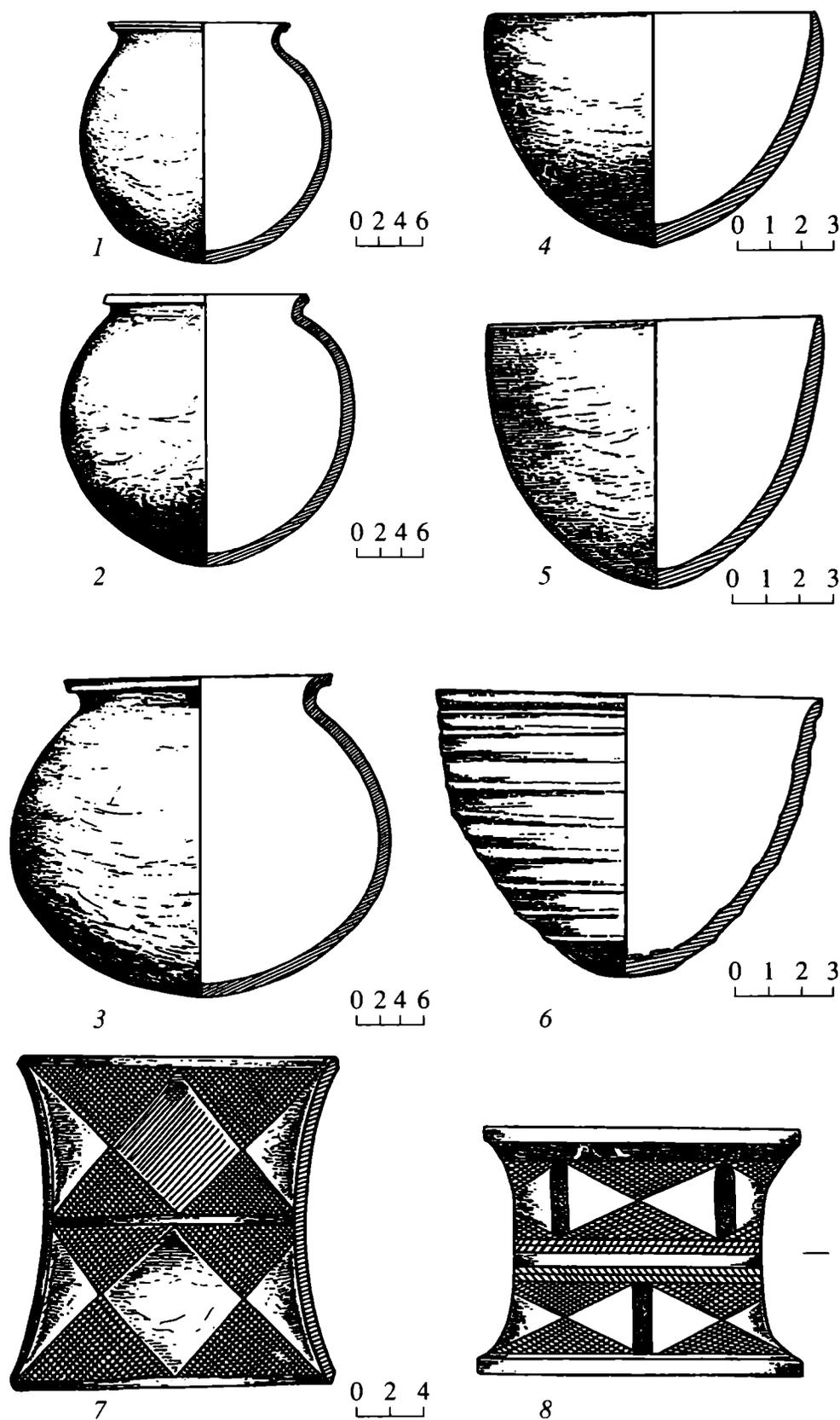

Рис. 10. Тель Хазна I. Керамика из погребения № 32.

датируют раннединастическим II–III периодами (En Syrie..., 1999. P. 269. Fig. 347).

Среди сосудов данного типа особо выделяются четыре горшка. На донной части или боку трех из них виден четкий круг диаметром 5–6.5 см желтоватого и розоватого цвета (рис. 11, 7–10). На четвертом горшке имеются два таких розовых круга

(“яблока”) в черном обрамлении. Возможно, их происхождение связано с технологией обжига.

В самом Тель Хазне I близкие по форме горшки обнаружены, но абсолютно подобной формы сосуды происходят из Тель Бейдара, как мы уже указали, а также из аккадского слоя Тель Брака (En Syrie..., 1999. P. 273. Fig. 362). Однако

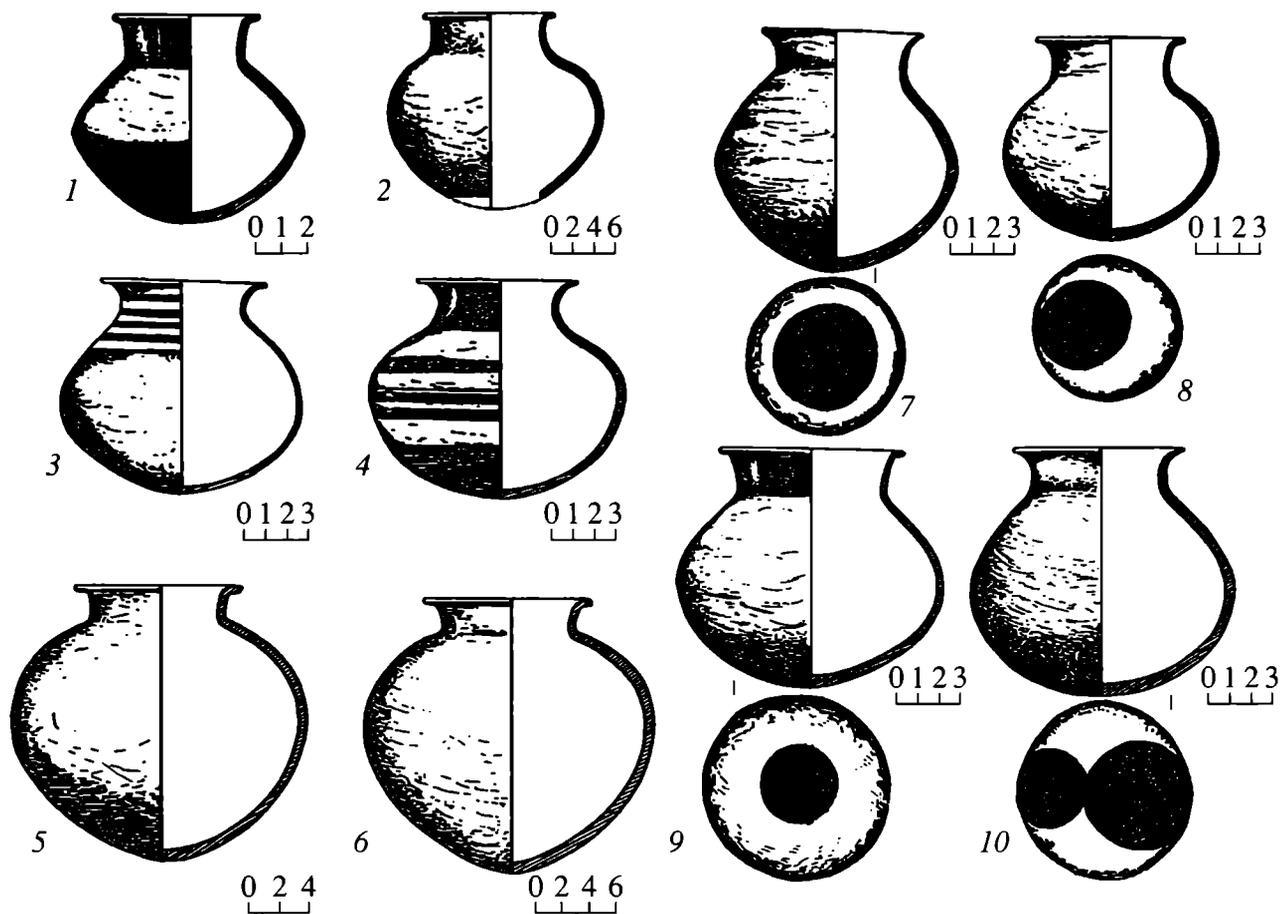

Рис. 11. Телль Хазна I. Керамика из погребения № 32.

ни в одном памятнике Месопотамии, насколько нам известно, не найдены сосуды с дисковидными изображениями.

Еще один тип сосудов составляют две полу-сферические остродонные чаши (рис. 10, 4, 5) высотой соответственно 7 и 8 см и диаметром по венчику 10 см. Такие чаши широко представлены в памятниках Северной Месопотамии второй половины III тыс. до н.э. В частности, подобный им сосуд найден в погребении № 1 в самом Телль Хазне I (Мунчаев и др., 1990. Рис. 3, 11). Они обнаружены также в Телль Браке (Mallowan, 1947. P. 235. Fig. LXIV, 10), Чагар Базаре (Mallowan, 1936. P. 30. Fig. 10, 1-3, 5-8; 1947. Fig. LXXXII, 3, 11), Телль Атидже (Voileau, 2001. Fig. 2) и т.д. и повсеместно датируются в пределах второй половины III тыс. до н.э.

Отдельный тип посуды представляет еще одна чаша близкой формы. Она отличается от вышеотмеченных тем, что имеет уплощенное дно и слегка ребристую поверхность розовато-буроватого цвета (рис. 10, 6). Подобные чаши также встречаются в памятниках Северо-Восточной Сирии второй половины III тыс. до н.э., например, в Телль Браке (Mallowan, 1947. Fig. XXXIV; XXXIX, 3; LXX, 7, 13; En Syrie..., 1999. P. 249. Fig. 261).

И последний тип керамики из погребения № 32 – это две подставки для сосудов. Они цилиндрической формы с вогнутыми стенками (рис. 10, 7, 8),

высотой соответственно 19 и 14 см, были расписаны двумя рядами треугольников, заштрихованных красной и черной краской. Подставки отличаются от других представленных в погребении типов керамики не только наличием расписной орнаментации и прежде всего своим назначением, но также цветом и некоторыми технологическими особенностями. Подобные подставки, правда, без росписи, известны из памятников Северо-Восточной Сирии второй половины III тыс. до н.э. Так, аналогичная по форме и размеру подставка происходит из слоя раннединастического III периода Телль Бейдара (En Syrie..., 1999. Fig. 25).

Таким образом, анализ керамики позволяет датировать данное погребение второй половиной III тыс. до н.э. Этой датировке не противоречат и остальные предметы погребального обряда. Среди последних большой интерес вызывают бронзовые булавки и прежде всего полностью сохранившаяся крупная (длиной 17 см) посоховидная булавка, заканчивающаяся зооморфной головкой, вероятно, льва (рис. 12, 16). Вторая булавка прямая, длиной 7 см, с витой верхней частью (рис. 12, 13).

До этого бронзовые булавки были обнаружены в пяти погребениях Телль Хазны I. Но среди них нет ни посоховидной, ни булавки с витым навершием. Представляется несомненным, что бронзовая булавка – самое распространенное металлическое изделие в комплексах Сирии III тыс.

до н.э., особенно середины и второй его половины. Они, в частности, обнаружены во всех исследованных памятниках раннединастической эпохи Сирии (Mallowan, 1936. Fig. 8; 1947. Fig. XLI, 2, 7; XLII, 8; Debruyen, 1997. Pl. VI, 1, 2; *En Syrie...*, 1999. Fig. 285, 286, 310, 311; и т.д.). Обычно навершие булавок, прежде всего посоховидной формы, имеет округленную головку. Хорошо известна бронзовая булавка из Чагар Базара с навершием в виде головки газели или козла (Mallowan, 1947. Fig. XLII, 8; LV, 13, 14). Оттуда же происходит бронзовая булавка с навершием в виде двух фигурок голубей (Mallowan, 1936. Fig. 8, 2). Но до сих пор, насколько нам известно, в Сирии не обнаружена булавка с навершием в виде головки льва. Что же касается собственно мотива льва в искусстве Месопотамии, то он распространяется здесь уже в урукскую эпоху, но особенно популярным становится во второй половине III тыс. до н.э.

Наконец, инвентарь рассматриваемого погребения включал в себя небольшое количество украшений в виде бус и подвесок, среди которых находилась глиняная цилиндрическая печать-подвеска с вогнутыми сторонами и геометрическим орнаментом (рис. 12, 14).

Отметим, что бусы из сердолика, раковин и особенно пасты часто встречаются в древних погребениях Месопотамии. Они, в частности, встречены в большом числе погребений, раскопанных в Телль Хазне I и многих других памятниках и относящихся к III тыс. до н.э. Подчеркнем только, что крупные бусы – подвески колоколовидной формы из средиземноморских раковин в погребениях Телль Хазны I до этого не были представлены. Но кольцевидные подвески из камня, кости и глины, подобные обнаруженной в погребении № 32, найдены и в Телль Хазне I, и почти во всех других синхронных памятниках Северной Месопотамии. Хотя и цилиндрические печати, аналогичные обнаруженной в рассматриваемом погребении, достаточно широко представлены в древних месопотамских комплексах, на них следует остановиться несколько подробнее. Прежде всего укажем на то, что до открытия погребения № 32 в Телль Хазне I было найдено свыше десяти печатей, в том числе пять цилиндрических (Мунчаев, Мерперт, 2001. С. 96; Мунчаев и др., 2001. С. 110–112). Все они происходят из культурного слоя. Следовательно, погребение № 32 – это первый случай обнаружения в Телль Хазне I печати в захоронении. Обнаруженные в Телль Хазне I печати четко подразделяются на две группы. К первой относятся печати из нижних горизонтов раннединастического слоя. Они прямоугольной и округленной формы (Мунчаев, Мерперт, 2001. Рис. 20, 3–8). По форме и сюжетам они четко сопоставляются, например, с печатями из слоев XI–XIA Тепе Гавры (Tobler, 1950. Pl. CLXIV, 98, 100; CLXVIII, 145, 146 и т.д.) и позднеурукского слоя

Чагар Базара (Mallowan, 1947. Fig. XX, 2, 34, 36) и датируются таким образом концом IV – началом III тыс. до н.э. К этому же времени относятся печати с подобным стилем изображения и из других памятников Ближнего Востока (Collon, 1998. P. 13–19. Fig. 11, 17).

Печати же второй группы в виде небольших цилиндров обнаружены в Телль Хазне I только в верхних напластованиях культурного слоя памятника. Стилистически и по форме они совершенно отличны от рассмотренных выше. Для изображений на них характерны геометрические или стилизованные растительные мотивы, как на печати из погребения № 32. Цилиндрические печати с подобным стилем изображений были широко распространены в Месопотамии, а также в Анатолии. Их датируют III тыс. до н.э., в пределах 3000–2234 гг. до н.э. (Collon, 1998. P. 7–20).

Таким образом, печать из погребения № 32 полностью укладывается в те хронологические рамки, которые определяются и другими категориями инвентаря изучаемого комплекса. Происходящие из погребения металлические изделия, бусы, подвески и, наконец, глиняная цилиндрическая печать оказываются характерными не для определенного конкретного периода, а для всей раннединастической эпохи, точнее III тыс. до н.э. почти всего Ближнего Востока. В то же время сравнительный анализ керамики погребения № 32 доказывает ее связь прежде всего с соответствующими комплексами Северной Месопотамии раннединастического II и особенно III периодов, включая начало аккадской эпохи. Именно в пределах этого времени – третьей–начале последней четверти III тыс. до н.э. – нам представляется возможным датировать рассмотренное погребение в Телль Хазне I. Оно могло быть совершено, по всей вероятности, между 2300–2200 гг. до н.э.

Как устанавливается, подавляющее большинство открытых в Телль Хазне I погребений относятся ко второй–третьей четвертям III тыс. до н.э. К ним, по сути дела, примыкает хронологически и погребение № 32. Следовательно, постулируемое нами заключение о том, что почти все погребения, раскопанные в Телль Хазне I, совершены сразу или спустя короткое время после прекращения функционирования здесь культового центра, правильно. Действительно, среди них нет ни одного погребения, которое содержало керамику так называемого хабурского стиля (начало II тыс. до н.э.) и тем более ассирийского периода.

К устанавливаемому хронологическому периоду относится и другой интересный погребальный комплекс, раскопанный в Телль Хазне I в 2001 г. Это – погребение № 35, открытое в кв. XVIII/13 на глубине 0.65 м от 0, т.е. у самой поверхности. К сожалению, и здесь форма и размеры могилы не прослежены.

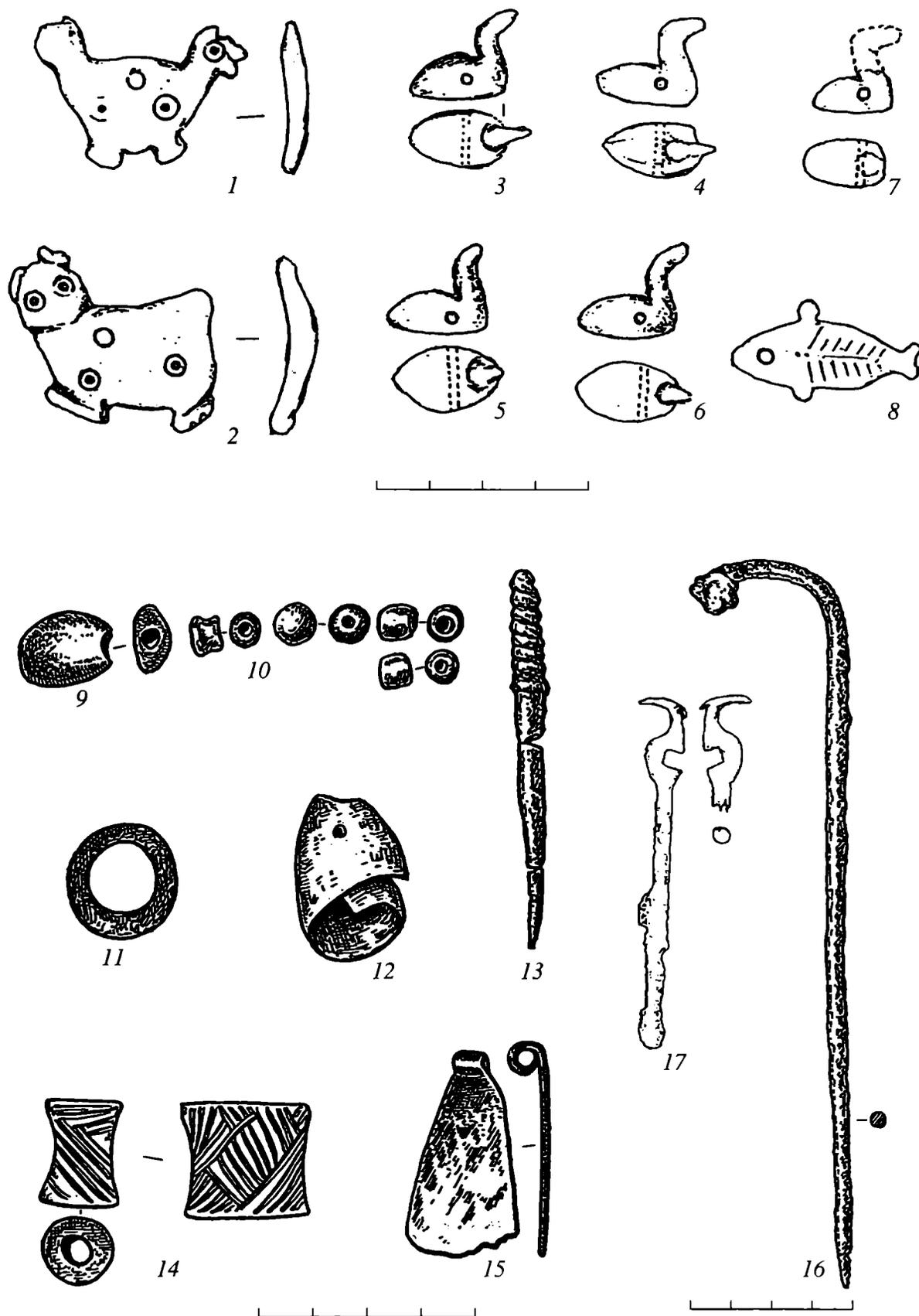

Рис. 12. Телль Хазна I. Находки из погребений № 32 (9-16); № 35 (1-8); № 37 (17).

В могиле обнаружены в сильно перемешанном и фрагментарном состоянии останки двух младенцев в сопровождении таких же разрозненных костей козленка (рис. 9, 2). Те и другие кости находились внутри крупного зольного скопления. Там же при них найдены ожерелья не менее чем

из 300 бусин различных форм, размеров и материала (пастовые, раковинные, коралловые и прочие) – от мелкого бисера до крупных шаровидных, биконических, кольцевидных, дисковидных. Наибольший же интерес представляют вырезанные из крупных средиземноморских раковин фигурки

рыбы (рис. 12, 8), хищника (льва?) (рис. 12, 2) и птицы (рис. 12, 1), а также пять сделанных, возможно, из пасты (?) фигурок уток (рис. 12, 3–7).

Бусы из данного комплекса повторяют формы, представленные как в рассмотренном погребении № 32, так и в ряде других погребений Телль Хазны I, открытых в предшествующие сезоны.

Что же касается отмеченных фигурок, то они встречены в Телль Хазне I впервые и заслуживают особого внимания. Фигурки-амулеты в виде плывущих уток известны в Северной Месопотамии уже в памятниках халафской культуры (Mallowan, 1947. P. 102). Так, подобные фигурки, сделанные из черного стеатита, найдены в “сгоревшем доме” Телль Арпачии, в слое ТТ6 (Mallowan, Rose, 1935. Fig. VI, b). Такие же амулеты-подвески происходят из слоя 1–2 в Чагар Базаре (Mallowan, 1936. P. 26. Fig. 7, 27, 29; 1947. P. 151. Fig. XIV) и костяные – на южной стороне платформы “Главного храма” в Телль Браке (Mallowan, 1947. Fig. X, 3; XV, 21). Находки из Чагар Базара и Брака датируются Маллованом в широких рамках, от Джемдет Насра до раннединастической эпохи.

Изображения же рыб можно видеть на ранней керамике Месопотамии, начиная с самарской культуры (VI тыс. до н.э.). Но фигурки рыб, выполненные из различного материала, включая камень, появляются здесь, насколько нам известно, в период Джемдет Насра (рубеж IV–III тыс. до н.э.) и продолжают существовать в раннединастический период. М. Маллован приводит аналогии находкам фигурок рыб из Чагар Базара и Брака (Mallowan, 1947. Fig. XLVII, 4) в ряде памятников (Ур, Урук, храм Сина в Хафадже и др.) Месопотамии (Mallowan, 1947. P. 110, 194).

Прямых аналогий двухголовой фигурке птицы или животного (рис. 12, 1) из погребения № 35 нам не известно. Но близкие по схеме каменный и костяной двухголовые амулеты с таким же циркульным орнаментом найдены в Телль Браке и Чагар Базаре (Mallowan, 1947. Fig. XV, 13, 14) и датированы временем от Джемдет Насра до конца раннединастической эпохи. Укажем также на стилистически близкую, но одноголовую, зооморфную фигурку из слоновой кости, найденную в слое раннединастического III периода в Телль Бейдаре (En Syrie..., 1999. P. 285. Fig. 284).

Наиболее выразительна в серии находок из погребения № 35 фигурка хищника, скорее всего льва (рис. 12, 2). Почти аналогичная ей зооморфная фигурка, выполненная из белого алебаstra, происходит из находящегося вблизи Телль Хазны I Брака (Mallowan, 1947. Fig. XLVII, 7). Она найдена там в сооружении раннединастического III периода (Fifty years..., 1982. P. 62). Их сближает общая схема, при которой туловище изображено в профиль, а голова в фас. Но при этом они, по всей вероятности, изображают разных животных. В Телль Браке найдены еще две алебастровые фигурки

той же схемы, изображающие, как считает Маллован, лис (Mallowan, 1947. Fig. XV, 19, 22). Отметим также, что подобные фигурки в Северной Месопотамии обнаружены еще в Тепе Гавре (Speiser, 1935. Pl. LIII). Е.А. Спайзер считает их амулетами и относит к VI–VII слоям этого памятника, предлагая тем самым достаточно широкую их датировку – от того же самого периода Джемдет Наср до конца раннединастической эпохи (Speiser, 1935. P. 135–137, 183).

Стратиграфическое положение рассматриваемого погребения № 35, в котором найдены описанные фигурки, предполагает сравнительно позднюю его датировку в указанных пределах. Это, скорее всего, вторая половина III тыс. до н.э.

Не вызывает сомнений отнесение к поздней фазе раннединастической эпохи и остальных четырех погребений. Погребение № 33 (кв. XX/15) было совершено на уровне 5.50 м в яме, врезающейся в юго-западный угол помещения № 305. Остатки костяка ребенка не старше 2 лет лежали здесь скорченно на левом боку головой на северо-запад и сопровождалась прямостенным круглодонным горшочком и одной пастовой бусиной.

Погребение № 34 зафиксировано в кв. XIX/14 на глубине 3.50 м и представлено скоплением измельченных человеческих костей, перемешанных с такими же обломками костей козла-барана. Среди костей найдено значительное число (105) дисковидных кварцевых бусин.

Погребение № 36 открыто в кв. XIX/14 внутри постройки № 316 на уровне 5.30 м. Сравнительно хорошо сохранившийся костяк взрослого человека лежал скорченно на правом боку головой на северо-запад, с резко подогнутыми руками и ногами, вдоль юго-западной стены помещения (рис. 13, 1). По предварительному определению костяк принадлежал мужчине средних лет. Инвентаря не было. Покрывавшие весь костяк следы перегноя органического происхождения позволяют предполагать покрытие умершего тканью. Хорошо сохранившиеся отпечатки свидетельствуют о наличии под погребенным соломенной подстилки (циновки).

Погребение № 37 открыто в кв. XVII/13, в 2 м к югу от погребения № 35, на уровне 2.95 м. Костяк лежал вдоль северо-западной стены постройки № 318 (рис. 13, 2). Могильная яма хорошо прослеживается. Она имела форму овала, вытянутого с северо-востока на юго-запад и по северному краю была обложена глиняными блоками. Длина ее 1.30, ширина 0.50–0.30 м. Погребенный лежал на левом боку, скорченно, головой на юго-запад (рис. 13, 2). За теменной частью черепа стоял сферический горшочек с низким горлом и четырьмя узкими вертикальными налестками со сверлинами для подвешивания (рис. 14, 1). На дне сосуда имеется прочерченный знак в виде стилизованной птицы. И здесь, подобно погребению № 36, весь костяк был покрыт тонким слоем светлого

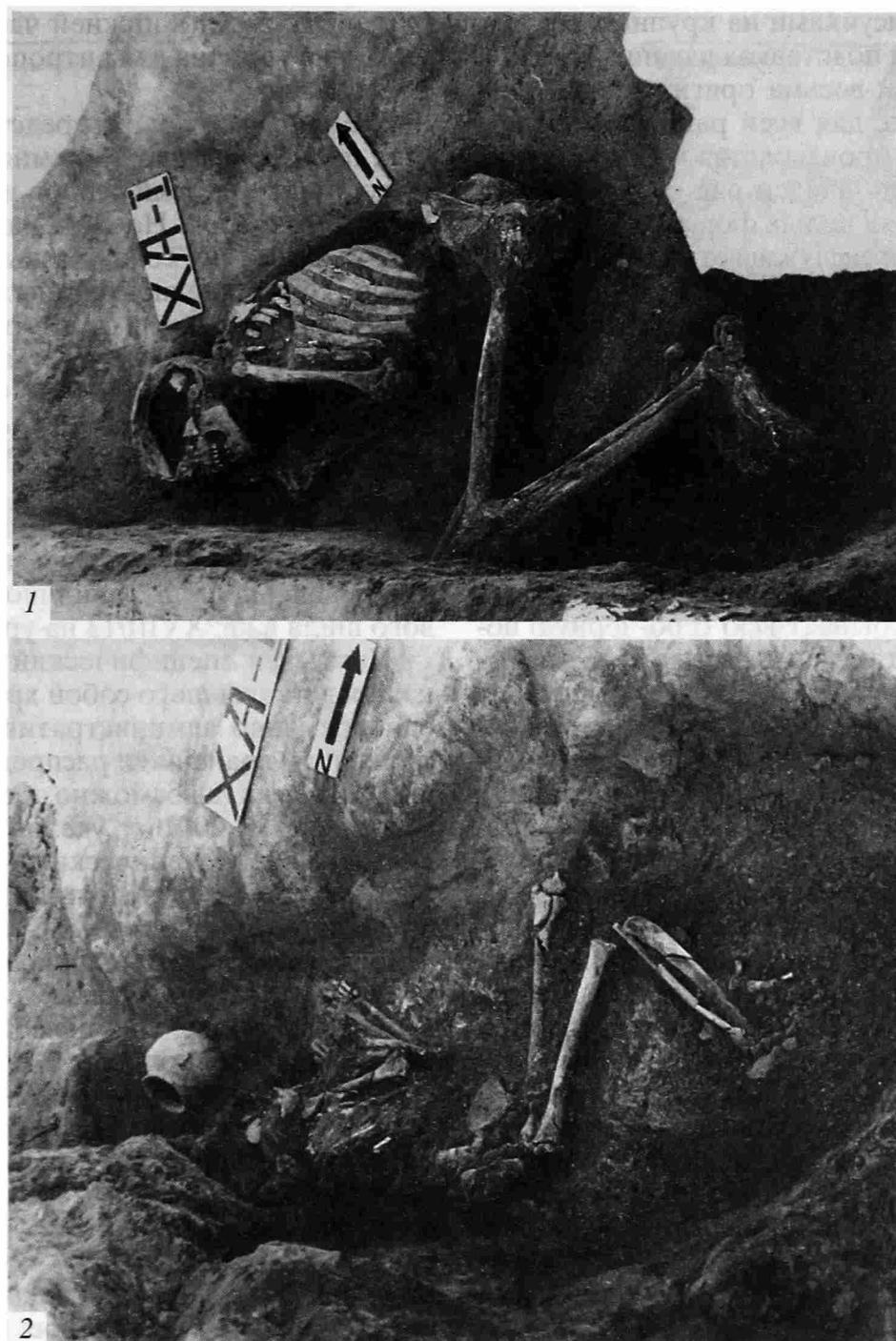

Рис. 13. Телль Хазна I. 1 – погребение № 36; 2 – погребение № 37.

перегной, позволяющего предполагать перекрытие погребенного тканью.

Особо следует отметить находку под левым плечом погребенного бронзового изделия в виде стержня, круглого в сечении и заканчивающегося с одной стороны небольшим округлым утолщением, с другой – двойным коленчатым изгибом с заостренной (“змеиной”) головкой (рис. 12, 17). Длина изделия 6.5 см.

Таким образом, именно погребальные комплексы, открытые на Телль Хазне I в 2001 г., дали наиболее яркие находки. Это касается как керамики, представленной наибольшим за все годы раскопок памятника числом целых форм, так и металлических изделий и сотен многообразных

бусин. Находки же в культурном слое заметно дополнили керамическую коллекцию прежде всего за счет целых сосудов и массового фрагментарного материала среднего и позднего периодов существования памятника, когда реминисценции урукской керамики заметно сократились, и приоритет в керамическом производстве полностью перешел к собственно раннединастической традиции, связанной с использованием круга быстрого вращения. В этой технике производились крупные округлодонные пифосы для хранения зерна и воды, многообразные горшки, кубки, банки, бокалы, “чайники”, сита, кухонные сосуды и пр. Но сохраняется еще роспись, иногда двухцветная, и среди находок 2001 г. представленная сложными

геометрическими рисунками на крупных сосудах и на цилиндрических подставках для них. Продолжает существовать и весьма оригинальная и характерная, очевидно, для всей раннединастической эпохи традиция производства керамики типа Ниневии V. В 2001 г. найден ряд соответствующих фрагментов и ряд целых форм.

Особого внимания заслуживает замечательный сосуд, найденный в северном борте кв. XIX/13 на глубине 4.70 м (возможно, он связан с расположением за пределами раскопа и еще не расчищенным погребением). Сосуд поражает прежде всего совершенством его производства (рис. 14, 2). Он сферический, с четко выраженной изящной ножкой-поддоном с вогнутыми сторонами, раструбовидным горлом с отогнутым «клювовидным» венчиком и четырьмя овальными вертикальными налестками на плечиках. Глубокое, доведенное до глянца лощение покрывает всю серо-черную поверхность сосуда. И также полностью ее покрывает великолепно выполненная резная орнаментация в виде вертикальных (под горлом и ниже плечиков) и горизонтальных (по плечикам) полос, ограниченных каннелюрами и заполненных рядами углов или скошенных штрихов («елочка»). Стройность пропорций сосуда беспрецедентна. Вместе с тем, это один из самых крупных сосудов типа Ниневии V, найденных до сего времени в исследуемом районе. Высота его 32 см, диаметр устья – 10 см, тулова – 22 см, ножки – 6 см (при высоте 4 см). Рядом с ним зафиксирован (но еще не расчищен) второй сосуд, а под ними на уровне 5.10 м появились кости человеческого черепа.

Могут быть отмечены полностью сохранившиеся в культурном слое редкие формы: небольшой полусферический сосудик ($d = 4.3$, $h = 3.2$ см) на высокой (5.5 см) рюмкообразной подставке (квадрат XVII/13, уровень 1.80 м), изящный «чайник» с узким носиком (рис. 14, 4) и полым поддоном (кв. XX/13, уровень 5.20 м ($h = 10.3$, d устья – 7 см, d тулова – 10.2 см, d поддона – 3.6 см), наконец, подставка в виде цилиндра с отогнутым волнообразным венчиком, вертикальными стенками толщиной до 1 см и кольцевидным основанием шириной 3.5 см (рис. 14, 3). Подставка была найдена в траншее на северном склоне (кв. XV/7) на уровне 10 м.

Прочие находки в культурном слое единичны: это две зооморфные фигурки, одна из которых идентифицируется как изображение бычка (рис. 15, 2), и одна антропоморфная статуэтка. Последняя представлена фрагментом довольно крупной сидящей фигуры с отбитой головкой, моделированными (возможно, приподнятыми) руками и вертикальным каналом внутри, свидетельствующим о том, что фигурка служила навершием какого-то стержня и имела, скорее всего, культовое предназначение (рис. 15, 1). Высота фрагмента свыше 7 см, ширина до 4.5 см, толщина от 1.5 см

(у шеи) до 5 см (в нижней части). Находка абсолютно не типична для антропоморфной пластики Телль Хазны I.

Каменные изделия представлены, как и на всех прочих участках, кремневыми вкладышами от составных лезвий серпов и зернотерками различных размеров. Но одна находка уникальна, во всяком случае для Телль Хазны I. Это каменная ступка четко выраженной формы: плоскодонная, с раструбовидным устьем и отогнутым краем (рис. 15, 3). Высота ее 14 см, диаметр устья 15.5 см, дна – 11 см, глубина впадины около 5 см. Сделана она из черного камня интрузивной породы. Найдена в кв. XIX/13 на уровне 4.65 м. И рядом с ней на том же уровне лежал пест в виде усеченного конуса, сделанный из такого же камня (рис. 15, 4).

Металлические изделия в культурном слое представлены лишь единичной находкой бронзового шила в кв. XVIII/13 на уровне 2.12 м.

Учитывая специфический характер памятника, представлявшего собой храмовый комплекс и одновременно административный центр, осуществлявший хранение и распределение общественных пищевых (а возможно, и фуражных) запасов, экспедиция в 2001 г. уделила особое внимание анализу палеоботанических и палеозоологических материалов. Были использованы как материалы предшествовавших сезонов, так и образцы, полученные в результате широкомасштабных целенаправленных сборов, произведенных в данном сезоне членами экспедиции палеоботаником Е.Ю. Лебедевой и археозоологом Е.Е. Антипиной.

В дополнение к взятым ранее 40 пробам было отобрано еще свыше 50 образцов с разных участков и уровней культурного слоя Телль Хазны I, а также из Телль Хазны II. Извлечение палеоботанических макроостатков (зерен, семян, фрагментов колосьев и т.п.) из культурного слоя осуществлялось методом флотации (или простой водной сепарации). Детальное и всестороннее их изучение проводится ныне в лаборатории естественно-научных методов Института археологии РАН. Но и предварительный их анализ на месте позволяет сделать ряд хорошо обоснованных заключений. Так, можно с уверенностью говорить, что земледельцы сирийской Джебзирры в III тыс. до н.э. из злаковых отдавали предпочтение ячменю, доля которого во взятых пробах составляет от 60 до 80%. Возделывались как пленчатые, так и голозерные формы этого злака (*Hordeum vulgare* и *Hordeum vulgare nudum*). Второе место занимала пшеница: в образцах она занимала от 10 до 25%. Она представлена двумя видами: двузернянкой или эмером (*Triticum diccosum*) и мягкой (*Triticum aestivum* s.l.). Бобовые составляют в образцах 4–8%, из них наиболее часто встречается чина (*Cicer arietinum*) и чечевица (*Lens culinaris*). Кроме того, собрано значительное число семян сорно-полевой и дикорастущей флоры.

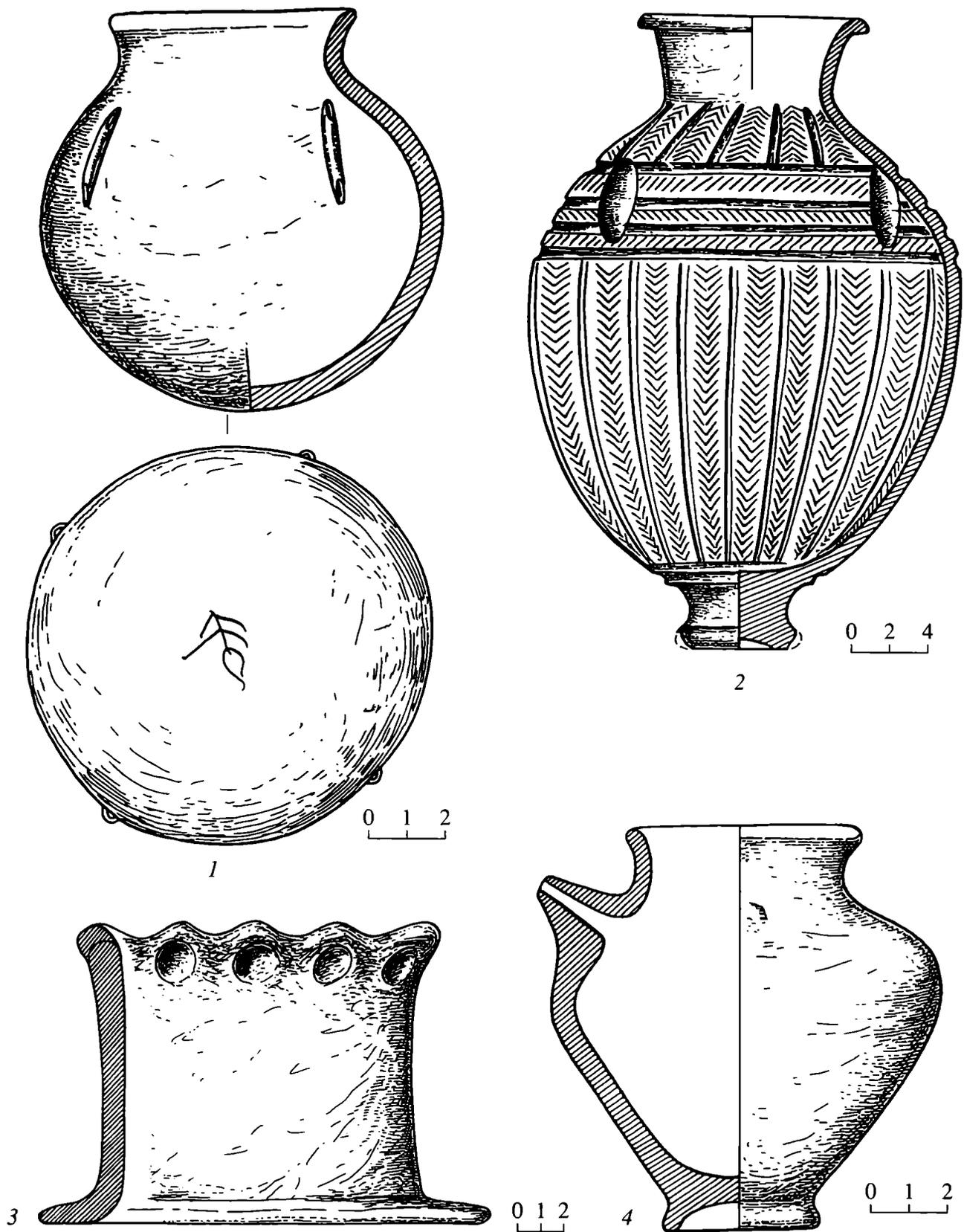

Рис. 14. Телль Хазна I. Керамика из погребения № 37 (1) и культурного слоя (2–4).

Около 20 проб было взято и в нижнем слое Телль Хазны II, принадлежащем архаическому этапу хассунской культуры и предшествующей и в то же время исходной для нее культуре Телль Сотто (конец VII – начало VI тыс. до н.э.). Анализ этих образцов, безусловно, поможет воссоздать более полную и обоснованную картину развития

земледелия в долине Хабуре фактически с самого начала этого процесса.

Е.Е. Антипиной было проведено исследование костей животных, собранных при раскопках Телль Хазны I с 1994 по 2001 гг. Общее число их составило около 2000 фрагментов, большая часть которых была определена до видового уровня. Боль-

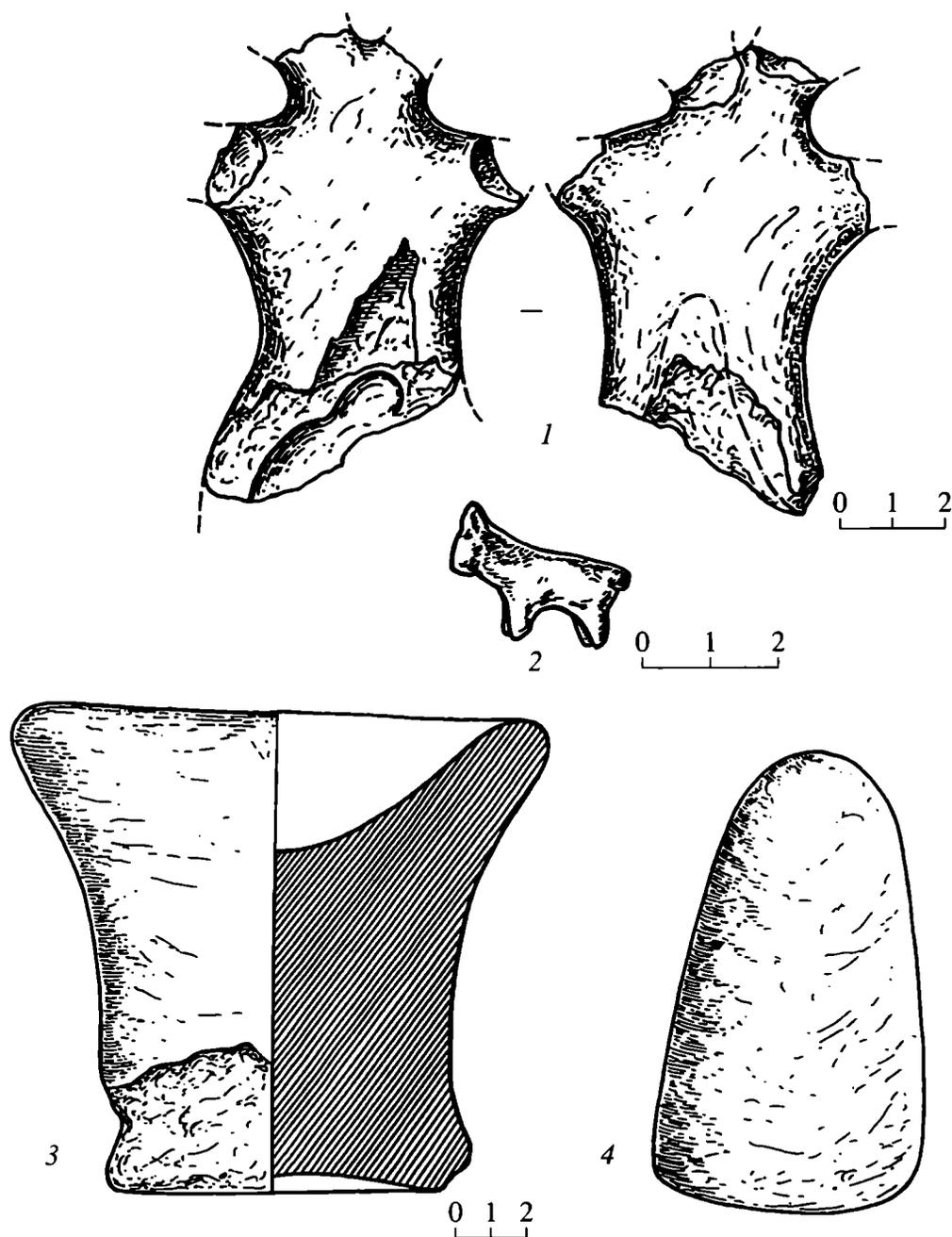

Рис. 15. Телль Хазна I. Антропоморфная (1) и зооморфная (2) фигурки, каменные ступка (3) и пест (4).

шой процент определимых костей и их значительный количественный объем позволяют получить достоверные данные по видовому составу животных и доле отдельных видов в пищевом рационе связанных с памятником людей. Большинство костей млекопитающих принадлежало домашним животным (83%), значительно превосходя число костей диких особей (17%). Результаты предварительной обработки костей представителей домашней фауны показали наличие среди последних пяти видов: крупного рогатого скота – быка (*Bos Taurus*) – 30%, мелкого рогатого скота – овцы (*Ovis aries*) и козы (*Capra hircus*) – 33.8%, свиньи (*Sus scrofa f. Domestica*) – 33.6% и собаки (*Canis familiaris*) – 2.6%. Необычным фактом надо признать значительную долю свиньи в материалах

Телль Хазны I, что резко отличает их от коллекций из других известных памятников того же района, в которых, как правило, доминирует мелкий рогатый скот.

Среди костей трех видов диких млекопитающих определены остатки газели (*Gasella sp.*) – 51.3%, онагра (*Equus hemionus*) – 48.2% и зайца (*Lepus sp.*) – 0.5%. Отнесение четырех костей верблюда из остеологической коллекции Телль Хазны I к дикому или домашнему видам на данном этапе исследования обосновать не удастся.

В заключение еще раз отметим, что в 2001 г. Сирийская экспедиция ИА РАН провела небольшие разведочные работы и на Телль Хазне II, расположенном в 1 км к югу от Телль Хазны I. Здесь на нижнем участке траншеи, вскрытой в

1991–1993 гг., площадь размером 20 кв. м (5 × 4 м) была углублена на 1.20 м вплоть до материка, открывшегося на уровне 8.00 м от вершины холма.

Получен небольшой, но выразительный материал, в основном керамика, среди которой выделяются фрагменты древнейших расписных сосудов Северной Месопотамии. В целом керамика архаична, большинство фрагментов принадлежит груболепным толстостенным сосудам, отражающим один из наиболее ранних этапов развития гончарства на Ближнем Востоке.

Выше уже упоминалось, что из того же слоя на исследованном в 2000 г. участке Телль Хазны II взяты более 20 образцов для исследования палеоботанического материала.

В целом результаты работ экспедиции в 2001 г. оказались чрезвычайно научно значимыми. Они дали большой новый материал по общей структуре древнейшего в Северной Месопотамии культово-административного центра – Телль Хазны I, позволили детально выяснить планировку его восточного района и место его в общей планировке памятника. Еще раз была подтверждена абсолютная необходимость дальнейшего исследования этого уникального объекта, заметно меняющего представления о развитии Месопотамии и особенно ее Сирийского региона в период сложения древнейшей в мире ближневосточной цивилизации.

Экспедиция проведена при финансовой поддержке РГНФ – проект № 01-01-18010е.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я.* Древнейший культовый центр в долине Хабура (Северо-Восточная Сирия) // РА. 1997. № 2.
Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я. Северная Месопотамия в свете исследований Российской экспедиции // Археология, этнография и антропология Евразии. № 2(6). Новосибирск, 2001.

- Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Амиров Ш.Н.* Телль Хазна I: итоги новейших исследований (1997–2000 гг.) // РА. 2001. № 4.
Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Бадер Н.О. Телль Хазна I (исследования советской экспедиции в Северо-Восточной Сирии 1988–1989 гг.) // СА. 1990. № 2.
Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Бадер Н.О., Амиров Ш.Н. Телль Хазна II – раннеземледельческое поселение в Северо-Восточной Сирии // РА. 1993. № 4.
Boileau M.-C. Etude multidisciplinaire de la ceramique de Tell Atij, Syrie // Recherches canadiennes sur la Syrie Antique. Canadian Research on Ancient Syria. Quebec, 2001.
Collon D. First Impressions. Cylinder Seals in the Ancient Near East. Chicago, 1998.
Debruyen M. A corbelled Akkadian Grave (Field F) // Subartu. III. Brepols, 1997.
 En Syrie. Aux Origines de l'écriture. Brepols, 1999.
 Fifty years of Mesopotamian discovery. London, 1982.
Mallowan V.E.L. The excavations at Chagar Bazar and an archeological Survey of the Habur region 1934–1935 // Iraq. 1936. V. III. Part I.
Mallowan V.E.L. Excavations at Brak and Chagar Bazar // Iraq. 1947. V. IX.
Mallowan V.E.L., Rose J.C. Excavations at Tell Arpachiyah 1933 // Iraq. 1935. V. II. Part I.
Munčaeв R.V., Merpert N.Ja. Da Hassuna a Accad. Scavi della missione russa Nella regione di Hassake, Siria di NE // Mesopotamia. V. XXIX. Firenze, 1994.
Munchaev R.M., Merpert N., Bader N. The Excavations at Tell Hazna I Syria. 1991 // Cahiers de L'Tuphrate. 1993. № 7.
Pfalzner P. Tell Bderi 1985. Bericht uber die erste Kampagh // Damaszener Mitteilungen. Bd. 3. Mainz am Rhein, 1988.
Speiser E.A. Excavations at Tepe Gawra. V. I. Philadelphia, 1935.
Tobler A.J. Excavations at Tepe Gawra. V. 2. Philadelphia, 1950.

Tell Hazna I: Excavations of 2001

R. M. Munchaev, N. Ya. Merpert

Summary

In the season of 2001 the expedition of Institute of Archaeology, RAS, continued investigations of stratified site Tell Hazna I in the Khabur basin (North-Western Syria). The excavations were undertaken on eastern slope of the mound, 8 excavation squares were dug each covering 25 m² and reaching up to 7 m deep. Besides, the trench 5 m in width located on the north slope and pointing from the mound's summit northward was extended for next 10 m. During this season 250 m² were investigated, thus the total excavated area of the site has reached 2500 m². The remains of more than 15 rectangular buildings were cleared up in eastern area. They are arranged in a regular radial structure repeatedly preserved in several building levels. Of special interest was a pit of egg-like shape (in vertical section) up to 4 m deep and up to 3 m in diameter; its mouth was relatively narrow (95 cm). The pit was absolutely empty, its walls being thoroughly smoothed. The pit's function is not clear so far. Six burials were investigated in the same area. All of them were dug into the cultural deposit of the Early Dynastic period and date back to the second half of the 3rd mill. BC. Burials Nos. 32 and 35 are of greatest interest. In the first one 16 whole vessels of various shapes were found, among them two items placed on painted pedestals, bronze artefacts, including staff-like pin surmounted with a lion's head, clay cylinder seal, and the like. Grave No. 35 was furnished with paste amulets of various shapes, some of them depicted ducks, double-headed bird or animal, a lion, a fish made of shell, as well as numerous beads. The north slope was not built up with any structures, its function was maintaining south area of the site.

ПЕРЕХОД ОТ БРОНЗОВОГО К ЖЕЛЕЗНОМУ ВЕКУ НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ) ЧАСТЬ II¹

© 2002 г. В. Р. Эрлих

Государственный музей Востока, Москва

ПРЕДГОРНЫЙ ВАРИАНТ ПРОТОМЕОТСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Территориально памятники этого варианта находятся в предгорной зоне между реками Пшиш и Лаба, располагаясь по р. Белой и ее притокам и Фарсу. Он представлен тремя известными могильниками: Ясенова Поляна (Колосовский), Фарс, Кочипе (Дитлер, 1961; Лесков, Эрлих, 1999; Ловпаче, 1991), а также поселениями – Гуамский грот (протомеотские слои) и Курджипс (Трифонов, 1986–1988; Сазонов, 1992) (рис. 1). Для этого варианта характерны бескурганые могильники, как правило, с присутствием камня в заполнении, и иногда с каменной наброской. Курганы появляются лишь на позднем этапе (могильники Клады, Хаджох) (Лесков, Эрлих, 1999. С. 28–30, 68; Сазонов, 1997).

В могильнике Фарс/Клады встречена серия погребений, впущенных в курганы эпохи бронзы (Лесков, Эрлих, 1999. С. 25–27). Все погребения – одиночные, ориентировка неустойчивая, однако преобладает северо-западная – могильник Кочипе (северный протомеотский участок) (Ловпаче, 1985–1986) и юго-западная – могильник Фарс (Лесков, Эрлих, 1999. С. 31). Поза погребенного имеет в некоторой степени корреляцию с инвентарным набором.

Среди вытянутых погребений преобладают воинские и с мужским инвентарем, скорченные погребения чаще встречаются с женским “набором” инвентаря. Скорченные погребения совершены, как правило, на левом боку. Имеются погребения всадников. В аристократическом могильнике Фарс их процент достаточно высок – около 40%. Здесь преобладает обряд помещения целого костяка лошади в могилу, шкура встречается реже (Лесков, Эрлих, 1999. С. 31–35). В погребениях достаточно устойчив керамический набор – это черпаки и корчаги (рис. 2, 1–6), другие формы (горшки, миски) менее характерны, а для могильника Фарс/Клады – единичны (Лесков, Эрлих, 1999. С. 37–43; Ловпаче, 1991. С. 84, 85). Среди оружия преобладают наконечники копий (рис. 2, 23–25).

Топоры-молотки (бронзовые и железные), а также кинжалы, в погребениях встречаются редко (Лесков, Эрлих, 1999. С. 44–49; Ловпаче, 1991. С. 81, 82). Уздечный набор достаточно устойчив – это удила однокольчатые, треугольноконечные и двукольчатые и исключительно петельчатые типы бронзовых псалиев (рис. 2, 7–10, 12–16). Дырчатые псалии встречены только роговые (Лесков, Эрлих, 1999. С. 50–55, 148. Рис. 56; Ловпаче, 1991. С. 83) (рис. 2, 11). Самый характерный тип ранних псалиев – это пластинчатый трехпетельчатый тип II-а нашей схемы или Фарс-2-35 (по схеме С.В. Вальчака) (Эрлих, 1991. С. 34, 35. Рис. 2; Вальчак, 1997. С. 92, 93. Рис. 2, 12), который пока ни разу не встречен в равнинной части.

Для предгорного варианта характерны определенные типы булавок: с грибовидным навершием, имеющим аналогии в Кобани (рис. 2, 27), с кольцевидной головкой (рис. 2, 29), восходящие, по-видимому, еще к сабастиновским булавам типа У-18 (по Е.Н. Черныху) (Черных, 1976. С. 128, 129; Эрлих, 2000), с грибовидной головкой и четырьмя грибовидными выступами (рис. 2, 28) (Лесков, Эрлих, 1999. С. 52, 62, 63. Рис. 1–9).

Субстрат, на котором возник предгорный вариант протомеотских памятников, сейчас еще не вполне ясен. Имеются слои, относимые к финальной бронзе на поселении Курджипс, Старчики (слой 1) и Гуамский грот (Сазонов, 1992; 1995а. С. 82, 83. Табл. 5, 6; Трифонов, 1986–1988; Рысин, 1993). К предгорной зоне можно отнести и поздне-бронзовое поселение Лесное, расположенное чуть севернее Майкопа (Черных, 1996. С. 155–157).

Однако очевидно, что формирование этой группы было вызвано притоком сюда в начале I тыс. до н.э. степного позднесабатиновского населения белозерского облика, которое принесло сюда основные керамические формы – черпак и корчагу, роговые дырчатые псалии. К степным прототипам восходят скипетры, булавки (рис. 3, 12–20) (Лесков, Эрлих, 1999. С. 74–76; Эрлих, 1990. Рис. 1). На такой приток степного населения вроде бы указывает и керамический комплекс поселения Лесное, где, по мнению исследователя, присутст-

¹ Начало статьи опубликовано в предыдущем номере журнала.

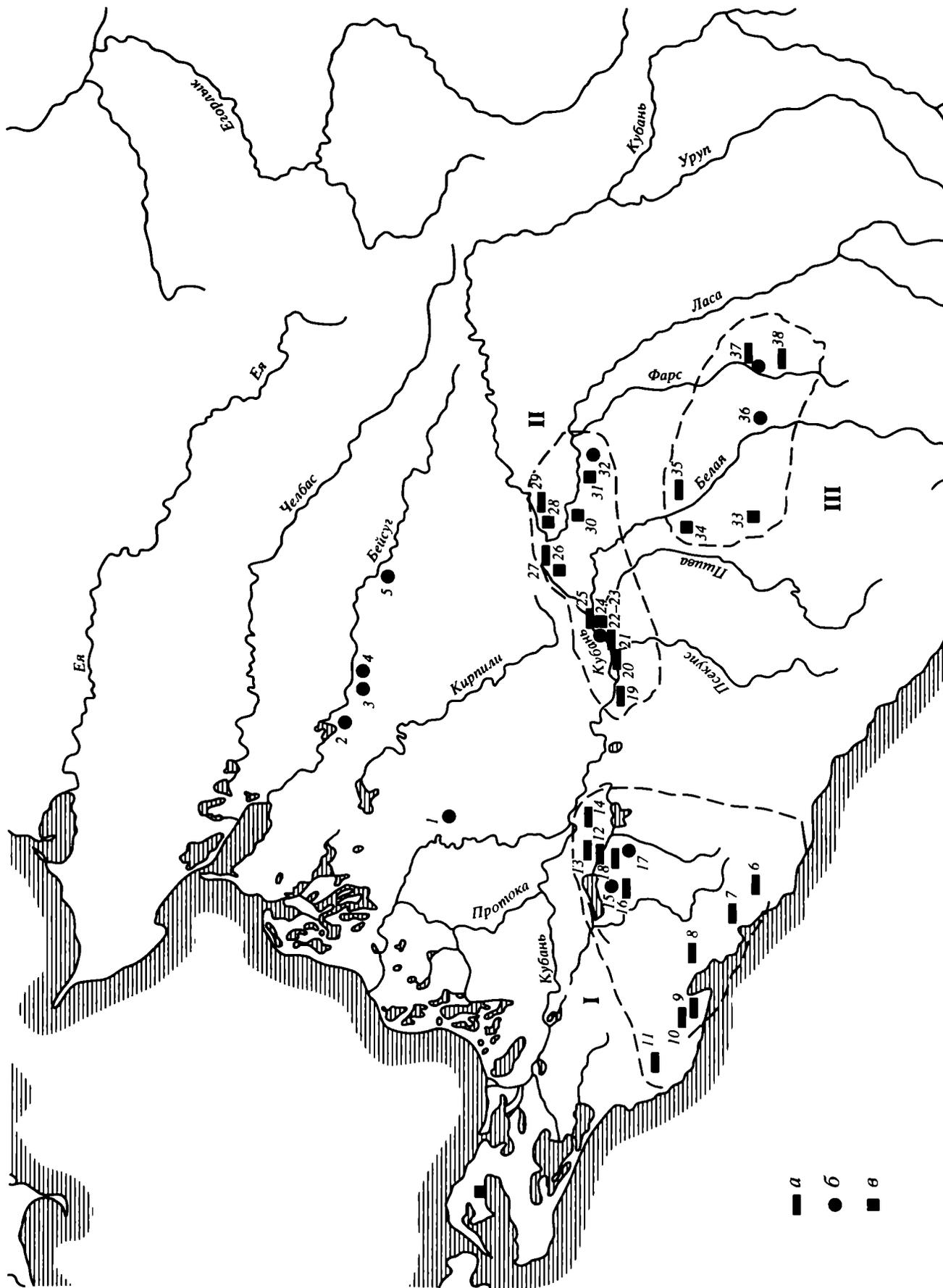

Рис. 1. Основные памятники Северо-западного Кавказа предкифского времени (могильники и поселения). 1 – Новониколаевский II; 2 – Брюховецкая; 3 – Батуринская; 4 – Анапский; 5 – Первомайский; 6 – Псыбе; 7 – Геленджик; 8 – Шехарис; 9 – Широкая балка; 10 – Б. Хутора; 11 – Сукко; 12 – Цеплевский кут; 13 – Мингрельский; 14 – Ахтырский лиман; 15 – Ястребовский; 16 – Абинский; 17 – Холмский; 18 – Черноключевский; 19 – Казаво; 20 – Пескулский; 21 – Ленинохабль; 22 – Чишко кур. мог.; 23 – Чишко грунт. мог.; 24 – Таухабль пос.; 25 – Пшиш; 26 – Красногвардейское; 27 – Николаевский; 28 – Кубанское пос.; 29 – Курджипское; 30 – Уляпское пос.; 31 – Серегинское пос.; 32 – Уашигу; 33 – Гуамский грот; 34 – Курджицкое пос.; 35 – Кочиле; 36 – Хаджох; 37 – Фарс/Клады; 38 – Ясенова поляна; а – грунтовые могильники; б – курганные могильники; в – поселения.

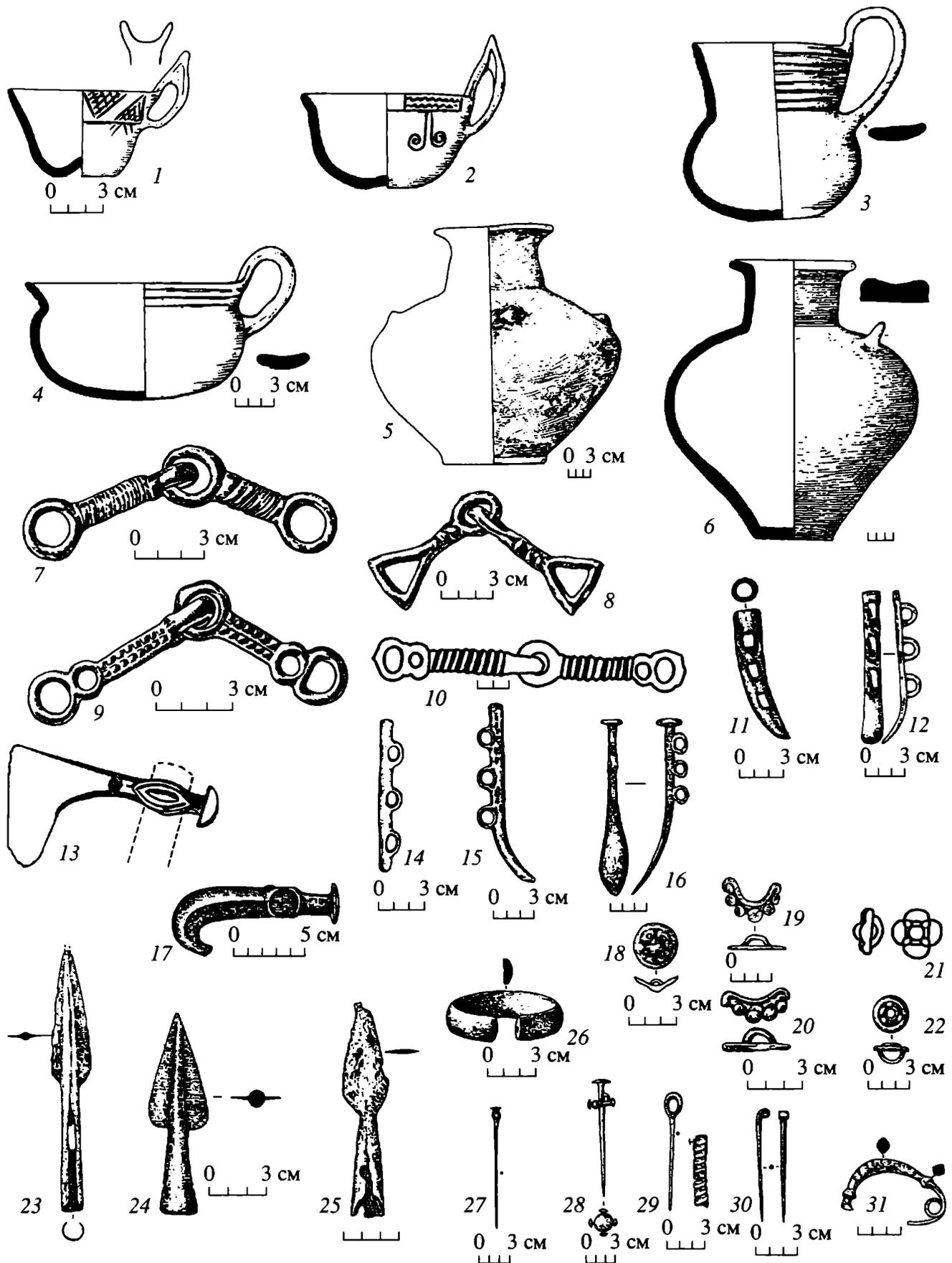

Рис. 2. Основные типы вещей предгорного варианта. 1–12; 14–20; 22–31 – могильник Фарс/Клады (по Лескову, Эрлиху, 1999); 13, 21 – могильник Кочипе (по Ловпаче, 1991). Масштаб разный.

вуют позднесабатиновские и белозерские формы (Черных, 1996. С. 156).

Для памятников предгорной группы в ранний период прослеживаются связи с Закавказьем, особенно Абхазией (это копьа с разомкнутой втулкой, молоточковидное навершие, фибулы, застежки. Рис. 3, 7–11) (Лесков, Эрлих, 1999. С. 76, 156. Рис. 64) и с западным вариантом Кобанской культуры (рис. 3, 1) (двукольчатые удила, петельчатые псалии, некоторые типы булавок, серия уздечных блях) (Лесков, Эрлих, 1999. С. 53–58) (рис. 3, 1–6).

Металлографический анализ железных изделий из могильника Фарс, проведенный Н.Н. Тереховой, показал, что древнейшие изделия из черного металла уже изготовлены с применением самых передовых приемов этого времени – преднамеренным получением цементированной стали и ее термической обработки, что позволило сделать вывод о привнесении традиции железообработки в этот регион из Закавказья (Терехова, 1999. С. 158–161).

В более поздний период этот регион начинает активно контактировать со степью и Лесостепью – начинается “новочеркасская” культурная (а возможно и военная) экспансия, отзвуки которой прослеживаются и в Средней Европе (Эрлих, 1994. С. 122; 1997. С. 25–30). Скорее всего, предгорная группа, как и западный вариант кобанской культуры, является тем местом, где вызревает комплекс типа “новочеркасского” клада, поскольку именно здесь последовательно развивается традиция петельчатых прототипов “классических” новочеркаских псалиев. Здесь же имеются двукольчатые удила с архаичным “ложновитым” рифлением. В кургане 46 могильника “Клады” найдена, очевидно, одна из наиболее ранних, упряжь “новочеркасской” колесницы, детали которой еще не подвергались “жаботинскому” влиянию (Эрлих, 1994. С. 88). По-видимому, именно из предгорий Закубанья, имеющего систему перевалов в Закавказье, через которые пролегалась часть дорог древнейших закавказских военных походов, “новочеркасская” традиция начинает распространяться в равнинную часть Закубанья и дальше в Степь и Лесостепь Юга Восточной Европы (Эрлих, 1994. С. 94, 95).

ПРОБЛЕМА СИНХРОНИЗАЦИИ

Одной из важнейших проблем, на наш взгляд, является проблема синхронизации равнинной и предгорной групп протомеотских памятников. В конце концов, решение этой проблемы должно ответить на вопрос: действительно ли предшествуют памятники черноголовского типа раннему новочеркаскому (предновочеркаскому) комплексу, как считает подавляющее большинство современных исследователей, поддерживающих точку зрения А.И. Тереножкина (1976. С. 197 и сл.) или

предновочеркаский комплекс синхронен черноголовскому. Напомним, что именно протомеотские памятники – Николаевский и Кубанский могильники в свое время позволили А.И. Тереножкину выделить эти два этапа. В конечном итоге, ответом на этот вопрос будет результат сравнения хронологических схем протяженных во времени могильников степного и равнинного вариантов – Пшиш и Фарс. Хронологическая схема могильника Фарс/Клады была недавно опубликована. Она включает четыре хронологических периода, выделенных на основе взаимовстречаемости уздечных наборов, сочетания ранних и поздних признаков в керамике – корчаг и черпаков, а также планиграфии могильника. За хронологические реперы были взяты начальная дата ранних келермесских курганов (середина VII в. до н.э.), синхронных последнему четвертому периоду бытования могильника Фарс/Клады, а также погребения 186 могильника Клин-Яр-III (последняя четверть VIII в. до н.э.), синхронного второму периоду могильника Фарс. Ранняя наиболее многочисленная группа погребений датирована нами широко: первой половиной – третьей четвертью VIII в. до н.э. Нижняя хронологическая граница могильника не ясна. Однако достаточно архаично выглядят бронзовые закавказские наконечники копий с раскованной втулкой из погребений 35 и 9², роговые псалии из погребений 9 и 31. Тем не менее, надежных оснований заглаблять нижнюю дату могильника в IX в. до н.э. у нас пока нет (Лесков, Эрлих, 1999. С. 67–71, 154. Рис. 62).

Периодизация могильника Пшиш была предложена А.А. Сазоновым, выделившим три периода. В первый период, датированный IX – первой половиной VIII в. до н.э., вошли комплексы с уздой “черноголовского” круга с роговыми, черноголовскими, камышевахскими и цимбальскими псалиями. Интересно, что встречаются они большей частью с теми же типами удил, которые входят в раннюю группу могильника Фарс/Клады. Этот период А.А. Сазонов синхронизировал с Николаевским могильником.

Во вторую группу, датированную второй половиной VIII в. до н.э., он включил комплексы, содержащие треугольноконечные удила и петельчатые псалии предновочеркаских типов, сюда же включены и комплексы с железными деталями колесничной упряжи п. 89, 105. Эту группу А.А. Сазонов синхронизирует с Кубанским могильником, т.е., в нашем понимании, с “классическим” новочеркаским и отчасти жаботинским периодом.

Третий период могильника, датированный А.А. Сазоновым концом VIII – началом VII в. до н.э., он синхронизирует с “жаботинским периодом”,

² В Закавказье подобные наконечники копий с разомкнутой втулкой более характерны для II тыс. до н.э. (Pischelauri, 1998. S. 23–25; Техов, 1977. С. 78–80). Однако следует учитывать всю спорность закавказских дат.

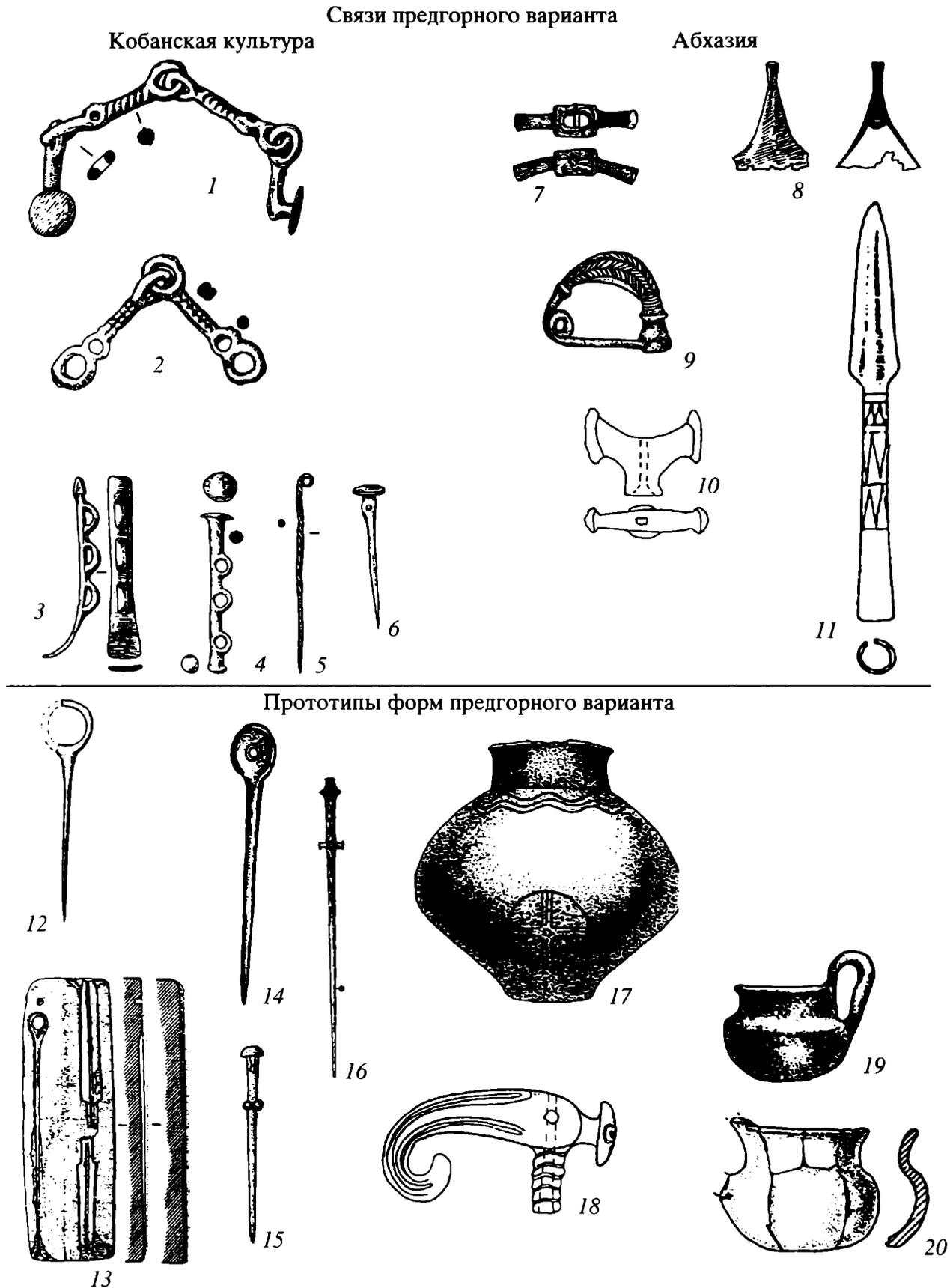

Рис. 3. Связи и прототипы форм предгорного варианта. 1, 3, 5 – Мебельная фабрика; 4, 6 – Баксанское ущелье (по Козенковой, 1995; 1998); 7 – Калакент (по Nagel, Strommenger, 1985); 8 – Анухва (по Доманскому, 1979); 9 – Джантух; 10 – холм Верещагина (по Шамба, 1984); 11 – Красномаяцкий могильник (по Трапшу, 1969); 12 – Кировское поселение (по Лескову, 1967); 13 – Завадовка (по Гершковичу, Клочко, 1987); 14 – Тираспольский могильник; 15 – Băleni (по Petrescu-Dimbovita, 1977); 16 – Гордеевка (по Berezanskaja, Клочко, 1998); 17 – пос. Ялпуг (по Ванчугову, 1990); 18 – Лозово (по Дергачеву, 1975); 19 – Васильевский могильник (по Ванчугову, 1990).

т.е. тем, в котором уже есть элементы раннескифского комплекса. Этому периоду могильника в Закубанье синхронны курганы Хаджох и Уашиху (Сазонов, 1996. С. 132–134).

Эта периодизация, к сожалению, не опубликованного полностью могильника позволила С.Л. Дудареву в своем новейшем исследовании сделать вывод, что на сегодняшнем уровне наших знаний черноморско-камышевахские памятники все-таки на каком-то этапе предшествуют предновочеркасским. Однако он с большой осторожностью “заглублял” этот период в IX в., считая, что эта дата при полной публикации могильника потребует дальнейших надежных обоснований (Дударев, 1999а. С. 26, 28; 1999б. С. 146–148).

Следует отметить, что благодаря ряду параллелей со Средней Европой нижняя дата могильника Пшиш основывается на гальштатской хронологии. Тем не менее уже и в опубликованных комплексах ранней группы имеются вещи, которые указывают на более позднюю дату. Это крестовидные трубчатые пронизи из погребения 3 (Сазонов, 1995б. С. 100. Рис. 3, 3), близкие пронизям из Мощанецкого клада, который Т. Кеменцеи датировал по аналогии с пронизями из кургана Војугу временем, близким к концу VIII в. до н.э. (Kemenczei, 1996. S. 266; Moscalu, Beda, 1988. P. 30. Fig. 3, 1).

Кроме этого, имеются указания, что подвески типа Шаренград, встреченные в двух комплексах Пшишского могильника ранней группы – погребениях 3 и 124, а также в Николаевском могильнике, которые служили одной из привязок кавказских комплексов к средневропейской схеме, сейчас датируются рядом авторов не раньше второй половины VIII в. до н.э. (Vasic, 1977. P. 16–32; Kemenczei, 1994. P. 600).

Следует также отметить, что в Средней Европе черноморские псалии живут долго, доживая, по крайней мере, до НС (конца VIII – начала VII в. до н.э.), о чем говорит их присутствие в таких комплексах, имеющих ряд “классических” и “постклассических” новочеркасских черт, как клад Мощанец и погребение в Слободзеи (Смирнова, Войнаровский, 1994. С. 138. Рис. 2, 3; Яровой, Кашуба, 1994. С. 155, 156)³.

Кроме этого, А.А. Сазонов пишет о присутствии в ранней группе могильника Пшиш железных топоров (Сазонов, 1996. С. 133). Железные топоры, как считает большинство исследователей, происходят от бронзовых Колхидских и Кобанских. По данным С.А. Есяна и М.Н. Погребовой, железные топоры собственно в Закавказье появляются с конца VIII в. до н.э., а наибольшего распространения достигают в VII–VI вв. (Есян, Погребова, 1985. С. 79–85). Однако на Северном

Кавказе в погребении 34 могильника Мебельная фабрика железный топор встречен в комплексе, который можно отнести и к первой половине VIII в. до н.э. (Виноградов и др., 1980. С. 190. Рис. 4, 9).

Другим хронологическим индикатором является рифление на грызлах удила. Следует обратить внимание, что на удилах, отнесенных А.А. Сазоновым к ранней группе средневропейского облика, с D-образным окончанием и производными от них с D-образным окончанием и дополнительным отверстием имеется уже двурядно-прямоугольное рифление (рис. 4, 17, 18) (Сазонов, 1995б. С. 103. Рис. 6, 1; С. 104. Рис. 7, 1), которое является поздним признаком и по нашим данным является не ранее середины VIII в. до н.э. (Эрлих, 1991. С. 38, 39; Лесков, Эрлих, 1999. С. 154. Рис. 62; Вальчак, 1994. С. 132).

В могильниках степной группы отсутствуют двукольчатые удила с ложновитым рифлением, характерные для ранней группы могильников Фарс и Кочипе, а также и для могильников Кисловодской котловины. Двукольчатые удила здесь с многорядным шипастым рифлением (рис. 4, 12), либо прямоугольным, что характеризует уже период новочеркасской “классики”.

Таким образом, как мы видим, ранняя группа Пшишского могильника и ранняя группа Фарса сосуществуют на одном отрезке времени – это первая половина VIII в. до н.э. Надежных доказательств заглубления нижней даты могильника Пшиш, как и могильника Фарс, в IX в. до н.э. у нас пока нет.

Различия в облике материальной культуры ранних групп этих двух могильников заключаются, скорее всего, не в хронологии, а имеют культурный характер.

Как мы уже отмечали выше, в могильнике Пшиш, как и во всех равнинных памятниках, отсутствуют пластинчатые трехпетельчатые псалии типа ПА нашей типологии или типа Фарс 2-35 по типологической схеме С.Б. Вальчака (Эрлих, 1991. С. 49. Рис. 2; Вальчак, 1997. С. 92, 93) (рис. 4, 23). Согласно сводке С.Б. Вальчака самая северная находка этих псалиев в Закубанье – ст. Ханская, т.е. начало предгорий (Вальчак, 1997. С. 92, 93. Рис. 6). Эти псалии наиболее популярны среди населения, оставившего могильник Фарс (5 комплексов), они характеризуют его раннюю группу, встречаясь только с однокольчатыми и треугольноконечными удилами с ложновитым рифлением (рис. 4, 27, 28) (Лесков, Эрлих, 1999. С. 54, 55). Точно с такими же удилами в могильниках равнинной группы встречаются псалии черноморско-камышевахской “дырчато-муфтовой” схемы (рис. 4, 31, 32, 38). Однако ни один такой псалий пока не встречен в предгорьях. Напрашивается вывод, а не были ли эти псалии своеобразными культурными маркерами в микрорегионе и не существовало ли преднамеренное отторжение у “горцев” псалиев чер-

³ Я благодарю М.Т. Кашубу, ознакомившую меня с рисунками этого чрезвычайно интересного комплекса до его полной публикации.

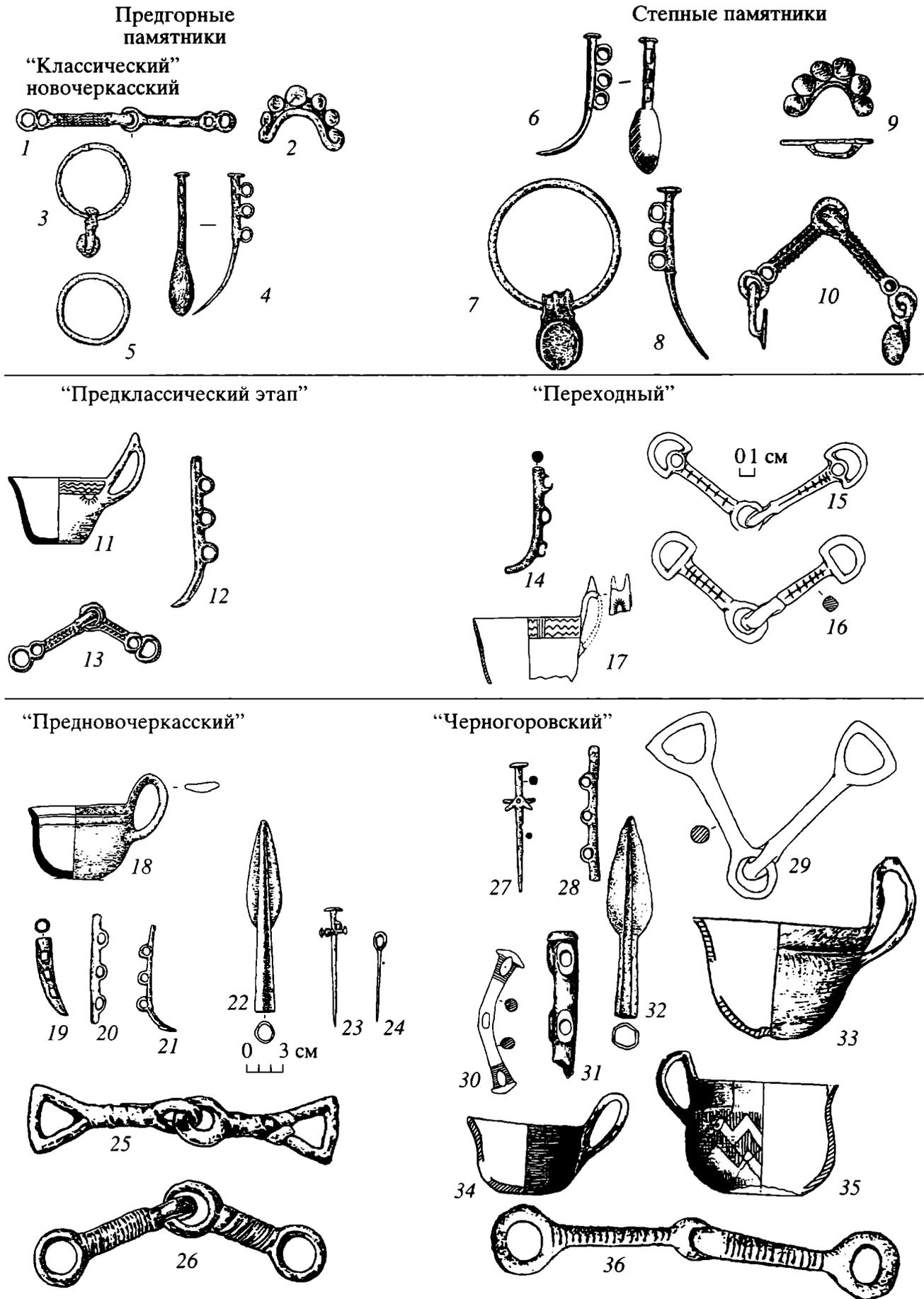

Рис. 4. Хронологическое сопоставление типов предгорного и степного вариантов. 1–5 – Клады, кург. 46; 6 – Кубанский могильник, разрушенные погребения; 9 – Кубанский могильник, п. 50; 7, 8 – “Пшишский клад”; 10, 14, 28 – Псекупс, случайные находки; 11 – Фарс/Клады, п. 40; 12, 13 – Фарс/Клады, п. 14; 15 – Пшиш, п. 35; 16 – Пшиш, п. 38; 17 – Ленинохабль (святилище); 18 – Фарс/Клады, п. 15; 19 – Фарс/Клады, п. 31; 20, 24, 25 – Фарс/Клады, п. 25; 21 – Фарс/Клады, п. 36; 22 – Фарс/Клады, п. 11; 23 – Фарс/Клады, п. 7; 26 – Фарс/Клады, п. 13; 27 – Пшиш, случайная находка; 29, 30 – Пшиш, п. 3; 31 – Николаевский могильник, п. 156/36; 33 – Николаевский могильник, п. 139/20; 35 – Николаевский могильник, п. 50/3; 32, 34, 36 – Николаевский могильник, случайные находки.

ногоровско-камышевахской схемы, а у “степняков” пластинчатых петельчатых. Интересно, что пластинчатые петельчатые псалии редки в Средней Европе, известна одна беспаспортная находка из Национального музея в Будапеште (тип Майкоп) по Я. Хохоровскому; не встречены они пока в степной зоне Юга Восточной Европы и имеется лишь одна находка в Лесостепи – Пищальники (Chochorowski, 1993. S. 64; Тереножкин, 1976. С. 75. Рис. 41, 7). Следует отметить, что в степной зоне достаточно долго живет мода на “треугольноконечные” удила. В погребениях 89, 105 и комплексе из Чишхо они встречаются с деталями колесничной упряжи, т.е. доживают здесь до развитой новочеркасской “классики” (Сазонов, 1996. С. 134; Тов, 1989. С. 44. Рис. 6, а).

О синхронизации степных и предгорных памятников может в определенной степени свидетельствовать одна из общих категорий инвентаря – а именно черпаки.

Изучая черпаки могильника Фарс, мы отметили признаки, присущие наиболее ранним экземплярам. Это округлая либо кубковидная форма, отсутствие или простота орнаментации, отсутствие зооморфных “рогатых” выступов на ручке (рис. 4, 20). Такие черпаки были характерны для ранней группы могильника Фарс (Лесков, Эрлих, 1999. С. 43). Для ранней группы могильника Пшиш, как отмечает А.А. Сазонов, также характерно отсутствие гравировки на черпаках, а ручки украшены “слабо намеченными рожками”. Гравировка на черпаках и “рогатые” ручки характерны для следующего, второго периода этого могильника (Сазонов, 1996. С. 132–134). Практически то же можно сказать про Николаевский могильник, где только один черпак имеет “едва намеченные рожки” (рис. 4, 35), а гравировка на сосудах этой категории – редка (Анфимов, 1961. Рис. 4).

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

1. Северо-западное Предкавказье в период перехода от бронзового века к железному представляет весьма неоднородную картину. Правобережные немногочисленные памятники можно причислить к степной черноморской культуре.

2. Абинско-черноморский вариант чрезвычайно неоднороден по ряду признаков, прежде всего он отличается неустойчивостью погребального обряда. От других вариантов протомеотской группы этот вариант отличается отсутствием костей коня в погребениях, хотя сама узда *pars pro toto* присутствует. Приморские погребения, часто совершаемые в каменных ящиках и дольменах, возможно следует рассматривать отдельно.

3. Чрезвычайно важны для всего Юга Восточной Европы протомеотские памятники Предгорного и Центрального вариантов. Различия между

ранними периодами протомеотских могильников Предгорного и Центрального вариантов носят, на наш взгляд, не хронологический, а культурный характер (два разных племени?).

4. На ранней стадии Центральный вариант протомеотской группы является, вероятно, основной производственной базой узды “черноморско-камышевахской” облика для всего степного региона Юга Восточной Европы, о чем свидетельствует большая концентрация этих псалиев дырчатых типов на относительно небольшом участке. Этот вывод созвучен и наблюдениям С.И. Лукьяшко, сделанным на материалах Нижнего Дона, о северокавказском происхождении металлической узды этого региона территории. Как считает этот исследователь, “особенности черноморской культуры в значительной мере определяются северокавказским влиянием” (Лукьяшко, 1999. С. 207, 208).

5. Сопоставление ранних материалов Предгорного и Центрального варианта протомеотских памятников позволяет сделать вывод, что говорить о хронологическом предшествовании “черноморско-камышевахского” комплекса “предновочеркасскому”, как и углублять их в IX в. до н.э., пока нет оснований.

6. Во второй половине – конце VIII в. до н.э. “новочеркасский” комплекс, вызревший в предгорьях Закубанья, равно как в Центральном Предкавказье (в основном это памятники Кисловодской котловины), распространяется на равнину Закубанья, а затем в Степь и Лесостепь. Таким образом, мы можем говорить о доминирующем влиянии жителей предгорий в это время на равнину и степь, вопреки расхожему мнению об экспансии Степи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анфимов Н.В. Протомеотский могильник у с. Николаевского // СМАА. 1961. Вып. II.
- Вальчак С.Б. К вопросу о датировке комплекса из Черноморского кургана // РА. 1994. № 2.
- Вальчак С.Б. Предскифская узда Восточной Европы: уздечные комплекты с трехпетельчатыми псалиями (классификация и хронология) // Древности Евразии. М., 1997.
- Ванчугов В.П. Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье. Киев, 1990.
- Виноградов В.Б., Дударев С.Л., Рунич А.П. Киммерийско-кавказские связи // Скифия и Кавказ. Киев, 1980.
- Гершкович Я.П., Клочко В.И. Связи племен Нижнего Поднепровья в эпоху поздней бронзы (по материалам Завадовской литейной мастерской) // Международные связи эпохи бронзы на территории Украины. Киев, 1987.
- Дергачев В.А. Бронзовые предметы XIII–VIII вв. до н.э. из днестровско-прутского междуречья. Кишинев, 1975.

- Дитлер П.А.* Могильник в районе поселка Колосовка на реке Фарс // СМАА. 1961. Вып. II.
- Доманский В.Я.* Новый комплекс колхидской культуры из Абхазии // ТГЭ. 1979. Вып. XX.
- Дударев С.Л.* Северный Кавказ и ранние кочевники в предскифскую эпоху (IX – первая половина VII в. до н.э.). Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1999а.
- Дударева С.Л.* Взаимодействие племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху. Армавир, 1999б.
- Есаян С.А., Погребова М.Н.* Скифские памятники Закавказья. М., 1985.
- Козенкова В.И.* Оружие и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант // САИ. 1995. Вып. В2-5.
- Козенкова В.И.* Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант // САИ. 1998. Вып. В2-5.
- Лесков А.М.* О северопричерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы // Памятники эпохи бронзы юга европейской части СССР. Киев, 1967.
- Лесков А.М., Эрлих В.Р.* Могильник Фарс/Клады. Памятник перехода от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку на Северо-Западном Кавказе. М., 1999.
- Ловпаче Н.Г.* Отчет об археологической экспедиции на могильнике Тыгакочипе в 1985–1986 гг. // Архив ИА РАН. 1985–1986. Р-1. № 1291.
- Ловпаче Н.Г.* Могильник Кочипэ (Восточный) в Майкопе // Культура и быт адыгов. Майкоп, 1991.
- Лукьяшко С.И.* Предскифский период на Нижнем Дону. Азов, 1999.
- Рысин М.Б.* Закубанье в эпоху Средней бронзы (по материалам поселений предгорной зоны). Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1993.
- Сазонов А.А.* Поселение Курджипское – новый памятник протомеотской культуры // Археологические раскопки на Кубани в 1989–1990 гг. Ейск, 1992.
- Сазонов А.А.* Протомеотский культовый комплекс в урочище Ленинохаюль на реке Пшиш // Археология Адыгеи. Майкоп, 1995а.
- Сазонов А.А.* Ранняя группа конских захоронений протомеотского могильника Пшиш I // Археология Адыгеи. Майкоп, 1995б.
- Сазонов А.А.* Относительная и абсолютная хронология протомеотского могильника Пшиш I // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа (XIX Крупновские чтения). Тез. докл. М., 1996.
- Сазонов А.А.* К вопросу о хронологии протомеотских колесничных наборов в эпоху киммеро-скифских походов // Новые исследования археологов России и СНГ. СПб., 1997.
- Смирнова Г.И., Войнаровский В.М.* Мощанецкий скарб бронз кімеріського типу з Середнього Подністров'я // Археологія. 1994. № 1.
- Тереножкин А.И.* Киммерийцы. Киев, 1976.
- Терехова Н.Н.* К вопросу о происхождении черного металла могильника Фарс/Клады (Приложение) // Лесков А.М., Эрлих В.Р. Могильник Фарс/Клады. М., 1999.
- Техов Б.В.* Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н.э. М., 1977.
- Тов А.А.* Протомеотский могильник Чишхо близ аула Тауйхабль в Теучежском районе // Меоты – предки адыгов. Майкоп, 1989.
- Трапиш М.М.* Древний Сухуми // Труды. Т. 2. Сухуми, 1969.
- Трифонов В.А.* Отчеты о работе Апшеронского отряда Кубанской экспедиции ЛОИА АН СССР в 1986–1988 гг. // Архив ИА РАН. 1986–1988. Р-1. № 12394, 12471, 13315.
- Черных Е.Н.* Древняя металлообработка на юго-западе СССР. М., 1976.
- Черных Е.Н.* Новые памятники бронзы в Закубанье // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа (XIX Крупновские чтения). Тез. докл. М., 1996.
- Шамба Г.К.* Раскопки древних памятников Абхазии. Сухуми, 1984.
- Эрлих В.Р.* К проблеме происхождения птицеголовых скипетров предскифского времени // СА. 1990. № 1.
- Эрлих В.Р.* Бронзовые уздечные наборы и проблема хронологии предскифского и раннескифского времени Закубанья // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М., 1991.
- Эрлих В.Р.* У истоков раннескифского комплекса. М., 1994.
- Эрлих В.Р.* К проблеме связей Предкавказья и Средней Европы в новочеркасский период // МИАР. 1997. Вып. I.
- Эрлих В.Р.* Булавки с кольцевидным навершием из Закубанья и их позднесрубные прототипы // Древности Кубани. Вып. 16. Краснодар, 2000.
- Яровой Е.В., Кашуба М.Т.* Курган предскифского времени у п.г.т. Слободзея // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. – V в. н.э. Тирасполь, 1994.
- Berezanskaja S., Kločko V.* Das Gräberfeld von Hordeevka // Archäologie in Eurasien. Bd. 5. Rahden / Westf., 1998.
- Chochorowski J.* Ekspansja kimmeryska na tereny Europy Srodkowej. Krakow, 1993.
- Kemenczei T.* Hungarian Early Iron Age finds and their relations to the Steppes // The archaeology of the Steppes. Methods and strategies. Napoli, 1994.
- Kemenczei T.* Notes on the chronology of Late Bronze Age hoard in Hungary // Problemy epoki brazu i wczesnej epoki zelaza w Europie Srodkowej. Kraków, 1996.
- Nagel W., Strommenger E.* Kalakent. Früheisenzeitliche Grabfunde aus transkaukasischen Gebiet von Kirovabad/Jelisavetopol // BBV. 1985. Neue Folge. Bd. 4.
- Moskalu E., Beda C.* Bojoru. Un tumuli cu car-cazan votiv apartinid culturii Basarabi // Thraco-Dacica. 1988. Fasc. 9.
- Petrescu-Dimbovita M.* Depozitele de bronzuri din Romania. Bucuresti, 1977.
- Picchelaury K.* Waffen der Bronzezeit aus Ost-Georgian // Archäologie in Eurasien. Bd. 4. Radhen/Westf., 1998.
- Vasic R.* The Chronology of the Early Iron Age in Serbia // BAR. 1997. Supplementary Series. № 31. Oxford.

Transition from the Bronze to the Iron Age in the North-West Caucasus (Raising a Problem).

Part II.

V. R. Erlikh

Summary

In the second part of the paper (the first one was published in the last issue of the journal) the piedmont variant of proto-Meotian sites is considered. The centre of their concentration is located in the Belaya river basin. The author considers characteristic features of grave goods and burial rite, cultural connections and possible genesis. He puts forward a conclusion that it was the piedmont variant together with the sites of Kislovodsk depression (those attributed to Koban culture western variant) that represented the focus of formation of so-called Novochoerkassk cultural type. Having suggested the chronology both of piedmont sites and of the central (steppe) variant of proto-Meotian ones, the author came to a conclusion that the differences between their early periods are not of chronological, but of cultural nature. Chronological comparisons do not give any grounds as yet to consider "Chernogorovka-Kamyshevakha" type earlier than "pre-Novocherkassk" one, as well as to date it back to the 9th c. BC. In the second half and the end of the 8th c. BC "Novocherkassk" type had been formed in the Trans-Kuban' foothills and in the Central Caucasus piedmonts, and spread over the Trans-Kuban' plain, and then over the steppe and forest-steppe of the South of Eastern Europe. Thus it is possible to reconstruct a dominating influence upon the plain and steppe exercised by the foothills' inhabitants, despite the wide-spread ideas on the Steppe expansion.

СОХРАНЕНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ РОССИИ. ИСТОРИЯ И ПРОБЛЕМЫ

© 2002 г. А. С. Смирнов

Институт археологии РАН, Москва

В 2002 году исполняется 70 лет с момента, когда в структуре Государственной Академии истории материальной культуры, предшественнице Института археологии РАН, появилось подразделение, специально созданное для выполнения археологических спасательных работ – Комитет по работам Академии на новостройках.

В России спорадические археологические работы при строительстве осуществлялись по крайней мере с конца XIX в. В 1898 г. при прокладке канализационного коллектора через Красную площадь были зафиксированы остатки оборонительных сооружений, многочисленные археологические предметы и “целый костяк человека в полном броневом снаряжении”. По результатам этих исследований в Историческом музее была устроена выставка. Однако специальные охраняемые археологические работы на строительстве начались лишь в 20-х годах XX в. В 1921 г. В.М. Тимофеевым и М.Б. Эдемским проведено обследование зоны строительства Свирской ГЭС, сооружаемой по плану ГОЭЛРО (Белова, Пескарева, 1983. С. 10). Одними из первых подобных мероприятий можно считать наблюдения при строительстве мавзолея на Красной площади в Москве в 1924 и 1929 гг., когда были обнаружены следы “Алевизова рва” (Виноградов И.Д., 1947. С. 34). Но до второй половины двадцатых годов археологические работы на новостройках как самостоятельная проблема не осознавались (Городцов, 1924; 1928).

На территории СССР первая полноценная новостроечная экспедиция была организована в 1927 г. Тогда археологи начали изучать памятники в зоне затопления Днепрогэса. Эта инициатива была впоследствии “оценена по достоинству”. В 1930-х годах ученых обвинили в подготовке взрыва электростанции (Формозов, 1995. С. 49).

Проблема сохранения археологических памятников вышла на первый план в связи с реализацией масштабных планов индустриализации страны. Государственная Академия истории материальной культуры пыталась своими силами организовать спасательные археологические работы на новостройках первой пятилетки. Был даже составлен план работ. Однако попытки осуществить эти мероприятия на средства, выделяемые Академии на научные исследования, не удалась из-за “ограни-

ченных возможностей сметных ассигнований” (Мещанинов, 1935. С. 7). Но несмотря на это в 1929 г. была организована первая новостроечная экспедиция ГАИМК – Волго-Донская (начальник А.А. Миллер).

Понимая, что охватить все новостройки, имея лишь средства, выделяемые государством на научные исследования, невозможно, ГАИМК инициировала осенью 1932 г. “Циркулярное директивное письмо Госплана СССР всем строительным, изыскательско-проектировочным организациям и управлениям по водному хозяйству” с требованием “организовать специальное археологическое их обслуживание под общим руководством Академии истории материальной культуры, предусмотрев в соответствующих сметах необходимые для этого средства”. Это письмо, пожалуй, единственный нормативный документ СССР, а затем России, признававший, что “связанные с этим расходы сравнительно с общим масштабом того или иного гидротехнического строительства крайне ничтожны, но зато, несомненно, дадут весьма ценный культурный эффект” (Циркулярное директивное письмо..., 1932. С. 79). С этого момента и до наших дней финансирование охраняемых археологических работ возлагается на организации, ведущие строительство.

В октябре 1932 г. Государственная Академия истории материальной культуры, чтобы реализовать возложенные на нее обязательства, организовала особый Комитет по работам Академии на новостройках. Председателем Комитета стал председатель президиума ГАИМК академик Н.Я. Марр, его заместителем академик И.И. Мещанинов, ученым секретарем Б.А. Латынин. В составе Комитета работали известнейшие ученые, цвет отечественной археологии: М.И. Артамонов, О.Н. Бадер, Г.А. Бонч-Осмоловский, М.В. Воеводский, В.В. Гольмстен, В.А. Городцов, Б.Н. Граков, В.В. Данилевский, П.П. Ефименко, В.Ф. Кипарисов, С.В. Киселев, А.А. Миллер, Т.С. Пассек, В.И. Равдоникас, К.В. Сальников, А.В. Шмидт, Ф.И. Шмидт и другие. В составе комитета, помимо самостоятельных экспедиций, действовали Комиссия по работам на Метрострое и Комиссия металлов. Помимо чисто “новостроечных” функций по “организации и руководству работами по учету, охране и всестороннему

исследованию памятников истории материальной культуры” на Комитет возлагалось и “изучение перехода отсталых общественных группировок к социалистическим отношениям в зонах капитального строительства и новых индустриальных центров”. Последнее можно расценивать как увлечение тех лет левой фразой и дань идеологическим нормам, но нельзя отрицать и тот факт, что изначально перед археологами, работающими на новостройках, ставились специфические научные задачи, далеко выходящие за рамки спасательных работ.

С первых дней своего существования Комитет начал активную деятельность. Наиболее известными работами начала 1930-х годов следует признать исследования на строительстве Московского метрополитена. Между Управлением строительства и ГАИМК был заключен договор сроком на год и стоимостью 17000 рублей, по которому археологи организовывали наблюдения, раскопки, камеральную обработку материала, брали на себя руководство историко-археологической экспозицией музея Метростроя, проводили беседы и лекции по охране памятников материальной культуры. Помимо этого они должны были разработать “краткую инструкцию и плакат по учету и охране памятников для работников Метрополитена”. При Московском отделении ГАИМК была создана особая комиссия по работам на Метрострое, входящая в состав Комитета по новостройкам. Его председателем стал академик Н.Я. Марр, заместителями В.А. Городцов, А.Д. Удальцов, В.Ф. Кипарисов, ученым секретарем Т.С. Пассек. В приказе № 547 “по ударному Строительству Московского метрополитена – Метрострой” от 2.11.1933 г. общее руководство по археологическим работам возлагалось на А.В. Арциховского. По участкам трассы назначались ответственные – С.В. Киселев, А.А. Потапов, Н.М. Коробков, А.П. Смирнов. Сотрудников Метростроя в случае обнаружения исторических предметов обязывали обращаться к ним для экстренных вызовов. Для этого в приказе указаны все телефоны археологов, включая домашние. Помимо уже упомянутых исследователей на Метрострое в разные годы работали Н.Д. Виноградов, М.В. Воеводский, Е.Н. Горюнова, С.Н. Замятин, Б.Ф. Земляков, А.А. Иессен, Б.А. Латынин, П.Н. Миллер, Б.А. Рыбаков, А.П. Смирнов, П.Н. Третьяков и многие другие. Археологические работы начались, когда сооружение метро уже развернулось и велось в авральном порядке, при очень ограниченных временных рамках из-за “ударных” темпов строительства. Обычно все сводилось только к наблюдениям и фиксации материала. Планомерных раскопок организовать не удалось. Не смотря ни на что, исследования на первой очереди метрополитена были наиболее удачные.

В 1933 г. Комитет по новостройкам ГАИМК продолжил свои работы. По его заданиям дейст-

вовали 129 человек научного персонала, из них 88 в поле. Были продолжены работы экспедиции на канале Москва–Волга (начальник О.Н. Бадер), организованы экспедиции на строительстве Беломорско-Балтийского канала (начальник Б.Ф. Земляков), Ярославской и Пермской (начальник П.Н. Третьяков), южно-уральских (начальник Б.Н. Граков) и ферганских (начальник Б.А. Латынин) электростанций, Манычского канала (начальник М.И. Артамонов), а также в Крыму, Казахстане и на трассе БАМ. К сожалению, полевая деятельность экспедиций, как правило, ограничивалась разведками и наблюдениями в зонах строительных работ, хотя эти работы нередко велись круглогодично. Существенных раскопок, сопоставимых по своим масштабам с масштабами строительства, в начале 1930-х годов обычно не проводилось. Исключением являлась, пожалуй, экспедиция под руководством О.Н. Бадера на строительстве канала Москва–Волга. В то же время археологи вынуждены были в ряде случаев фиксировать “памятники революционного движения, находящиеся в зоне строительства”. В отчеты попадали сведения о бане, где помещалась типография большевиков, благодарность Н.К. Крупской за данные лично ценные сведения (Бадер, 1935. С. 39). Дух того времени проявился и в географии археологических работ, во многом совпадающей с географией ГУЛАГа.

Археологам, работавшим в составе Комитета по новостройкам, приходилось выполнять и чисто производственные задачи. С их помощью был решен вопрос о грунтовых водах, затопивших котлован строящейся станции “Площадь Дзержинского”. Часть экспедиций, входивших в состав Комиссии металлов Комитета по новостройкам ГАИМК, работала по специальным заданиям таких организаций, как Главзолото, Союзолово, Союзредметгеоразведка. Их задачей было обследование древних копей и мест добычи металлов с целью определения их возможного промышленного освоения. В рамках этих работ широко применялись “историко-технологические исследования” древних металлов, проводимых химической лабораторией Института истории техники ГАИМК (Виноградов В.В., 1935). Данные археологии привлекались при разработке систем водоснабжения и ирригации в южных районах страны.

Два года интенсивных новостроечных работ высветили основные проблемы деятельности археологов в области охраны памятников. Во многом они не сняты и по сей день. Прежде всего – эта проблема кадров. Она остро стояла в 30-х годах прошлого века, она не снята и в начале XXI в. Отсюда неизбывные следствия подобной ситуации – перегрузка сотрудников в поле, интенсивная камеральная обработка материала зимой и написание научного отчета, которые надо завершить к очередному полевому сезону. На “спокой-

ное” научное осмысление материала катастрофически не хватало и не хватает времени. В поле археологи-новостроечники, как правило, сталкиваются с крайне сжатыми сроками, отводимыми строителями на полевые исследования, и недостаточностью финансирования. Похоже, все это стало дурной традицией.

За эти два (1932–1933) года сформировались и основные требования к новостроечной деятельности. Главные из них – это необходимость проведения археологических раскопок до начала строительных работ и осуществление археологического надзора непосредственно в период строительства. В данном случае за последние полвека есть несомненные положительные сдвиги. Сейчас археологам удается координировать свои работы с этапами строительства. Но, к сожалению, не повсеместно. А археологический надзор стал практически обязательной составляющей охраняемых мероприятий.

В 1934 г. было принято постановление ВЦИК и СНК СССР, согласно которому при строительстве должны выделяться средства на раскопки уничтожаемых археологических памятников. В этом постановлении впервые были юридически оформлены основные принципы охраны памятников на новостройках, действующие и в современном российском законодательстве. Ставя главной задачей физическое сохранение памятников, постановление разрешало, в исключительных случаях, проведение раскопок как способа сохранения археологического памятника. Финансироваться эти работы должны за счет организаций, осуществляющих строительство. Подобные требования в различных редакциях содержатся в Постановлении Совмина СССР 1948 г., Совмина РСФСР 1960 г., посвященных сохранению памятников истории. Эти же требования содержатся и в принятом в 1976 г. Законе “Об охране и использовании памятников истории и культуры”. Ахиллесова пята законодательства об охране памятников, во все времена советской власти и сейчас, есть неразработанность механизма их реализации. Это признавали и сами власти. В 1988 г., через 12 лет после принятия первого и пока единственного закона об охране памятников, ЦК КПСС и Совмин СССР разработали проект постановления “О мерах по дальнейшему развитию и улучшению охраны, реставрации и использованию памятников истории и культуры”. В нем говорилось о необходимости совершенствования правового регулирования охраны и использования памятников истории и культуры и планировались определенные действия по исправлению положения. К сожалению, это постановление так и не увидело света.

Но и эти, во многом декларативные, юридические нормы использовались археологами максимально полно.

Во второй половине 1930-х и в 1940-е годы охраняемые археологические работы были сосредоточены на объектах гидротехнического строительства. До Великой Отечественной войны большие работы были проведены Камской экспедицией (начальник А.В. Шмидт) на строительстве Пермской ГЭС в долинах рек Камы и Чусовой. В среднем Поволжье развернула свои работы Куйбышевская экспедиция (начальник А.П. Смирнов) на строительстве одноименной ГЭС. Помимо обследования территорий строительства этим экспедициям удалось организовать крупномасштабные раскопки памятников от эпохи неолита до позднего средневековья.

Охраняемые археологические работы не прекращались и в военное время, хотя, по понятным причинам, они были сосредоточены в Средней Азии. Наиболее крупные исследования осуществлялись в зоне строительства Фархадской ГЭС.

В послевоенное время археологи продолжали уделять основное внимание организации спасательных работ в зонах строительства гидроэлектростанций, которые сооружались и в европейской, и в азиатской части Союза. Можно упомянуть работы в Казахстане, на строительстве Волго-Донского канала. Но наиболее крупными в этот период были возобновившиеся работы Куйбышевская экспедиция, а также вновь организованные Сталинградская (начальник Е.И. Крупнов, затем К.Ф. Смирнов), Горьковская (начальник Н.Н. Гурин), Камская (начальник О.Н. Бадер). Большие экспедиции действовали и в Сибири – на строительстве Братской (начальник экспедиции А.П. Окладников), Новосибирской (начальник М.П. Грязнов), Красноярской ГЭС (начальник М.П. Грязнов, затем М.Н. Пшеницина). Послевоенные новостроечные экспедиции основное внимание уделяли раскопочным работам. Поселения, могильники, курганы раскапывались десятками, если не сотнями. Но, к большому сожалению, раскопкам подверглась лишь незначительная часть уничтожаемых памятников. Большая часть ушла под воду. Многие из сохранившихся тогда памятников уничтожаются в наши дни постоянно обрушающимися берегами водохранилищ. А главная причина этого прежняя – недостаток времени и средств!

Новостроечные работы всегда зависели от государственных планов. Поэтому сокращение объемов гидротехнического строительства в 1960-е годы повлекло и сокращение охраняемых археологических работ. Новое эпохальное решение – мелиорация сельского хозяйства – заставило археологов на рубеже 1960-х–1970-х годов сосредоточить основные силы в южной части страны.

Это время можно считать началом принципиальных изменений в подходе к охраняемым археологическим мероприятиям на новостройках. Все предыдущие экспедиции специально организовывались в каждом конкретном случае и нередко в

результате настойчивости отдельных археологов. Действующей системы охранных археологических работ еще не было.

Лишь в 1970-х годах, после принятия Закона “Об охране и использовании памятников истории и культуры” спасательные археологические работы действительно приняли массовый характер. Появились постоянно действующие новостроечные экспедиции. В Институте археологии РАН в 1972 г. создан Отдел охранных раскопок. Можно с уверенностью сказать, что в последние двадцать лет подавляющее большинство археологического материала было получено при проведении охранных исследований. Если в начале 1970-х годов ежегодно выдавалось около 300 Открытых листов (разрешений на право проведения полевых археологических работ), то в конце 1980-х эта цифра выросла втрое. Привлечение средств строительных организаций способствовало возникновению при университетах и музеях коллективов археологов, специализирующихся на охранных работах. Начался процесс формирования специалистов в области управления сохранением археологического наследия. В 1980-е годы утвердились и конкретизировались принципы системы охраны археологических памятников на новостройках.

Пришло понимание, что главное – это физическое сохранение археологических памятников. Поэтому со второй половины 1980-х годов основное внимание стало уделяться работе с проектными институтами с целью уменьшить зону строительства, чтобы как можно больше памятников оказалось за его пределами, изменить трассы будущих дорог, чтобы обойти древние поселения. Среди полевых археологических исследований на первый план вышли разведочные работы.

Перенос центра тяжести в охранных мероприятиях от раскопок в область обследования территорий отнюдь не уменьшил научную отдачу от проведения работ на новостройках. Но акценты изменились. Стали развиваться методы дистанционного, неразрушаемого исследования памятников. Новая методика дала импульс первоочередному развитию пространственной археологии, вопросам комплексного изучения территории, палеоэкологии и др.

В 1990-х годах объем работ на новостройках резко сократился. Это объясняется как общим кризисом в стране, так и принципиальными изменениями экономической и правовой системы государства. Сокращение целенаправленной археологической деятельности разворачивалось одновременно с резким увеличением числа разрушаемых памятников. Помимо “традиционных” причин разрушения в последние годы значительную роль играют новые факторы. И главный среди них – начало практической приватизации земель. В середине 1990-х годов Институт археологии РАН силами Отдела охранных раскопок по заказу Министерства культуры РФ разработал целевую об-

щероссийскую программу “Сохранение археологического наследия народов Российской Федерации” (в рамках программы МК “Наследие”). В первую очередь она была направлена на обследование территорий и подготовке документов по фиксации земель историко-культурного назначения, что является наиболее злободневным в преддверии массовой приватизации земель. К сожалению, программа реализовывалась только два года (1995–1996 гг.). Затем ее финансирование было прекращено. Несмотря на злободневность проблемы выделения земель, занимаемых памятниками археологии, это направление никак не отразилось в существующих планах министерства. В то же время в Польше подобная программа целенаправленно осуществлялась несколько десятилетий, начиная с 1970-х годов (программа AZP).

Одновременно археологи все острее чувствуют неразработанность правовой базы в области охраны археологического наследия, а главное – отсутствие юридически оформленного механизма его реализации. Вся система спасения археологического наследия России держалась до последнего времени на одной фразе в Законе “Об охране памятников истории и культуры” – “Указанные мероприятия включают выявление памятников, их исследование и фиксацию” (ст. 43). Многие субъекты Федерации, не дожидаясь появления федеральных Законов, принимают региональные Законы, Постановления и Решения, дающие им реальные рычаги в области охраны археологического наследия. В настоящее время принят новый закон “Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации”. Многие вопросы там интерпретированы с учетом современных юридических и экономических реалий. Однако действенность его положений мы сможем оценить только через несколько лет.

За 1990-е годы, пожалуй, самое трудное время, Отдел охранных раскопок ИА РАН провел полевые работы в 26 субъектах Федерации от Мурманской области до Северного Кавказа и от Калининградской области до Зауралья, а также в Казахстане. Исследовались памятники от каменного века до средневековья. Раскопано свыше 150 поселений на площади, превышающей 30 тыс. м², обнаружено более 700 новых памятников. Разведками пройдено более 3000 км трасс и 100 000 га территорий. Последнее показывает, какое большое внимание в отделе уделяется охранным археологическим работам на стадии проектирования. В последние два-три года интенсивность работ возросла, что заставило перейти к круглогодичной экспедиционной деятельности.

В отличие от предыдущих лет, сейчас трудно сказать, какая отрасль строительства является для археологов объектом особого внимания. Работать приходится в зонах сооружения автодорог, мостов, трубопроводов различного назначения, ли-

ний связи, на участках городского строительства. Ранее археологи исследовали в основном речные берега и террасы, что объясняется как традиционными научными представлениями о связях древних поселений и рек, так и спецификой строящихся объектов, главным образом гидротехнических. Сейчас же археологи нередко вынуждены работать вдали от рек, на водоразделах. В ряде случаев это послужило причиной открытия интересных памятников на традиционно считавшимися “неперспективными” территориях.

Многолетний опыт работ новостроечных экспедиций в Институте археологии РАН показал, что они могут самостоятельно решать научные проблемы, а в целом ряде направлений имеют преимущество перед традиционными археологическими исследованиями. Самая южная экспедиция Отдела – Ингушская – работала на строительстве г. Магаса – новой столицы Республики Ингушетия, в верховьях р. Сунжа. Раскапывались курганные и грунтовые могильники эпохи бронзы и раннего железного века, поселенческий комплекс конца II тыс. до н.э. Эти крупномасштабные и очень интересные работы экспедиция проводила во время первой чеченской кампании, со всеми вытекающими отсюда специфическими проблемами и последствиями.

В 1999 г. впервые удалось провести исследование центральной части современного Калининграда, на территории древнего города Лёбенихт. В результате спасательных раскопок в зоне нового городского строительства вскрыто 320 м² культурного слоя мощностью 6.5 м, где выявлено 9 строительных горизонтов, начиная с 1300 г. Обнаружены достоверные следы исторических событий XIV–XV в., в том числе “Тридцатилетней войны” (войны городов). В 2000 г. в окрестностях Калининграда исследовались остатки затонувшего судна XVIII в., а в 2001 г. участок культурного слоя средневекового Кенигсберга на берегу р. Преголя.

Деснинской экспедицией отдела обследованы сотни и раскопаны десятки археологических памятников, оказавшихся под угрозой уничтожения в Центральной России. Изучаются летописные города Козельск и, особенно активно, Смоленск. Но основные силы этой экспедиции в последние годы направлены на спасение памятников, попадающих в зону строительства магистрального газопровода Ямал–Европа, протянувшегося от Зауралья до Центральной Европы. Эта стройка объединила усилия ученых трех стран. Охранные археологические работы помимо российских исследователей на своей территории ведут археологи Польши и Белоруссии. В результате специалисты имеют уникальную возможность изучить гигантский хронологический и территориальный “срез” древних поселений от эпохи каменного века до средневековья на громадной территории от

равнин Центральной Европы до Западно-Сибирской тундры.

Окской экспедицией на севере Московской обл., на территории Заболотского палеозера, исследуются уникальные стратифицированные торфяниковые стоянки эпохи мезолита-неолита-ранней бронзы, разрушаемые искусственным руслом реки Дубны. Толщина отложений, содержащих до 20 литологических горизонтов, на ряде стоянок достигает 3 м. На стоянке Замостье 5 найден древнейший в мире деревянный помост, возраст которого превышает 7.5 тыс. лет. В 1997 г. был обнаружен могильник мезолитического времени. Обилие кремневого и керамического инвентаря на стоянках Заболотского палеозера в сочетании с органикой, сохраняющейся в культурном слое, и хорошей естественной стратиграфией позволяет создать на основании методов естественнонаучного датирования абсолютную хронологическую шкалу для стоянок мезо-неолитического времени центра европейской России.

Подмосковной экспедицией в 1999–2000 гг. в окрестностях Коломны исследовалось городище “Настасьино”, попавшее в зону строительства автодороги “Урал”. Его территория заселялась дважды – в IV–II вв. до нашей эры (дьяковская культура) и в эпоху средневековья (XIII–XV вв.). Раскопки на широкой площади велись с применением приемов исследования, соответствующих современному уровню мировой науки. Городище “Настасьино” сейчас можно считать наиболее полно исследованным памятником дьяковской культуры. С 2001 г. Подмосковная экспедиция развернула широкомасштабные работы в кремле г. Дмитрова.

Интенсивные работы ведутся сотрудниками Отдела охранных раскопок и на территории Москвы. В 1999 г. закончены раскопки на Московской кольцевой автодороге, где исследовались царское село Тайнинское, Братцевский усадебный комплекс, остатки Мытищинского водопровода и другие древние поселения и курганные могильники. Начаты исследования на строительстве третьего транспортного кольца непосредственно в черте г. Москвы. Одним из результатов этих работ является открытие уникального природно-археологического памятника на территории Нескучного сада на берегу реки Москва в зоне строительства Андреевского моста, относящегося ко времени от эпохи великих оледенений до позднего средневековья. Впервые на территории Москвы были обнаружены археологические находки, датируемые временем позднего плейстоцена–раннего голоцена, достоверно происходящие из культурного слоя поселения. Кроме этого, на памятнике обнаружены комплексы бронзового века и средневековья – XII–XV вв. Наиболее поздние слои относятся к концу XVII – первой половине XVIII в. и связаны с созданием усадебного

комплекса “Нескучный сад”. В комплексных исследованиях этого памятника, ставивших целью изучение формирования древнего и средневекового ландшафта, помимо археологов активное участие принимали ученые-естественники – палеогеографы, геоморфологи, почвоведы.

Залогом успешной деятельности Отдела является разработанная и применяемая система этапности охранных археологических работ, совпадающая с этапами, принятыми в проектировании и строительстве. Ее главный принцип заключается в том, что на каждом этапе создания предпроектной и проектной документации в ее составе разрабатывается специальный раздел “Охрана памятников археологии”. Его состав и задачи определяются, обычно, нормативными документами соответствующей отрасли.

На предпроектной стадии рассматриваются различные варианты расположения будущего строительства. Поэтому от археологов требуется определить оптимальный, с точки зрения сохранения археологических памятников, участок для будущего строительства. А также предусмотреть необходимые охранные археологические мероприятия на последующих стадиях.

На стадии проекта необходимо детально определить последствия его реализации для каждого конкретного памятника и предложить действенные и обоснованные мероприятия по его охране на этапах строительства и эксплуатации.

Охранные археологические раскопки проводятся на этапе строительства, но до начала строительно-монтажных работ. Это требование должно быть заложено археологами в технологическую схему еще на стадии проекта. Охранные работы на стадии эксплуатации построенного объекта обычно сводятся к археологическому надзору, если его необходимость предусмотрена в составе проекта.

Основным преимуществом подобной схемы является полная технологическая синхронизация археологических работ с этапами проектирования. Это позволяет археологам без проблем “влииться” в технологическую схему строительства, стать ее частью, что сразу же снимает большинство административно-организационных и технических проблем.

Этапность археологических работ, особенно на предпроектной и проектной стадиях, позволяет структуризировать проведение обследования территории, обеспечить оптимальный выбор мероприятий по охране памятников и, что очень важно, влиять на принятие конкретных проектных решений и условий эксплуатации создаваемого объекта. Все это дает возможность осуществлять археологические охранные работы более методично и наиболее действенно сохранять археологическое наследие в период строительства и функционирования того или иного объекта.

Отдел охранных раскопок Института археологии РАН поддерживает интенсивные международные связи в области охраны археологического наследия. В течение ряда лет осуществляется договор о сотрудничестве с Школой научной консервации Борнемоутского университета Великобритании. Сотрудники Школы научной консервации принимают участие в работе экспедиций Отдела охранных раскопок в России, а российские археологи – в экспедиции на о. Мэн в Ирландском море. Сотрудники отдела Охранных раскопок совместно с учеными Института археологии Лондонского университета и Музея национальных древностей Региональной археологической службы Верхней Нормандии в течение ряда лет реализовали проект “Отработка методики интернационально-спасательных раскопок на погребениях раннего средневековья” и участвовали в исследованиях меровингского некрополя в Лонгруа (северная Франция). Поддерживаются контакты с польскими коллегами из Института археологии ПАН, с которыми, помимо общих интересов, нас объединяет работа на одном объекте – газопроводе Ямал–Европа.

Мировой опыт сохранения археологического наследия показывает, что основное бремя мероприятий по его охране ложится на сотрудников научных организаций. Именно ученые выявляют археологические памятники в зонах новостроек, предлагают мероприятия по сохранению, а в случае необходимости, раскапывают их. Методические вопросы охраны памятников также разрабатываются, в основном, в научных учреждениях. Поэтому желание дистанцироваться от проблем охраны археологического наследия, отгородившись рамками чисто “академической” деятельности, вряд ли можно приветствовать в научном обществе.

Органы охраны памятников законодательно и нормативно оформляют эти требования и осуществляют контроль за их соблюдением. Именно последнее – контроль за соблюдением действующего законодательства об охране и использовании памятников истории и культуры – становится сейчас первостепенной задачей. И в этой ситуации более чем удивительным, но крайне тревожным и печальным является то обстоятельство, что в Министерстве культуры, федеральном органе охраны памятников, нет ни одного археолога.

А положение с реальной охраной археологического наследия в России более чем печально. Если даже в Великобритании, где охрану древностей можно считать национальной чертой, на территории страны ежедневно погибает один археологический памятник (Darvill, Fulton, 1995), то что можно сказать о России. Еще до Великой Отечественной войны Б.А. Латынин, работая в Фергане и сравнивая состояние археологических поселений в 1930-м и 1933-м годах, поражался скорости унич-

тожения “древних памятников первоклассного научного значения”. Весьма способствовало этому, по его мнению, то, что хозяйственные организации и местные работники ни в коей мере не предполагают, что имеют дело с древними объектами, “имеющими к тому же еще и научную ценность и находящимися под охраной нашего законодательства” (Латынин, 1935. С. 131). С тех пор мало что изменилось. В 1997 г. зарегистрировано негативное антропогенное воздействие на 1375 археологических памятников, в том числе полностью уничтожены 626 памятников (Государственный доклад..., 1997. Раздел 10). В 1998 г., по данным из 49 субъектов Федерации, в результате антропогенного воздействия утрачено 477 памятников и подверглись негативному влиянию 22156 (Государственный доклад..., 1998. Ч. III). И это только официально зарегистрированные данные по части территории России! Все это является показателем отношения государства к археологическому наследию и понимания места наследия в системе культурных ценностей.

В странах западной Европы дискуссия о месте и роли археологического наследия имеет достаточно длинную историю. Выделяются по крайней мере три стадии (Willems, 1998).

Наиболее ранняя по времени сопоставима с периодом становления археологии как дисциплины. На второй стадии создаются различные виды органов охраны памятников и осуществляется система государственного учета. Система охраны в это время базируется на изучении каждого отдельного памятника как такового, в первую очередь при проведении строительных работ. Подобный подход наиболее ярко проявился в широкомасштабных спасательных археологических раскопках в Европе 1960-х – 1970-х годов. В России пик подобной деятельности пришелся на 1970-е – 1980-е годы.

Начиная с 1980-х годов в Западной Европе стремительно утверждается новое понимание археологического наследия как государственного ресурса, который нуждается в повседневном управлении. Это знаменует начало третьего этапа, когда археологическое наследие понимается как часть культурного ресурса, национального и общемирового. Концепция охраны и сохранения памятников заменяется концепцией управления археологическими ресурсами. Причем это управление происходит не изолированно, только в границах конкретных памятников, но в контексте природного или исторического ландшафта. Подобные изменения на общеевропейском уровне были законодательно закреплены Конвенцией об охране археологического наследия, разработанной международным комитетом Совета Европы в 1988–1991 гг. Она была подписана большинством Европейских стран в Валетте (о. Мальта) в январе 1992 г. и заменила Лондонскую Конвенцию 1969 г. Главные принципы Мальтийской Конвен-

ции заключаются в обязательности учета влияния всех планов и проектов развития на сохранность археологических ресурсов и необходимость финансового обеспечения их сохранения. К сожалению, Россия до сих пор не ратифицировала этот документ.

Подобный подход принципиально меняет место и степень ответственности археологов перед государством и обществом. Он вводит их в некогда чуждый мир политики и экономики. Ранее археологи несли моральную ответственность лишь за выполненную узкопрофессиональную работу и информировали общество о его прошлом. Теперь же перед ними встают задачи отбора и оценки решений в области охраны археологических ресурсов в рамках конкретных экономических ситуаций. Это требует, чтобы “черный ящик” профессионального мнения становился все более прозрачным. Насущным требованием становится разработка принципов и стандартов в оценке влияния среды на археологическое наследие и, главное, принятие решений по их охране. На индивидуальном уровне это привело к пониманию необходимости создания кодекса поведения для специалистов, профессионально занимающихся охранной археологией. В качестве первого шага для европейских археологов можно назвать принятые 26 сентября 1998 г. на ежегодной конференции Европейской Ассоциации Археологов (ЕАА) “Принципы деятельности археологов, участвующих в контрактных археологических работах” (“The EAA Principles of Conduct for archaeologists involved in contract archaeological work”)¹.

Проблема контрактной археологии как на западе, так в последнее время и в России привлекает все большее внимание. Этот специфический вид археологической деятельности оказался на границе трех миров – “академической” археологии, проектно-строительного сообщества и собственно общества в широком понимании этого слова. Роль контрактной археологии, ее задачи, юридическое положение, методы работы, взаимодействие с “академической” наукой и т.п. являются объектом оживленной дискуссии. Обсуждение проблемы “коммерциализации” археологии в Европе ведется с конца 1980-х и на протяжении всех 1990-х годов. Итогом этой дискуссии можно считать признание, что несмотря на определенные негативные моменты, связанные с участием археологов в рыночной экономике, преимущества перевешивают недостатки. Недаром термин “коммерческая археология” был впоследствии заменен на “контрактная археология”. Этим подчеркивалось, что археология не может считаться видом коммерческой деятельности.

К несомненным плюсам организаций, занимающихся контрактной археологией, следует отне-

¹ См. текст “Принципов...” в конце этой статьи.

сти их большую, по сравнению с чисто “академическими” учреждениями, оперативность. Но в то же время небольшие коммерческие археологические организации не могут провести исследования на уровне, свойственном их “академическим” коллегам; им часто не хватает персонала и ресурсов. Хотя оборот средств в некоторых коммерческих археологических фирмах за океаном достигает нескольких миллионов долларов в год (Niquette, 1999. P. 25). Более высокая финансовая обеспеченность контрактной археологии позволяет применять наиболее совершенные и современные технологии исследования. При этом справедливо подчеркивается, что эти технологии должны быть направлены на углубление познавательного процесса, а не на сокращение затрат для археологических исследований в коммерческих целях (Blidmo, 1995. P. 23). Весьма болезненны вопросы конкуренции в среде “контрактной” археологии, неизбежно привносимой специфическими источниками финансирования.

Многие из этих проблем знакомы и российским археологам, связанным с новостроечной деятельностью. Но в России имеется и своя специфика. Главное – это практическое отсутствие полностью коммерческих негосударственных археологических организаций. Новостроечная (“контрактная”) археология, как мы видели, в России родилась в “академической” среде и позднее получила распространение в высших учебных заведениях. И “de facto” и “de jure” она остается видом научной деятельности. Представляется, что подобное положение можно только приветствовать.

Наиболее важной в российских условиях является проблема принятия решений по конкретным мероприятиям в области охраны археологического наследия. Ни в действующем законодательстве, ни в грядущем Законе “Об объектах культурного наследия...” не сформулированы принципы определения требуемых мероприятий по охране памятников археологии. Формально это решается специалистами путем экспертизы. В повседневной жизни решение принимается, чаще всего, археологом, производившим обследование территории или памятника. Он определяет необходимость, объем, стоимость и сроки будущих работ. А в дальнейшем, чаще всего, и руководит охранными работами. Ему нередко приходится разрешать противоречие между своими интересами как руководителя экспедиции, несомненно заинтересованного в финансировании, и как эксперта, стремящегося к сохранению объекта наследия. Нередко появляется и третья составляющая – чисто научные интересы исследователя. В любом случае археолог противостоит производителю работ, заказчику, объективно не заинтересованному в дополнительных затратах и пытающемуся избежать их различными путями.

Все это ставит на повестку дня необходимость разработки если не конкретных решений, то конкретных принципов, которыми должен руководствоваться археолог, принимая те или иные решения. Некоторые мы постараемся сформулировать ниже, а некоторые, из-за их сложности, только обозначить. Часть из них может показаться прописными истинами. О них все знают, но к сожалению, не всегда выполняют.

Главным должен быть принцип физического сохранения археологического объекта в конкретном природном или историческом ландшафте.

Охране и исследованию должны подлежать памятники, XIX в. включительно.

В случае проведения охранных раскопок необходимо выполнять максимально полный объем естественнонаучных, архивных и прочих исследований, что должно найти отражение в перечне и стоимости охранных работ. Учитывая, что памятник в дальнейшем будет полностью уничтожен, необходимо получить максимум информации.

Археологический памятник, изучавшийся охранными раскопками, можно считать спасенным только после публикации его материалов. Причем в первую очередь целью публикации следует считать монографическое издание материалов памятника, что позволит использовать его как источник. Это соответствует требованиям Мальтийской конвенции. К сожалению, в действующем Законе “Об объектах культурного наследия...” в перечне охранных мероприятий публикация не предусмотрена.

Самым сложным вопросом следует считать определение необходимого объема раскопочных работ. Однозначного решения здесь пока нет. Не всегда удается остановить строительство. Не всегда имеются технические возможности для строителей, чтобы обойти памятник. Приходится соглашаться на проведение охранных раскопок. Понятно, что следует стремиться к полному исследованию территории, подвергающейся разрушению. Но иногда эти площади столь значительны, что для их исследования требуются многие годы и средства за пределами реальных. Можно ли в этом случае исследовать только часть памятника, и если да, то какую?

В другом случае строительство затрагивает только часть памятника. Нередко формально исследованию подлечит незначительная площадь поселения, раскопки которой нельзя считать реальной охраной. Эта ситуация особенно болезненна, если в зону строительства попадает только часть могильника или, что еще хуже, только незначительная часть большого кургана. Как определить необходимый минимум площади, необходимый для получения адекватного представления о поселении, могильнике?

В ряде случаев археологи под давлением тех или иных обстоятельств соглашаются на замену

раскопок археологическими наблюдениями. Для каких памятников это замена возможна, а для каких это завуалированное согласие на уничтожение?

Какие чисто технические решения строителей (создание сооружений на бетонной подушке, свайные фундаменты различных типов и т.п.) можно считать приемлемым компромиссом и для каких памятников?

Все эти вопросы требуют скорейшего определения. Автор и его коллеги будут благодарны всем специалистам, кто внесет конкретные предложения или выскажет свое мнение по затронутым проблемам.

Приложение

ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АРХЕОЛОГОВ, УЧАСТВУЮЩИХ В КОНТРАКТНЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТАХ

Настоящий текст был одобрен членами Европейской Ассоциации Археологов на ежегодной конференции 26 сентября 1998 (г. Гетеборг, Швеция).

1. Археологи должны гарантировать знание юридических норм, регулирующих археологическую деятельность в той стране, где они работают, и действовать в рамках этих норм.

2. Археологи должны формулировать наилучшие предложения для застройщиков и проектировщиков и не должны консультировать по вопросам, находящимся вне области их знания или компетенции.

3. Археологи должны гарантировать понимание структуры археологических ролей и обязанностей, соотношение этих ролей и их места в этой структуре.

4. Археологи должны избегать конфликтов интересов между своей ролью эксперта в определении объема работ и ролью возможного участника выполнения определенного объема контрактных работ.

5. Археологи не должны предпринимать контрактные работы в случае, если они или их организации не имеют соответствующего оборудования, специалистов или опыта.

6. Археологи должны поддерживать соответствующий уровень качества работ по осуществляемому проекту (научный, финансовый, качественный, временной).

7. Археологи должны придерживаться принятых профессиональных стандартов в проведении археологических работ.

8. Археологи должны твердо придерживаться соответствующих законов и этических стандартов в области конкуренции между археологическими организациями.

9. Археологи, участвующие в контрактной археологической деятельности, должны обеспечивать завершение исследований должным образом и доступность их результатов.

10. Археологи, участвующие в контрактной археологической деятельности, должны стремиться к тому, чтобы археологическая информация не была скрыта (застройщиками или археологическими организациями) по причинам коммерческого характера.

11. Археологи, участвующие в контрактной археологической деятельности, должны осознавать необходимость поддержания научного единства археологии перед угрозой тенденции к обособленности, порождаемой системой контрактной организации работ.

12. Археологи, участвующие в управлении контрактной археологической деятельностью, должны осознавать свою ответственность по отношению к оплате, условиям труда, обучения и возможностям профессионального роста археологов вне зависимости от влияния конкуренции между археологическими организациями на эти аспекты жизни.

13. Археологи, участвующие в контрактной археологической деятельности, должны понимать и пропагандировать необходимость и полезность поддержки археологических исследований перед застройщиками и широкой общественностью.

14. Везде, где существует контрактная археология, все археологи (особенно занимающие ответственные посты) должны содействовать эффективному применению этого кодекса и в особенности адекватных систем регулирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бадер О.Н.* Отчет о работах 1932–1933 гг. // ИГАИМК. 1935. Вып. 109. Археологические работы Академии на новостройках в 1932–1933 гг. Т. 1.
- Белова Н.А., Пескарева К.М.* Из истории организации археологической службы на новостройках // Древние культуры Евразийских степей. По материалам археологических работ на новостройках. Л., 1983.
- Виноградов В.В.* Историко-технологические исследования древних бронзовых и золотых изделий с Кавказа и Северного Урала // ИГАИМК. 1935. Вып. 110. Археологические работы Академии на новостройках в 1932–1933 гг. Т. 2.
- Виноградов И.Д.* Застройка и планировка от площади Революции до Старой площади (по трассе II очереди метро) // МИА. 1947. № 7.
- Городцов В.А.* Археологические раскопки и разведки в Советской России с 1919 по 1923 г. // Древний мир. 1924. Вып. 1.
- Городцов В.А.* К итогам археологических трудов в СССР за 10 лет // РАНИОН. Труды секции археологии. 1928. Вып. 2.
- Государственный доклад Госкомэкологии России "О состоянии окружающей природной среды Российской

- Федерации в 1997 году" // <http://www.ecocom.ru/arhiv/ecocom/Gosdoklad97/Title.htm>.
- Государственный доклад Госкомэкологии России "О состоянии окружающей природной среды Российской Федерации в 1998 году" // <http://www.ecocom.ru/arhiv/ecocom/Gosdoklad98/Title.htm>.
- Латынин Б.А.* Работы в районе проектируемой электростанции на р. Нарыне в Фергане // ИГАИМК. 1935. Вып. 110. Археологические работы Академии на новостройках в 1932–1933 гг. Т. 2.
- Мещанинов И.И.* Предисловие // ИГАИМК. 1935. Вып. 109. Археологические работы Академии на новостройках в 1932–1933 гг. Т. 1.
- Формозов А.А.* Русские археологи до и после революции. М., 1995.
- Циркулярное директивное письмо Госплана СССР всем строительным, изыскательно-проектировочным организациям и управлениям по водному хозяйству // Сообщения ГАИМК. 1932. № 11–12.
- Blidmo R.* Arkeologikonsult: The Integrated Approach Rescue and Research in Swedish Archaeology // EAA. First Annual Meeting. 1995. Abstracts.
- Darvill T., Fulton A.K.* MARS: The Monuments At Risk Survey of England. Main Report. Bournemouth, London, 1995.
- Niquette Ch.M.* For profit consult services without apology // EAA. 5th Annual Meeting. 1999. Abstracts.
- Willems W.J.H.* Archaeology and heritage management in Europe: trends and developments // *Europ. J. Archaeology*. December 1998. V. 1. № 3.

Conservancy of Historical Heritage in Russia. History and Problems

A. S. Smirnov

Summary

The author considers the origin and development of salvage archaeology in Russia in the 20th c., its specific problems, position and role of scientific institutions in preservation of archaeological heritage. In Russia deliberate archaeological activities in connection with new building projects started since late 1920-s. Initially they took shape of surveys and observations in the zones of construction. From 1930-s to 1970-s wide-scale archaeological excavations were undertaken mainly in the areas of hydraulic engineering projects. In 1980-s the attention was concentrated upon physical preservation of sites, consequently, the works aimed at working out protective measures on the stage of designing future construction became the basic ones. The history of protective archaeology in Russia is compared to that in Europe, where three stages of its development may be singled out. The present, third stage is characterised by the attitude towards archaeological heritage as an archaeological resource that needs continual management. The main role in accomplishing protective measures is played by scientific institutions of the Academy of Sciences, major museums, and institutes of higher education. They bring to light archaeological monuments, suggest and accomplish the measures aimed at sites' conservancy. In Russia, like in the most of countries, it is scholars who are in charge of preservation of archaeological heritage. Specifics of protective archaeological activity cause a number of problems both of ethic and professional nature that challenge the scholars. The author makes an attempt to formulate basic ones and suggests a discussion on the theme.

ПОЛЕВАЯ АРХЕОЛОГИЯ РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

© 2002 г. И. А. Сорокина

Институт археологии РАН, Москва

На территории Российской Федерации находятся сотни тысяч археологических памятников, относящихся к различным эпохам. Многие из них можно считать памятниками мирового значения. Они отражают практически все периоды человеческой истории: от нижнего палеолита до позднего средневековья. К памятникам археологии теперь также относят и материалы XVII–XVIII вв., ранее традиционно считавшиеся “неархеологическими”. Все памятники археологии, независимо от размера, даты, степени сохранности и исследованности, являются национальным достоянием, частью общемирового культурного наследия.

Общее количество фиксируемых памятников археологии ежегодно увеличивается, поскольку интенсивная хозяйственная деятельность способствует расширению полевых исследований, а предварительное археологическое обследование территории, отводимой под строительство, предусмотрено действующим законодательством. Все памятники археологии подлежат государственной охране (Закон..., 1978; Положение..., 1982), однако можно с сожалением отметить, что на практике это реализуется с трудом, хотя охранная деятельность стала одним из приоритетных направлений в археологии.

В результате разведок описываются новые и обследуются ранее известные памятники, которые разрушаются (или могут впоследствии быть разрушены) природой и людьми. В ходе раскопок памятник как целостная система уничтожается, остаются только коллекции и научная документация. Таким образом, значимость сохраненной информации о памятнике находится в прямой зависимости от квалификации исследователя и его добросовестности. Это делает очень актуальным вопрос о качестве полевых работ, так как полноценное исследование археологического памятника – единственный путь сохранения информации о нем для будущих поколений. Важнейшим направлением современной археологии является регламентация археологических раскопок и разведок на основе научной экспертизы отчетов о проведенных полевых работах, ибо некачественное исследование приводит к порче памятника и уничтожению бесценных научных данных о прошлом народов

России. Деятельность по регламентации возложена по существующему законодательству на Российскую академию наук. Президиумом РАН соответствующие полномочия переданы Институту археологии РАН, в структуре которого их осуществляет отдел полевых исследований (ОПИ) и научный экспертный совет, состоящий из специалистов-археологов, представляющих различные организации археологического профиля. Выдаваемый отделом полевых исследований Открытый лист дает право на проведение различных полевых работ сообразно квалификации исследователя и состоянию памятника. Начало же системе государственного контроля за археологическими исследованиями на всех землях (кроме помещичьих) было положено в 1889 г. Археологической комиссией – главным археологическим центром России. Комиссия обладала правом выдавать Открытые листы на производство полевых работ (Авдусин, 1980. С. 12). Централизованная регламентация позволяет получать данные о качестве и объеме полевых исследований, а также косвенным образом контролировать состояние памятников. Не случайно в ОПИ стекается информация о разрушениях памятников археологии и противоправных действиях по отношению к ним.

К сожалению, фактическое нанесение ущерба памятнику под видом научного исследования происходит не так уж редко. Виной тому низкая квалификация исследователей, отсутствие хорошей полевой практики. Далеко не везде есть хорошие научные школы, с помощью которых готовились бы новые поколения археологов. Научная экспертиза отчетов позволяет выявить недостатки, в первую очередь по методике полевых работ. Учитывая замечания, многие исследователи начинают работать гораздо лучше, более качественно представляют материал в отчетах, что способствует общему повышению научного уровня изучения памятников.

Еще более тревожное явление – распространение грабительских раскопок. С прискорбием следует отметить, что они приобретают все более организованный характер: отслеживается информация о значимости памятников и, соответственно, находок; привлекается землеройная техника, орга-

низуются финансирование. В этой области сформировался круг “профессионалов”, знакомых с археологической литературой и полевыми исследованиями, знающих, где, как и что искать. Немало вреда приносит официально разрешенная продажа металлоискателей, а также никем не пресекаемая торговля археологическими артефактами в комиссионных магазинах и на рынках. Грабительские раскопки охватывают все большее число регионов России. Развитию этого явления часто способствует слабость и бездейственность органов охраны памятников; в ряде же регионов таковые фактически отсутствуют. Выявленные памятники не всегда ставятся на охрану. Еще одно узкое место – недостаточно полное обследование территории, в результате чего памятники археологии попадают в поле зрения сначала грабителей, а потом профессиональных археологов. Целенаправленный сбор информации о грабительских раскопках, к сожалению, не ведется.

Следующим видом противозаконной деятельности на памятниках археологии следует считать строительные (или иные хозяйственные) работы, начатые без согласования с органами охраны памятников и предварительного археологического обследования территории. Охранные службы нередко ставятся перед фактом и бывают вынуждены в лучшем случае ограничиться наблюдением за процессом строительства, обследованием готовых котлованов, доисследованием остатков разрушенных памятников. В связи с этим появилось понятие “археологическое наблюдение”, особенно распространенное в городской археологии. Однако такая форма работы может применяться только в крайних, вынужденных обстоятельствах и ни в коем случае не должна подменять установленную законодательными актами процедуру: согласование на разных стадиях проектирования строительства и полноценное предварительное обследование (разведки и раскопки). В ряде регионов разработан механизм остановки строительства при обнаружении археологических объектов, но это скорее исключение, чем правило.

Приходится отметить и тот факт, что, вопреки профессиональной этике, и археологи-специалисты иногда проводят несанкционированные полевые исследования без Открытого листа и без уведомления органов охраны памятников, что является нарушением ст. 47 действующего “Закона об охране и использовании памятников истории и культуры” (Закон..., 1978). Отдел полевых исследований ИА РАН ежегодно выявляет такие случаи. При этом часто научный отчет не представляется, т.е. информация полностью теряется для общества и науки. Судьба археологических коллекций тем более неизвестна. Таким образом, безусловно, наносится ущерб культурному наследию в целом.

Все сказанное выше приводит к мысли о том, что угроза потери археологических памятников, составляющих немалую часть общенационального достояния народов России, вполне реальна. Этот процесс идет постоянно, памятники разрушаются как в результате природного, так и антропогенного воздействия. Первое также отчасти связано с человеческой деятельностью (как следствие антропогенного воздействия на природу – например, вмешательство в водные системы, нарушение состава почв и т.д.), второе приобретает все больший размах в связи с изменением земельных отношений в России и переходом к рыночной экономике. Введение частной собственности на землю без соответствующего законодательного обеспечения в области охраны, использования и исследования культурного наследия (включая разработку механизма реализации этого законодательства) может привести к “культурной катастрофе”. Будущие поколения россиян просто лишатся своего национального достояния. В связи с этим в наши дни перед государством и научным сообществом стоит задача сохранить имеющиеся памятники археологии и не допустить их разрушения в дальнейшем, т.е. создать действенную, а главное, реальную систему их учета, охраны и исследования.

Нельзя сказать, что сдвиги в этой области не намечаются. Во многих субъектах Российской Федерации появились мощные охранные службы, ведущие учет памятников археологии, своевременно отслеживающие возможные разрушения, активно использующие федеральное и региональное законодательство, обеспечивающие должный уровень исследования памятников (Краснодарский край; Ханты-Мансийский АО; Тверская, Иркутская, Самарская, Саратовская, Воронежская, Псковская, Новгородская области и т.д.). Отрадно признать, что к этим процессам подключаются и организации археологического профиля других категорий: музеи, вузы (соответствующие кафедры и лаборатории), научно-исследовательские учреждения. Появились также компетентные самостоятельные государственные предприятия (ГУП “Наследие”, Ставрополь, например). Вместе с тем насущной становится задача определения ущерба, наносимого археологическим памятникам, в результате производственной и иной деятельности. Итогом этого явилась выполненная в 2000 г. в Отделе охранных раскопок ИА РАН по договору с РНИИКиПН и профинансированная Министерством культуры РФ работа по определению методики оценки ущерба, причиняемого археологическим памятникам (“Разработка методических указаний оценки ущерба, нанесенного памятникам археологии”). Дела об ущербе передаются в арбитражный суд, есть прецеденты выигранных исков. Вместе с тем, даже при хорошо налаженных охранных мероприятиях натиск негативных

факторов сдерживается с огромным трудом, а в тех регионах, где археология имеет слабые позиции, не сдерживается вовсе. Об этом свидетельствуют многочисленные факты разрушения археологических памятников как в результате хозяйственной деятельности, так и при грабительских раскопках.

Очевидно, что объяснение этому следует искать во многих причинах, главная из которых – отсутствие нового законодательства, отражающего современные реалии. Понятие о памятнике археологии как части национального достояния, его свойствах и значимости четко не определено, что дает возможность администрации, экономическим и иным структурам и населению небрежно относиться к его сохранности, избегать расходов на исследования. Отсутствует механизм общегосударственного учета памятников, контроля за их состоянием и пресечения ущерба. Ведение такого учета, а также создание правовой системы защиты археологического наследия предусмотрено “Европейской конвенцией об охране археологического наследия”, заключенной в 1992 г., но к сожалению, не принятой Россией (Европейская конвенция..., 2001). Представляется, что размах грабительских раскопок во многом также обусловлен отсутствием нового законодательства в этой области.

Вторая причина – отсутствие четкой организации охранных мероприятий. До распада СССР существовала вертикаль власти: при региональной администрации имелись управления культуры, в состав которых входили комитеты по охране памятников истории и культуры (в том числе археологии), финансируемые Министерством культуры. Мы, разумеется, не питаем иллюзий по поводу качества этой охраны, иногда, как и теперь, фактически отсутствовавшей. Но имеющее место сейчас отсутствие четко организованной структуры и определенных в государственном порядке полномочий при современном слабо контролируемом использовании земли делает результат еще более проблематичным. Ситуация часто усугубляется отсутствием контакта или трениями между археологическими организациями региона. Корнем внутрирегиональных противоречий, как правило, является борьба за финансирование. Особенно страдают от этого слабые в экономическом отношении регионы. Практически полностью устранилось от проблемы Министерство культуры РФ, в котором даже нет ни одного специалиста-археолога. В связи с этим прекратилось обязательное до сравнительно недавнего времени визирование в Министерстве Открытых листов, делавшее их более значимым документом в глазах местной власти и субъектов хозяйственной деятельности. Некоторую активность проявляет Федеральный научно-методический совет по сохранению культурного наследия при Министерстве культуры (ФМНС).

Существующая в его составе подсекция “Археология” рассматривает вопросы создания охранных зон, факты разрушения и другие, связанные с памятниками археологии вопросы, однако не в таком объеме, в каком бы требовалось. Из-за недостаточной активности регионов в постановке проблем возможности Совета используются не в полной мере.

Третья причина – явное отставание темпов совершенствования охранных мероприятий и развития археологических исследований. Прежде всего, конечно, имеется в виду полевая археология, цель которой – исследование и введение в научный (а, стало быть, и общекультурный) оборот первоисточника, т.е. археологического памятника. Охранные работы современного уровня предполагают прежде всего не доследование разрушенных и разрушаемых памятников (хотя именно такие работы, к сожалению, преобладают), а предваряющие исследования с согласованиями на разных стадиях проектирования строительства. Значительные успехи в разработке подобных методик достигнуты отделом охранных раскопок ИА РАН, Центром археологии Москвы, Комитетом по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края, Комитетом по охране историко-культурного наследия Тверской обл., некоторыми региональными охранными организациями. Тем не менее, до выработки единой системы действий археологов по спасению памятников еще далеко, хотя именно единство и единообразие дало бы наибольший результат, облегчило бы контакт с властью на местах, упорядочило бы работу с заказчиком предварительного исследования, способствовало бы отслеживанию и пресечению незаконных действий.

Так или иначе, охранные мероприятия включают полевые исследования, поэтому проблемы современной полевой археологии в России и оценка ее состояния весьма актуальны. Это тем более необходимо, что в связи с недостаточностью охранных мероприятий, малочисленностью археологов в ряде регионов, плохо организованной информацией как об их деятельности, так и о применении административных мер и пресечении варварского разрушения памятников археологии, у органов власти и общественности создается картина безнаказанности и безнадежности. Попробуем подвести некоторые итоги и наметить тенденции в развитии полевой археологии на современном этапе.

Данные об исследователях-археологах, проводивших полевые работы на территории России с 1946 г., и об организациях археологического профиля собраны в отделе полевых исследований ИА РАН. Научные отчеты, прошедшие экспертизу и поступающие на хранение в научно-отраслевой архив при ИА РАН, также отражают со-

стояние полевой археологии, поскольку по ним можно судить о методике проведенных работ, их результатах и квалификации исследователя. Последнее очень важно, поскольку, как сказано выше, некавалифицированные исследования наносят памятнику огромный ущерб. Кроме того, некачественное обследование территории перед строительством фактически ведет к уничтожению памятников, так как разрешение на использование территории под хозяйственную деятельность дается по результатам разведочных работ сообразно наличию или отсутствию археологических памятников и после их раскопок, если это необходимо. Таким образом, возрастает и ответственность археолога, его роль в обществе делается более значимой.

Для облегчения регламентации полевых работ в 1999–2001 гг. при поддержке фонда РГНФ была создана не имеющая аналогов в России автоматизированная информационная система (АИС) BASE-INFO (Сорокина и др., 2001). В ней хранится накопленная за многие годы информация. Система предусматривает вывод этой информации в разных формах, перевод ее в другие форматы (например, в xls), статистический анализ и многое другое. Таким образом, АИС BASE-INFO позволяет не только сохранить уникальную информацию и работать с текущей документацией отдела, но также изучать процессы и закономерности в развитии полевой археологии.

Ввод всего объема информации, разумеется, произойдет еще не скоро, но то, что уже доступно сейчас, позволяет осветить некоторые аспекты развития полевой археологии в настоящей работе. Это первый опыт подобного анализа, так как ранее информация о полевых исследованиях воспринималась только как информация об их научных результатах (подобно тому, как она представляется в издаваемом ИА РАН ежегоднике “Археологические открытия”), но не как анализ структуры и динамики развития. Ниже приведены данные, относящиеся к периоду с 1991 по 2001 гг., т.е. после распада СССР. Можно сказать, что это время существования новой России после того, как изменились сложившиеся десятилетиями условия, представления и традиции. Выбор более коротких периодов (с 1994 или 1995 гг.) обусловлен доступностью данных в АИС в настоящий момент. Географическое распределение данных дается по субъектам федерации, определенным Конституцией России 1993 г.

Полевые исследования, т.е. организация экспедиции, требуют большего вложения средств, чем кабинетные (кроме выполнения специальных анализов), поэтому развитие их находится в прямой зависимости от экономической ситуации в стране. На рис. 1 показано количество Открытых листов на все виды полевых исследований за указанный период и количество сданных по ним

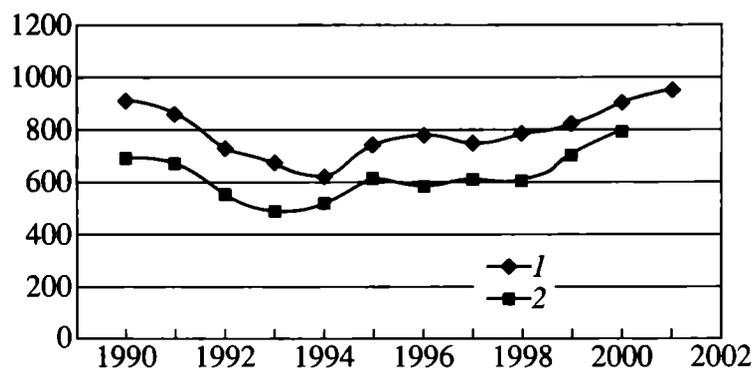

Рис. 1. Открытые листы на исследования и научные отчеты об их результатах за период с 1990 по 2001 г.

1 – Открытые листы; 2 – научные отчеты.

научных отчетов. Таким образом, отражена динамика полевых работ в зависимости от финансовых возможностей. Открытых листов всегда запрашивается больше, чем поступает отчетов, поскольку, во-первых, не все работы удается провести, во-вторых, не всегда финансирование бывает полным, из-за чего отчет может быть представлен не в следующем году, как положено, а позже. Заявка на Открытый лист отражает намерения исследователя и перспективы их реализации, в то время как сама реализация зависит от субъективных причин, особенно в наше нестабильное время. Заявки формируются в соответствии с задачами: инвентаризация памятников, определение охранных зон, разрешения на землеотводы, аварийно-спасательные, научно-исследовательские, реставрационные и другие работы. Поэтому представляется, что приведенный ниже обзор исследований на основе анализа Открытых листов объективно отражает тенденции в развитии современной полевой археологии.

Анализируя график (рис. 1), можно сказать, что в начале 1990-х годов наблюдается спад активности, несомненно, связанный с общим ухудшением экономической ситуации в стране. Показатели 1994 г. по Открытым листам повторяют начало 1980-х. В 1995 г. началась реализация федеральной программы “Сохранение археологического наследия народов Российской Федерации”, рассчитанной до 2000 г. Перспектива государственного финансирования сразу подняла активность, регионами были составлены пятилетние планы, задействованы молодые кадры (рис. 2). Однако с 1996 г. финансирование программы уже прекратилось, многие даже не успели вовремя сдать отчеты за 1995 г. Полевые исследования в 1996 г. начались еще с надеждой на финансирование, поэтому их даже больше, чем годом раньше, но заканчивались они уже на средства, добытые из разных источников. В 1997 г. интенсивность работ падает, как и приток в науку новых сил (рис. 2).

В последующие годы опять начинается плавный рост количества исследований, что связано,

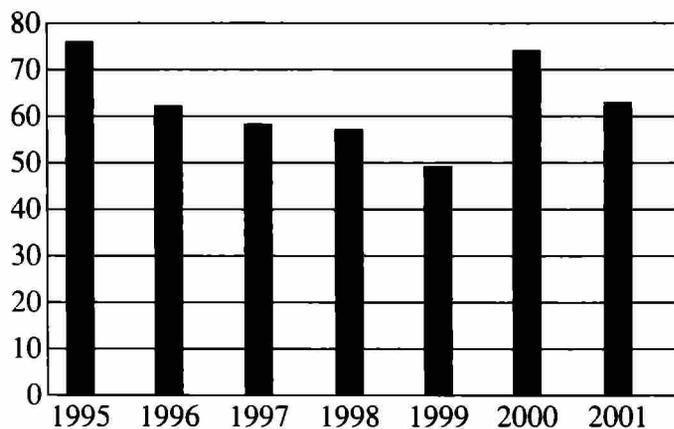

Рис. 2. Количество исследователей, впервые получивших Открытый лист (в период с 1995 по 2001 г.).

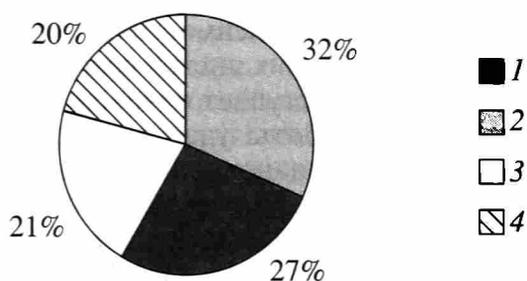

Рис. 3. Степень исследованности регионов РФ (данные за 8 лет – 1994–2001 гг.): 1 – от 1 исследования за 8 лет до 4-х в год; 2 – от 5 до 10 исследований в год; 3 – от 10 до 14 исследований в год; 4 – от 15 до 47 исследований в год.

очевидно, с активизацией поиска средств на местах (прежде всего хоздоговорных) и вовлечением в этот процесс организаций археологического профиля всех категорий (научно-исследовательских, органов охраны, музеев, ВУЗов и т.д.). Дефолт 1998 г. на количестве исследований не отразился, поскольку пришелся на конец полевого сезона, когда основная масса работ уже была закончена, зато отразился на возможности вовремя подготовить научный отчет. Можно также предположить, что события 1998 г. вызвали трудности в поисках средств для малобюджетных разведочных работ (Открытые листы формы 3), которые проводят начинающие археологи – студенты старших курсов и аспиранты ВУЗов. Этим можно объяснить минимальный приток первичных заявок на Открытые листы в 1999 г.

Практическое исполнение федеральной программы “Сохранение археологического наследия народов Российской Федерации” по договору с Министерством культуры РФ координировалось отделом охранных раскопок Института археологии РАН, который собирал составленные в регионах пятилетние программы исследований и краткие отчеты (полные представлялись в отдел полевых исследований в обычном порядке). Финансирование распределялось пропорционально выделен-

ным средствам из госбюджета и заявкам. Впервые выявились разные возможности регионов: количество действующих археологов, учреждений, ведущих работы, состояние учета и охраны памятников. Все эти закономерности прослеживаются и позже. Польза от фактически несостоявшейся вышеупомянутой федеральной программы, помимо общего оживления археологической деятельности, состояла еще и в составлении перспективных планов исследований, т.е. в осознании задач и целенаправленном поиске средств на археологические исследования.

На рис. 3 отражена степень исследованности регионов за период с 1994 по 1998 г. В диаграмму включены данные только по 85 из 89 субъектов федерации. Отсутствуют Чеченская республика, Татарстан (нет данных), Москва и Санкт-Петербург объединены с областями (Московская и Ленинградская). Вряд ли можно считать эту картину удовлетворительной, поскольку в малоисследованных регионах тысячи уже известных памятников и, естественно, огромное количество пока не открытых.

В некоторых регионах к лучшему ничего не меняется, количество исследований минимально (32% на рис. 3; рис. 4). К этой группе относится большинство национальных автономий и ряд областей, где археологов очень мало, охранные службы отсутствуют или малоэффективны. Здесь, как правило, нет крупных капиталовложений в хозяйственную деятельность (газопроводы, добыча ископаемых, транспортные магистрали и т.д.) и, соответственно, финансирования археологических исследований, зато огромный вред памятникам может наносить городская и частная застройка, промышленные и сельскохозяйственные предприятия, не говоря уже о природных факторах, кладоискательстве и грабительских раскопках. Немного лучше положение и в следующей группе (27% регионов на рис. 3). Пяти исследований в год, например, абсолютно недостаточно для республики Адыгеи, где темпы разрушения памятников очень высоки. В некоторых регионах все же намечается ежегодный рост: республики Алтай, Саха (Якутия), Тыва, Удмуртия; Астраханская, Владимирская, Калининградская, Костромская области. В Мордовии же наоборот, интенсивность упала с 11 исследований в 1996 г. до двух в 2001 г.

Третью группу (21% на рис. 3) составляют регионы со средней степенью исследованности. Сюда относятся Башкортостан, Карелия, Коми, Хакасия, Ставропольский и Хабаровский края, Иркутская, Липецкая и др. области. Количество исследований (от 10 до 14 в год) в основном стабильно, хотя и с колебаниями. Ежегодный рост наблюдается в Волгоградской, Рязанской, Тюменской области.

Четвертая группа и, к сожалению, меньшая – наиболее исследованные регионы (20% на рис. 3,

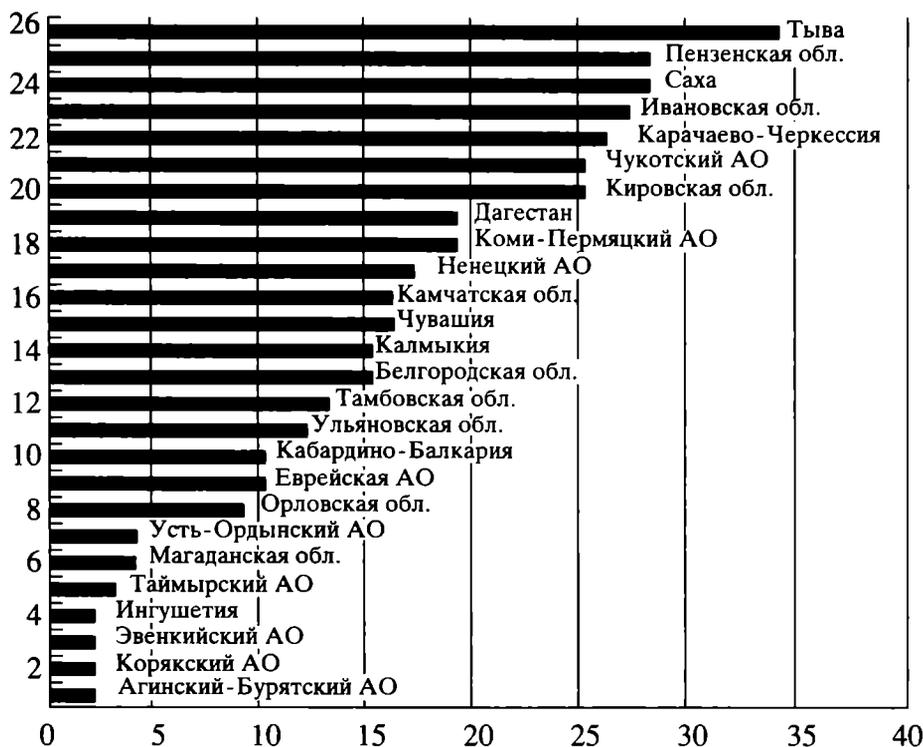

Рис. 4. Наименее исследованные регионы: от одного исследования за 8 лет до четырех в год (по горизонтали – количество исследований за 8 лет – 1994–2001 гг.).

Рис. 5. Наиболее исследованные регионы: от 15 до 47 исследований в год (по горизонтали – количество исследований за 8 лет – 1994–2001 гг.).

рис. 5). Некоторые ежегодно активно наращивают темпы роста. В качестве примера можно привести Алтайский и Краснодарский края, Воронежскую, Ленинградскую (с Санкт-Петербургом), Московскую (с Москвой), Ростовскую, Тверскую (в особенности) области, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа. Особенно приятно, когда это не только количественный, но и качественный рост (имеются в виду как методика собственно полевых работ, так и представление их результатов в научных отчетах).

В регионах этой группы имеются хорошие охранные службы (Иркутск, Пермь, Вологда, Крас-

нодар, Ханты-Мансийск и др.), научные школы (Воронеж, Краснодар, Самара, Ростов на-Дону и т.д.), крупные учреждения археологического профиля. Большую роль играет деятельность Уральского, Сибирского и Дальневосточного отделений РАН, а также таких специализированных учреждений, как ИА РАН в Москве и ИИМК в Санкт-Петербурге. Растет количество специалистов-археологов (приток новых лиц идет чаще всего за счет этих регионов). Кроме того, идет активная хозяйственная деятельность с крупными вложениями в археологию, что ведет к интенсификации работ региональных археологов (запраши-

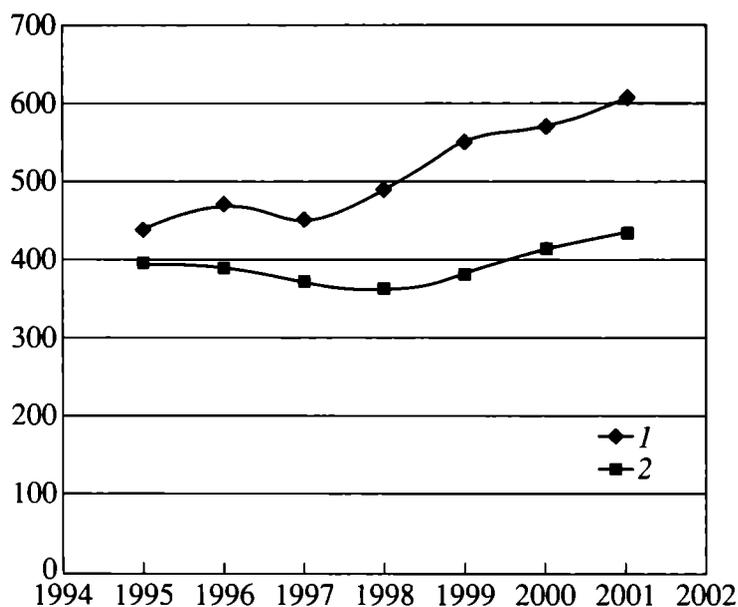

Рис. 6. Распределение основных видов исследований: 1 – раскопки (Открытые листы по формам 1 и 4); 2 – разведки (Открытые листы по формам 1, 2 и 3).

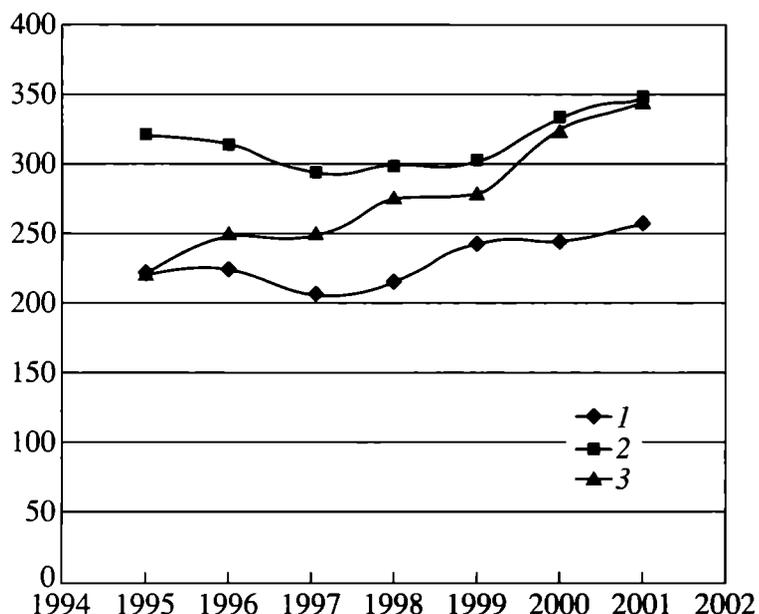

Рис. 7. Распределение Открытых листов по формам (1995–2001 гг.): 1 – форма 1 (без разделения на виды работ); 2 – формы 2 и 3 (разведочные работы); 3 – форма 4 (раскопки разрушаемых памятников).

вается по несколько Открытых листов на одного исследователя) или межрегиональному сотрудничеству. Так, в Краснодарском крае аварийно-спасательные работы ведут исследователи из Ростова-на-Дону; к работам по трассе газопровода Ямал–Европа помимо московских привлекались археологи из других регионов. Прогресс также обусловлен развитием городской археологии в связи с интенсивной реконструкцией исторических городов (Тверь, Новгород, Москва и т.д.). Отрадно, что исследованию подвергаются слои

XVII–XVIII в. и даже XIX в., “неинтересные” по традиционным археологическим меркам.

Рассмотрим, каково соотношение различных видов полевых археологических исследований. По характеру работ они, как известно, делятся на два основных вида: раскопки (включая научно-исследовательские и аварийно-спасательные) и разведки. Цели разведок могут быть различными: научно-исследовательские (выявление и изучение памятников определенного типа), обследование малоизученных в археологическом отношении районов (заполнение “белых пятен”), инвентаризация (осмотр и фиксация состояния ранее известных и выявление новых памятников с целью постановки на учет и охрану), предварительное обследование территории на предпроектной стадии для землеотвода под строительство и т.д. Особенно следует отметить разведки в городах, предваряющие, а иногда предотвращающие строительство. В зависимости от целей проводятся разведки по определенному маршруту или сплошное обследование территории. Определение целей разведки в заявке на Открытый лист очень важно, поскольку необходимо оценить результат, особенно при последующем разрешении на строительство.

Традиционно археологи предпочитают заниматься раскопками, поскольку в научном плане они гораздо информативнее. Это приводит к тому, что огромные территории практически не обследованы. Всплеск разведочной деятельности наблюдался в начале 1990-х в связи со специальным постановлением Верховного Совета РСФСР (Постановление..., 1990). Началась инвентаризация памятников археологии, проведение которой финансировалось из бюджета. Во многом по результатам этой работы были составлены планы под федеральную программу 1995–2000 гг. На рис. 6 показано соотношение основных видов работ в последние годы. Спад разведочных работ к 1998 г. обусловлен сокращением возможностей финансирования деятельности молодых специалистов, о котором говорилось выше (рис. 2). Рост раскопочных работ продолжался за счет хозяйственных средств, т.е. исследований аварийно-спасательных. С интенсификацией хозяйственной деятельности связан и наблюдаемый к 2001 г. рост количества разведок.

Рисунки 7 и 8 дают представление о соотношении разных видов работ по форме Открытого листа, т.е. по разному кругу полномочий. Многие исследователи, давно работающие, запрашивают лист по форме 1 (раскопки всех видов памятников) и в том случае, если проводят аварийно-спасательные раскопки разрушаемых или подлежащих разрушению памятников. Во многом это дань традиции: форма 1 считается более престижной. Тот же лист может давать и полномочия на разведки, поэтому виды работ, проводимых по Открытому листу формы 1, на графиках выделены особо. В то же

время менталитет российских археологов понемногу меняется: для исследования выбираются в подавляющем большинстве разрушаемые природой или людьми памятники, все реже в заявках выдвигаются чисто научные цели.

Хорошо видно абсолютное преобладание и неуклонный рост количества исследований по листам формы 4 (аварийно-спасательные раскопки). Представляется, что такая картина отражает ряд моментов.

1. Возрастание необходимости в таких работах в связи с общим оживлением экономики и возможность вложить средства в археологические исследования.

2. Повышение внимания археологов к охранным работам как к средству спасения памятников.

3. Отработка способов предотвращения хозяйственной деятельности на памятнике без предварительного исследования, т.е. налаживание контактов с властями и строительными организациями, развитие охранных методик.

4. Переключение археологов на активный поиск хоздоговорного финансирования и ведение крупных экспедиций.

5. Понимание значения охранных раскопок для развития науки.

Как это ни странно звучит, масштабные исследования многих памятников, а стало быть, исторических периодов и культур, оказались возможными только благодаря их грядущему разрушению в ходе строительства. Достаточно вспомнить массовые раскопки степных курганов при строительстве оросительных систем. В этой связи необходимо подчеркнуть недопустимость до сих пор имеющего место разделения археологии на чисто академическую науку и охранную деятельность, ибо первое невозможно без второго. Общее преобладание раскопочных исследований над разведочными (рис. 6), безусловно, обеспечивается за счет большей доли аварийно-спасательных раскопок по сравнению с чисто научными.

Большинство исследователей, ведущих аварийно-спасательные работы, проводит и разведки по Открытым листам формы 2 (разведки с частичным вскрытием культурного слоя). Целью таких разведок чаще всего бывает обследование территории под строительство, так что их тоже в определенном смысле можно считать аварийно-спасательными. Доля их в общем количестве исследований вторая после охранных раскопок. Результатом бывает корректировка трасс газопроводов, дорог или иных объектов, выключение земли, на которой расположен памятник, из сферы хозяйственной деятельности, разработка охранных зон или остановка строительства для последующих раскопок. Кроме того, повреждение поверхности памятника в виде шурфов или небольших раскопов может ускорить его разрушение. Таким образом, этот вид работ предполагает большую ответст-

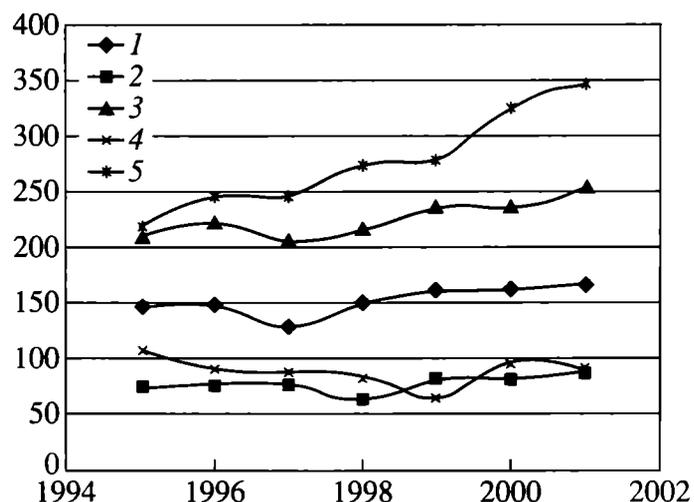

Рис. 8. Открытые листы на исследования (данные с 1995 по 2001 гг.): 1 – форма 1 (только раскопки); 2 – форма 1 (раскопки и разведки); 3 – форма 2 (разведки с вскрытием культурного слоя); 4 – форма 3 (разведки без земляных работ); 5 – форма 4 (раскопки разрушаемых памятников).

венность исследователя. Археологи же, работающие по форме 1, занимаются разведками в гораздо меньшем объеме (рис. 8).

Количество разведочных работ по форме 3 относительно невелико, поскольку с нее начинают молодые и малоопытные исследователи. Эта же форма в принципе отвечает задачам инвентаризации или мониторинга памятников. Разведки по форме 3, будучи грамотно проведены, приносят большую пользу, поскольку значительная часть территории России еще плохо изучена в археологическом отношении. В связи с этим встает вопрос о приобретении молодыми специалистами нужных навыков, прежде всего по снятию топографических планов и точных привязок. Глазомерные планы должны уступать место инструментальным. По отчетам видно, что многим исследователям не хватает хорошей школы. Восполнить этот пробел могли бы методические семинары, практика в хорошо поставленных экспедициях, возможно, в других регионах.

Параллельно со строительной деятельностью активизируются и организации археологического профиля, занимающихся как учетом и охраной памятников, так и полевыми исследованиями. Таких организаций сейчас насчитывается около 600. Современная (на 2000 г.) структура организаций, запрашивающих Открытые листы на полевые работы и зафиксированных в документации ОПИ, показана на рис. 9. По сравнению с научно-исследовательскими организациями (в том числе РАН), престиж которых был традиционно высок в советское время, возрастают доли музеев и ВУЗов, в прежние годы довольно скудно финансировавшихся из бюджета и, как правило, ограничивавшихся небольшими по объему работами. Теперь же, очевидно, они ищут возможности вести луч-

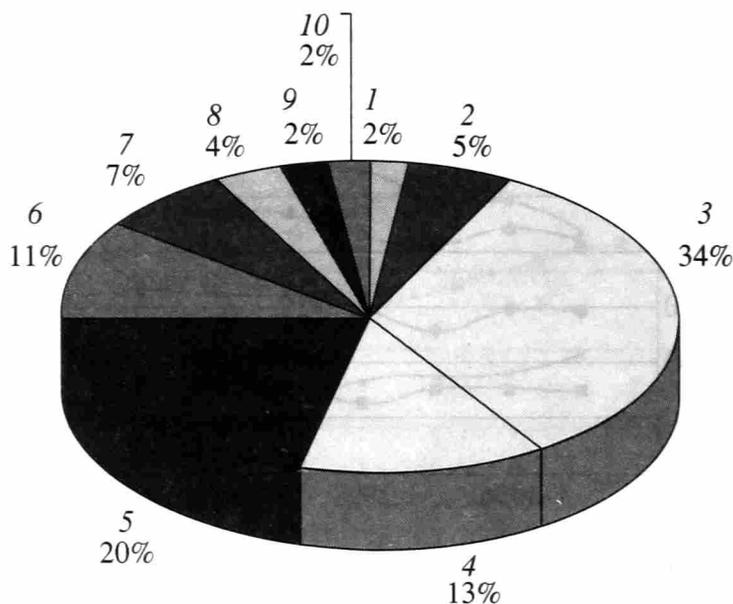

Рис. 9. Организации археологического профиля (данные на 2001 г.): 1 – данные не определены; 2 – учреждения РАН; 3 – музеи; 4 – организации охраны памятников; 5 – ВУЗы; 6 – органы государственной власти и местной администрации; 7 – научно-исследовательские учреждения; 8 – центры, объединения, ассоциации; 9 – самостоятельные организации; 10 – прочие организации.

ше оплачиваемые хоздоговорные работы. В качестве примера можно привести музеи-заповедники в Твери, Калуге, Краснодаре, уже давно переклывшиеся на подобную деятельность.

Приведенный анализ показывает, как обстоит дело с полевыми исследованиями в регионах, где имеются пробелы, где – несомненные достижения. Главный итог, на наш взгляд, состоит в том, что наметился количественный и, в некоторых аспектах, качественный рост: в связи с общим оживлением в экономической сфере увеличивается объем исследований, укрепляются позиции органов охраны археологических памятников, активизируется деятельность организаций археологического профиля разных категорий, идет приток молодых специалистов. Однако негативные факторы весьма существенны. Выход видится в принятии ряда неотложных мер.

1. В связи с угрозой потери археологического наследия в условиях современного землепользования представляется необходимым обращение к властям с целью скорейшего принятия соответствующего законодательства по его охране, учитывающего специфику памятников археологии.

2. Создание национального реестра памятников археологии – единой системы учета и описания.

3. Разработка и утверждение единых полномочий и обязанностей охранных служб, определяющих отношение к памятникам археологии: своевременный учет и постановка на государственную охрану, контроль за соблюдением законодательства в части обязательного исследования терри-

тории перед строительством, создание охранных зон, определение ущерба и т.д.

4. Дальнейшая разработка охранных методик.

5. Взаимодействие организаций археологического профиля, в том числе ИА РАН, с Министерством культуры РФ в деле сохранения археологического наследия.

6. Более полное использование возможностей Федерального научно-методического Совета по сохранению культурного наследия при Министерстве культуры (ФМНС).

7. Обращение к властям с целью возобновления федеральных программ, направленных на сохранение археологического наследия.

8. Ведение регулярного наблюдения за состоянием памятников посредством разведок – переход к системе мониторинга.

9. В области полевой археологии изменение приоритетов: проведение в первую очередь разведочных работ для выявления новых памятников и фиксации состояния ранее известных, а также раскопок памятников, над которыми в наибольшей степени нависла угроза разрушения или грабительских раскопок.

10. Ужесточение методических требований к разведкам с целью более точного и полного учета, в частности, обязательная инструментальная съемка плана и максимально точные географические привязки.

11. Повышение ответственности археологов за некачественно выполненные полевые работы, особенно при последующем землеотводе под строительство.

12. Проведение методических мероприятий в области полевой археологии с целью повышения квалификации археологов, в частности, возрождение “Школы молодого археолога”.

13. Создание службы учета и противодействия грабительским “раскопкам”, что позволило бы своевременно обращаться в правоохранительные органы, привлекать внимание общественности.

14. Активные контакты профессионалов-археологов и археологических учреждений со средствами массовой информации для пропаганды значимости археологических памятников как части национального достояния и привлечения внимания общества к угрозе их уничтожения.

Важно осознать, что только немедленные, централизованные и целенаправленные действия археологов России помогут сохранить археологическое наследие для будущих поколений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авдусин Д.А. Полевая археология СССР. М., 1980.
Европейская конвенция об охране археологического наследия. Сер. “Европейские договоры”. № 143, от 16.01.1992 // Сборник правовых актов Совета Евро-

- пы о сохранении культурного наследия. Екатеринбург, 2001.
- Закон РСФСР "Об охране и использовании памятников истории и культуры" от 15.12.1978 г. в ред. от 18.01.1985 г.
- Положение об охране и использовании памятников истории и культуры, утвержденное постановлением Совета Министров СССР от 16.09.1982 г. № 865. Ст. 49.
- Постановление ВС РСФСР "О неотложных мерах по сохранению национального культурного и природного наследия народов РСФСР" от 25.11.1990. № 447-1.
- Сорокина И.А., Седов В.В., Хмелевский А.Н. и др.* BASE-INFO. Автоматизированная информационная система по регламентации археологических раскопок и разведок на территории России // Практика и теория археологических исследований. Тр. Отдела охранных раскопок ИА РАН. М., 2001.

Field Archaeology in Russia at Present: Results and Prospects

I. A. Sorokina

Summary

In the territory of Russia there are hundreds of thousands archaeological monuments that are under state protection. A number of factors, such as the lack of new legislation on state protection, insufficient functioning of protective bodies, and so forth, result in unsatisfactory fulfilment of this task. Illegal activities including unqualified and unlicensed excavations carried out by specialists-archaeologists, plundering archaeological sites take place. The same concerns organisations practising economic exploitation of grounds without archaeological survey executed in advance. As a result, a threat of loss of archaeological heritage has become a reality. The analysis of structure and dynamics of field archaeology in Russia in the 1990-s is based on the data of the Department of field investigations in the Institute of Archaeology, RAS. It demonstrates that the majority of the subjects of Russian Federation are investigated insufficiently. To some extent the situation is related with general economic situation, but other reasons exist as well, among them the lack of contacts between specialists and local authorities, small number of acting protective services, lack of specialists, their insufficient skill, and so forth. However, significant positive changes in archaeological practice are also present. As a way out some legislative, administrative, and methodical measures should be undertaken.

НЕЗАКОННЫЕ РАСКОПКИ И АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ

Материалы круглого стола, проведенного редакцией и редколлегией журнала “Российская археология”*

8 апреля 2002 г. состоялось совместное открытое заседание редакционной коллегии и редакционного совета журнала “Российская археология”, проводившееся в рамках Круглого стола с приглашением не только профессиональных археологов из коллектива Института археологии РАН, но и всех желающих. Темой встречи стали проблемы изучения такого социального явления, как вспышка в последние годы незаконной грабительской деятельности “браконьеров” на объектах археологического наследия нашей страны. Поводом для организации дискуссии стала инициатива член-корреспондента РАН, д.и.н. Н.А. Макарова, обратившегося к коллегам с открытым письмом. Оно было передано членам редколлегии и редсовета, и отклики на него в значительной степени дали материал для последующей дискуссии. В ходе же Круглого стола был заслушан как ряд специально подготовленных докладов, дополненные тексты которых публикуются ниже, так и выступления в прениях. Кроме того, редколлегия сочла возможным присовокупить к материалам дискуссии тексты, посвященные обсуждаемой проблеме и присланные в редакцию из других научных центров.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Л.А. Беляев (гл. редактор журнала “Российская археология”)

Проблема незаконных раскопок – не единственная в современной археологии России, и данный круглый стол мы рассматриваем не как случайное “мероприятие”, а как первое в серии планируемых обсуждений. Ситуация в области полевых работ и охраны наследия гораздо шире и сложнее, она имеет мощную социальную составляющую и непосредственно вытекает из проблемы сложения новых общественных групп, желающих участвовать в разделе, в “приватизации” той или другой части археологического наследия и считающего его именно своей, а не общенарод-

ной собственностью. Среди таких групп – фундаменталистски настроенные социальные течения (в первую очередь националистические), Церковь, владельцы земли, всевозможные коммерческие структуры и др. Одновременно с “приватизационной” опасностью нарастает и явление прямой коммерциализации процесса охранных раскопок, законодательно предписанных пользователям земли и проводимых официальными научно-производственными структурами. Это явление порождается взаимным интересом бюрократии, коммерческих структур и части исследователей-археологов, вынуждаемых к сотрудничеству с ними самыми разными причинами (о которых следует говорить особо). В результате складывается, а отчасти уже и сложилась (хотя это не сразу заметно) новая, параллельная доперестроечной, система распределения разрешительных и контрольных функций, а следовательно, и доступа к источникам финансирования, в которой явно преуменьшено, если не сказать вообще снято, влияние и участие профессионалов-археологов, занимающихся фундаментальной наукой. Явственно назревает строгий разбор проблемы лицензирования работ и контроля за производством исследований, но вопрос этот весьма болезненный, он затрагивает интересы уже сложившихся групп, в которые входят чиновники ряда министерств и ведомств, созданных ими (или контролируемых) “рабочих групп” исполнителей, в том числе и в регионах. Это почти сложившаяся система “серой” археологии, занимающей промежуточное положение между исследовательскими научными работами и грабительскими раскопками. Одна из важнейших проблем этой области – отсутствие реальной гласности, невозможность всесторонне обсудить планирование и процесс исследований, которые все более становятся своего рода коммерческой тайной.

Сегодня ученые вынуждены попытаться увидеть свою науку не только изнутри, но и со стороны (хотя это и чрезвычайно трудно сделать), увидеть современную археологию как общественное явление. Ведь давно уже в огромной своей части это не “чистая” наука, а именно яркая и своеобразная часть социальной жизни в самом широком смысле слова. Это и шоу, и сфера идеологи-

* См. также в этом номере статьи: А.С. Смирнов “Сохранение археологического наследия России. История и проблема”; И.А. Сорокина “Полевая археология России на современном этапе: итоги и перспективы” и в разделе “Хроника” – материал В.И. Молодина, Н.И. Дроздова.

ческой (националистической, религиозной), политической и коммерческой деятельности. Она может стать важным полигоном для воспитания патриотизма в новых поколениях (как это случилось в свое время, например, в Израиле). Ее потенциал как элемента социальной жизни в России практически еще не раскрывался, в то время как в западном мире книги, фильмы, телепрограммы и популярные журналы по археологии давно и успешно конкурируют с самыми массовыми (спортивными, кулинарными, медицинскими, детективными).

На все это не следует закрывать глаза фундаментальной науке, если она не хочет остаться у разбитого корыта. Башни из слоновой кости смогут спасти одиночку или небольшую группу единомышленников, но ведущее положение подлинной археологии, будучи один раз утраченным, по видимому, уйдет навсегда. Ученому придется потесниться, уступая место чиновнику, журналисту, политику и тому невидимому торговцу, который всегда стоит позади них. Иными словами, фундаментальной археологии грозит опасность превратиться в маргинальную область.

Итак, археологам пришла пора задуматься и обсудить проблемы организации своей науки, а также и ее место в социальной жизни страны.

Мы решили начать с наиболее бесспорного и быстро растущего “черного пятна”, с прямого грабежа археологического наследия. Его быстрый рост кажется особенно угрожающим и бесконтрольным, необходимость борьбы с ним стала очевидной всем практикующим археологам, стремящимся хоть в какой-то степени именовать себя учеными. Однако эта позиция фундаментальной наукой пока выражается только подспудно, интуитивно, она пока не заявлена публично. На сегодняшнем круглом столе предлагается поработать над ее формулировкой и начать обсуждение позитивной программы действий, которые могли бы помочь обществу в борьбе за сохранение археологического наследия, предложить практические шаги, которые покажутся нам необходимыми.

Нам представляется, что фундаментальная наука должна принять участие в осмыслении явления, а также и в организации его мониторинга с помощью отслеживания ситуации (на местах, в сети Интернет, в печати) и доведения результатов до сведения научной общественности. Следует задуматься и над тем, какой могла бы быть роль официальных структур РАН, прежде всего Института археологии, в организации борьбы с грабительской археологией. Сюда можно включить привлечение общественного и государственного внимания к проблеме грабительской археологии путем выступления в средствах массовой информации (ТВ, наиболее популярные газеты); более активное лоббирование создания законодательства в нужном направлении; формированием

особого археологического центра, куда собранная информация могла бы стекаться, на первых порах неофициального (возможно, при журнале).

Журнал “Российская археология” считает долгом внести свою лепту в дело охраны наследия и выработки законодательства – это центральная археологическая трибуна страны, и мы представляем ее в распоряжение коллег.

Н.А. Макаров, член-корр. РАН. Волна грабительских раскопок, захлестнувшая нашу страну, вызывает глубокую тревогу. Почти все мы в последнее время стали очевидцами вторжения грабителей на археологические памятники. Отвалы браконьерских раскопок на селищах и могильниках, россыпи древних вещей на прилавках антикварных магазинов – печальные приметы археологической жизни в современной России. Из единичных фактов складывается общая картина массового уничтожения памятников древности и средневековья. К сожалению, в специальных археологических изданиях эта проблема пока не обсуждалась. Между тем для того, чтобы бороться с грабительскими раскопками, необходимо прежде всего понять происхождение этого явления, оценить его масштабы, составить некоторое представление о том, как организована сеть нелегальной добычи и продажи древностей. Смысл нашего разговора я вижу не столько в выражении общего возмущения грабительскими раскопками, сколько в обмене мнениями о характере этого явления и возможных действиях археологов в новой для нас ситуации.

“Грабительская археология” в тех или иных формах существовала всегда, в ее истории были периоды подъемов и спадов. В России со второй половины XIX в. и до недавнего времени масштабы ее были относительно скромными. Мы привыкли считать, что охрана археологических памятников – это противодействие строительным работам, противодействие хозяйственному использованию тех земельных участков, где находятся археологические объекты. Вся система охраны археологических памятников в России, как и в других странах, нацелена на контроль за застройщиками. Неудивительно, что эта система оказалась малоэффективной, когда несанкционированные раскопки неожиданно для нас стали основной угрозой национальному археологическому наследию.

Современная экспансия грабительства на археологических памятниках обусловлена, на мой взгляд, сочетанием трех основных факторов. Первый из них – становление в России антикварного рынка как части новой рыночной экономики. Второе обстоятельство – распространение весьма совершенных металлодетекторов, без использования которых “труд” бугровщиков малоэффективен. Наконец, как это ни парадоксально, одним из источников, подпитывающих деятельность неле-

галов, стал рост интереса к прошлому, неудовлетворенность новых социальных групп теми формами приобщения к прошлому (через книги, музейные экспозиции и т.п.), которые сложились в обществе. Материальный и “игровой” стимулы оказались, таким образом, тесно переплетены.

Грабительская археология хорошо организована. В России существует сеть связанных между собой организаций (обществ, фирм, клубов), которые специализируются на проведении несанкционированных раскопок, их техническом и интеллектуальном обеспечении и торговле древностями и орудиями, с помощью которых ведется грабительский промысел. В 2002 г. в последнее воскресенье апреля в России впервые проводится слет кладоискателей, в котором принимает участие не менее 20 организаций из России, Украины и стран Балтии. Его организаторы поместили соответствующее объявление в Интернете, где производится регистрация участников и назначено место их встречи. В марте 2002 г. должен выйти из печати первый номер журнала “Древности и старина” – периодического издания, посвященного “любительской” археологии.

О характере и масштабах деятельности “нелегалов” некоторое представление дает Интернет, который, кстати, во многом и сделал возможной их самоорганизацию. Я нашел в Интернете более 300 сайтов, в той или иной мере поддерживающих “кладоискательство” и добычу древних вещей с помощью металлодетектора. Не менее полутора десятков из них принадлежат организациям, ведущим дело с большим размахом. Это такие сайты, как “Раритет”, “Кладоискательство”, “Родонит”, “Русское поле”, “Петербургский кладоискатель”, “Черный археолог”, “Антикварный сервер курских кладоискателей”, “Золотодобытчик и кладоискатель”. Сайты различаются по своему оформлению, но сходны по своей структуре и рубрикации разделов. На каждом из них вы найдете раздел, представляющий набор металлоискателей, инструкции по их применению и предложения о их приобретении. На каждом – выставка вещей, добытых грабителями, причем в некоторых случаях прямо указано, что вещи выставлены для продажи. Например, на сайте курских грабителей помещены фотографии домонгольских крестовельников, энколпионов, вислой печати XI в., а рядом указаны цены. Коллекции исключительно разнообразны по своему составу, здесь вы найдете все: от самых обычных предметов старины, таких, как самовары, пряжки от красноармейских ремней или николаевские монеты, до предметов, сделанных в скифском зверином стиле или прикамского культового литья.

Здесь же рассказы о набегах на археологические памятники. Некоторые из них поражают своим цинизмом и откровенностью – например, рассказ Николая Соловьева, президента клуба “Ра-

ритет”, о разграблении городища Выжегша во Владимирской обл. “На этом городище были все”. Памятник не назван по имени, но легко догадаться, о чем идет речь, ведь куфические монеты, украшения и оружие с Выжегши долгое время продавались на московских антикварных развалах. Автор статьи, помещенной в Интернете, сожалеет о том, что пришел на городище, изуродованное грабителями, одним из последних. Вид изуродованного памятника вызывает в его сердце ностальгические воспоминания о первом поколении кладоискателей, приезжавших на памятники не на джипах, а на уазиках.

На сайтах много другой “полезной” информации – как избежать наказания за несанкционированные раскопки, где добыть карты, как атрибутировать найденные предметы.

Знакомство с сайтами показывает, что грабительская археология стремится к легализации, более того, она борется за свое общественное признание и требует равного статуса с профессиональной. Ее активисты формируют собственную идеологию, обосновывающую ее право на существование, и им нельзя отказать в изобретательности. Исходная посылка в их построениях – прошлое принадлежит всему обществу, а ученые незаконно монополизировали свое право вести раскопки. Музеи собрали в своих запасниках тысячи ненужных древних вещей, которые либо уже изучены, либо не изучаются, при этом они не в состоянии обеспечить их хранение. Доступ к этим вещам для общества закрыт. Археологи недостаточно активно ведут охранные работы, сотни археологических памятников разрушаются при строительстве. В качестве альтернативы предлагается народная любительская археология, обеспечивающая возможность непосредственного контакта между любителями прошлого и физическими остатками древности, которые обречены на уничтожение в строительных котлованах или в музейных фондах. Право вести раскопки имеет любой, при этом находки могут на некоторое время передаваться профессионалам для изучения, при условии возвращения их находчикам. Музеи должны избавиться от “дубликатов”, оставив себе только небольшое количество вещей, действительно имеющих историческую ценность. Часто повторяется тезис о том, что грабители вскрывают не культурный слой, а перемешанный верхний слой, на который якобы не распространяются предусмотренные законом меры охраны.

Что может быть сегодня предпринято нами для противодействия грабительским раскопкам?

Во-первых, общими усилиями мы должны разрушить распространенную иллюзию о том, что археологи и бугровщики – партнеры в изучении прошлого, что благородные и энергичные кладоискатели добывают ученым материал для исследования, собирают и спасают от разрушения то,

что никому не принадлежит. Нелегальные раскопки, в том числе те, кто ведет свой промысел с помощью металлодетекторов, ограничиваясь лишь локальными вскрытиями, – грабители, расхищающие культурное достояние России в кризисный период, когда она не имеет возможности должным образом наладить охрану памятников. Самовольные раскопки уничтожают источники для воссоздания прошлого, т.е. лишают нас нашей истории. Назвав вещи своими именами, мы уже немало сделаем для ликвидации нынешней “разрухи в головах”, когда разница между профессиональными археологами и нелегалами для многих малопонятна.

Кстати, ставшие широкоупотребительными термины – “черная археология”, “поисковая деятельность”, “кладоискательство”, удобны тем, кто ведет незаконные раскопки, поскольку они позволяют скрыть истинное существо того, что происходит. Как будто бы есть два конкурирующих между собой способа изучения древности. Чтобы быть точными, мы должны говорить о нелегальных, грабительских, браконьерских раскопках, о незаконной добыче древних вещей.

Во-вторых, мы должны рекомендовать нашим читателям фиксировать случаи грабительских раскопок, составлять акты о разрушении археологических объектов и обращаться в правоохранительные органы по фактам разрушения археологических памятников. Законодательство об охране памятников истории и культуры, действовавшее в Советском Союзе, не отменено и предоставляет определенные возможности для судебного преследования нелегалов.

В-третьих, необходим специальный сбор информации о фактах незаконных раскопок и торговли древними вещами. Пытаясь оценить сегодня масштабы грабительской археологии, мы ориентируемся в основном на личные впечатления и устную информацию наших коллег. Разумеется, этого недостаточно для понимания того, в какой мере различные регионы России страдают от вторжения нелегалов, и как археологи и органы охраны памятников на местах пытаются пресечь их разрушительную работу. Очевидно, редакция РА могла бы стать тем местом, где ведется сбор информации о нелегальных раскопках и судьбе добытых бугровщиками коллекций.

Для того, чтобы радикально изменить ситуацию, надо, очевидно, устранить породившие ее причины. А именно – законодательно запретить работу с металлодетекторами и поставить под контроль рынок древностей (скажем, запретить оборот вещей, возраст которых превышает 300–400 лет). И то, и другое возможно. Но для того, чтобы пролоббировать эти запреты, мы должны внятно и открыто объяснять обществу, что происходит сегодня с археологическим наследием.

В.С. Ольховский (зам. главного редактора журнала “Российская археология”). Очевидно, что сложившееся положение вокруг археологического наследия России крайне драматично, причем во многих отношениях. Приходится констатировать следующее.

1. В политической сфере отсутствует внятное и определенно положительное отношение верховной государственной власти к археологическому наследию России, его сохранению, изучению и использованию; имеет место непонимание (или нарочитое игнорирование) того факта, что историко-культурные, в частности археологические, древности являются не менее, а более ценным государственным достоянием, чем нефть, газ или уголь. Любая (легальная или нелегальная) убыль такого наследия невосполнима прежде всего для современного и будущего населения России и соответственно для государства, если последнее отстаивает действительно общегосударственные (т.е. общенародные), а не корпоративно-ведомственные либо чьи-то личные интересы.

2. Явно тормозится принятие нового законодательства в сфере охраны историко-культурного наследия народов России, что в случае приватизации земельного фонда (или даже его части) неизбежно приведет к потере и для государства, и для науки всех материальных и культурных ценностей, находящихся ниже дневной поверхности. Более того, судя по материалам печати и неофициальным источникам, предпринимались попытки (пока неудачные) под предлогом улучшения ситуации законодательно закрепить “идею” о передаче подавляющего большинства государственных музеев (и, соответственно, музейных коллекций) в частные руки. Подобная “приватизация”, несомненно, дала бы только один результат – быстрый и массовый вывоз российских древностей (в том числе археологических) за рубеж и их распродажу в интересах “приватизаторов”.

3. Не вызывает сомнений существование хорошо организованной криминальной системы добычи археологических предметов путем незаконных раскопок и заказных краж из музейных собраний с последующим их сбытом российским и зарубежным коллекционерам для пополнения частных коллекций. С собственно археологией данная “деятельность” ничего общего не имеет, хотя не исключается участие в ней и отдельных археологов-профессионалов (в качестве консультантов) прежде всего по соображениям материальной выгоды. Судя же по иностранным аукционным каталогам и ценам на антикварных рынках, ежегодный оборот антикварного подпольного бизнеса в России по самым скромным подсчетам составляет не один миллион долларов. Доступность специальной археологической литературы (справочников, журналов, сводов), хорошего картографического материала со снятым грифом “секретно” и “ДСП”,

широкий выбор отечественной и импортной поисковой техники – все это создает комфортные условия для успешного существования незаконного “псевдоархеологического” бизнеса.

4. Сформировалась система “серой” – внешне легальной, а на деле частной (коммерческой) археологии в форме НПЦ, НПО и т.д., связанной преимущественно с обслуживанием разнообразных строительных проектов. Данные организации, как правило, имеют связи с административно-чиновничьим миром, призванным отвечать за сохранность природного и культурного наследия. Выполняя сугубо прикладные, “поточно-производственные” задания силами достаточно подготовленного персонала, они в определенной степени восполняют дефицит археологов-профессионалов и формально контролируются центральными археологическими учреждениями. Качество же полученных путем коммерческой археологической деятельности результатов во многом определяется квалификацией работников и степенью личной заинтересованности (или научной порядочности) руководителей таких организаций.

5. Очевидно отсутствие действенной системы не только правовой, но и физической охраны археологического наследия России, в особенности видимых на современной поверхности археологических объектов – курганов, городищ, селищ и т.д. Местные власти и правоохранительные органы, на которые она возложена, как правило, не обладают реальной возможностью, а иногда и желанием заниматься такой охраной.

6. Очевидно стремление отдельных субъектов Российской Федерации дистанцироваться от федерального центра в деле учета и изучения археологического наследия в своем регионе вплоть до игнорирования федеральных законов и норм, желание добиться права самостоятельно лицензировать археологические исследования и выдавать Открытые листы на производство раскопок.

7. В ряде средств массовой информации, включая радио и телевидение, прослеживается явная тенденция к идеализации деятельности копателей-нелегалов, к представлению их чуть ли не спасителями отечественных древностей, патриотами-альтруистами, движимыми почти круглогодичным азартом познания “своих исторических корней”; официальная же “академическая” археология при этом рисуется в виде слабой, инертной и практически не финансируемой структуры, не способной выполнить возложенные на нее обязанности.

8. Академическая наука, в частности археология, явно проигрывает в информационной “войне” с нелегалами; в средствах массовой информации отсутствуют циклы познавательных программ по археологической тематике, мало и небольшими тиражами публикуется научно-популярная литература, пропагандирующая достижения отечественной археологии и формирующая у читателя

уважительное отношение к памятникам истории и археологии.

9. Ощущается реальный, а не “бумажный” дефицит профессионально подготовленных археологов, работающих в сфере охраны памятников в регионах. Низкая зарплата вынуждает часть специалистов уходить из археологии в более прибыльные сферы деятельности, а непрестижность специальности уже сейчас выдвигает на заметное место проблему пополнения археологических учреждений молодыми специалистами.

Все вышесказанное позволяет констатировать, что в случае сохранения подобных тенденций в течение ближайших 10–15 лет в России будет потеря основной фонд наиболее представительных археологических памятников по эпохе бронзы, раннего железа и раннего средневековья (так, прошедшее десятилетие, судя по сообщениям прессы, ознаменовалось прежде всего нелегальным вывозом из России не менее чем 80% икон, представлявших историческую и художественную ценность). Данная ситуация по своим разрушительным последствиям вполне соотносима с прошедшей в стране “дикой” (по признанию российской прессы) приватизацией бывшей государственной собственности в начале перестройки. Особенно тревожная ситуация складывается на юге России, где идет целенаправленный грабеж курганов скифо-сарматского круга. Одновременно следует ожидать реальной, а не формальной потери управления охраной и изучением археологического наследия как минимум на федеральном уровне; Институт археологии РАН и Отдел полевых исследований института могут утратить свою роль координатора раскопочной деятельности на территории России. Государству будет нанесен огромный и невосполнимый материальный и моральный ущерб.

Достаточно очевидна необходимость активных действий с целью выхода из данной (явно кризисной) ситуации. Предложений здесь может быть много, их необходимо собрать, обобщить и выявить наиболее реальные и эффективные. Ниже формулируется лишь малая часть возможных мер в сфере сохранения археологического наследия.

Так, учитывая, что до 1918 г. все археологические исследования в России на государственных землях контролировались Императорской Археологической комиссией, подчинявшейся Дворцовому ведомству и находившейся под патронажем российского императора, вероятно, стоит задуматься над (вос)созданием подобного же центрального органа (предположим, в виде Федерального Комитета по историческому наследию), подчиняющегося не какому-либо министерству, а непосредственно Президенту. Историческая специфика государственной системы России показывает ответственность именно прямого диалога с высшей властью, минуя многочисленные промежуточные инстанции. Данный Комитет не должен превратить-

ся в громоздкую бюрократическую машину, его функция – быть инициатором законодательных предложений и верховным контролером состояния историко-культурного наследия России, отстаивая не региональные, а общегосударственные интересы.

В более отдаленной перспективе, вероятно, стоит подумать и о возрождении системы региональных Археологических комиссий или Археологических служб (с целью экономии финансовых средств и недопущения дублирования функций – возможно, на базе реформированных региональных Управлений по охране и использованию историко-культурного наследия и других учреждений), работающих в тесном контакте с местными властями, но подчиняющихся непосредственно Комитету при Президенте РФ и осуществляющих практический мониторинг, учет и охрану археологических памятников. При этом в качестве первоочередной должна рассматриваться задача физической охраны археологических памятников от разрушения и ограбления.

Основным критерием всяких реформ в данной сфере должна быть эффективность, результативность работы. Стоит вспомнить, что соответствующие службы по учету и охране историко-культурного наследия имеют все развитые страны мира, а степень “цивилизованности” народа определяется его отношением не только к национальным, но и ко всем другим памятникам истории и культуры. Пока же реальная ситуация с археологическим наследием России полностью подтверждает известную русскую поговорку: что имеем – не храним, потерявши – плачем.

Необходимо подтвердить, а лучше повысить и официально закрепить статус Отдела полевых исследований (ОПИ) ИА РАН как единственной федеральной структуры, ответственной за выдачу Открытых листов, ни в коем случае не допустив децентрализации данной функции. ОПИ как государственный орган, работающий в государственной структуре – Институте археологии РАН, должен располагать соответствующей базой данных и всей информацией о состоянии археологических работ в России. Открытый лист должен быть признан единственным федеральным документом, не только дающим право на проведение археологических разведок и раскопок в России, но и налагающим на держателя Открытого листа личную ответственность за качество его работы и соблюдение необходимых формальностей. Соответственно, должен быть подтвержден статус ИА РАН прежде всего как головного координирующего археологического учреждения России, обязанного активно сотрудничать с региональными российскими учреждениями и организациями того же профиля.

Необходимо ограничить или запретить доступ неспециалистов и людей с сомнительной професси-

ональной репутацией к служебной документации (полевым отчетам, археологическим картам и т.д.), хранящейся в архивах ИА РАН, ИИМК, в центральных и региональных музеях, а также к специальным техническим средствам и приборам, которые могут быть использованы для несанкционированных раскопок археологических памятников.

Необходимо в той или иной форме (в виде письменного обращения в высшие государственные органы, выступлений в печати и в иных СМИ) довести до сведения Президиума РАН, Правительства и Президента РФ нашу озабоченность катастрофическим состоянием археологического наследия России, подчеркнув неотложность его законодательной и административной защиты в условиях приближающейся передачи значительной части земельного фонда в частное владение и непременно представив практические рекомендации по его сохранению и охране. Археологические памятники – это овековеченный исторический “генофонд”, причем не одного, а многих народов, населявших и населяющих территорию современной России. Наше прошлое – это общая историческая память, общее достояние, оно не должно быть чьей-то частной собственностью (на постсоветском пространстве уже имеются печальные примеры интеллектуальной “приватизации” региональной истории, прямоком ведущие в крайний национализм). Владелец земли должен быть не собственником всего того, что создано ушедшими поколениями (он не имеет на это никакого морального права), а его “опекуном” и хранителем, несущим личную ответственность перед государством за его сохранность.

Самодельные несанкционированные раскопки фактически являются уничтожением исторического памятника, а юридически – кражей государственной собственности со взломом, совершенной в корыстных целях с применением специальных средств (металлодетекторов и др.) в крупных и особо крупных размерах, и это должны знать не только копатели-нелегалы, правоохранительные органы и ищущие сенсаций работники средств массовой информации, но и общество в целом. Исследование же археологического наследия – задача профессиональных археологов, а не “романтиков с большой дороги”, измеряющих свой патриотизм преимущественно в валюте.

А.С. Смирнов (зам. директора ИА РАН). С сожалением приходится констатировать, что традиция неуважительного отношения к древностям имеет глубокие исторические корни.

Епископы средневековья и Возрождения растаскивали императорский Рим для возведения своих сооружений. Лишь Пантеон остался нетронутым, и то за счет того, что его превратили в церковь. Собор святой Софии императора Константина в

Стамбуле так же спасло только то, что его превратили в мечеть.

В Англии в эпоху реформации наблюдалось аналогичное неуважение к великолепным аббатствам и монастырям римско-католических орденов, находящихся вне закона.

Египетское правительство, в начале XIX в. сконцентрированное лишь на модернизации, очень быстро уничтожало свои археологические сокровища. Во время своей экспедиции 1828 г. Шампольон отмечал, что большое количество памятников было уничтожено уже со времен похода Наполеона.

Отсутствие заботы о более ранних культурах не ограничено Европой и районом Средиземноморья. То же можно наблюдать и в Индии (Дели). В Родезии в середине XIX в. даже существовала специализированная “Компания древних руин Родезии, Лимитед” которая занималась узаконенным разграблением исторических памятников.

По мнению ряда британских ученых, высказанному ими в 80-х годах прошлого столетия, без применения экстраординарных мер в области законодательства и управления археологическим наследием практически все памятники должны исчезнуть к концу XX в.

Российская история охраны памятников также изобилует подобными фактами. Весьма красноречивым примером может служить поведение в 1935–1937 гг. треста Лабазолото на Северном Кавказе. Трест, при попустительстве местных властей, поощрял хищнические раскопки местным населением курганов первых веков н.э. с целью получения золота и скупал это золото у находчиков. Причем вещи, ранее добытые из этих курганов, хранятся в Золотой кладовой Эрмитажа и ГИМа.

Нельзя сказать, что общество не предпринимает мер по сохранению древних памятников. По окончании Второй мировой войны управление археологическим наследием стало включаться в качестве интегрального компонента в социальное и экономическое планирование.

С другой стороны, в конце 1950-х и 1960-х годах рост благосостояния наряду с наличием относительно дешевого поискового и землеройного оборудования создали, помимо индустриального строительства, новый вид угрозы мировому археологическому наследию. К традиционным искателям кладов, как томбароли Этрурии, гуакерос Центральной и Южной Америки, бугровщики Сибири, присоединились легионы искателей древностей, которые часто стали работать с применением землеройной техники, детекторами металлов и иными системами поиска. Появилась международная финансовая поддержка разграбления мест исторических кораблекрушений в районах Карибского, Южно-Китайского и Средиземного морей.

В результате этого коммерческого грабежа так увеличился черный рынок древностей, что ЮНЕСКО в 1970 г. приняло специальную Кон-

венцию “О мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности”.

Тем не менее, воздействие прогресса 1960-х годов и движение защиты окружающей среды 1970-х годов оказало глубокое воздействие на управление археологическим наследием. Важно, что в течение 1970-х годов практически каждая европейская страна приняла новое законодательство, заменяющее устаревшие и неэффективные законодательные акты. Здесь необходимо упомянуть и Закон РСФСР 1976 г. “Об охране и использовании памятников истории и культуры”. Самым последним масштабным законодательством в этой области, наверное, будет испанское законодательство 1985 года.

В это время развернулась оживленная дискуссия о “концепции управления археологическими ресурсами”, “общественной археологии”, “археологии консервации”, которой посвящены многие издания 1970-х годов.

В результате многолетнего напряженного обсуждения международное археологическое сообщество выработало ряд принципов в вопросах управления археологическим наследием. Эти вопросы можно свести к трем главным: “зачем управлять?”, “как управлять?”, “кто должен управлять?”.

Обсуждать первый вопрос, зачем управлять археологическим наследием, в среде профессиональных археологов представляется излишним.

Вопрос второй, как должно происходить управление археологическим наследием, более сложен. Консенсус достигнут по следующим положениям.

Основой всего управления археологическим наследием должна быть идентификация и паспортизация этого наследия. Известный шведский ученый, один из основателей и первый президент Европейской Ассоциации Археологов (ЕАА), столь популярной в последние годы, Кристиан Кристиансен писал: то, “что может быть раскопано, всегда представляет собой только крохотный фрагмент из общего наследия. Реконструкция культурных систем и их динамики требует систематической региональной и национальной паспортизации и инвентаризации всех археологических стоянок и памятников ландшафта. Это является долгосрочной стратегией, для осуществления которой требуется труд не одного поколения. Это является непрекращающимся процессом, и это должно служить основой как для исследования, так и для охраны”.

Вторым определяющим фактором в отношении управления наследием, который, как представляется, имеет универсальное применение, является необходимость тесного сочетания с планированием землепользования.

Третьим фактором в любой работе по управлению археологическим наследием должно быть установление тесных связей органов охраны и на-

лаживание общей политики между различными службами охраны окружающей среды. В этом плане можно упомянуть датскую модель, в которой служба по охране древних памятников полностью входит в состав агентства по консервации, которое охватывает все аспекты охраны наследия окружающей среды, включая природу, ландшафт, защиту берегов и многое другое.

Третий вопрос – кто должен управлять наследием? Управление археологическим наследием как самостоятельная профессиональная деятельность разрабатывалась некоординированным образом. Управление наследием во многих странах мира уже много лет функционировало, прежде чем была осознана необходимость учреждения профессиональной методологической и этической структуры.

Расширение с 1970-х годов функций управления археологическим наследием, создание множества новых постов высветило все недостатки традиционной системы подготовки и обучения новых специалистов, которая сводилась исключительно к “производственному обучению”. В большинстве стран службы древностей в лучшем случае формировались на основе местных археологов, которые были обучены археологии как академической дисциплине и не имели навыков управления наследием. В результате во всех странах, за очень небольшим исключением, в 1970-х годах это привело к определенному кризису в области управления наследием.

Хотя вина за это во многом должна быть возложена на счет нежелания правительств выделять требуемые средства, сама по себе археологическая профессия не может быть реабилитирована от собственной неудачи.

В результате в 1970-е годы мировое археологическое сообщество пришло к пониманию того, что управление археологическим наследием есть самостоятельная специальность, несомненно, тесно связанная с археологической наукой как академической дисциплиной, но требующая специальной подготовки.

Мировой опыт сохранения археологического наследия показывает, что основное бремя мероприятий по его охране ложится на сотрудников научных организаций. Именно ученые выявляют археологические памятники, предлагают мероприятия по их сохранению, а в случае необходимости раскапывают. Методические вопросы охраны памятников также разрабатываются в основном в научных учреждениях. Поэтому желание дистанцироваться от проблем охраны археологического наследия, отгородившись рамками чисто “академической” деятельности, вряд ли можно приветствовать в научном сообществе.

В предисловии к изданию “Управление археологическим наследием в современном мире”, изданном Советом британской археологии в составе

трудов Всемирного археологического конгресса в Саутгемптоне в 1986 г., сказано, “что для археологии как для дисциплины будет неправильным продолжать дальнейшее разделение между академическими работниками, полевыми работниками и законодателями, как это имеет место во многих странах. Существует настоятельная необходимость отвечать четким и хорошо продуманным образом на потенциальную разрушительную угрозу прогресса”.

Вопросы охраны памятников археологии регулируются в нашей стране прежде всего Законом РСФСР “Об охране и использовании памятников истории и культуры” 1976 г., где определены основные действия по спасению археологического наследия.

В ст. 43 Закона говорится о перечне и последовательности основных мероприятий по охране археологических памятников: “Указанные мероприятия включают *выявления памятников, их исследование и фиксацию*”.

Инструкция Министерства культуры “О порядке учета, обеспечения сохранности, содержания, использования и реставрации недвижимых памятников истории и культуры” от 13 мая 1986 г. № 203, согласованная с Госстроем, также требует в первую очередь “*выявление неучтенных, ранее неизвестных объектов*” (п. 54).

Другими словами, действующее законодательство однозначно требует обязательного археологического обследования территории при любой угрозе памятникам для выявления неизвестных археологических объектов.

На практике картина достаточно плачевная. Многие региональные органы охраны памятников сводят подобную деятельность только к охране известных и официально поставленных на учет археологических памятников, т.е. переносят на археологию методику охраны архитектурных сооружений.

Однако археологические памятники существуют объективно, вне зависимости от того, знаем мы о них или же они пока неизвестны, поставлены они на учет или только выявлены. И закон это признает, распространяя все свои положения на все археологические памятники, как выявленные и поставленные на учет, так и на вновь выявляемые.

Следовательно, все действия по формальному согласованию работ только на основании учетных материалов и без обследования территории объективно ведут к уничтожению археологического наследия и, более того, являются прямым нарушением действующего законодательства.

Попустительство в этом вопросе потакает безнаказанности и способствует беспрепятственному уничтожению археологического наследия. Подобная безнаказанность способствует и прямому разграблению памятников, развитию “черной археологии”.

Представляется, что Министерству культуры РФ следует разработать и распространить директивное письмо, требующее неукоснительного выполнения существующего законодательства и запрещения согласования проектов и землеустроительных работ без предварительного обследования земельных участков.

В области охраны археологического наследия России первостепенной проблемой является обследование территорий, выявление памятников археологии и постоянный мониторинг их сохранности. Министерство культуры РФ в течение ряда лет реализует федеральную программу “Наследие”, обеспечивая финансированием те или иные мероприятия. К сожалению, в программе нет четко сформулированной задачи в области сохранения археологических памятников.

Понимая наличие тех или иных специфических региональных проблем, Министерству следует все же сформулировать задачу федерального значения, федерального масштаба в области сохранения археологического наследия. Именно на ее реализацию, в первую очередь, и должны быть направлены средства федерального бюджета.

Представляется, что эта задача – постоянное обследование территорий (именно территорий, а не памятников) и мониторинг состояния археологических памятников.

Понятно, что это не сможет полностью остановить разграбление археологических памятников, поставить непреодолимый барьер на пути “черных археологов”.

Но, во-первых, мы сможем полнее представить объем охраняемого археологического наследия и, стало быть, принимать более объективные и обоснованные решения в области его охраны.

Во-вторых, хотя бы спорадическое присутствие специалистов на местах будет демонстрировать людям значение археологических памятников, свидетельствовать о понимании государством ценности врученного ему исторического наследия народов России. И, будем надеяться, хоть в какой-то степени ограничит уж совсем откровенный и неприкрытый грабёж.

Понятно, что Министерство не обладает аппаратом, позволяющим отследить реальные результаты этой деятельности. Но, привлекая в археологическую секцию Федерального научно-методического совета сотрудников научных учреждений, Министерство может, потребовав от регионов предоставления отчетности по результатам обследования и мониторинга, объективно оценить проведенные работы.

В качестве заключения я предлагаю внести в итоговый документ круглого стола два предложения к Министерству культуры.

1. Создание директивного письма к органам охраны памятников Субъектов Федерации с требованием безусловного выполнения положений

действующего законодательства и обязательного проведения обследования территорий при согласовании проектов и землеотводов,

2. Разработать и включить в программу “Наследие” подпрограмму “Археологическое обследование территории и мониторинг археологических памятников” с предоставлением исполнителями ежегодной научной отчетности и рассмотрением ее в рамках ФНМС.

И.А. Сорокина (Отдел охранных раскопок ИА РАН) высказалась о состоянии полевой археологии в России на современном этапе (см. ее статью в этом номере журнала).

Фомозов А.А. (отдел теории и методики ИА РАН). Нам необходимо иметь информацию о том, что происходит в кругах браконьеров. Кто-то должен за этим следить, небольшая группа или хотя бы один человек, но занятый именно этим. Н.А. Макаров рассказал о съезде кладоискателей. Будет там кто-нибудь из нас? Будем ли мы знать, что там происходит? Если нет – это было бы обидно. Нужно было бы проверить эти сайты и посмотреть, что же они хотят дать – может быть, с кем-то снестись. Понять, как следует относиться к их предложениям сотрудничества.

Антикварный рынок действительно существует, есть в Москве антикварный магазин, который продает археологические вещи. Когда я был в Крыму, такие антикварные магазины были в Симферополе, Севастополе и Ялте. И, там продавались не только античные вещи – например, много было мустьерских остроконечников. Это уже не 3 и не 30 тыс. лет, а много сотен. В Измайлово же, по сообщению Н. Кренке, скифские наконечники и черепки ямочно-гребенчатой керамики – все имеет свою цену. Всю эту информацию нужно собрать, чтобы иметь представление – а также и литературу. Я назвал несколько руководств для кладоискателей, например: Щедрин А., Осипов М. “Металлоискатели для поиска кладов и реликвий” (М., 1999).

Затем нужно, видимо, выходить на какие-то более высокие уровни. Я поддерживаю идею письма к Президенту, тем более, что оно когда-то составлялось, хотя и не дошло до Ельцина. Тут говорилось о ФСБ – не следует забывать и таможеню. Например, мы часто узнаем из передач, что остановлена партия икон, – обычно иконы не очень хорошего качества и очень поздние, XIX–XX вв. А вот были ли остановлены партии археологических вещей? (Голоса с мест: “Были!”) Этим нужно заниматься – значит, кто-то тоже должен выходить на этот правительственный уровень. Я не уверен, что нужно уж так нам стремиться попасть в Управление делами Президента. Кроме того, тут не совсем точно было сказано, что Археоло-

гическая комиссия контролировала раскопки в России – она контролировала работы только на государственных землях, а на частных – нет, и какой-нибудь помещик спокойно мог копать курганы в своих имениях и никакого отчета никуда не сдавать. Если сейчас будут частные земли, то тут нужно нам подумать, как с этим быть. Так что вопросов очень много. Вот, например, выход на внешний уровень – думаю, нам нужно иногда идти на обострение ситуации с нашими партнерами. Мне совершенно понятно, как Валерий Иванович Гуляев бился в Министерстве культуры, устал, отказался, – как вслед за ним Геннадий Евгеньевич Афанасьев устал и отказался. Я сам вообще не умею разговаривать с чиновниками и всех их прекрасно понимаю. Но, может быть, мы можем ставить вопрос острее и официальнее. Когда я узнал, например, по поводу составления списка федеральных памятников археологии, что мы только субподрядчики этой работы, а в Министерстве культуры появился “главный археолог России”, совершенно неизвестная мне дама, и именно там получают все деньги, – стало ясно, что появился уже Щедринский “заместитель”. Об этом надо говорить.

Ну и, наконец, нужен какой-то уровень выхода на прессу. В журнале мы это, конечно, отразим. Необходимо указать те законы, по которым можно наказать браконьеров, чтобы археологи знали, как им себя вести. Нужно указать наиболее вопиющие случаи грабежа и те случаи, когда проходили процессы и кто-то наказывался. Затем – как вести себя службам? Тут есть сложные случаи. Например, В.А. Хржаковский, который копает Китей в Крыму, рассказывал, что к нему пришли грабители и принесли коллекцию хороших античных вещей, явно из раскопок античного могильника. Он купить их отказался – во-первых, не хотел поощрять кладоискателей, во-вторых, боялся, что его остановят на Украинской границе. Приехав в Петербург, он узнал, что те же люди уже посетили Гос. Эрмитаж, и коллекция была Эрмитажем куплена под тем предлогом, что в противном случае все продадут за границу. Пусть лучше хорошие вещи останутся у нас. Доля смысла в этом есть, безусловно, но вот как вести себя в таких ситуациях – нужно подумать и какие-то рекомендации дать.

Ну и, наконец, нужно выходить на прессу, телевидение и радио. Несколько лет назад журнал “Итоги” провел круглый стол о состоянии археологии в России. Отбор делался довольно келейно. Я сказал, что для такой дискуссии нужны люди, ведущие полевую работу. Тон задавали В.А. Шнирельман и Д.С. Раевский. Это люди известные, хорошие исследователи, но серьезной полевой работы они никогда не вели. В.Л. Янин, который тоже присутствовал, рассказал о том, какие в Новгороде замечательные находки – и все. Шнирельман же с

Раевским говорили о науке вообще, в довольно расплывчатых чертах, о возможностях, появившихся с перестройкой, и т.п., а о реальном положении дел не сказали ни слова.

Ясно, что новые круглые столы возможны, а также и выступления в других СМИ. Нам надо что-то в этом смысле предпринимать. То же и в области серьезной пропаганды знаний. Раньше была научно-популярная серия в издательстве “Наука”, включавшая много книг об археологии, что способствовало популяризации наших знаний. Потом это все исчезло, и сейчас выходит всякий бред, про русских 25 тыс. лет назад и т.п. Когда мне говорят, что нужно обратиться с соответствующим проектом в РГНФ, я вспоминаю, что научно-популярная литература там не поддерживается по определению. Значит, остается научно-популярный журнал (идею которого Л.А. Беляев давно вынашивает, но я не знаю, кто в него будет писать) или такая вот серия популярных книжек.

А.Н. Гей (отдел бронзового века ИА РАН). Проблема кладоискательства или грабежа историко-культурных ценностей, иначе не скажешь, имеет целый ряд аспектов. Назову некоторые, наверняка не все.

Первый. Правовой, политический или законодательный. Пока не будет строгого и справедливого закона об охране археологического наследия, не будет никакой реальной основы для борьбы с этим явлением. Борьба за скорейшее принятие такого закона – дело верхних звеньев управления, причем чем более высокие инстанции примут участие, тем лучше (дирекция ИА, Отделение истории, Президиум РАН). Важно привлечь и заинтересованных союзников – Министерство культуры в первую очередь. Наилучший образец для подражания – испанский вариант, когда в различных формах собственности может находиться *поверхность* земли, а *недра*, любые, от 5 см, и все в них содержащееся остаются государственной собственностью. Соответственно любой владелец при проведении любых работ сам требует освидетельствования и археологического обследования в соответствующих инспекциях.

Второй. Реальный – связан с вопросом о реальных силах, могущих противостоять вандалам. В силу ряда совершенно понятных с человеческой точки зрения политических, а главное экономических причин наши российские органы, занятые *охраной и использованием* (или того лучше – *эксплуатацией*) памятников истории и культуры, в значительной степени сосредоточились на проведении научно-исследовательских работ (волью или неволью составив конкуренцию собственно научным учреждениям) по крупным объектам типа трубопроводов, дорог, городских кварталов и т.д. Иными словами, охраняют памятники от разрушения их олигархами, которые, чтобы не ме-

шали их планам, практически всегда готовы отстегнуть промилле от промилле своих дивидендов на науку. Отлаженной же инспекторской службы на местах, такой, чтобы один специалист приходился на 2–3 района и постоянно отслеживал ситуацию с памятниками на местах, нет (несмотря на отдельные более или менее удачные примеры работы коллег на уровне районных звеньев). Работы по ее созданию не ведется. Реагировать на мелкие и потаенные вылазки кладоискателей просто некому. А без этого – какая борьба?

Третий. Научный. В 1980–1990 годах на слуху у нас была концепция “неразрушающей археологии”, “этика консервации памятников” для грядущих поколений, особое внимание к дистанционным методам изучения археологических объектов. При всей познавательной важности данного направления, открывшего принципиально новые горизонты исследования, сейчас надо признать, что “неразрушающая археология” пригодна лишь для некоторых, особо развитых и культурных стран. Нам же необходимо выработать (и проводить достаточно быстрыми темпами) программу скорейшего исследования тех категорий памятников (погребальных прежде всего), которые представляют наибольший интерес для грабителей. Лучше мы исследуем существующими на данный момент методами и приемами, чем эти памятники пропадут для науки совсем. Здесь важен выбор приоритетов, а для этого надо знать врага и его ухватки.

Отсюда четвертый аспект. Информационный. Необходимо представлять, с кем и чем мы боремся. Знать официально зарегистрированные объединения кладоискателей и их прессу, по возможности накапливать информацию о работах “черных археологов”. В любом случае вести реестры по фактам разрушения и информировать об этом и власти, и общественность. Вести контрпропаганду.

Последний, пятый. Этический или культурный. С моей точки наиважнейший и одновременно вызывающий наибольший пессимизм. Как и практически все иные проблемы нашего Отечества, разграбление культурного наследия есть следствие культурной убогости широких масс населения. Хищническо-потребительского массового сознания. И здесь, хотя и без особой веры не только в успех, но и в положительные сдвиги, мы просто обязаны вести культурно-просветительскую работу, популяризацию исторических знаний во всех возможных формах. В жесткой схватке с известными “популяризаторами” фоменковской формации.

Одним из реальных действий, кроме выхода с законодательной инициативой, можно предложить для обсуждения поиск общих форм действия с нашими естественными союзниками – Министерством культуры, природоохранными и экологическими ведомствами (один из вариантов – совмещение крупных археологических объектов

с заповедными природоохранными зонами и организация совместных органов охраны).

Важной мерой представляется и усовершенствование экипировки археологических экспедиций с тем, чтобы они со своей аппаратурой могли увидеть на памятниках не меньше, а больше, чем грабители.

Ю.В. Горлов (отдел классической археологии ИА РАН). Уже неоднократно обращалось внимание на состояние памятников. По нашей инициативе в октябре 1999 г. был проведен круглый стол в Государственной Думе, где эти проблемы обсуждались. Туда был вызван председатель комитета по охране памятников Краснодарского края и многие представители районных организаций. Было принято решение, смысл которого сводился к нескольким пунктам. Первый указывал на неудачные формулировки современного законодательства, в котором есть пространство для неоднозначных толкований положений законов, что позволяет региональным властям манипулировать им в своих интересах, не выполнять напрямую собственные обязанности. Второй – некомпетентность и недостаточная квалификация местных чиновников; речь шла об их преступной халатности, о сговоре и т.п. Но это не нашло отражения в итоговом документе, так как у нас не было юридически подтвержденных фактов. То есть факты нарушений были всем известны, но они не зафиксированы документально. В этом документе мы обратились к Министерству культуры и в Государственную Думу с тем, чтобы закон об охране памятников был принят возможно скорее. Но прошло, как видите, два года, состав Думы уже сменился, ушли люди, помогавшие нам с законом. Увы, воз и ныне там.

В этом году в Абхазии работала экспедиция нашего института, и нас поразило, как в этой маленькой горной бедной стране поставлено дело охраны памятников, конечно, в первую очередь, благодаря активности председателя комитета по охране памятников истории и культуры – всем нам хорошо известного Владимира Викторовича Бжания. Изыскивая минимальные средства, используя инициативу людей и в том числе труд студентов и школьников, они успевают заниматься ремонтом памятников, пострадавших в ходе войны, и наблюдать памятники, разрушающиеся в силу природных причин.

Говоря же об общей теме сегодняшнего круглого стола, я хотел бы поддержать одного из выступавших, сказавшего о необходимости комплексного подхода к решению проблемы. А это не только “черная археология”, не только регулирование строительных работ и государственных или частных мероприятий, связанных с изменением условий землепользования. Это также вопрос экологический, но в отношении археологических памятников. В течение нескольких лет мы рабо-

тали по экологической программе на Таманском полуострове. В связи с этим хочу обратить внимание на три ее аспекта, влияющих на состояние памятников. Первый – район побережья Азовского моря в целом и Таманского – в особенности. Нами установлено, что зарегулированность стока Кубани плотинами в ее низовьях задерживает сток твердых материалов Кавказа, которые раньше буквально выносило в Азов. Это привело за последние десятилетия к сужению азовских пляжей на несколько метров, что приводит к интенсификации процесса береговой абразии. Ни для кого не секрет, что огромное количество памятников лежит в береговой зоне, где скорость абразии до 1 м в год. Второй аспект связан с изменением гидрологического режима Таманского полуострова в целом – это вызвано отсутствием системы канализации. Воды из водопровода сбрасываются в ямы, складки почвы и т.п. Речь идет о миллионах, десятках миллионов кубометров воды. Естественного стока они не имеют, это ведет к разрушениям, к береговой абразии внутренних водоемов, но главное – к изменению влажностного режима культурного слоя памятников. Мы занимались бурением в районе памятников и пришли к выводу, что в них происходит подъем уровня грунтовых вод и замачивание слоев. В них гибнут органические остатки, которые хранились в течение многих веков в совершенно иных условиях. И, наконец, – третье, о чем я уже говорил. Сейчас идет изменение системы землепользования и землеустройства. Земля передается в частные руки, иногда в эти руки попадают курганы и могильники, распаханые и нераспаханые, известные и неизвестные науке. Результаты дешифровки снимков из космоса дали нам право говорить о нарушениях почв на землях, находящихся в частных руках, в отношении баланса воды и минеральных веществ, что наносит ущерб и памятникам археологии на этих землях – вымывается органика, идет эрозия, и т.д. Необходимо включить в законодательство и в практику землеотвода обязательное проведение археологической экспертизы не только для строительных работ, но и для всех работ сельскохозяйственного круга, носящих мелиоративный характер, защитно-географических мероприятий, чтобы о нас не забывали, чтобы мы могли внести свою лепту в сохранение исторического наследия, которое еще имеет место на земле.

Е.М. Алексеева (Отдел классической археологии ИА РАН). Юг России, Черноморское побережье Северного Кавказа – это единственный регион нашей страны, где сохранились памятники античной культуры. Интерес к античности во всем мире огромен не только среди специалистов и просто культурных людей, но также и в среде коллекционеров. Красивые предметы античной эпохи

востребованы везде и ценятся очень дорого. Гибель многих хозяйственных структур в годы перестройки открыла населению новый источник для обогащения.

Если раньше сбор монет и случайно поднятых на поверхность пахотой древних предметов в основном являлся занятием мальчишек, лишь некоторые из которых продавали найденное за бесценок перекупщикам, то теперь подобный промысел на Кубани стал делом крепких состоятельных мужчин. По осени, вслед за вспашкой под озимые, с металлоискателями, на иномарках, поисковики монет объезжают все городища (Семибратнее, Фанагорию и десятки безымянных), основная часть которых разбросана по широчайшим земельным просторам вдаль от населенных пунктов. В предгорьях Кавказа, особенно в плотных южных лесах (например, Сукко и Гостагай Анапского района), группы черных исследователей уже давно поднимали все проступающие к поверхности земли каменные плиты перекрытий древних могил – вокруг каменных ящиков разбросаны кости, погребальный инвентарь унесен полностью. Курганы, расположенные в пустынных районах (например, Красная Скала, Варваровка, всемирно известные Семибратние курганы Анапского района) в поисках богатого погребения грабят не одиночками: курган прокапывается изнутри огромными штольнями, в которых можно стоять в полный рост, земля при этом аккуратно вывозится, чтобы ее свежий выброс не привлекал внимания. Все это, однако, является лишь частью той опасности, которая грозит памятникам Причерноморья полным исчезновением в самое ближайшее время.

Наибольшей угрозой для большинства памятников причерноморской зоны является нерегулируемое в соответствии с существующим законодательством строительство. Земля вблизи Черного моря чрезвычайно дорога. Выделение участков под строительство самыми вопиющими способами обходит законодательство, либо делает его формальным. Например, в Анапе сотни частных особняков выстроены на великолепном некрополе одного из наиболее крупных античных городов России – Горгиппии. Почти все они возникли на месте снесенных маленьких домиков старой Анапы под оправдательным прикрытием “реконструкции”. При этом, конечно же, шла реконструкция не прежнего строения, а всего участка. Новое строение, как правило, имеет впущенные в землю гараж, сауну, хозяйственные постройки, фундаменты новых размеров. Последнее десятилетие превратило Анапу в сплошную частную минигостиницу, масштабы гибели античного некрополя при этом колоссальны, нанесен огромный урон культурным ценностям всего государства.

Главный архитектор Анапы Ю.В. Рысин совместно с Комитетом по охране наследия Краснодарского края якобы в целях сохранения Горгип-

пии предложили “методику” строительства в пределах памятника на железобетонных плитах. Это предложение, однако, предусматривая укладку плит на обнаженный культурный слой, абсолютно не учитывает систему наиболее приоритетных участков памятника, не рассматривает вопрос о том, во что обойдется будущим исследователям снятие подобной железобетонной подушки и возможен ли шадящий для памятника способ выбивания ее при возобновлении интереса к памятнику. Данная “методика” получила положительный отзыв геолога с предложением устраивать люки в подвалах (?) домов на подушке для наблюдения за состоянием культурного слоя (!), она не согласуется никаким образом с действующим законодательством, предусматривающим единственное: сперва исследовать, затем строить. Отзывы на данную методику содержат рекомендации увеличить шаг свай при строительстве на памятнике, в то время как бить сваи в культурный слой абсолютно недопустимо! Данная методика не прошла согласования в Отделе полевых исследований и не утверждена компетентными органами, но уже использована в Анапе на самом престижном участке древнего некрополя при строительстве не маленькой торговой палатки, а огромного здания Молодежного центра. При этом при снятии балласта, конечно же, обнажились древние могилы. Их можно было выявить простой зачисткой перед укладкой цементной подушки, но это не сделано. Не подсчитано, на сколько дешевле возведение железобетонной платформы обычного исследования и дешевле ли. Разве городу и государству не нужны (хотя бы для развития того же научного и культурного туризма) великолепные – воистину шедевры – античности, которые находила наша экспедиция еще несколько лет назад, когда имела возможность исследовать те же ныне застраиваемые приоритетнейшие участки памятника?

Каждый античный город имел кормившую его строго распланированную сельскую территорию – хору. Хора Горгииппии окружает Анапу кольцом в 10–20 км. Она насыщена сельскими поселениями, могильниками и множеством других объектов археологии. Хора Горгииппии ввиду трудоемкости исследования для науки остается почти белым пятном. Культурный слой на этих объектах не столь мощный, как на территории древних городов, объекты лежат у поверхности, нередко обнажаются. В наше время они безжалостно стираются с лица земли строящимися коттеджными и дачными поселками. В Анапском районе отсутствие какого-либо согласования при строительстве в этой зоне уничтожило огромные древние поселения в Красной Скале, Красном Кургане, Гостагае, Сукко, Супсехе, Анапской, Фадеево, Витязево, Суворово-Черкесском.

Дело еще не только в том, чтобы вытащить из земли древность, спасти ее для музея. Надо по-

нять ее, суметь интерпретировать, объяснить, найти ей место в бесконечной цепи древних событий – только так пишется древняя история. Мне приходилось слышать упрек от руководителя органов охраны наследия – ты, мол, добилась необходимости исследовать данный участок, средства потрачены, но что ты там нашла?! Действительно, в данном месте не лежал шедевр, а шли обычные погребения, но в каждом зафиксирован свой обряд. Или в новые времена мы должны искать только золото? Более того, сотрудник нашего института (с ученой степенью), вернувшись из Анапы после очередной комиссии, сказал мне: современный город должен развиваться, давайте решим, что исследуется то, что находится внутри квартала (Анапы), а по периметру не надо мешать. Здесь уместно заметить, что речь идет не о строительстве небольших объектов для неимущих граждан. Все строительство в Анапе нацелено на получение огромных прибылей от курортного бизнеса. Так почему же культура оказалась при этом опять никем не защищена? Почему в Анапе органы охраны наследия защищают не памятник, а строительство?

И в продолжение темы – о непрофессионализме. Нельзя любительски, без соответствующей подготовки и образования, полноценно исследовать большой и многослойный античный город, нельзя вести “наблюдение” за работой экскаватора в пределах памятника, что имеет место, например, в Анапе. За подобными действиями скрывается стремление получения средств. На деле означает ту же гибель памятника, но еще и прикрытую ложной заботой о нем. Античные города во всем мире исследуют научные коллективы, объединяющие помимо специалистов-антиковедов керамистов, эпиграфистов, нумизматов, архитекторов, реставраторов, создаются целые научные школы, публикуется и научно обобщается найденное. Памятники античной культуры нашего Северного Кавказа заслуживают подобающего содержания. Они богаты, самобытны, перспективны во всех отношениях, востребованы мировой культурной общественностью. Нельзя представить себе, чтобы где-то в другой стране ликвидировали работу большой комплексной экспедиции ведущего научного учреждения (Академии наук) и краевого музея под предлогом ветхости базы. Обветшала она по единственной причине – нет средств. Нет средств тоже по единственной причине – курорт массово строится на памятнике без его исследования, потому что археология для курорта – это дорого, это мешает курорту и сиюминутной прибыли от него. Не дороже ли для государства массовая потеря самих культурных ценностей? Не выгоднее ли и не престижнее ли для города и государства вести исследования в соответствии с законодательством и развивать туризм на этой основе? И в других

странах именно застройщики оплачивают исследование разрушаемых памятников.

Е.Г. Дэвлет (ученый секретарь ИА РАН). Врач, нарушая клятву Гипократа, отдает себе в этом отчет. Археолог, преступая профессиональные этические нормы, не всегда. За последнее десятилетие сформировалось поколение людей, вовлеченных в профессию, которые придерживаются иных взглядов. Многие молодые специалисты не понимают всей меры своей ответственности или понимают ее иначе, чем люди старшего поколения, сотрудники археологических учреждений. Ситуация усугубляется тем, что в значительной степени уничтожена вертикаль соподчинения. Может быть, было бы полезно в рамках дискуссии, разворачивающейся на страницах “Российской археологии”, разработать и обсудить положения этического кодекса археолога. В нем декларировались бы нормы поведения, которых должно придерживаться наше профессиональное сообщество, и разъяснилось бы, что оно защищает.

Что касается торговли антиквариатом, то, хотя продажа древностей официально запрещена, в действительности она процветает. Недавно проводился крупнейший антикварный салон в Москве на Крымском валу, в котором принимали участие только самые солидные, крупнейшие фирмы. Пафос мероприятия усугублялся тем, что к открытию салона был приурочен вернисаж выставки “Технология сохранения культурного наследия”. Тем не менее я с удивлением увидела среди ювелирных изделий, предназначенных к продаже, археологические предметы, например золотые щитковые фибулы, оцененные организаторами в 150 тыс. руб. – и это при том, что каждая вещь в подобном антикварном салоне должна быть паспортизирована.

Еще хотелось бы обратить внимание на то, что археологи до сих пор не уделяли должного внимания исследованию методик сохранения культурного наследия и управления им, не видели в них предмет для научного поиска. Речь не идет о методиках полевых исследований – ведь жизнь памятников не всегда кончается после завершения раскопок, если они не ведутся на снос. Проблема охраны и управления историко-культурным наследием должна стать одним из приоритетных направлений исследований.

Возвращаясь к прозвучавшему призыву сотрудничать с прессой, оказывать реальное влияние на характер передач об археологии и на способы подачи материалов, следует заметить, что как показывает опыт, журналисты считают себя вполне компетентными в создании подобных передач, многие, если не большинство материалов, готовятся без консультации со специалистами. Наш выход на средства массовой информации, чтобы увенчаться успехом, должен быть очень активным.

Т.А. Пушкина, Н.В. Ениосова, В.В. Мурашова (Кафедра археологии МГУ им. М.В. Ломоносова, Гос. исторический музей). Сегодня поставлено под угрозу существование такого классического памятника, носителя уникальной исторической информации по русской истории, как Гнездова – одного из крупнейших археологических комплексов Смоленщины эпохи раннего средневековья. Причина этого в варварском разрушении памятника грабителями-кладоискателями.

Уже в начале 1990-х годов грабители раскапывали 1–2 кургана после отъезда экспедиции МГУ в Москву, но с течением времени масштабы грабежа возросли, и в конце 1990-х годов ежегодно вскрывалось 12–15 насыпей. Копали “на снос”, не оставляя нам шансов получить хотя бы минимальные сведения о типе погребений. К 2001 г. количество уничтоженных грабителями курганов достигло 50, а весной текущего, 2002 г., мы получили сведения о том, что “работы” уже начались.

С конца 1990-х годов интерес грабителей сосредоточился не только на курганных группах. Вооружившись металлоискателями, способными отличать древний металл от современного, а также распознавать бронзу, железо и серебро, они устремились и на гнездовские селища. После находки клада серебряных монет и украшений во время раскопок экспедиции МГУ в 1993 г. в поисках сокровищ было уничтожено редкое для Гнездова жилище X в. На черном рынке особым спросом пользуются вещи скандинавского происхождения: мечи, стрелы, украшения и другие изделия, а грабителям хорошо известно, что именно на нашем памятнике сосредоточена большая часть находок из Скандинавии, обнаруживаемых к востоку от Балтики. Нам известно, что тотальное обследование памятника с металлоискателем принесло кладоискателям в последние годы ряд уникальных находок: редкие типы фибул и амулеты, предметы вооружения и монеты. Простое сравнение показывает, как стремительно уничтожается ценнейший фонд нумизматических источников: с 1867 по 2001 г. в Гнездове было найдено 18 византийских монет, а после “удачного” сезона 2001 г. в руки кладоискателей попало еще не менее 10 экземпляров.

Годом катастрофических потерь в Гнездове стал 2001 г. По сведениям местных жителей, в мае–июне этого года там работало не менее четырех бригад с металлоискателями из Москвы и Смоленска. В результате на черном рынке Москвы появилось пять ценнейших кладов из Гнездова (до 2001 г. их было всего 7), содержащих уникальные монеты и вещи X столетия. Достаточно сказать, что один из них относится к группе “профессиональных” кладов и, несомненно, принадлежал гнездовскому ювелиру. В состав клада входят приспособления для взвешивания – гирьки, коромысло и чашечки весов, моток проволоки из серебра

высокой пробы и несколько обрезков дирхемов. Такие находки встречаются необычайно редко: на территории Древней Руси и в Скандинавии известно не более восьми денежных и денежно-вещевых кладов с весовыми гирьками. Понятно, сколь велико значение находок такого рода для решения проблемы происхождения древнерусского денежно-весового счета.

Деревенские дети относятся с одинаковым любопытством как к раскопкам археологов-профессионалов, так и к поиску сокровищ грабителями. Часто преувеличивая размеры добычи, они во многих случаях непосредственно наблюдают за процессом “параллельных” раскопок. Жители Гнездова помогли нам установить, какая из свежих грабительских ям является местом находки ювелирного клада. Раскопки шурфа (4 × 4 м) подтвердили эту информацию: в пределах небольшого пятна в материковом песке обнаружены еще три гирьки и обломки чашек весов.

В результате разъяснительной работы среди коллекционеров два клада были безвозмездно переданы в ГИМ и МГУ, еще один приобретен закупочной комиссией ГИМа. Однако археологи не могут быть уверены в том, что клады, оказавшиеся в музеях, дошли до них в полном составе. Так, по мнению нумизматов, клад ювелира помимо девяти обрезков дирхемов, должен был содержать и целые монеты. Не исключено, что они извлечены из комплекса для пополнения частной коллекции в Смоленске или Москве.

Особую опасность представляет появление на рынке и в частных коллекциях находок сомнительного происхождения. Некоторые уникальные вещи, происходящие, по словам коллекционеров, из Гнездова, заставляют подозревать наших информаторов в своего рода провокации. Благодаря недавней публикации, доказывающей подлинность находки с помощью металлографии, в научный оборот уже вошла серебряная подвеска со знаком Рюриковичей, будто бы обнаруженная в Гнездове. Несомненно, такая находка может считаться сенсационной, однако нет никакой уверенности, что она действительно обнаружена в Гнездове. Люди, поставляющие древности на черный рынок чаще всего намеренно называют наиболее “раскрученные” памятники, такие как Старая Ладога, Рюриково городище, Белоозеро или Гнездово. Почувствовав интерес археологов к определенной категории находок, “добрый” тщеславный коллекционер вдруг обнаруживает у себя уникальные предметы в количестве, намного превышающем масштаб коллекций, собранных за долгие годы раскопок. Ему непременно хочется доказать, что в его личной коллекции овальных фибул больше, чем в собрании Исторического музея. Не может не вызывать подозрений внезапное появление аналогичных предметов именно с того памятника, о котором только что написал исследователь.

Два самых ценных клада исследователи Гнездова видели только на фотографиях. Один из них по составу имеет много общих черт со знаменитым кладом эпохи викингов из Экеторпа в шведской провинции Эстеръетланд. Среди прочих высококлассных украшений в гнездовском и шведском кладах присутствуют практически идентичные серебряные амулеты в виде молотов Тора с филигранным орнаментом и позолотой с хорошо сохранившимися массивными цепочками. В Европе известно не более пяти аналогичных украшений, а для территории Древней Руси такая находка просто уникальна. Считается, что драгоценные амулеты, декорированные в стиле Хидензее, производили при дворе датского конунга Харальда Синезубого во второй половине X в. Трудно переоценить историческое значение находки датской королевской регалии в Гнездове.

Особую тревогу вызывает поступившая информация о планах работы грабителей в Гнездове в 2002 г. Речь идет о применении нового поколения металлоискателей – глубинных, способных улавливать сигналы, поступающие с глубины до 2 м. В этом случае под угрозой оказывается самая ценная часть гнездовского культурного слоя – непотревоженное заполнение материковых ям. По некоторым сведениям, за май–июнь 2002 г. грабители собираются “добрать” последние клады Гнездова. Если им повезет, мы никогда не сможем понять причин уникальной концентрации великолепных кладов серебра, зарытых в 50-е годы X в. на небольшом участке гнездовского Восточного селища.

Ситуация, в которой оказались археологи гнездовской экспедиции, представляется безысходной. Даже их присутствие в Гнездове в разгар “черного сезона” (май–июнь) не может предотвратить разграбления ценностей: хорошо экипированные “черные археологи” с автомобилями, мобильными телефонами и оружием легко избавляются от назойливого внимания ученых. Мы чувствуем себя рядом с ними просто беззащитными.

В.Г. Рудаков (Государственный исторический музей). В последние годы с особой остротой встал вопрос о кладоискательстве, о так называемых черных археологах, так как это явление приобрело огромный размах. К тому же оно активно пропагандируется в средствах массовой информации. Довольно часто приходится наталкиваться на статьи в газетах и журналах, на радио- и телепередачи, где “черные археологи” предстают перед нами увлеченными людьми, такими подвижниками, которые поднимают историю из-под земли. Некоторые из них занялись наукой и публикуют свои материалы. Так, кладоискатели давно и активно печатаются в различных нумизматических сборниках.

Эта зараза настолько распространилась, что археологи почти смирились с данным явлением. Размах кладоискательства воспринимается как неизбежное зло. Все чаще слышны мнения, что публикация материалов или передача их в музеи “черными археологами” спасает эти интересные и ценные памятники истории: материал так или иначе, но вводится в научный оборот.

Но этот подход имеет и обратную сторону: происходит фактическая легализация кладоискательства и даже в какой-то степени его стимулирование. Кладоискательство и коллекционерство – это страсть, своего рода болезнь. Это также – бизнес. Ради накопления нового материала “черные археологи” ни перед чем не останавливаются и никогда не остановятся, пока преградой им не станет Закон. Но с сожалением приходится констатировать, что государство в наше время абсолютно пассивно в этом вопросе. Оно не предпринимает и не хочет (или не может?) предпринимать меры по охране собственного исторического наследия. А памятники тем временем гибнут.

Кладоискатели любят заявлять, что они такие же исследователи, как и дипломированные историки. Многие из них не видят ничего предосудительного в своей деятельности. Негативное отношение к ним археологов воспринимают лишь как зависть. Ведь материалы они увозят, можно сказать, “под носом” у археологов.

Но в действительности вред от кладоискательства, без преувеличения, огромный. Приведу перечень конкретного урона от кладоискательства. Делаю это для сведения самих “черных археологов”, многие из которых внимательно читают “Российскую археологию”. Несмотря на научные изыскания ряда кладоискателей, подавляющее большинство материала уходит на черный рынок. Кладоискательство приводит к разрушению культурного слоя. Материал, собранный “черными археологами”, как правило, состоит из металлических изделий, причем наиболее ценных, тогда как массовый материал (например, керамика) выбрасывается. Т.е. вещи оказываются *вне комплекса*, дающего максимум научной информации. Также находки кладоискателей предстают и вне комплекса с сооружениями. К примеру, средневековый православный крестик, найденный на золотоордынском городище, может быть отдельной случайной находкой, а может происходить из русского квартала, или даже конкретно из древнерусского дома. После деятельности кладоискателей на золотоордынских памятниках в верхних слоях оказываются почти полностью выбранными монеты – массовый и наиболее точный датированный материал. А это сильно затрудняет выяснение вопросов стратиграфии городища и хронологии сооружений. Многие золотоордынские поселения имеют довольно тонкий культурный слой, так как существовали всего несколько десятков лет. Из-за

деятельности “черных археологов” монеты и металлические изделия оказываются там полностью выбранными. Еще большую опасность для археологических памятников представляет начавшееся освоение “черными археологами” глубинных металлодетекторов. Это фактически приведет к полной гибели многих золотоордынских городищ.

Надо отметить, что 99% населения России и представления не имеет о существовании такой проблемы, как разграбление археологических памятников “черными археологами”. Если кладоискатели все активнее пропагандируют свою деятельность в СМИ, то ученые-археологи молчат. Сейчас выходит огромное количество периодических изданий, существует множество передач на радио и телевидении, где обсуждаются различные проблемы, острые вопросы в жизни нашей страны. Археологам также надо печататься и выступать на радио и телевидении по данной проблеме. Необходимо разъяснять общественности, что кладоискательство – это не безобидное хобби, а преступная деятельность, ведущая к потере страной ее исторических и культурных ценностей, к разрушению археологических памятников. Ведь этого не понимают даже многие журналисты. А отношение историков, археологов к кладоискательству (во всех его проявлениях) должно быть, на мой взгляд, однозначным: уважающие себя научные издания не должны принимать в печать публикации, сделанные “черными археологами” на основе своих грабительских материалов.

С.П. Щавелёв (доктор философии, Курск). Сознание современного “рядового” читателя и зрителя заполнили всевозможные псевдоисторические опусы. Опасность их для духовной и социальной жизни страны, которую не стоит преуменьшать, уже осознана, и в работах, посвященных так называемой “фольк-хистори”, ей дана соответствующая оценка (см.: Володихин и др., 1998). Похожая, но еще более опасная ситуация складывается в зоне контакта общества и археологии: здесь научная информация о памятниках археологии прямо и все интенсивнее порождает практику их самовольного поиска, варварского разрушения и разграбления. Между тем позиция ученого сообщества, государственных органов и средств массовой информации по отношению к явлению, получившему в масс-медиа название “черной археологии”, к сожалению, до сих пор по преимуществу пассивна. Хуже того, имеет место ряд прецедентов вольного или невольного сращивания “официальной археологии” и “теневого” криминальной активности. Такие случаи в последние годы наблюдаются и в Курской области.

Древнее Посеймье – один из уникальных историко-археологических микрорегионов Восточной Европы (Кашкин, 2001). Изучение древностей

Курского края имеет уже многовековую традицию (Щавелёв, 1997). Как и во многих других местах, здесь неоднократно, особенно в переходные, кризисные периоды истории, вспыхивали кладоискательские страсти: местные жители портили культурный слой городищ и селищ, разоряли курганы, растаскивали находимые при пахоте и иных работах клады (Щавелёв, 1996; 1998). Стимулирующее воздействие на развитие кладоискательства со второй половины XIX в. оказывали, как это ни странно, и раскопки профессиональных археологов. Они ведь происходили на глазах у окрестного населения, умножая слухи и домыслы. Типично наблюдение одного из основоположников отечественной археологии В.Б. Антоновича, писавшего, что при раскопках “главное неудобство, это – настроение населения, все слои которого обуяны манией кладоискательства” (Антонович, 1887. Л. 32а). Этот эффект является неизбежным злом при экспедиционных работах, и археологи обычно стараются уменьшить его, проводя с местными жителями разъяснительные беседы, демонстрируя рядовые находки на раскопках, доследуя испорченные кладоискателями памятники.

В Курской области оживление кладоискательства, как и везде в России, пришлось на 1990-е годы, когда ослабла правоохрана, начались перебои с финансированием учреждений науки и культуры, стали доступны металлодетекторы. В это время возобновились стационарные раскопки на памятниках ближней округи Курска, Ратском и Липинском археологических комплексах, а также Гочевском на Верхнем Псле. Этими объектами в первую очередь занялись и бригады новоявленных “старателей”, вооруженные новейшими металлоискателями. Среди организаторов и исполнителей набегов – нумизматы и вообще коллекционеры древностей, дельцы антикварного рынка, нанятые ими подростки, а также некоторые из так называемых “краеведов”.

В начале 1990-х годов в Курске был открыт один из первых в стране специализированных, отдельных от краеведческого, музеев археологии. Его сотрудники, а также лица, занимавшие должность инспектора по охране исторических памятников в составе Комитета по культуре администрации области, спорадически обращались к помощи правоохранительных органов с целью остановить наглый грабеж городищ и курганов, но это пока не дало ощутимых результатов: деятельность браконьеров продолжается практически в открытую. В сложившейся ситуации многие археологи и музейные работники стали склоняться к заключению своего рода альянса с самодеятельными поисковиками древностей – они готовы закрывать глаза на грабеж памятников в обмен на информацию о находках, а то и возможность скупать некоторые из них. Больше того, деятелей антикварного рынка иногда приглашают в экспедиции, где они ору-

дуют детекторами как бы на паях с профессиональными археологами. Так уже не первый год поступают в Курском государственном областном музее археологии. Кроме коллекционеров-торговцев, контактов с курскими археологами ищут и разного рода представители паранауки.

Обо всем этом можно узнать из сообщений областных средств массовой информации. Так, во круг одного из опорных памятников нашей археологии, Липинского городища (Енуков, Енукова, 1999), поднялась нелепая волна мистики. Протицирую не самые шокирующие выдержки из газетного репортажа об абсурдном шабаше на этом археологическом объекте: “В конце августа [1998 г.] в Липине побывала ассоциация народных целителей ... составившая отчет о своей работе. В третьем тыс. до н.э. на планету Земля упало космическое тело, распавшееся на метеориты. Большая часть обрушилась в Липино, образовав воронку около 30 м. Якобы по сей день предмет излучает энергию... Остатки астральной защиты детинца обнаружены... Директор департамента культуры городской администрации Анатолий Попов мечтает поставить ... часовню. ... Йог Николай Иванов, с одинаково довольной улыбкой и на гвоздях стоявший, и на битом стекле... Охотно ходили желающие по тлеющим углям, несколько минут не ощущая боли при помощи целительницы. ... Это была земля свободолюбивых предков, врагу непокорных, придающая силы” (Жарких, 1998. С. 6).

Арена всех этих “свободолюбивых действий” – площадка Липинского городища, на которой в тот момент вели раскопки Посеймская археологическая экспедиция Курского музея археологии и Педагогический университет; интервью руководителя экспедиции было опубликовано на той же полосе газеты, что и отчет о съезде экстрасенсов. Никакой оценки их действиям на памятнике (разжигание костров, вбивание многочисленных кольев ради фиксации “астральности” и т.д.) в этом интервью, однако, нет. Областная газета “Курский вестник” в январе 1999 г. сообщила уже о “случаях сатанизма” на многострадальном Липинском городище и о создании комиссии по расследованию таких эпизодов из представителей милиции, областной администрации и все той же “ассоциации знахарей”.

По следам газетных сообщений в Липино нагрянули коллекционеры-нумизматы с металлоискателями. Их маршруты там, равно как и на Ратском городище, в изобилии отмечены ямами в культурном слое. Именно ими, видимо, почти целиком срыт соседний памятник археологии – Монастырище (остатки Липиновской пустыни XVI–XVIII вв.). При этом в 2000 г. в Курском музее археологии прошла выставка частной нумизматической коллекции, владелец которой, некто господин Катышев, продал музею подборку арабских и татарских монет, а также других древностей, найден-

ных с помощью металлоискателя на городищах курской округи. Вырытые из культурного слоя другими браконьерами вещи продолжают поступать в музей на экспертизу и оценку: весной 2002 г. туда ненадолго попали четыре свинцовые пломбы со знаками Рюриковичей и вислая печать древнерусского времени (первые в регионе находки такого рода!), выкопанные грабителями Липинского селища. Объявления о продаже как этих, так и прочих курских древностей появились тогда же в Интернете.

Паранаучную, псевдокраеведческую линию браконьерских акций на курских памятниках археологии демонстрирует серия статей школьного учителя физики на пенсии, “эниолога” Л.К. Овчинникова. В курской городской газете он пишет: “Директор Курского музея археологии Г. Стародубцев обратился ко мне с просьбой указать на карте местности Гочевского заповедного комплекса некоторые захоронения. Мне это удалось определить на расстоянии 120 километров, а потом конкретно на местности”. Журналист спрашивает самодеятельного “эниолога”: “Вы ... проводили исследования уже не на расстоянии, а во времени, ведь прошло примерно пятнадцать веков, а вам удалось получить информацию той поры?”. “Да, это непросто”, – сознается “ясновидец”, – “Этот ”след” предков был найден путем энергоинформационного обмена. Славяно-скифы или, быть может, скифо-славяне. ... В заповедном Гочевском комплексе, ... используя лишь биолокацию, нашел подковы, гвозди к ним, железную наковальню, ножи, замок, ключ...” (Овчинников, 2000. С. 3).

Сбор подъемного материала, особенно по распахиваемой или иначе поврежденной поверхности памятника, тем более находящегося в аварийном состоянии, – полноправный способ научного изучения. Разумеется, при условии фиксации, сдачи в музей и публикации добываемого таким путем вещевое материала. Для археолога “подъемка” – сугубо вспомогательный прием, ценный лишь в комплексе с раскопками, картографической съемкой и прочими составляющими научной методологии изучения и экспонирования древностей. Но в руках дилетанта вырванная из культурного слоя древняя вещь (как рядовая, так и уникальная) теряет большую часть потенциально заключенной в ней исторической информации, да, пожалуй, и экспозиционной ценности. Конечно, центральные учреждения культуры (Эрмитаж, Государственный Исторический музей) принимают на экспертизу и приобретают у частных лиц раритеты, чье происхождение неизвестно. Но для провинциального музея одна из прямых обязанностей – мониторинг сохранности памятников старины в обозримой округе.

Печальные последствия сотрудничества археологов областного и районного масштабов с земля-

ками-кладоискателями видны на том же примере с курским “физиком-экстрасенсом”. Самозванный поисковик древностей вскоре самостоятельно занялся историческим центром Курска, о чем можно было узнать из газет: “В весенний день этого года мои ученики-эниологи проверяли территорию ... на предмет вредоносных излучений со стороны земли. Была применена инженерная биолокация по методу академика Плуженикова. Одно место, где было обнаружено “странное излучение”, пришлось раскопать, в надежде, что курские археологи займутся им. ... На глубине метра были найдены два необычных кирпича. ... Находки были доставлены в городской музей археологии. Археологи А. Зорин и В. Внуков, кандидаты исторических наук, пришли к выводу, что это качественная плинфа, изготовленная в том же месте, где и вся найденная ранее на территории Курской области. ... В городе ... ее до этого не находили. В образовавшейся яме ... была обнаружена “трогатурная кладка” (так мы ее назвали сами). Она представляет собой известковые лепешки, очень прочные, уложенные вплотную друг к другу... Как она попала в Курск? Видимо, из Византии доставляли водным путем...” (Овчинников, 2001а. С. 4).

Читавшие эти заявления курские археологи в печати на них не ответили. Вместо этого ученый секретарь Курского музея археологии опубликовал в развлекательной газете подробный рассказ о находках и расхищении курянами монетных и вещевых кладов, в заключение сетуя на “несколько хорошо оснащенных новейшим поисковым оборудованием групп, которые грабят курганы и могильники” (Шпилев, 1997. С. 21). Под призывным названием “Если вы хотите найти клад” этот материал перепечатали другие газеты, “желая всем любителям и профессиональным искателям кладов удачи в их поисках”; “отдавая должное коллекционерам за то, что они позволяют историкам работать со своими экспонатами”; благодаря “за предоставленные материалы и сотрудничество директора Курского археологического музея Г.Ю. Стародубцева и научного сотрудника А.Г. Шпилева” (Волбуева, 2000а. С. 21; 2000б. С. 18). Мысль привлечь к судебной ответственности тех, кто публично сообщает о своих самовольных раскопках памятников археологии и приносит вырытые там вещи в музей, у его руководителей почему-то не возникает. Тиражом более 7000 экземпляров городской газеты размножены слова Л.К. Овчинникова о том, будто “диадохи Александра Македонского оставили о нем на Курщине память в виде двух поселений “Александрия”” (Овчинников, 2001б. С. 6); якобы “на земле курской до сих пор сохранились “памятники”-селения, названные северянами в честь любимой, мудрой княгини Ольги, Ольши... Это Ольшана, ... речка Ольшанка”. С пафосом очевидца “краевед” утверждает: “Ольга

не только проверила укрепления для стоявшего в них российского войска, ... но дала указания по их модернизации. По крайней мере в Гочеве, на Ратском комплексе они частично были построены из греческой плинфы. Курские археологи находили ее в этих местах, а сотрудник музея археологии Курска В.Н. Катышев кусочки плинфы привозил мне с Ратского археологического комплекса” (Овчинников, 2002. С. 7).

Повторно упомянутый господин Катышев – вовсе не музейный работник, а вполне частное лицо, бывшее сотрудником Курского политехнического университета (отсюда, как видно, знание им металлопоисковой техники), и, судя по цитируемым публикациям прессы, самый активный и добычливый в Курске собиратель археологических артефактов. Этаким “профессор Мориарти” “черного” рынка древностей области. Он настолько примелькался в Курском музее археологии, что его уже принимают за сотрудника этого учреждения. Вместо того, чтобы привлечь заядлого коллекционера и торговца антиквариатом к ответственности за порчу археологических памятников, музей выполняет экспертизу его добычи с курских городищ, экспонирует ее у себя для широкой публики на временной выставке “Старинные монеты России” в 1999 г. (не имея за десять лет своего существования собственной экспозиции; см. об этом: Всадник в трясине, 1998), частично приобретает для своих фондов (Морозова, 1999. С. 4).

Только на поверхностный взгляд приваживание государственными учреждениями кладоискателей да лидеров собирательских объединений оправдано задачей спасти для науки и культуры самую ценную часть их добычи. Рассуждая так, археолог подрывает устои своей профессии и скатывается к давно устаревшему в научном плане коллекционерству, так называемому знаточеству. Вполне почтенное само по себе, любительское собирание древностей не должно нарушать законодательства об охране национального достояния нашей страны. Вырванная из контекста культурного слоя памятника, а тем более из комплекса сопредельных находок вещь обесценивается для науки.

Другой редко обсуждаемый, но ключевой аспект нашей темы, – анти- и паранаука, захлестнувшая общество в переломные 1990-е годы и затронувшая область как естественных, так и гуманитарных наук. “Причина не востребованности научного знания теперь видится прежде всего в инертности общества, его потребительской ориентации и готовности принять объяснение всего происходящего кознями инопланетян, расположением звезд, направлениями информационных потоков и т.д. ... Недостаточная пропаганда, да и просто неуважение к научному знанию вкупе с резким снижением уровня среднего и высшего образования привели к

заполнению важнейшей социокультурной ниши, ранее занимаемой рациональным знанием, различными псевдоинтеллектуальными суррогатами в виде астрологии, уфологии, хиромантии, теорий хронологических сдвигов в истории и т.п.” (Макаров, Петров, 2000. С. 146, 147).

Для современной “гуманитарной мифологии” характерен причудливый сплав неоязычества с православным христианством и якобы научным рационализмом. Ярким примером служит вышеизложенный эпизод с шабашом на Липинском городище. Представителей разных мировоззрений привело туда сообщение археологов о том, что создание позднесредневекового монастыря в Липине было связано, “возможно, со святой водой в колодце”. После чего раскопки почтили своим присутствием и митрополит Курско-Рыльской епархии РПЦ, и богомольный тогдашний губернатор, и уже упоминавшееся сборище экстрасенсов. Они-то и “объяснили”, в чем тут дело: “Святая вода в колодце – результат воздействия на подземную жилу космического тела. Она, говорят, такая целебная, что “минералке” сродни. А Липинская пустынь даже более святое место, чем Коренная” (Жарких, 1998. С. 6). А свято место, как известно, пусто не бывает: вскоре Курский ликероводочный завод в поисках целебной влаги произвел на этом памятнике бурение “по заказу археологов” (Байбакова, 1998. С. 3); в раскопанный ими роменско-древнерусский колодец по сей день вмонтирована соответствующая труба. Так что паранаука, как правило, провоцирует парапрактику, в данном случае – надругательства над памятником старины. “Экспансия модернизированных суеверий – симптом общего оскудения интеллекта нации и одновременно фактор, наносящий ему дальнейший вред” (Щавелёв, 1994. С. 210; ср.: Мартишина, 1997; Кругляков, 2001), в том числе путем мифологизации истории.

Как видно из всего вышесказанного, проблема сохранности историко-археологического наследия не сводится к противоправной деятельности кладоискателей. Иногда их вольно или невольно поощряют служители официальной археологии. При всей сложности этой общественной проблемы “суть дела, когда речь идет о преступлении, всегда проста. Она начинается с того, что я вижу возможность или уже фактическое начало преступления и все-таки участвую” (Ясперс, 1999. С. 108).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антонович В.Б. Археологические изыскания на берегах Раставицы // Рукописный архив ИИМК. Ф. 1. Оп. 1887 г. Д. 13.
- Байбакова Е. Двойное дно липинского колодца // Курский вестник. 1998. 26 ноября.

- Волобуева А.* Курская земля таит легенды и клады // Курская правда. 2000а. 14 января.
- Волобуева А.* Если вы хотите найти клад // Курская правда. 2000б. 4 февраля.
- Володихин Д., Елисеева О., Олейников Д.* История России в мелкий горошек. М., 1998.
- Всадник в трясине* // Мир и музей. Вестник ассоциации музеев России. Вып. 1. Музеи Курской области. Тула, 1998.
- Енуков В.В., Енукова О.Н.* "Города Посемьские": древнее Липино // 60 лет кафедре археологии МГУ. Тез. докл. юбил. конф. М., 1999.
- Жарких Т.* Земля непокорных // Городские известия. Курск, 1998. 19 сентября. № 113.
- Кашкин А.В.* Археология Курской области // Археологическая карта России. Очерки археологии регионов. Кн. 1. М., 2001.
- Кругляков Э.П.* "Ученые" с большой дороги. М., 2001.
- Макаров Н.А., Петров А.Е.* Историки России и РГНФ в 1995–1999 гг. // Отечественная история. 2000. № 3.
- Мартишина Н.И.* Наука и паранаука в духовной жизни современного человека. Омск, 1997.
- Морозова А.* И рубль когда-то был деньгами // Курский вестник. 1999. 31 марта.
- Овчинников Л.К.* Эниология – наука будущего // Городские известия. Курск. 2000. 11 ноября. № 134.
- Овчинников Л.К.* Плинка – сенсационная находка // Городские известия. Курск. 2001а. 4 декабря. № 147.
- Овчинников Л.К.* Войско Александра Македонского на Псле // Городские известия. Курск. 2001б. 9 октября. № 124.
- Овчинников Л.К.* Ольгов // Городские известия. Курск. 2002. 9 апреля. № 43.
- Шилев А.* Курская область – остров сокровищ // Друг для друга. Курск, 1997. № 52.
- Щавелёв С.П.* Практическое познание. Философско-методологические очерки. Воронеж, 1994.
- Щавелёв С.П.* Феномен кладоискательства на юге России в предыстории славянской археологии // Славяне и их соседи. Миф и история. Происхождение и ранняя история славян в общественном сознании позднего средневековья и раннего Нового времени. М., 1996.
- Щавелёв С.П.* Первооткрыватели курских древностей. Вып. 1. Предпосылки и становление региональной историографии; Вып. 2. "Золотой век" губернского краеведения: 1860-е–1910-е годы. Курск, 1997.
- Щавелёв С.П.* Становление археологического интереса в России XVII века (ранние находки древностей в районе Курска в отражении приказного делопроизводства) // РА. 1998. № 2.
- Ясперс К.* Вопрос о виновности. О политической ответственности Германии. М., 1999.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

(от редколлегии и редакционного совета)

Редакционная группа Круглого стола обобщила содержащиеся в выступлениях и материалах дискуссии предложения, представив их в виде следующих рекомендаций.

1. Обратиться к дирекции ИА РАН, а также к Отделению историко-филологических наук РАН с предложением проинформировать Правительство и Президента Российской Федерации о ситуации, сложившейся вокруг археологического наследия России, предложив комплекс мер по ее исправлению. В качестве исходного материала при этом использовать информацию, прозвучавшую в выступлениях на Круглом столе.

2. В виде первоочередной меры предложить создать специальную группу мониторинга при Институте археологии РАН, призванную отслеживать ситуацию с состоянием археологического наследия в регионах, собирать информацию о случаях несанкционированных раскопок, готовить справочные и рекомендательные материалы для академических и государственных структур, правоохранительных органов, СМИ и других заинтересованных организаций.

3. Продолжить и активизировать работу с заинтересованными членами Законодательного собрания по неформальной экспертизе законодательных инициатив, способствуя прохождению через Государственную Думу законов, гарантирующих сохранение археологического наследия России.

4. Предложить сокращенный вариант материалов прошедшего Круглого стола всем заинтересованным средствам массовой информации для публикации.

5. Продумать вопрос о создании кодекса поведения археолога, четко определив отношение научного сообщества к практике несанкционированных раскопок, косвенной причастности к подобной деятельности профессионалов-археологов, к предложениям "копателей-нелегалов" о сотрудничестве, к участию в экспертизе незаконно полученных археологических материалов, к возможности покупки подобных материалов государственными музеями и их публикации в научных изданиях, и т.д.

6. Предложить коллегам-археологам из региональных научных центров и музеев информировать редакцию "Российской археологии" и создавать группу мониторинга о фактах незаконных раскопок, их участниках, принятых административных и судебных мерах по пресечению подобной практики.

ЛИТЕЙНЫЕ ФОРМЫ С ДЪЯКОВА ГОРОДИЩА

© 2002 г. Н. А. Кренке*, Е. Ю. Тавлинцева**

*Институт археологии РАН

** Музей истории г. Москвы

Общее описание коллекции и задачи исследования. В ходе многократных раскопок и сборов подъемных материалов на Дьяковом городище в Москве была получена значительная коллекция каменных и глиняных литейных форм, предназначенных для отливки разнообразных украшений. Авторам известно 25 находок. Первая формочка была найдена в конце XIX в. при раскопках В.И. Сизова и вскоре опубликована, но без указания слоя, в котором она была найдена (Сизов, 1897. Табл. XXVII, 4). Еще одна формочка происходит из раскопок К.Я. Виноградова 1935 г. В научный оборот она была введена только 60 лет спустя (Кренке, Нефедова, 1995. С. 30). Как следует из полевой описи, форма залегала на глубине 2 м (т.е. в верхнем слое городища – *авт.*) на южном участке площадки, примыкающем к валу. Три формочки были собраны различными лицами при посещениях городища в 1969 и в 1970-е годы. Две из них хранятся в МИГМ, одна находилась в начале 1980-х годов в коллекции находчика С. Пахтунова, дальнейшая ее судьба неизвестна. Два десятка формочек были обнаружены в ходе работ 1981–1987 гг., и лишь две из них ранее публиковались (Кренке, 1983; 1984). Условия залегания этих находок в культурном слое документированы.

Изучение серии литейных форм с Дьякова городища представляется интересным по ряду причин. Во-первых, это вопросы интерпретации и типологии данной категории предметов. В литературе, посвященной памятникам “дьякова типа”, практически не рассматривался и не интерпретировался набор изображений, представленных на формочках. Лишь более 100 лет назад было высказано ошибочное, на наш взгляд, предположение В.И. Сизова о том, что найденная им форма предназначалась для отливки колоколовидной привески (Сизов, 1897. С. 264). Только обломки форм для отливки браслетов из раннедьяковских слоев были описаны более детально (Смирнов, 1974а. С. 68). Во-вторых, формочки являются предметами, которые характеризуют производство именно на том памятнике, откуда они происходят, и, следовательно, могут оказаться ценными при обсуждении вопросов его хронологии и культурных особенностей. Как известно, дискуссионной темой является вопрос о датировке финального этапа существования городищ “дьякова типа”. Эпонимное Дьяково городище входит в список небольшо-

численных памятников, содержащих наиболее поздние для городищ Москворечья находки (Кренке, 1987. С. 146). Поэтому выяснение времени окончания жизни на нем может служить основанием для заключения о датировке финального этапа существования городищ “дьякова типа” в бассейне Москвы-реки.

Как будет показано ниже, большая часть найденных литейных форм относится именно к самому верхнему горизонту верхнего слоя Дьякова городища, и таким образом, эта серия находок важна для уточнения хронологии памятника. В последние годы был накоплен значительный материал по литейным формам на сопредельных территориях, и благодаря этому имеется возможность сопоставления стратиграфических данных и аналогий при решении вопросов позднедьяковской хронологии.

Археологический контекст находок литейных форм. Планиграфическо-стратиграфические особенности залегания литейных форм в культурном слое Дьякова городища могут быть охарактеризованы со значительной определенностью по материалам раскопа 1981–1987 гг. (рис. 1–3). Вся серия литейных форм распадается на две группы, стратиграфически значительно удаленные друг от друга. Рассмотрим их в хронологической последовательности.

Первая группа литейных форм, насчитывающая 7 экземпляров (рис. 4; 5), происходит из гумусового горизонта погребенной почвы, подстилающей культурный слой городища. Кроме того, среди находок из погребенной почвы имеется еще 21 фрагмент аморфных кусков обожженной глины, которые по внешнему виду и составу теста напоминают фрагменты литейных форм. Многочисленные радиоуглеродные даты и вещевые находки из нижнего слоя Дьякова городища (Кренке, Сулержицкий, 1988) дают нам *terminus ante quem* для находок из погребенного дерна. Это V–IV вв. до н.э. Вместе с литейными формами в верхнем горизонте погребенной почвы было найдено более сотни фрагментов керамики с орнаментацией гребенчатым штампом и наклонными вдавлениями палочкой. Керамика данного типа отсутствует в нижнем слое Дьякова городища, но доминирует на расположенном рядом памятнике Чертов городок, для которого имеется радиоуглеродная дата, указывающая на VIII в. до н.э. (Кренке, 1995.

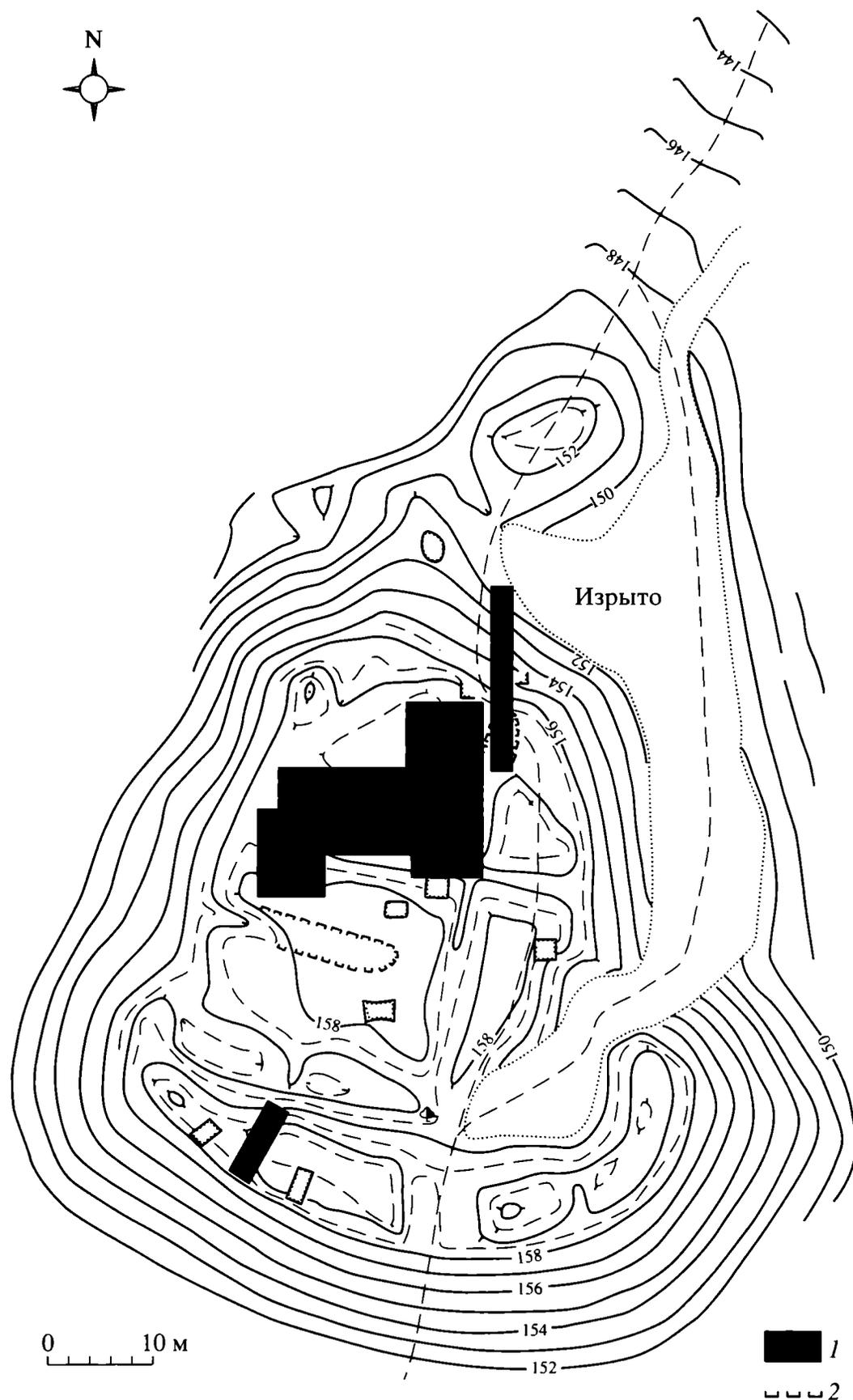

Рис. 1. План Дьякова городища (съемка 1992 г. Б.Е. Янишевского и Д. Киселева). Сечение горизонталей 1 м, дополнительные горизонталы на площадке – через 0.5 м. 1 – раскопы 1981–1987 гг.; 2 – засыпанные траншеи раскопок XIX в.

С. 174). Культурного слоя этого времени на исследованном участке городища не обнаружено, находки, и в том числе литейные формы, видимо, были “втоптаны” в суглинистую вязкую почву. Они концентрируются на довольно ограниченном

участке, тяготеют к северо-западной периферии площадки мыса (рис. 1, 2). Такая планиграфия находок, возможно, отражает особенности размещения меднолитейного производства на памятнике. Однако нужно учитывать также то, что в центре

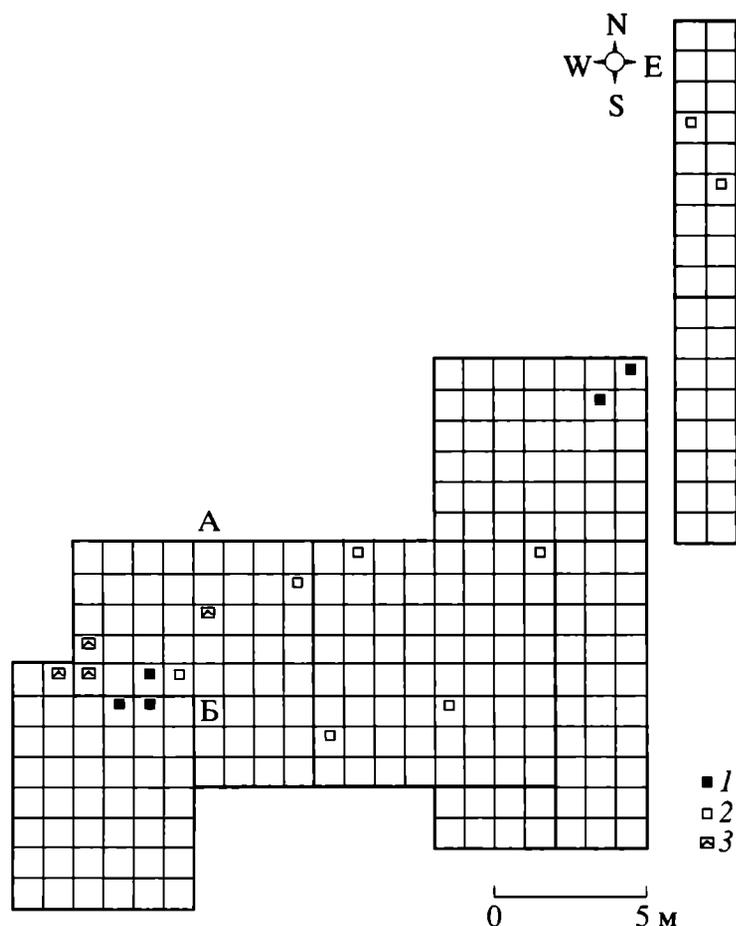

Рис. 2. Планиграфическое распределение литейных форм в раскопе 1981–1987 гг. на площадке Дьякова городища. 1 – каменные литейные формы из верхнего слоя; 2 – глиняные литейные формы из верхнего слоя; 3 – глиняные литейные формы из предматериального горизонта.

площадки в период отложения нижнего слоя находились постройки и поверхность погребенной почвы оказалась сильнее нарушенной, чем на северо-западной периферии.

Ко второй хронологической группе относится серия глиняных и каменных форм, найденных в самом верхнем горизонте верхнего культурного слоя и перекопах (рис. 6–11). Необходимо отметить, что в почти 3-метровой толще изученных в 1981–1987 гг. стратифицированных культурных отложений Дьякова городища (нижний слой, нижний и средний горизонты верхнего слоя), которые датируются в пределах V в. до н.э. – III в. н.э., не было найдено ни одной литейной формы. Это не означает, что в этот период на городище не работали с цветным металлом. Находки более двух десятков льячек в слоях, где отсутствовали литейные формы, позволяют утверждать обратное. Эти находки особенно концентрировались в нижнем горизонте верхнего слоя, который датируется в пределах II–I вв. до н.э. Отсутствие литейных форм в горизонтах, насыщенных льячками, можно было бы гипотетически объяснить особенностями пространственной организации дея-

тельности литейщиков на Дьяковом городище. Однако такое объяснение недостаточно, так как формы для изготовления украшений в этот период (V в. до н.э. – V в. н.э.) отсутствуют и на других памятниках. Редкими исключениями являются формочки со Щербинского городища и селища Дубровицы II в Подольском районе Московской области (Дубынин, 1974. С. 271. Табл. XVII, 11; Гоняный, Кренке, 1988. С. 56. Рис. 2, 15).

Стратифицированные отложения верхнего горизонта верхнего слоя Дьякова городища в основном сохранились под отвалами траншей раскопок 1875, 1889 и 1891 гг. Под мешаными выбросами из этих траншей отчетливо прослеживается прослойка дерна XIX в. на уровне условных нивелировочных отметок – 100–110 (рис. 3). Находки, обнаруженные под прослойкой этого дерна, условно считались “из слоя” или стратифицированными. Однако нужно учитывать, что с момента запустения городища в 3-й четверти I тыс. н.э., верхний культурный слой претерпел существенные трансформации в результате естественных процессов (выполживание рельефа, переработка почвенными процессами и т.п.), деятельности людей в процессе обживания площадки городища в древнерусское время и XVII в. и ее хозяйственного использования под выпасы в течение ряда столетий (Филимонов, 1876. С. 106). Таким образом, действительно стратифицированными в верхнем горизонте могут считаться лишь относительно хорошо сохранившиеся остатки построек и связанные с ними находки, обнаруженные на глубине 160–170 см и ниже. Находки из культурного слоя с глубины 110–160 см, довольно аморфного, содержащего лишь “обрывки” песчаных прослоек полов построек, вероятно, претерпели более или менее значительные перемещения в пределах данного горизонта. Учитывая данные соображения, перейдем к анализу расположения находок литейных форм.

Три каменные и одна глиняная литейные формы (рис. 6, 3; рис. 7, 1, 4, 5) были найдены рядом друг с другом на участке площадью 4 м² в западной части раскопа на глубине 114–130 см (рис. 2). По всей вероятности, эти формы составляют синхронную группу, связанную с деятельностью одной мастерской. На удалении 15 м от этого скопления форм в северо-восточном углу раскопа (рис. 2) были найдены еще две каменные формочки (рис. 7, 3, 8). Одна из них (рис. 7, 8), возможно, была переотложена в “последьяковское” время, а другая (рис. 7, 3) находилась в зольнике, накопление которого происходило в финальный период функционирования городища. Происхождение этого зольника толщиной до 30 см и диаметром около 4 м не вполне ясно. Возможно, это было место, куда выносили золу из очагов в постройках. В то же время здесь были найдены предметы, вероятно, культового назначения: глиняная антропо-

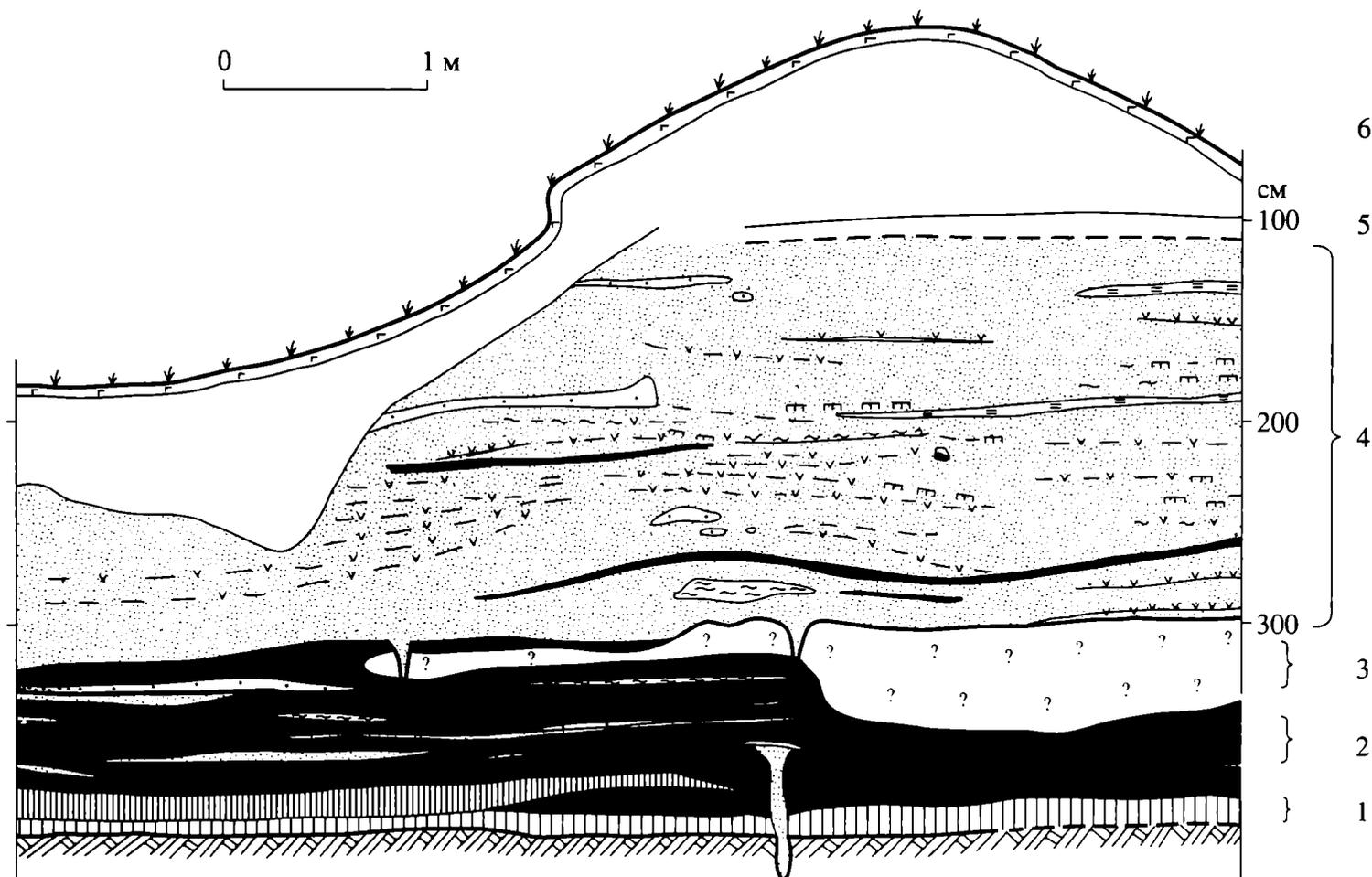

Рис. 3. Разрез культурного слоя на площадке Дьякова городища по линии А-Б (см. рис. 2). Вид с запада. 1 – предматериковый суглинистый слой (гумусовый горизонт погребенной почвы); 2 – нижний слой из чередующихся прослоек коричневой органики (черная заливка), углистой супеси (вертикальная штриховка) и песка (редкие точки); 3 – “стерильный слой” из песка с примесью золы (знаки вопроса); 4 – верхний слой из золистой супеси (частые точки) с прослойками глины (два параллельных горизонтальных штриха), песка (редкие точки), тлена, углей (галочки), золы (волнистые штрихи); 5 – дерн, погребенный под отвалами XIX в.; 6 – отвалы раскопок XIX в. и выбросы из ям XX в. Нивелировочные отметки глубин даны от условного репера на площадке городища.

морфная статуэтка, когти медведя. Таким образом, можно допустить, что литейная формочка была перемещена в зольник вместе с золой и мусором из какого-то места на городище.

Из глиняных форм лишь две были найдены в непо потревоженном слое (рис. 6, 8; рис. 7, б). Обе они находились примерно в центре раскопа ближе к его южной стенке (рис. 2). Одна из них (рис. 6, 8) была найдена на глубине 110 см. Эта формочка важна тем, что позволяет строить предположения о возрасте всех остальных сходных с нею глиняных форм, найденных в перекопах. Кроме того, она почти идентична по конструкции каменной форме из вышеописанного скопления (рис. 6, 3). Другая стратифицированная глиняная формочка была найдена несколько ниже, на глубине 150 см (рис. 7, б).

Для определения возраста литейных форм из верхнего слоя можно привести следующие аргументы. Терminus post quem для всего комплекса литейных форм дают радиоуглеродные даты и находки из хорошо сохранившихся остатков построек, изученных на глубине 170–200 см. Более де-

сятка полученных для данного горизонта дат охватывает интервал от I до III в. н.э. (Кренке, Сулержицкий, 1988. С. 43). Самая молодая дата с глубины 180 см относится к началу IV в. н.э. (1520 ± 40). Из археологических находок наибольшую хронологическую определенность имеют лунницы с эмалью (найдено 5 экз.), которые, в зависимости от подхода к определению возраста этого пласта древностей, могут датироваться от III до V вв. н.э. Таким образом, слои на глубине 110–170 начали откладываться после III в. н.э., а может быть, и еще на столетие позже, т.е. в IV или V в. н.э.

Сам факт наличия более чем полуметрового слоя (кроме того, его часть была утрачена из-за эоловой и др. форм эрозии) указывает на относительную длительность обживания. Сравнение с темпами накопления культурного слоя нижележащих горизонтов скорее всего указывает, что время формирования верхнего горизонта может измеряться несколькими столетиями.

В верхнем горизонте на одном уровне с литейными формочками были найдены бубенчики с полями, трапециевидные подвески высоких пропор-

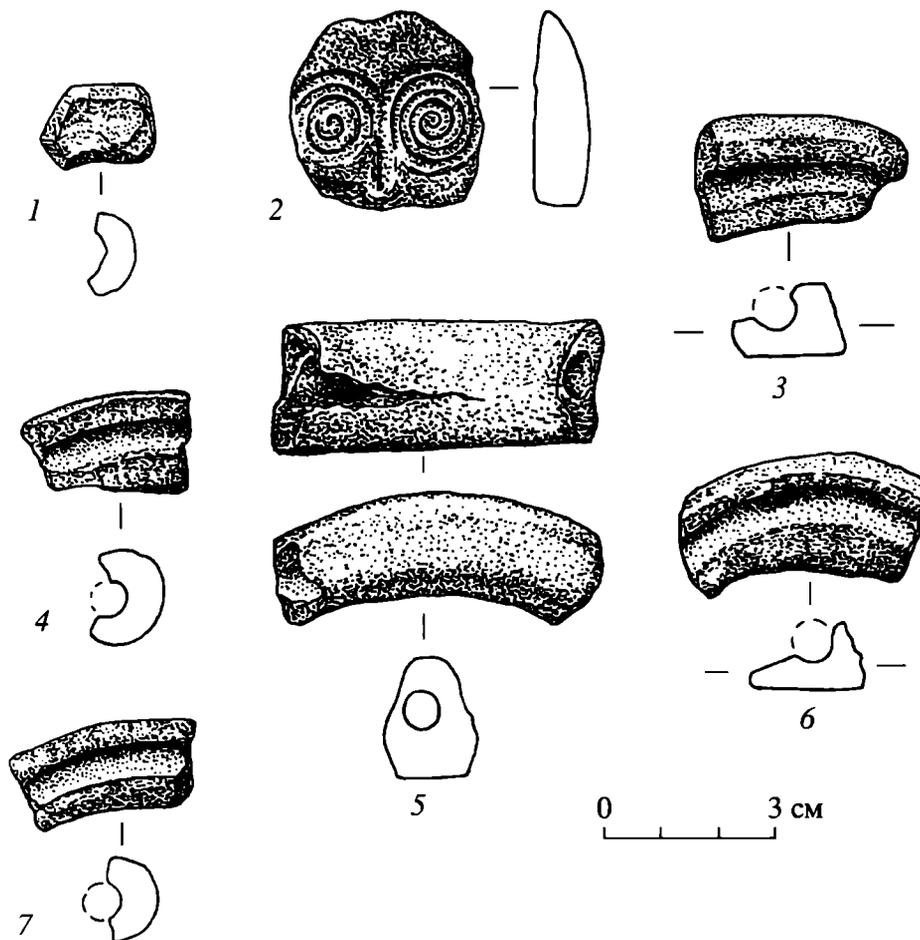

Рис. 4. Глиняные литейные формы из предматерикового слоя Дьякова городища. 1 – № 24 (здесь и далее номера по каталогу), 2 – № 25; 3 – № 22; 4 – № 19; 5 – № 20; 6 – № 21; 7 – № 23.

ций (Кренке, 1984. С. 26), аналогии которым указывают на VII–VIII вв. В раскопе 1987 г. в перекопе была найдена бронзовая нашивная бляшка, выполненная в геральдическом стиле (тип “двурогих одночастных”), которая относится к изделиям одной из поокских ювелирных школ и датируется около середины VII в. (в рамках 2-й–3-й четвертей VII в.) (Гавритухин, 1996; 1999. С. 168. Рис. 1, 40; Гавритухин, Обломский, 1996. Рис. 89, 50; 90)¹.

Таким образом, археологический контекст дает основание отнести литейные формы из верхнего горизонта культурного слоя Дьякова городища к широкому интервалу от IV до VIII в. н.э. При этом хронологический отрезок V–VII вв. представляется наиболее вероятным.

Литейные формы из погребенной почвы. Шесть экземпляров представляют собой фрагменты глиняных литейных форм, предназначавшихся для отливки бронзовых “браслетов” диаметром 12–14 см, с круглым сечением размером 5–7 мм (рис. 4, 1, 3–7; рис. 5, 1, 3–7). В кавычки слово браслеты взято в связи с тем, что диаметр 13–14 см в большей степени соответствует диаметру гривны. В археологической литературе подобные находки

традиционно описываются как формы для изготовления браслетов или гривен, в зависимости от диаметра отливавшегося в них изделия.

Аналогичные литейные формы известны на памятниках I тыс. до н.э. в Литве (Luchtanas, 1981. S. 8, 9. Fig. 3, 4; Grigalavičiene, 1986. Fig. 24; 1992. Fig. 12), Латвии (Дайга, 1960. С. 79, 81; Vasks, 1994, S. 121, 123), Эстонии (Indreko, 1939. S. 35; Vassar, 1939. S. 78, 79. Fig. 43, 44), Карелии, Финляндии (Фосс, 1952. С. 95, 99. Рис. 53; Манюхин, 1996. С. 234. Рис. 58, 9), на территории современных Псковской и Тульской областей, на Верхней Волге (Третьяков, 1976. С. 208; Изюмова, 1967. Рис. 5, 1, 2; Смирнов, 1992. С. 52).

Сохранившийся на Сатинском городище целый экземпляр формы для отливки двух браслетов позволяет установить приблизительную конструкцию формы с Дьякова городища (Изюмова, 1967. Рис. 5, 1, 2). Судя по всему, она представляла собой глиняное кольцо с плоским основанием – результат формовки на ровной, гладкой подставке. Литниковая чаша находилась на внешней боковой стороне и с полостью внутри формы соединялась одним или двумя литниковыми каналами.

Из шести сохранившихся фрагментов форм для отливки браслетов, найденных в погребенном дер-

¹ Авторы благодарят И.О. Гавритухина за консультацию.

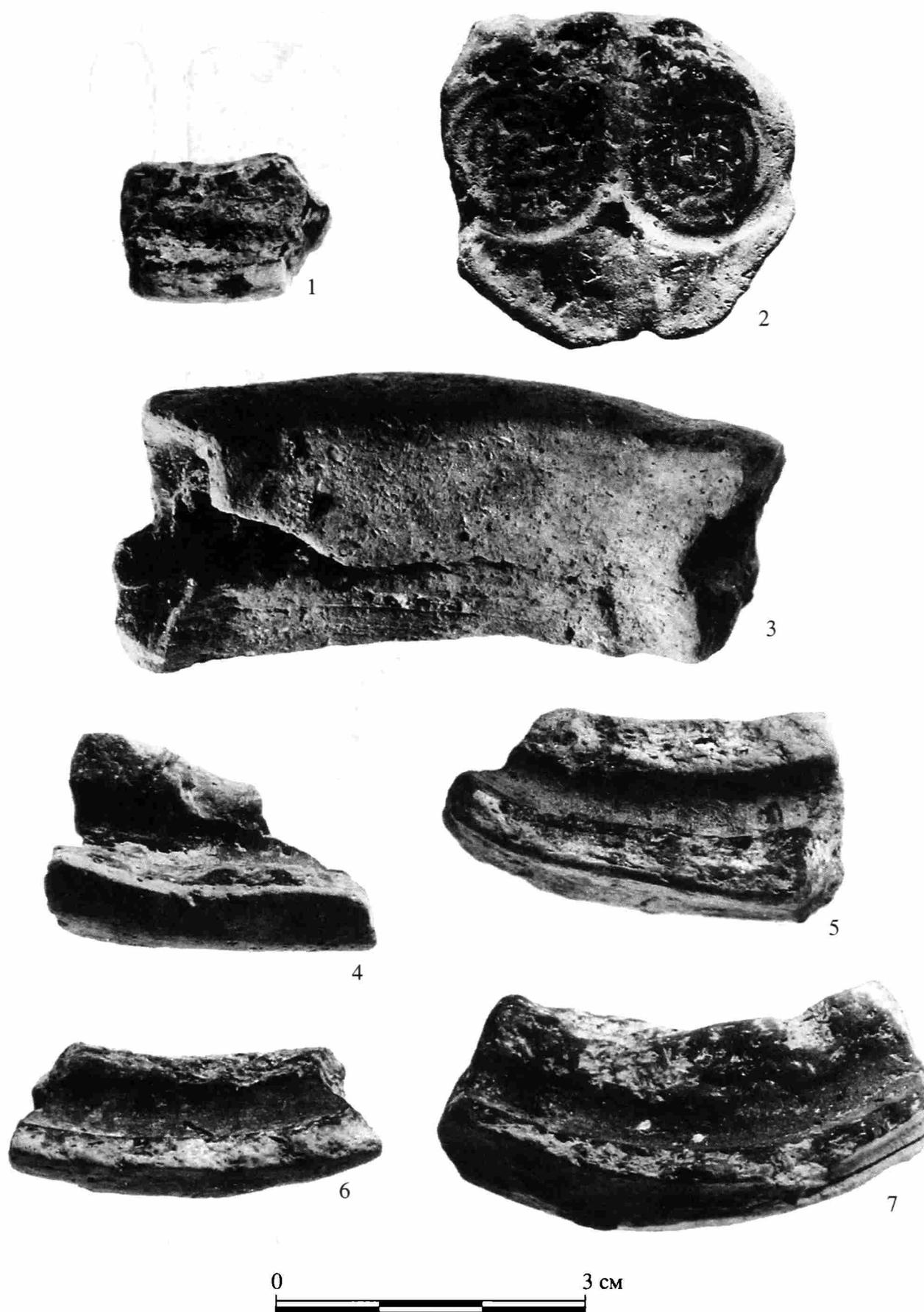

Рис. 5. Глиняные литейные формы из предматерикового слоя Дьякова городища (фото С.А. Орлова). 1 – № 24 (здесь и далее номера по каталогу); 2 – № 25; 3 – № 20; 4 – № 19; 5 – № 22; 6 – № 23; 7 – № 21.

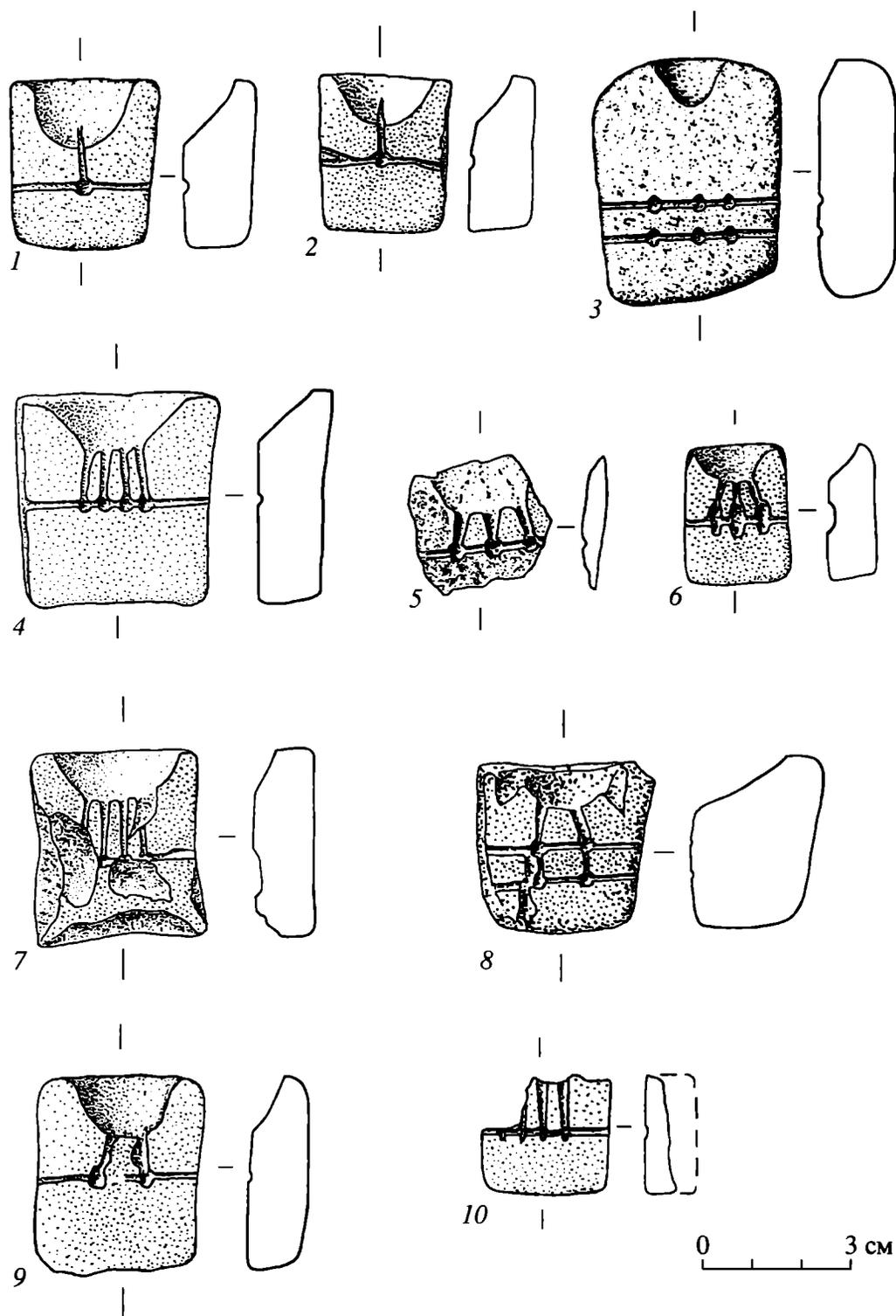

Рис. 6. Литейные формы из верхнего слоя Дьякова городища. 1, 2, 4–10 – глина; 3 – камень. 1 – № 18 (здесь и далее номера по каталогу); 2 – № 17; 3 – № 4; 4 – № 7; 5 – № 13; 6 – № 8; 7 – № 16; 8 – № 14; 9 – № 9; 10 – № 12.

не, три представляют собой верхние части формочек (рис. 4, 1, 4, 7; рис. 5, 1, 4, 6), два – нижние (рис. 4, 3, 6; рис. 5, 5, 7) и один – обломок с полностью сохранившейся частью канала (рис. 4, 5; рис. 5, 3). Ширина основания фрагментов 13–18 мм; толщина стенок 2–9 мм. Судя по обломкам, в сечении формочки были трапециевидные с закругленной верхней частью, высота достоверно определяется только для одного фрагмента – 20 мм.

Технология изготовления подобных форм реконструирована достаточно детально (Изюмова,

1967. С. 132; Дайга, 1960. С. 82). Восковую модель браслета, возможно, предварительно покрытую тонким слоем глины, помещали на плоское глиняное кольцо, после чего тщательно со всех сторон обмазывали формовочной массой. Шов в виде тонкой продольной трещины, идущей по внутренней стороне кольца, образовавшийся в результате скрепления краев обмазки, заметен на одном из фрагментов (рис. 4, 5; рис. 5, 3). В результате изучения формовочных масс, проведенного О.А. Лопатиной, было установлено следующее: для изго-

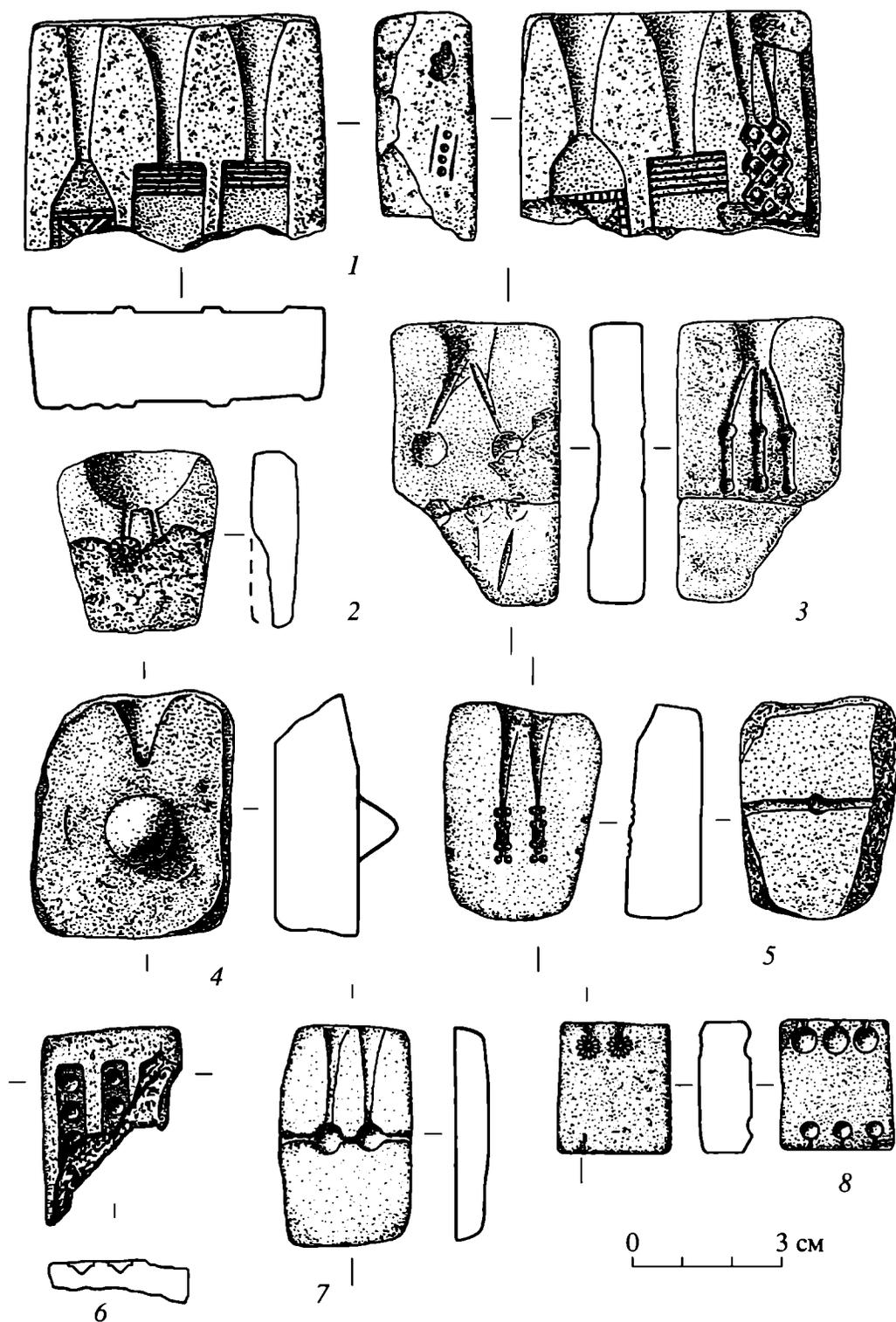

Рис. 7. Литейные формы из верхнего слоя Дьякова городища. 1, 3, 5, 7, 8-камень; 2, 4, 6 – глина. 1 – № 3 (здесь и далее номера по каталогу); 2 – № 10; 3 – № 6; 4 – № 11; 5 – № 2; 6 – № 15; 7 – № 1; 8 – № 5.

товления форм в качестве исходного сырья была использована железная глина, из естественных примесей в глине отмечены мелкие слюдистые включения и песок². В формовочные массы всех образцов был добавлен навоз, при этом его содержание составляло 20–25%. Качественный состав и размеры естественных примесей, а также сходство концентрации и размера навоза в качестве искусственной добавки позволяют предпола-

² См. статью О.А. Лопатиной в этом номере.

гать, что пять образцов (рис. 4, 1, 4–7) относятся к одной форме.

Имеющиеся аналогии позволяют предположить, что в подобных формах могли отливаться изделия как с сомкнутыми, так и с разомкнутыми концами. Фрагментированность находок с Дьякова городища не позволяет достоверно установить форму всех отливавшихся изделий. Определенно можно утверждать лишь то, что на памятнике изготавливались браслеты (гривны) с разомкнутыми концами. Только в этом случае можно было снять

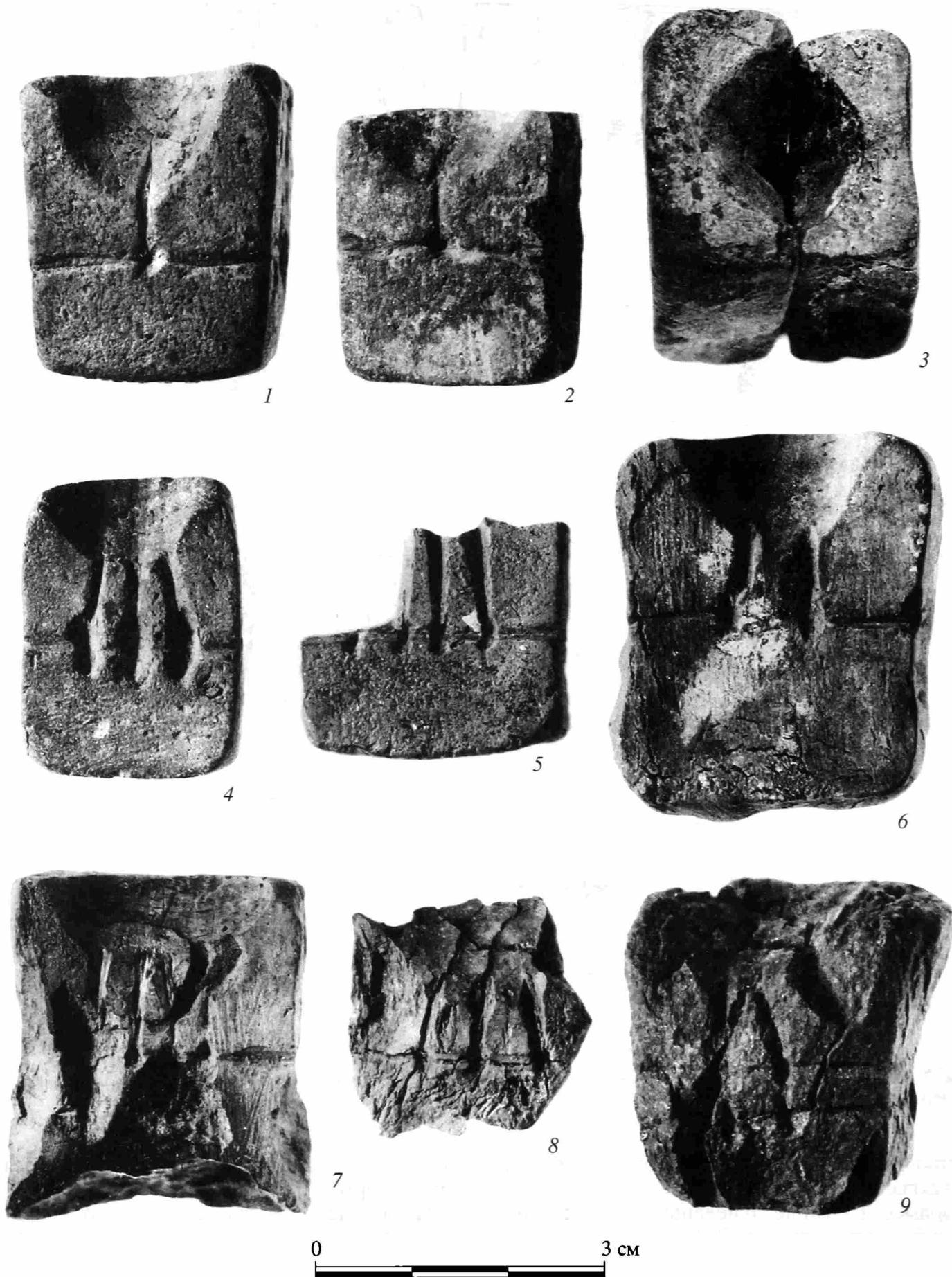

Рис. 8. Литейные формы из верхнего слоя Дьякова городища (1, 2, 4-9) и вариант реконструкции предполагаемого положения глиняной формы при литье (3). Фото С.А. Орлова. 1 – № 18 (здесь и далее номера по каталогу); 2 – № 17; 4 – № 8; 5 – № 12; 6 – № 9; 7 – № 16; 8 – № 13; 9 – № 14.

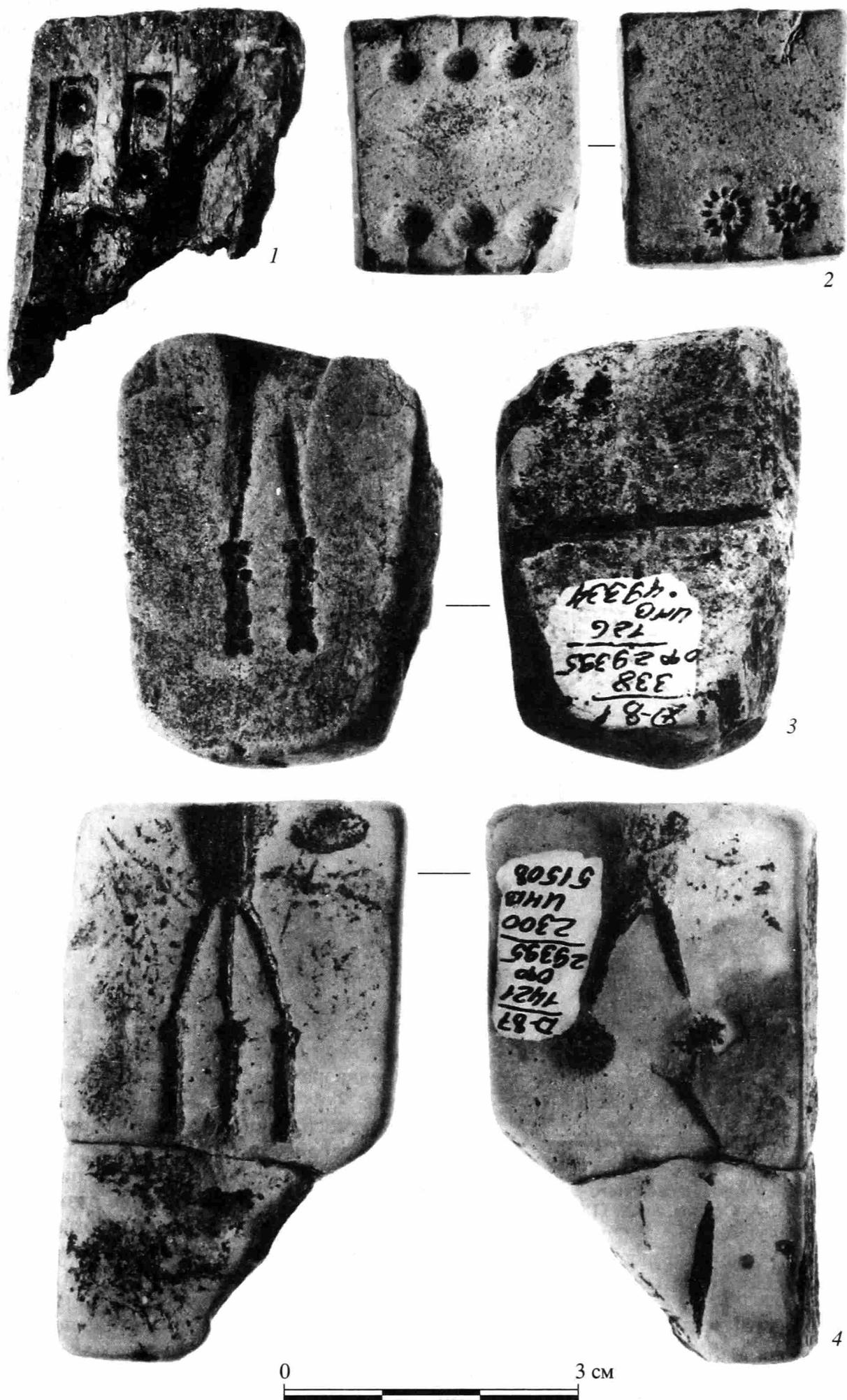

Рис. 9. Литейные формы из верхнего слоя Дьякова городища, фото С.А. Орлова. 1 – № 15 (здесь и далее номера по каталогу); 2 – № 5; 3 – № 2; 4 – № 6.

Рис. 10. Литейные формы из верхнего слоя Дьякова городища, фото С.А. Орлова. 1 – № 11 (здесь и далее номера по каталогу); 2 – № 4.

с готового изделия обломок формы с полностью сохранившимся фрагментом канала (рис. 4, 5; рис. 5, 3).

В Москворечье кроме Дьякова городища аналогичные формы известны еще на Щербинском городище, где были найдены фрагменты форм для

изготовления как одного, так и сразу нескольких подобных изделий (Дубьнин, 1974. Табл. XVII, 5; Смирнов, 1974а. С. 68, 88. Табл. IX, 2).

Кроме фрагментов форм для браслетов в погребенном дерне Дьякова городища был обнаружен фрагмент створки разъемной глиняной формы, предназначавшейся для отливки украшения в виде сдвоенной спирали (рис. 4, 2, рис. 5, 2). На внутренней поверхности сохранилось изображение двух смыкающихся спиралей диаметром 15 мм каждая и небольшое углубление, возможно, остатки литника. Негатив изделия в данном случае был получен путем отпечатка модели в глине. Выпуклая, скругленная внешняя поверхность обломка свидетельствует о том, что он представляет собой фрагмент верхней створки формы. Образец обнаруживает большое сходство с формой для отливки браслетов по составу исходного сырья (ожелезненная глина с естественной примесью слюды, пылевидного и мелкого песка) и по характеру искусственной примеси к глине (навоз в концентрации 20–25%).

Точных аналогий изображению на форме найти не удалось, но похожие есть. Это браслеты со сдвоенными коническими выступами на концах в виде спиралей, найденные на городищах Смоленщины, в том числе на Мокрядинском и Новые Батеки (Третьяков, Шмидт, 1963. С. 86, 90, 163, 164). Близкие мотивы присутствуют на браслетах чернолесской культуры (Тереножкин, 1961. С. 163. Рис. 110), на обломке украшения с городища Пекуново на Верхней Волге (Бадер, 1950. Рис. 42, 1), на предметах с памятников ананьинской культуры (Збруева, 1952. С. 57. Табл. XI, 3; С. 145. Табл. XXVIII, 5).

Формы из верхнего горизонта верхнего слоя и связанных с ним перекопов. В коллекции насчитывается шесть каменных форм (рис. 6, 3; рис. 7, 1, 3, 5, 7, 8; рис. 9, 2–4; рис. 10, 2; рис. 11). Они представляют собой небольшие бруски подпрямоугольной формы. Длина в среднем 30–36 мм, высота – 44–56 мм, толщина – 10–17 мм. На этом фоне выделяются две формы. Одна из них предназначалась для литья сразу шести изделий (рис. 7, 1; рис. 11). Этим, вероятно, объясняются ее относительно крупные размеры. Другая скорее всего представляет собой остатки аккуратно обтесанной створки (рис. 7, 8; рис. 9, 2). В пользу этого говорят ее небольшие размеры, почти идеально ровная, правильная форма и непропорционально маленькие литники, диаметр устья которых составляет всего 1–1.5 мм, а длина – 2 мм.

Для изготовления литейных форм мастера использовали достаточно мягкие породы камня, хорошо поддающиеся обработке: в четырех случаях это был алевролит, а в одном – доломит (определение выполнено на геологическом факультете МГУ инженером Е.Ю. Охалкиной).

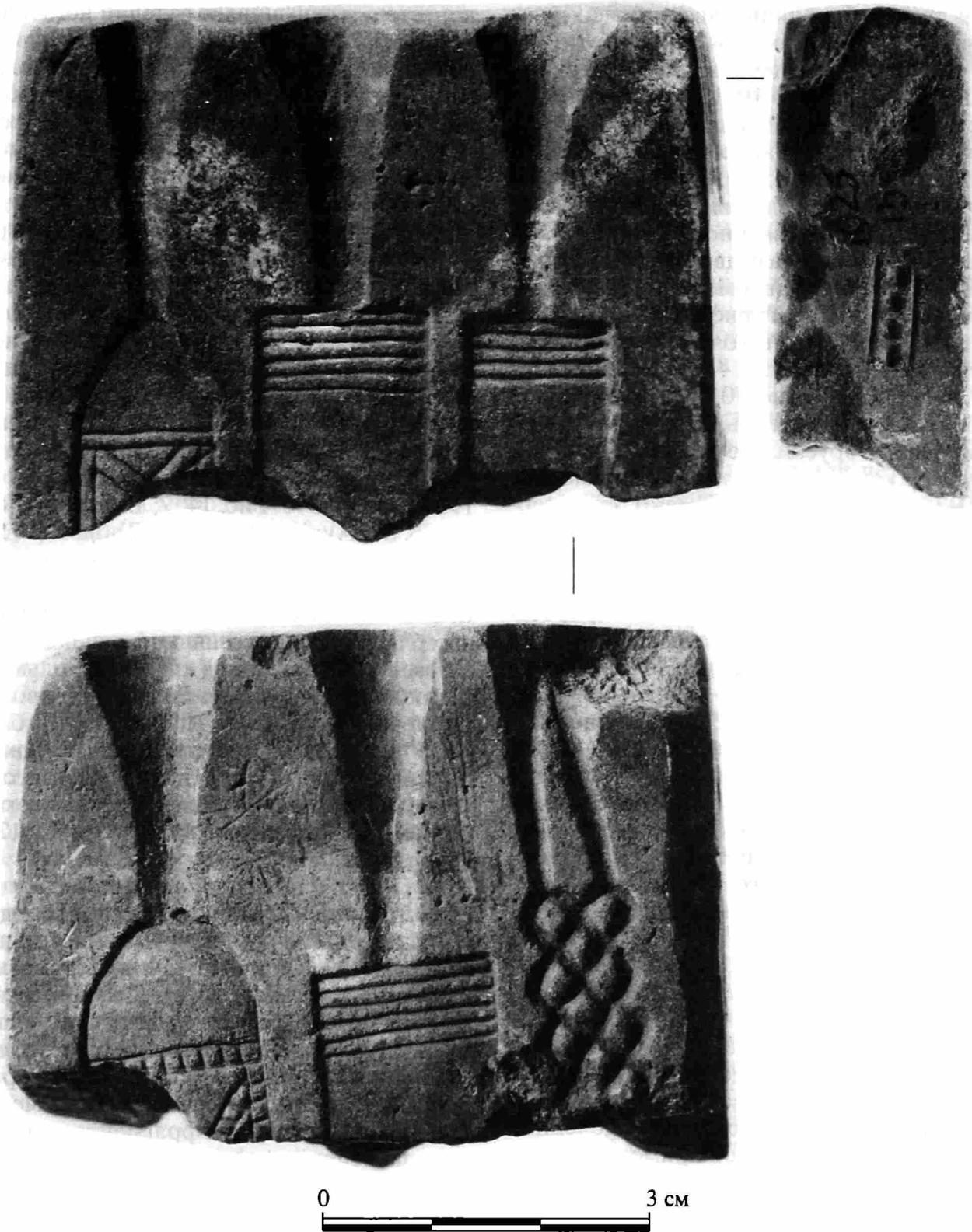

Рис. 11. Литейная форма из верхнего слоя Дьякова городища (№ 3 по каталогу), фото С.А. Орлова.

Негативы вырезались обычно на двух широких гранях формы, в коллекции отмечен только один случай использования боковой грани (рис. 7, 1; рис. 11). Специальные каналы для стержней, с помощью которых получали отверстия в отлившихся изделиях, вырезались только на оборотных створках (единственное исключение составляет форма из раскопок 1935 г. (рис. 7, 7). В

которых случаях для симметричного совмещения двух створок формы на ребрах боковых граней основной створки делались специальные небольшие риски (рис. 7, 5).

Литниковая чаша и каналы вырезались, судя по всему, только на основных створках форм, где располагались негативы изделий. Из двух створок с негативами петель крепления на одной лит-

никовая система отсутствовала вообще (рис. 7, 5), а на другой литник был лишь едва намечен и никак не соединен с негативами (рис. 6, 3). Литниковые чаши обычно подтрапецевидные или конусовидные в плане, диаметр 10–12 мм. Длина литниковых каналов составляет в среднем 10–12 мм.

Как правило, к негативу подводился только один канал: это было обусловлено размерами и формой отливавшихся изделий. Лишь в одном случае при изготовлении ажурной пластины к негативу были подведены сразу два литниковых канала, чтобы обеспечить равномерное заполнение полости металлом (рис. 7, 1; рис. 11).

Глиняные формы, а их в коллекции насчитывается двенадцать (рис. 6, 1, 2, 4–10; рис. 7, 2, 4, 6; рис. 8, 1, 2, 4–9; рис. 9, 1; рис. 10, 1), представляют собой небольшие прямоугольные или квадратные керамические бруски. По величине они немного уступают каменным формам, их размеры в среднем 30–38 × 30–39 × 13 мм. Имеют характерные широкие литниковые чаши, диаметр которого 18–24 мм. Длина литниковых каналов приблизительно одинакова и составляет 5–8 мм. Литниковые каналы, чаши и каналы для вставок прорезались: на них хорошо заметны следы, оставленные кончиком режущего инструмента. На поверхности трех форм (рис. 6, 7, 10; 7, 4) заметны еле различимые следы залощенности. Технологическому исследованию были подвергнуты семь образцов (рис. 6, 1, 2, 5, 7, 10; рис. 7, 4, 6). Для изготовления форм из верхнего слоя использовались разные источники сырья, о чем свидетельствует разный качественный состав естественных примесей в глине. Кроме того, отмечен один случай смешения двух глин – ожелезненной и неожезленной (рис. 6, 7). В одном образце отмечены нерастворившиеся округлые комочки глины, которые свидетельствуют о высушивании и дроблении исходного сырья (рис. 7, 4). Формовочная масса пяти образцов составлена по рецепту: глина + раствор органического происхождения (рис. 6, 2, 5, 10; рис. 7, 4, 6). Кроме того, в шести образцах отмечена незначительная примесь неопределенной органики, однако характер этой примеси (естественный или искусственный) не установлен.

Негативы на литейных формах из верхнего слоя можно отнести к следующим типам³.

Негативы для изготовления петель крепления. Образуют наиболее многочисленную группу. Встречены на одиннадцати формах, в том числе на двух каменных и девяти глиняных (рис. 6, 1–10; рис. 7, 5). Негативы этого типа вырезались на оборотных створках форм и предназначались для изготовления петель крепления, располагавшихся на тыльной стороне нашивных бляшек, или

ушек подвесок. В зависимости от величины и количества отливавшихся изделий негативы петель крепления в виде небольших углублений полусферической или вытянутой формы располагались в один или два ряда, через каждый ряд проходил канал, в который при отливке помещался стержень: таким образом в изделиях получали отверстие. В одном случае негативы, располагавшиеся в два ряда, были попарно соединены дополнительными маленькими вертикальными каналами (рис. 6, 8).

Круглые выпуклые нашивные бляшки. Представлены тринадцатью экземплярами на трех каменных формах (рис. 7, 3, 7, 8). Диаметр колеблется в пределах 3.5–7 мм. Один из наиболее распространенных типов. На москворецких памятниках встречен еще дважды: на городищах Луковня (Векслер, 1970. Табл. VII, 1) и Боршева (Крис, 1976. С. 29). Аналогичные формы известны на целом ряде раннеславянских памятников (Хавлюк, 1963. С. 335, 346. Рис. 14, 7; Винокур, 1997. С. 73, 81, 86, 87; Аулих, 1972. С. 75. Табл. XIV, 5; Щеглова, в печати). Формы этого типа есть среди находок на Огубском городище (Никольская, 1959. С. 102, 103. Рис. 35, 1; 36, 6). Отливки аналогичных бляшек, изготовленные из свинцово-оловянных сплавов, представлены вкладах из Больших Будков (Горюнова, 1987. С. 86. Рис. 1, 1), Новой Одессы, Козиевки (Корзухина, 1996. С. 396. Табл. 46, 7, 8; 54, 40). Оловянные бляшки диаметром 3–4 мм, служившие для расшивки одежды, известны в материалах культуры рязано-окских могильников (Ахмедов, Белоцерковская, 1996. С. 127; Белоцерковская, 1998. С. 40).

Мелкие нашивные бляшки-розетки. Этот тип представлен в коллекции Дьякова городища обеими известными разновидностями: бляшками-розетками с лепестками по краю и бляшками-розетками со штрихами по краю. Два негатива, относящиеся к первому варианту, встречены на каменной форме в сочетании с круглыми выпуклыми бляшками (рис. 7, 8). Диаметр каждого из украшений – 0.5 см. Ко второму варианту условно можно отнести негатив бляшки на фрагменте глиняной формы, найденной на городище С. Пахтуновым в 1971 г. (рис. 7, 2). Судя по всему, диаметр изделия не превышал 5–6 мм. Литейные формы с изображениями подобных розеток, равно как и их отливки, известны на достаточно обширной территории (Щеглова, в печати; Дайга, 1960. С. 88. Рис. 5, 1–7; Горюнова, 1987. Рис. 1, 2). В Москворечье глиняные формы для отливки подобных бляшек были найдены на городищах Луковня (Векслер, 1982. Табл. XVI, 1) и Успенское (раскопки Ю.А. Краснова 1961 г.). Следует отметить, что в последнем случае форма была отнесена автором раскопок к комплексу находок древнерусского времени (Краснов, 1961. С. 16, 17. Табл. XXVIII, 1; XXXIII. Рис. 1, 11). Фрагмент каменной формы для отливки розетки более крупного диаметра происходит

³ Определение типов негативов проводилось с учетом типологии, предложенной О.А. Щегловой. Авторы выражают ей искреннюю благодарность за возможность ознакомиться с неопубликованной работой (Щеглова, в печати).

из верхнего слоя Щербинского городища (Дубынин, 1974. С. 241. Табл. XVII, 7). Похожая глиняная форма была найдена в верхнем слое рязанского могильника Ундрих (Макаров, 1981. Табл. 57, 6).

Формы для отливки ворворок. Тип представлен в коллекции глиняной втулкой в виде плоского, прямоугольной формы бруска с конусовидным выступом в центре высотой 7 мм (рис. 7, 4). Верхняя часть формочки обломана у литниковой чаши, плавно переходящей в литниковый канал, который обрывается на расстоянии 5 мм от втулки. Формы аналогичной конструкции (рис. 12, 1, 2) известны по материалам таких памятников, как Бернашевка и Осечен (Винокур, 1997; Исланова, Мирецкий, 1997. С. 15. Рис. 2, 1). Подобные подвески усеченно-конической формы с отверстием в верхней части, отлитые из свинцово-оловянных сплавов, встречены в составе кладов из Новой Одессы, Козиевки, Смородино, Нижней Сыроватки (Корзухина, 1996. Табл. 46, 11–14; 54, 15–23; 60, 8–11; 61, 4) и Гапоновского. Судя по высоте втулки, в форме с Дьякова городища отливались ворворки малых размеров. В Гапоновском кладе высота изделий этой группы составляет 3–8 мм (Гавритухин, Обломский, 1996. С. 16. Рис. 33, 7–17, 19–65; 34, 2–99). В бассейне Москвы-реки створка каменной формы для изготовления ворворки с вырезанным негативом изделия известна на городище Луковня (Векслер, 1976. Табл. 2, 3).

Прямоугольные пластины с конусовидными выступами. В коллекции Дьякова городища этот тип встречен на единственной глиняной форме, но в количестве двух экземпляров (рис. 7, 6). Длина пластинок неизвестна, так как часть формы утрачена, ширина составляет 5 мм, диаметр конусовидных выступов – 3 мм. Незаконченное изображение похожего изделия известно на каменной литейной форме со Щербинского городища (рис. 12, 4), найденной в верхнем горизонте памятника (Смирнов, 1974а. С. 88. Табл. IX, 4; МИГМ. ОФ24665/1389). Вероятно, к этому же типу относится негатив тонкой продолговатой крошечной пластинки шириной 4 мм с мелкими полусферическими выпуклостями диаметром всего 1.5 мм (рис. 7, 1). Изображение, вырезанное под углом на боковой стороне каменной формы из верхнего слоя Дьякова городища, не закончено, литниковая система отсутствует, что свидетельствует в пользу того, что перед нами либо заготовка, либо своеобразная “проба пера”.

Ажурная пластина из переплетенных линий. Изображение встречено пока только в одном экземпляре (рис. 7, 1). Полная длина изделия неизвестна, так как часть формы утрачена. В качестве возможной аналогии нужно отметить заготовку литейной формы, найденную на городище Луковня: разметка одного из негативов напоминает наш экземпляр (Векслер, 1976. Табл. 2, 6).

Вытянутые прямоугольные бляшки с закругленным завершением. Представлены двумя негативами, встреченными на одной форме (рис. 7, 1). Аналогичные изображения (рис. 12, 10–13) известны на формах, найденных на селище Подол III (Фурасев, 1996. С. 18. Рис. 11, 9, 11), городище Осечен (Исланова, Мирецкий, 1997. С. 15. Рис. 2, 3) и в Арнико (Моора, 1963. Рис. 1, 1). Характерная особенность одной из бляшек с Дьякова городища: завершение скорее не овальной, а подтреугольной формы.

Вытянутые прямоугольные накладки с поперечными линиями по краям. Три экземпляра встречены на одной каменной форме в сочетании с прямоугольными бляшками с закругленным завершением и заготовкой пластинки с полусферическими выпуклостями (рис. 7, 1). Во всех трех случаях сохранились лишь верхние края накладок, украшенные пятью или четырьмя поперечными углубленными линиями. Все три изображения отнесены О.А. Щегловой к типу вытянутых прямоугольных накладок с редкими поперечными линиями (Щеглова, в печати). В бассейне Москвы-реки литейные формы с подобными негативами (рис. 12, 4, 6) найдены на городищах Луковня (Векслер, 1976. Табл. 2, 1) и Щербинское (Смирнов, 1974. С. 88). В первом случае негативы накладок сохранились целиком. Длина накладок около 3 см. Они немного отличаются от образцов, известных на более южных памятниках. Судя по всему, эти изображения следует выделить в отдельный вариант, к которому кроме негативов с Луковни и, предположительно, с Дьякова и Щербинского городищ, (изображения сохранились не полностью) можно отнести негативы (рис. 12, 6–9) на формах с городищ Кикинское (Вишневецкий, 1998. Рис. 2, 22), Осечен (Исланова, Мирецкий, 1997. С. 15. Рис. 2, 2) и Хлепень⁴ (Смирнов, 1974б. Табл. 19). Картографирование находок показывает, что данный вариант был распространен в Московчье и на Верхней Волге (рис. 13).

Ложнозерновые бляшки. К этому типу относятся четыре негатива, размещенные в два ряда на одной плоскости каменной формы (рис. 7, 5). Характер изображения не вполне ясен. Каждый из негативов представляет собой пять шариков зерна диаметром 1 мм, сгруппированных в виде бантика. Негативы соединены попарно вертикальными каналами. В том случае, если вертикальные каналы были частью негативов, последние могут интерпретироваться как изображения двух бляшек в виде продолговатых колодочек, края которых украшены шариками ложной зерни. Конструкция формы свидетельствует о том, что готовые изделия имели специальные ушки для пришивания: на ребрах боковых граней формы на уровне централь-

⁴ Изображение на литейной форме с городища Хлепень публикуется с любезного разрешения автора раскопок К.А. Смирнова.

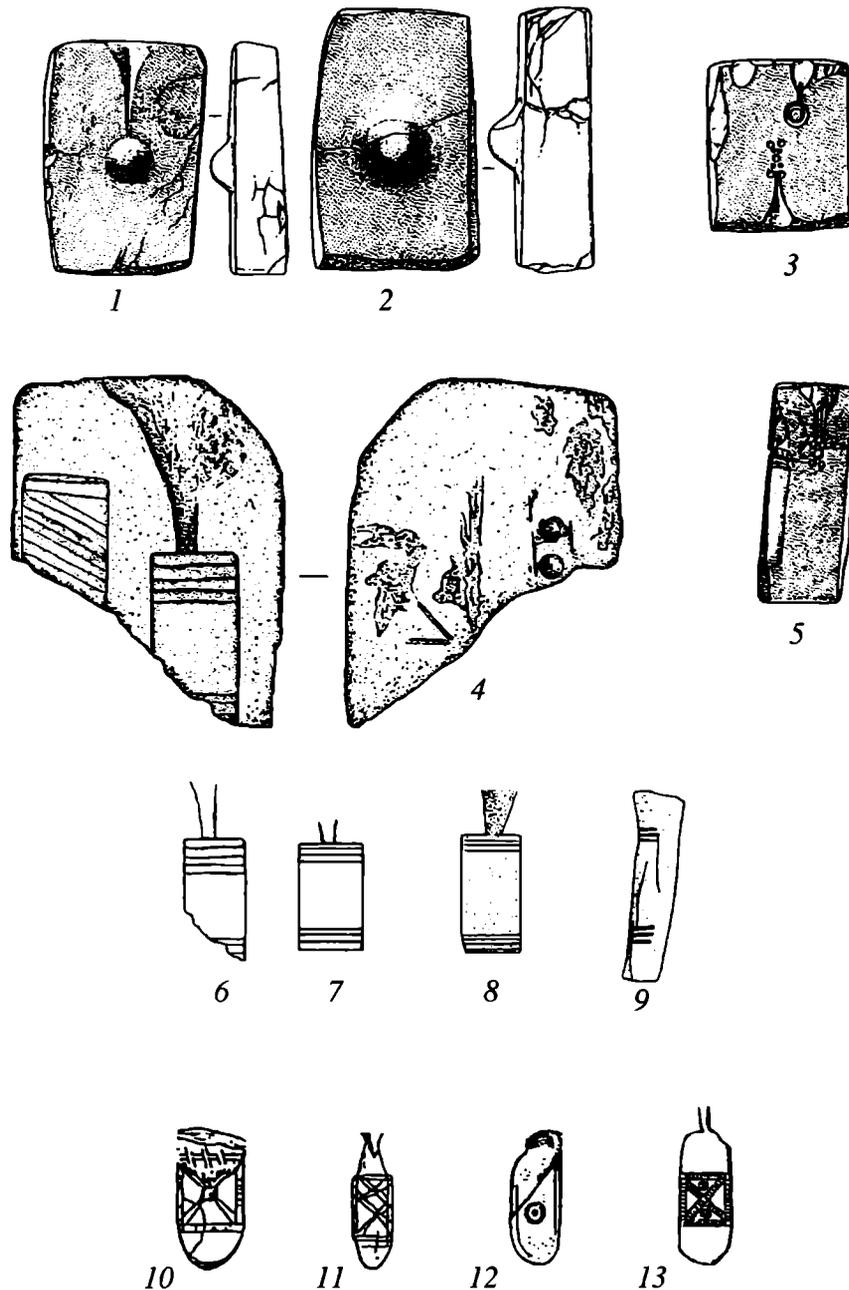

Рис. 12. Некоторые аналогии литейным формам из верхнего слоя Дьякова городища с памятников 3-й четверти I тыс. н.э.: 1–3, 5 – Бернашевка (по Винокуру И.С.); 4, 6 – Щербинское городище; 7 – Хлепень (по Смирнову К.А.); 8, 12 – Осечен (по Ислановой И.В., Мирецкому А.В.); 9 – Кикинское городище (по Вишневному В.И.); 10, 11 – Подол III (по Фурсьеву А.Г.); 13 – Арнико (по Моору Х.).

ной части негативов справа и слева сделаны по две небольшие риски. Подобные зарубки делались, по-видимому, для точного совмещения негативов на двух створках формы. В бассейне Москвы-реки близкие изображения известны на глиняной и каменной формах с городища Луковня (Векслер, 1976. Табл. 2, 6; 1982. Табл. XVI, 2). Похожие негативы (рис. 12, 3, 5) есть на формах из Бернашевки (Винокур, 1997. С. 69, 89) и Старой Ладogi (Давидан, 1980. С. 60. Табл. 1, 2).

Нашивные бляшки в виде колодочек с округлыми утолщениями на концах. К этой группе можно отнести изображения на каменной форме, представляющие собой шесть маленьких полусфе-

рических углублений диаметром 2.5 мм, расположенных попарно в два ряда. Каждая пара соединена небольшим вертикальным каналом (рис. 7, 3). Судя по многочисленным аналогиям, створка такой конструкции могла использоваться для отливки петель крепления. Однако от каменных форм этого типа экземпляр с Дьякова городища отличается наличие хорошо проработанной литниковой системы и отсутствие специальных каналов для вставок. Два эти признака скорее характерны для основных створок форм, на которых размещались негативы отливаемых изделий. Этот факт, а также наличие точно такой же формы в коллекции с городища Луковня (МИГМ. ОФ24679/1619)

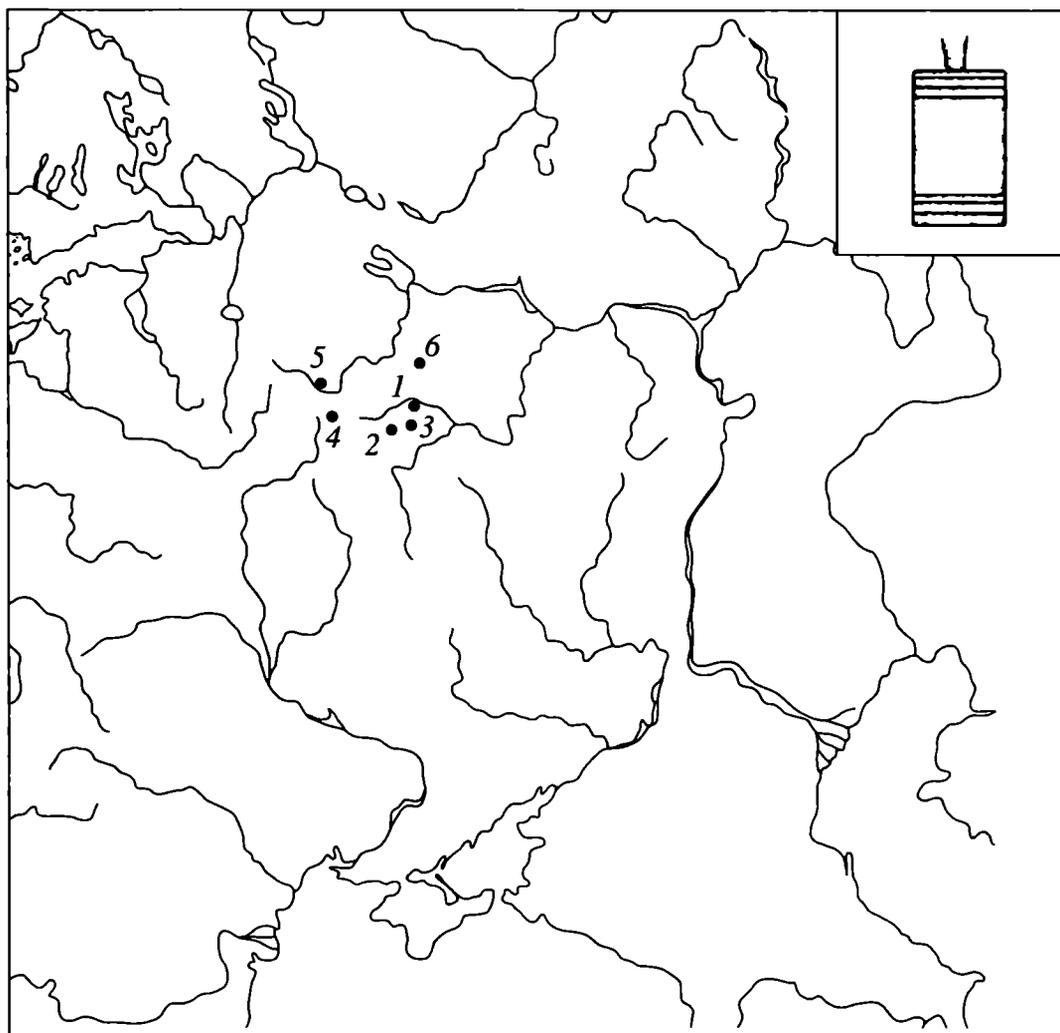

Рис. 13. Карта распространения форм для отливки пластин с поперечными линиями по краям: 1 – Дьяково городище; 2 – Щербинское городище; 3 – Луковня; 4 – Хлепень; 5 – Осечен; 6 – Кикинское городище.

свидетельствуют в пользу того, что скорее всего форма предназначалась для отливки нашивных бляшек в виде вытянутых колодочек. Близкие изображения известны на одной из форм с городища Осечен (Исланова, Мирецкий, 1997. С. 15. Рис. 2, 1), в Прибалтике (Моора, 1963. Рис. 2, 3).

Негативы изделий на формах с Дьякова городища типичны для лесной и лесостепной зон Восточной Европы того времени и находят аналогии далеко за пределами региона. В 3-й четверти I тыс. н.э. литейные формы, подобные найденным в верхнем слое Дьякова городища, широко распространяются в Восточной Европе. На сегодняшний день в археологической литературе, посвященной анализу этой категории находок, утвердилась точка зрения о том, что подобные литейные формы связаны с производством мелких изделий из свинцово-оловянных сплавов (Горюнова, 1987. С. 89; Егорьков, Щеглова, 2000. С. 56; Шаблавина, 1999). К сожалению, в материалах позднедьяковских памятников Москворечья неизвестны образцы отливок, изготовленные в таких формах. Однако они есть на других территориях, в том числе и в культуре рязано-окских

могильников⁵, ближайшего южного “соседа” дьяковского населения, что позволяет с известной долей осторожности предположить, что изделия из свинцово-оловянных сплавов могли производиться и на позднедьяковских памятниках бассейна Москвы-реки.

Ассортимент изделий, отливавшихся в формах, найденных на Дьяковом городище, был достаточно широк, но в целом это разнообразные мелкие украшения: подвески, нашивные бляшки, накладки и т.п. Археологические материалы свидетельствуют о том, что ряд подобных изделий (круглые выпуклые нашивные бляшки, бляшки-розетки и др.) использовался при изготовлении своего рода металлической аппликации, которой по традиции того времени украшалась одежда. В лесной и лесостепной зонах Восточной Европы подобная традиция использования мелких металлических нашивных украшений существовала давно и была известна у населения целого ряда

⁵ Литые свинцово-оловянные нашивные бляшки были найдены в погребениях Никитинского могильника. Авторы выражают благодарность И.Р. Ахмедову за возможность ознакомиться с материалами его раскопок.

археологических культур (Горюнова, 1987; 1992. С. 131). Наличие форм для отливки подобных изделий на Дьяковом городище достаточно надежно документирует существование аналогичной традиции у местного населения в 3-й четверти I тыс. н.э.

Ряд общих типов украшений, таких как прямоугольные бляшки с закругленным завершением и вытянутые прямоугольные накладки с редкими поперечными линиями по краям пластины, позволяет говорить о сходстве материалов Дьякова городища с памятниками Верхней Волги (Подол III, Осечен, Хлепень, Кикинское городище) 3-й четверти I тыс., что может указывать, по нашему мнению, на предположительное направление культурных контактов. В то же время в коллекции Дьякова городища широко представлены негативы, отнесенные О.А. Щегловой к группе общих, “сквозных” типов украшений, распространенных почти повсеместно. Сюда входят бляшки-розетки и круглые выпуклые нашивные бляшки (Щеглова, в печати).

К местному типу украшений, встреченному пока только в бассейне Москвы-реки и представленному в коллекции литейных форм, относятся узкие прямоугольные пластины с конусовидными выступами. Они встречены на каменных формах в сочетании с ажурной пластиной из переплетенных линий, прямоугольными бляшками с закругленными завершениями и прямоугольными накладками с поперечными линиями по краям, что свидетельствует не только об одновременном бытовании этих изделий, но и об их принадлежности к одному кругу.

В Московичье традиция использования подобных литейных форм носила, скорее всего, заимствованный характер. До 3-й четверти I тыс. н.э. литейные формы этого типа на дьяковских памятниках неизвестны. Их появление в бассейне Москвы-реки совпадает по времени с распространением подобных форм в лесной зоне Восточной Европы. Семь из девяти типов негативов находят аналогии на других памятниках, в том числе значительно удаленных от рассматриваемой территории. Кроме Дьякова городища аналогичные находки каменных и глиняных литейных форм известны на целом ряде московичских городищ (Троицкое, Луковня, Щербинское, Успенское, Боршева), что позволяет считать подобные изделия характерными для позднедьяковских памятников, расположенных в западной и центральной частях Московичского бассейна.

КАТАЛОГ ЛИТЕЙНЫХ ФОРМ С ДЬЯКОВА ГОРОДИЩА

1. Створка каменной литейной формы (рис. 7, 7). Найдена в 1935 г. (раскопки К.Я. Виноградова). Государственный музей-заповедник “Коломен-

ское”. Обломок прямоугольного бруска со скругленными углами размером 27–29 × 47 × 7 мм, на одной из сторон которого вырезаны два негатива для отливки круглых выпуклых нашивных бляшек диаметром 6–7 мм и канал для специального стерженька, с помощью которого в изделиях получали сквозное отверстие. К каждому негативу подведен отдельный литник, диаметр устья 6 мм, длина 20 мм.

2. Створка каменной литейной формы (рис. 7, 5). Найдена в 1981 г. (полевая опись № 357). МИГМ, ОФ29395/126. Подтрапециевидный брусок со скругленными углами размерами 31–24 × 44 × 16 мм. Материал – алевролит кварцевый на карбонатном цементе. На одной из сторон бруска вырезаны четыре негатива для отливки ложнозерновых бляшек, каждая из которых состоит из пяти шариков зерна диаметром 1 мм, сгруппированных в виде бантика. Негативы расположены в два ряда и соединены попарно вертикальными каналами длиной 2–3 мм и шириной 2 мм. На ребрах боковых граней формы на уровне центральной части негативов справа и слева сделаны по две небольшие зарубки для точного совмещения створок формы. Литниковая чаша подтрапециевидной формы, диаметр 11 мм. К каждой из двух пар негативов подведен отдельный литниковый канал длиной 12 мм и глубиной 0.5 см. На оборотной плоскости вырезаны негатив для отливки петли крепления диаметром 4 мм и специальный канал для стержня-вставки глубиной 1 мм и шириной 2 мм.

3. Створка каменной литейной формы (рис. 7, 1). Найдена в 1981 г. (п/о № 32). МИГМ, ОФ29395/125. Обломок прямоугольного бруска, размеры сохранившейся части 59 × 45 × 20 мм. Материал – доломит. На одной из граней формы вырезаны три негатива. Два из них предназначались для отливки прямоугольных накладок с поперечными линиями по краям. Ширина накладок 14.5 и 12 мм, длина сохранившейся части 19 и 12 мм. Третий негатив служил для отливки прямоугольной бляшки с подтреугольным завершением и с орнаментом в виде косоугольного креста, вписанного в квадрат (?). Ширина 11.5 мм, длина сохранившейся части 18 мм. Каждый негатив имел отдельную литниковую чашу конусовидной формы с диаметром устья 8–11 мм, плавно переходящую в литниковый канал длиной около 15 мм. На второй широкой грани формы расположены еще три негатива. Один из них предназначался для отливки прямоугольной накладки с поперечными линиями по краю. Ширина накладки 15 мм, длина сохранившейся части 15 мм. Второе изображение представляло собой часть прямоугольной бляшки с закругленным завершением и с орнаментом в виде косоугольного креста, вписанного в квадрат (?). Линии, образующие крест и квадрат, разделаны городками. Ширина негатива 15 мм, длина сохранившейся части 19 мм. Третий негатив служил для отливки

ажурной пластины из переплетенных линий шириной 10 мм, длина сохранившейся части – 18 мм. Глубина всех негативов – 1 мм. На одной из боковых граней сохранилось незаконченное изображение в виде двух параллельных линий длиной 9 мм, расстояние между линиями 4 мм. Между линиями вырезаны четыре полусферические углубления диаметром 1.5 мм.

4. Створка каменной литейной формы (рис. 6, 3). Найдена в 1982 г. (п/о № 13). МИГМ, ОФ29395/527. Обломок прямоугольного бруска со скругленными углами размером 36 × 47 × 17 мм. Материал – алевролит кварцевый. На одной из широких граней бруска вырезано шесть негативов в виде полусферических углублений диаметром 2.5 мм, предназначавшихся для отливки петель крепления. Углубления расположены в два ряда, по три негатива в каждом, строго один над другим. Через каждый ряд пропущен канал для стержня-вставки шириной 1 мм и глубиной 1 мм. В верхней части имеется небольшое углубление подтрапециевидной формы – литник, диаметр устья – 12 мм.

5. Створка каменной литейной формы (рис. 7, 8). Найдена в 1987 г. (п/о № 1556). МИГМ, ОФ29395/2299. Ровный правильный прямоугольный брусок размерами 22 × 25 × 8.5 мм. Один из углов сколот. Материал – алевролит кварцевый. На одной из плоскостей вырезано шесть негативов, предназначавшихся для отливки круглых выпуклых нашивных бляшек. Негативы размещены двумя группами, по три в каждой, у противоположных краев плоскости. Первая группа – негативы диаметром 5 мм, вторая – 3.5 мм. К каждому негативу подведен отдельный литник длиной 2 мм с диаметром устья 1–1.5 мм. На оборотной грани формы вырезаны два негатива для отливки нашивных бляшек-розеток диаметром 5 мм. Как и в предыдущем случае, каждое изображение имеет отдельный литник длиной 2 мм с диаметром устья 1.5 мм.

6. Створка каменной литейной формы (рис. 7, 3). Найдена в 1987 г. (п/о № 1608). МИГМ, ОФ29395/2300. Сильно окатанный прямоугольный брусок размером 33 × 56 × 11 мм, один из углов которого утрачен. Материал – алевролит кварцевый, слабосцементированный. Створка состоит из двух фрагментов, линия скола проходит по центру. На одной из граней вырезаны три негатива для отливки нашивных бляшек в виде вытянутых колодочек длиной 11 мм с шаровидными утолщениями на концах диаметром 2 мм. Литниковая чаша подтрапециевидной формы, диаметр 10 мм. С чашей негативы соединяют три литниковых канала длиной 11–12 мм и глубиной 1 мм. На оборотной грани формы находятся две группы негативов, предназначавшихся для отливки пяти круглых выпуклых нашивных бляшек диаметром 7 мм (2 негатива) и 5 мм (3 негатива). Каждая из двух групп имела отдельную литниковую систему. Сохранилась только одна литниковая чаша подтрапециевидной

формы, диаметр 12 мм. К каждому из негативов был подведен отдельный литниковый канал длиной 10 мм и глубиной 1 мм. На одной из коротких боковых граней сделаны две параллельные зарубки (риски).

7. Глиняная литейная форма (рис. 6, 4). Найдена во время раскопок В.И. Сизова. ГИМ, инв. 93991. Трапециевидной формы брусок размерами 35–40 × 40–41 × 12–14 мм. На одной из широких граней сохранились четыре негатива для отливки петель крепления диаметром 2 мм, расположенных в один ряд, через который проходил канал для вставки шириной 1 мм и глубиной 0.5 мм. Каждый из негативов соединялся с литниковой чашей отдельным каналом длиной 8–9 мм. Диаметр литниковой чаши составлял 25 мм.

8. Створка глиняной литейной формы (рис. 6, 6). Найдена в 1969–70 гг. (сборы подъемного материала А. Фролова, М. Горбаневского, В. Костенко). МИГМ, ОФ24659/37. Прямоугольной формы брусок со скругленными углами, размеры 21 × 28 × 9–12 мм. На одной из широких граней размещены три негатива для отливки петель крепления размером 5–6 мм, через которые проходит канал для стержня-вставки шириной 1 мм и глубиной 0.5 мм. К каждому негативу подведен отдельный литниковый канал длиной 5 мм. Диаметр литниковой чаши 16 мм.

9. Створка глиняной литейной формы (рис. 6, 9). Найдена в 1970 г. (сборы подъемного материала А. Фролова, М. Горбаневского, В. Костенко). МИГМ, ОФ24659/31. Прямоугольной формы брусок со скругленными углами, размеры 33 × 39 × 13.5–14 мм. На одной из широких граней размещены два негатива для отливки петель крепления, через которые пропущен канал для стержня-вставки глубиной 0.5 мм и шириной 1 мм. Каждый негатив был соединен с литниковой чашей отдельным каналом длиной 5 мм. Диаметр литниковой чаши 20–21 мм. Форма ошлакована в результате вторичного воздействия высоких температур.

10. Фрагмент глиняной литейной формы (рис. 7, 2). Найдена С. Пахтуновым в 1971 г. Местонахождение предмета неизвестно. Часть бруска подтрапециевидной формы, в нижней части которого имеются значительные сколы. Размеры предмета 20–29 × 33 × 9 мм. Форма предназначалась для отливки двух изделий. Сохранился только один негатив для отливки розетки диаметром 5–6 мм, с литниковой чашей он соединялся каналом длиной 5 мм. Второй негатив утрачен, сохранилась лишь часть литникового канала. Диаметр литниковой чаши 21 мм.

11. Створка глиняной литейной формы для отливки ворворки (рис. 7, 4). Найдена в 1982 г. (п/о № 16). МИГМ, ОФ29395/528. Прямоугольной формы брусок со скругленными углами размером 40 × 48 × 23 мм. В центральной части брусок имеет конусовидный выступ высотой 7 мм. В верхней ча-

сти формочки у литника – сколы. Литник с диаметром устья 12 мм плавно переходит в конусообразный сужающийся канал длиной 7 мм, который обрывается на расстоянии 5 мм от выступа.

12. Фрагмент створки глиняной литейной формы (рис. 6, 10). Найден в 1982 г. (п/о № 95). МИГМ, ОФ29395/529. Размеры 25 × 23 × 6 мм. Большая часть створки утрачена. Сохранились четыре негатива для отливки петель крепления, фрагменты трех литниковых каналов и часть канала для вставки шириной 1 мм и глубиной 0.5 мм.

13. Фрагмент створки глиняной литейной формы (рис. 6, 5). Найден в 1983 г. МИГМ, ОФ29395/1123. Размеры 28 × 25 × 4 мм. Большая часть предмета утрачена, сохранились фрагмент литниковой чаши, три литниковых канала длиной 7–8 мм, три негатива, предназначавшиеся для отливки петель крепления и фрагмент канала для стержня-вставки. Форма подверглась вторичному воздействию высоких температур.

14. Створка глиняной литейной формы (рис. 6, 8). Найдена в 1983 г. (п/о № 180). МИГМ, ОФ29395/1121. Трапециевидной формы брусок, размеры 27–35 × 32 × 20–25 мм, сильно деформированный в результате вторичного воздействия высоких температур. На одной из двух широких граней размещены четыре негатива для отливки петель крепления, расположенные двумя парами, один над другим. Через каждую из двух пар проходит канал для стержня-вставки. К двум верхним негативам были подведены каналы, соединявшие их с литниковой чашей.

15. Фрагмент створки глиняной литейной формы (рис. 7, 6). Найдена в 1983 г. (п/о № 318). МИГМ, ОФ29395/1112. Часть прямоугольного бруска, обратная сторона которого полностью утрачена, размеры фрагмента 28 × 37 × 5–7 мм. На широкой грани сохранились остатки двух негативов для отливки узких прямоугольных пластин с небольшими конусовидными выступами диаметром 3 мм и глубиной 2 мм. Длина сохранившихся изображений 17 и 13 мм. Выступы располагались на расстоянии 2–3 мм друг от друга. На одном негативе сохранилось три выступа, на другом – два.

16. Створка глиняной литейной формы (рис. 6, 7). Найдена в 1984 г. (п/о № 996). МИГМ, ОФ29395/1613. Прямоугольной формы брусок, размеры 33 × 37 × 12 мм, на всех гранях значительные сколы. Сохранились три негатива для отливки петель крепления, каждый из которых был соединен с литниковой чашей отдельным каналом длиной 8–10 мм. Диаметр литниковой чаши – 24 мм. Сохранился фрагмент канала для вставки шириной 1 мм и глубиной 0.5 мм.

17. Створка глиняной литейной формы (рис. 6, 2). Найдена в 1984 г. (п/о № 1007). МИГМ, ОФ29395/1614. Прямоугольной формы брусок, размеры 24–26 × 3 × 12–13 мм, на одной из боковых граней – сколы. Негатив для отливки петель

ки в виде полусферического углубления диаметром 2 мм был соединен с литниковой чашей каналом длиной 5 мм. Диаметр литниковой чаши 19 мм. Сохранился очень небрежно и неровно прорезанный канал для вставки шириной 1 мм и глубиной 0.5 мм.

18. Створка глиняной литейной формы (рис. 6, 1). Найдена в 1984 г. (п/о № 1046). МИГМ, ОФ29395/1612. Прямоугольной формы брусок, размеры 26–28 × 33 × 13 мм. На одной из широких граней вырезан негатив для отливки петельки крепления в виде полусферического углубления диаметром 2 мм, который соединялся с литниковой чашей каналом длиной 6 мм. Диаметр литниковой чаши 20 мм. Через негатив проходит неровно прорезанный канал для специального стержня глубиной 0.5 мм, с помощью которого в изделии получали отверстие.

19. Фрагмент глиняной формы для отливки браслета (гривны – ?) (рис. 4, 4). Найден в 1981 г. (п/о № 458). МИГМ, ОФ29395/127. Верхняя часть глиняного кольца. Длина фрагмента 28 мм, толщина стенок 4 мм, диаметр канала 5–6 мм.

20. Фрагмент глиняной формы для отливки браслета или гривны (рис. 4, 5). Найден в 1982 г. (п/о № 414). МИГМ, ОФ29395/531. Часть глиняного кольца с плоским основанием. Нижний край фрагмента с внешней стороны подрезан. С внутренней стороны по центру идет продольная трещина длиной около 30 мм. Длина фрагмента 58 мм, высота 20 мм, ширина основания 13–15 мм, толщина внешней стенки 4 мм, внутренней – 2 мм, диаметр канала 7 мм.

21. Фрагмент глиняной формы для отливки браслета или гривны (рис. 4, 6). Найден в 1982 г. МИГМ, ОФ29395/533. Нижняя часть глиняного кольца с плоским основанием. Длина фрагмента 45 мм, ширина основания 14–18 мм, толщина внешней стенки 2 мм, внутренней – 5–9 мм, диаметр канала 5–6 мм.

22. Фрагмент глиняной формы для отливки браслета или гривны (рис. 4, 3). Найден в 1982 г. (п/о № 419). МИГМ, ОФ29395/532. Представляет собой нижнюю часть глиняного кольца с плоским основанием. Длина фрагмента 37 мм, ширина основания 16–17 мм, толщина стенок 5 мм, диаметр канала 5–6 мм.

23. Фрагмент глиняной формы для отливки браслета или гривны (рис. 4, 7). Найден в 1982 г. МИГМ, ОФ29395/534. Верхняя часть глиняного кольца. Длина фрагмента 31 мм, толщина внешней стенки 3 мм, внутренней – 4–5 мм, диаметр канала 5–6 мм.

24. Фрагмент глиняной формы для отливки браслета или гривны (рис. 4, 1). Найден в 1982 г. МИГМ, ОФ29395/127. Верхняя часть глиняного кольца. Длина фрагмента 11 мм, толщина стенок 2–3 мм.

25. Фрагмент створки разъемной глиняной формы (рис. 4, 2, рис. 5, 2). Найден в 1982 г. (п/о № 413). МИГМ, ОФ29395/530. Небольшой обломок размером 32 × 31 × 12 мм. На внутренней поверхности сохранилось изображение двух смыкающихся спиралей диаметром 15 мм каждая и небольшое углубление (литник?).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ауліх В.В. Зимнівсеке городище VI–VII вв. Київ, 1972.
- Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В. Вещевые комплексы могильника Заречье 4 // Археологические памятники Окского бассейна. Рязань, 1996.
- Бадер О.Н. Древние городища на Верхней Волге // МИА. 1950. № 13.
- Белоцерковская И.В. Головной убор из могильника Кораблино // Историческая археология. Традиции и перспективы. М., 1998.
- Векслер А.Г. Иллюстрации к отчету А.Г. Векслера о раскопках городищ в Москве и Московской области в 1970 г. // Архив ИА РАН. 1970. Р-1. № 4196-а.
- Векслер А.Г. Иллюстрации к отчету А.Г. Векслера о раскопках Луковнинского городища в Московской области в 1976 г. // Архив ИА РАН. 1976. Р-1. № 6898-а.
- Векслер А.Г. Иллюстрации к отчету А.Г. Векслера об археологических раскопках Луковнинского городища и Чертановского могильника в 1982 г. // Архив ИА РАН. 1982. Р-1. № 9831-а.
- Винокур І.С. Слов'янські ювеліри Подністров'я. Кам'янець-Подільський, 1997.
- Вишневецкий В.И. Кикинское городище // Тверской археологический сборник. Вып. 3. Тверь, 1998.
- Гавритухин И.О. К изучению ременных гарнитур Поволжья в VI–VII вв. // Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н.э. Самара, 1996.
- Гавритухин И.О. В-образные пряжки, изготовленные вместе со щитовидной обоймой // Пермский мир в раннем средневековье. Ижевск, 1999.
- Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996.
- Гоняный М.И., Кренке Н.А. Структура расселения дьяковцев в бассейне р. Пахры // СА. 1988. № 3.
- Горюнова В.М. К вопросу об оловянных украшениях “антских кладов” // Археологические памятники эпохи железа Восточноевропейской Лесостепи. Воронеж, 1987.
- Горюнова В.М. Новый клад антского времени из Среднего Поднепровья // Археологические Вести. Вып. I. СПб., 1992.
- Давидан О.И. Бронзолитейное дело в Ладого // АСГЭ. 1980. № 21.
- Дайга И.В. О литейных формах и литейном деле на территории Латвии (до XIII в.) // СА. 1960. № 3.
- Дубынин А.Ф. Щербинское городище // Дьяковская культура. М., 1974.
- Егорьков А.Н., Щеглова О.А. Состав свинцово-оловянных сплавов раннеславянских кладов “древностей антов” // Археометрия та охорона історико-культурної спадщини. Вип. 4. Київ, 2000.
- Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. 1952. № 30.
- Изюмова С.А. О бронзолитейном производстве Сатинского городища // СА. 1967. № 1.
- Исланова И.В., Мирецкий А.В. Находки с городища Осечен // Тверь. Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь, 1997.
- Корзухина Г.Ф. Клады и случайные находки вещей круга “древностей антов” в Среднем Поднепровье. Каталог памятников // МИАЭТ. 1996. Вып. V.
- Краснов Ю.А. Отчет о раскопках Успенского городища в Звенигородском районе Московской области // Архив ИА РАН. 1961. Р-1. № 2255.
- Кренке Н.А. Работы на территории охранной зоны заповедника “Коломенское” // АО–1981. 1983.
- Кренке Н.А. Раскопки Дьякова городища в 1981 г. // КСИА. 1984. Вып. 178.
- Кренке Н.А. Культура населения бассейна Москва-реки в железном веке и раннем средневековье. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1987.
- Кренке Н.А. “Чертов городок” – селище железного века в окрестностях села Коломенского // РА. 1995. № 3.
- Кренке Н.А., Нефедова Е.С. Раскопки Дьякова городища 1935 г. // Коломенское. Материалы и исследования. Вып. 6. М., 1995.
- Кренке Н.А., Сулержицкий Л.Д. Радиоуглеродная и археологическая хронология Дьякова городища // КСИА. 1988. Вып. 194.
- Крис Х.И. Альбом к отчету об охранных раскопках городища Боршева-Московская в 1976 г. // Архив ИА РАН. 1976. Р-1. № 6183а.
- Макаров М.М. Альбом иллюстраций к отчету о раскопках на дюне Ундрих у с. Борок Шиловского района Рязанской области в 1981 г. // Архив ИА РАН. 1981. Р-1. № 9090-а.
- Манюхин И.С. Позднекаргопольская культура // Археология Карелии. Петрозаводск, 1996.
- Моора Х. Об оловянных украшениях и их изготовлении в Прибалтике // *Munera archaeologica Josepho Kostorzewski. Poznan*, 1963.
- Никольская Т.Н. Культура племен бассейна Верхней Оки в I тыс. н.э. // МИА. 1959. № 72.
- Сизов В.И. Дьяково городище близ Москвы // Тр. IX АС. Т. 2. М., 1897.
- Смирнов К.А. Дьяковская культура // Дьяковская культура. М., 1974а.
- Смирнов К.А. Альбом к отчету Вазузской экспедиции // Архив ИА РАН. 1974б. Р-1. № 5317-а.
- Смирнов К.А. Жилище на городище у д. Лесничино на р. Вазузе // СА. 1992. № 1.
- Тереножкин А.И. Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев, 1961.
- Третьяков П.Н., Шмидт Е.А. Древние городища Смоленщины. М.; Л., 1963.
- Третьяков П.Н. Городище Осыно // СА. 1976. № 3.
- Филимонов Г.Д. Краткое известие о раскопках Чертова городища под Москвой // Вестник общества

- древнерусского искусства при Московском публичном музее. Вып. 11–12. М., 1876.
- Фосс М.Е.* Древнейшая история севера Европейской части СССР // МИА. 1952. № 29.
- Фурасьев А.Г.* Литейные формы из поселения Подол III в Тверской области // Синицына Г.В. Исследование финальнопалеолитических памятников в Тверской и Смоленской областях. СПб., 1996.
- Хавлюк П.И.* Раннеславянские поселения Семенки и Самчинцы в Среднем течении Южного Буга // МИА. 1963. № 108.
- Шаблавина Е.А.* Формочки из Бернашевки: зачем и для чего? // Исторія очима молодих дослідників. Міжнародна студентська наукова конференція. Донецький державний університет. Збірник наукових праць. Т. 1. Донецьк, 1999.
- Щеглова О.А.* Ушедший мир свинцово-оловянных украшений: к вопросу о месте и времени формирования традиции (в печати).
- Grigalavičiene E.* Sokiškių piliakalnis // Lietuvos Archeologija. 1986. № 5.
- Grigalavičiene E.* Kereliu piliakalnis // Lietuvos Archeologija. 1992. № 8.
- Indreko R.* Asva linnus-asula // Muistse Eesti Linnused. Tartu, 1939.
- Luchtanas A.* Žalvario apdirbimas ankstyvuosiuose Rytų Lietuvos piliakalniuose // Lietuvos Archeologija. № 2. Vilnius, 1981.
- Vasks A.* Tigelī un lejamveidnes Brikuļ u nocietinātajā apmetnē // Arheologija un etnografija. № 17. Riga, 1994.
- Vassar A.* Iru Linnapära // Muistse Eesti Linnused. Tartu, 1939.

Casting Moulds from D'yakovo Hillfort

N. A. Krenke, E. Yu. Tavlintseva

Summary

In the publication casting moulds found at D'yakovo fortified settlement of the Iron Age are considered. The site is now situated within the Moscow boundaries. According to the stratigraphy of the site the moulds were divided into two chronological groups: the first one of the 8th–6th cc. BC, and the second one of the 5th–7th cc. AD. The early group includes mainly fragments of the moulds designed for producing bracelets and torques, while the latter one served for casting different types of sewn-on ornaments. The circles of analogies have been singled out for the both groups in question. It was established that wide spread of casting into bivalve moulds was probably connected with cultural innovations. The territorial span of typologically similar moulds of the 5th–7th cc. AD evidences close cultural contacts maintained by the population of the Moskva river basin and that of the Upper Volga.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГЛИНЯНЫХ ЛИТЕЙНЫХ ФОРМ ДЬЯКОВА ГОРОДИЩА

© 2002 г. О. А. Лопатина

Институт археологии РАН

Для технологического исследования было представлено 14 литейных форм и их фрагментов. Семь из них происходят из предматерикового слоя городища (слой Г, погребенный дерн), семь – из верхнего (слой А).

Изучение проводилось по методике А.А. Бобринского (1978; 1999) с помощью бинокулярного микроскопа МБС-10 по свежим сколам с привлечением для сравнения эталонных образцов керамики, хранящихся в Лаборатории “История керамики” ИА РАН.

Для определения ожелезненности глины фрагменты форм нагревались в муфельной печи до 800°C в окислительной среде. По окраске образцов после нагревания делался вывод о степени ожелезненности природной глины.

Выделена информация: 1) об отборе исходного сырья (глиняного и органического), 2) о его подготовке, 3) о составлении формовочной массы. На основе полученных данных можно заключить следующее.

ЛИТЕЙНЫЕ ФОРМЫ СЛОЯ Г

Отбор исходного сырья

Для изготовления форм № 19–25¹ было отобрано два вида сырья – ожелезненная глина и навоз.

В составе природной глины отмечены песок и мелкие включения слюды. В образцах № 19–21, 23, 24 песок представлен пылевидными кварцевыми частицами, размер которых в основном не превышает 0.1 мм. Лишь редкие песчинки достигают 0.5 мм. Размер включений слюды составляет не более 0.1 мм. В образцах № 22 и 25, при преобладании пылевидного, зафиксировано незначительное количество мелкого песка (размером от 0.1 до 1.0 мм). Размер включений слюды в них не превышает 0.2 мм. Характер всех этих примесей позволяет квалифицировать их как естественные.

Подготовка исходного сырья и составление формовочной массы

Поскольку под микроскопом не были обнаружены признаки высушивания и дробления природной глины, можно предположить, что основное ис-

ходное сырье использовалось во влажном состоянии.

Формовочные массы литейных форм № 19–25 составлены по рецепту *глина + навоз*. Установлено, что навоз добавлялся в формовочную массу для уменьшения вредного воздействия усадки глины (Бобринский, 1978. С. 90). От том, что в роли органического сырья использовался именно навоз, говорят следующие признаки. Пустоты от выгоревших частиц растений, служивших кормом для травоядных животных, представлены преимущественно отпечатками игольчатых частиц, сильно измельченных, расщепленных вдоль волокон. Длина отпечатков растений, как правило, значительно превышает ширину. Эти частицы имеют зубчатый поперечный край, возникший в результате пережевывания растений.

Однако, судя по характеру отпечатков, максимальный размер частиц растений, зафиксированных в образцах (2.0 × 0.2 мм), значительно меньший, чем максимальный размер частиц, установленный для навоза травоядных животных (Бобринский, 1999. С. 18, 19). Из этого следует, что в ходе подготовки органического сырья из навоза удалялась его более грубая растительная фракция. Возможно, это осуществлялось путем размешивания навоза в воде и последующего использования жидкой взвеси частиц. Концентрация примеси навоза в формовочной массе изученных образцов составляет – 1 : 3 – 1 : 4 (т.е. 1 часть навоза на 3, 4 части глины).

Кроме того, в формовочной массе образцов № 22 и 25 обнаружены очень редкие включения обломочной гранитно-гнейсовой породы. Максимальный размер частиц в образце № 22 – 2.25 мм, в образце № 25 – 1.25 мм. Формально такие включения можно было бы квалифицировать как искусственную примесь “дресвы”. Однако тот факт, что концентрация этих включений крайне мала (не более 1 : 10), заставляет считать, что они попали туда случайно.

Качественный состав и размеры естественных примесей в глине, а также сходство концентрации и размера частиц искусственной органической примеси позволяют предполагать, что образцы № 19–21, 23, 24 происходят от одной формы.

¹ Здесь и далее номера форм соответствуют номерам по каталогу в статье Н.А. Кренке, Е.Ю. Тавлинцевой в этом номере журнала.

ЛИТЕЙНЫЕ ФОРМЫ СЛОЯ А

Отбор исходного сырья

При изготовлении форм верхнего слоя отбиралось два вида исходного сырья: пластичное и в ряде случаев органическое (раствор органического происхождения). В качестве пластичного сырья отмечена ожелезненная глина для образцов № 11–13, 15, 17, 18 и смесь двух глин, ожелезненной и неожелезненной, для образца № 16.

Из естественных примесей в глине отмечены следующие: слюда, песок, бурый железняк, известняк.

Песок и слюда встречены во всех образцах. Размер включений слюды не превышает 0.2 мм, зерен песка – 0.1 мм. В образцах № 17 и 11 наряду с пылевидным отмечена примесь мелкого песка. В первом его концентрация 1 : 6, во втором она еще более незначительна (1 : 10).

Бурый железняк присутствует в глине в виде оолитовых и обломочных частиц в небольшой концентрации. Оолитовый бурый железняк зафиксирован в образцах № 16 и 18, его размер 0.1–0.3 мм. Обломочный бурый железняк – в образце № 11, его размер 0.1–0.6 мм.

Известняк в виде окатанных частиц отмечен в образцах № 12 (0.1–2.25 мм) и № 18 (0.2–1.3 мм) в значительном количестве.

Разный качественный состав естественных примесей в глине свидетельствует об использовании мастерами нескольких разных источников глиняного сырья для производства литейных форм.

Подготовка исходного сырья

Формы № 12, 13, 15–18, по-видимому, изготовлены из влажной глины, так как признаков дробления сухого глиняного сырья не наблюдается. В образце № 11 зафиксированы нерастворившиеся округлые комочки глины, которые свидетельствуют о высушивании и дроблении исходного глиняного сырья.

Составление формовочной массы

В качестве искусственной добавки в формовочной массе образцов № 11–13, 15, 17 присутствовал раствор органического происхождения. На это указывают многочисленные пустоты вытянутой формы, поверхность которых зачастую

окрашена в черной цвет из-за невыгоревшей до конца органики (№ 15). На поверхности некоторых пустот заметны отпечатки травянистых растений (№ 11, 12). Размер пустот в образцах № 15 и 13 не превышает 0.1 мм, в образцах № 12 и 17 – 0.5 мм.

Кроме того, во всех образцах нижнего слоя зафиксированы мелкие отпечатки травянистых растений, максимальный размер которых находится в интервале 0.5–2.5 мм. Размер отпечатков, а также их форма указывают на возможную связь их с навозом. Однако ввиду очень незначительной концентрации этой примеси сказать что-то более определенное не представляется возможным.

Смесь двух глин в образце № 16 фиксируется по наличию редких прожилок глины белого цвета, что указывает на смешение ожелезненной и неожелезненной глин при преобладании первой.

Отдельные частицы обломочной гранитно-гнейсовой породы (максимальный размер 1.5 мм) в образце 15 не могут быть связаны со специальным введением их в формовочную массу, а скорее всего попали туда случайно.

Выводы. Формы нижнего слоя обнаруживают между собой большее сходство по составу исходного глиняного сырья и по характеру искусственной примеси к глине, чем формы верхнего слоя.

Для форм верхнего слоя установлено существование разных навыков по отбору и подготовке исходного глиняного сырья. Об этом свидетельствует использование разных источников глины, а также наряду с использованием влажной глины специальное высушивание и дробление сухого глиняного сырья перед составлением формовочной массы.

Формовочная масса большинства форм верхнего слоя составлена по рецепту *глина + раствор органического происхождения*, отмечено также смешение двух глин, ожелезненной и неожелезненной. Растворы органического происхождения в разных образцах имеют свою специфику, что следует из различий в размерах и очертаниях пустот и их количестве. Однако существующая методика пока не позволяет детализировать особенности этих растворов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. М., 1978.
Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара, 1999.

Technological Characteristic of Casting Moulds from D'yakovo Hillfort

O. A. Lopatina

Summary

Fourteen clay casting moulds originating from D'yakovo hillfort excavations underwent technological analysis. Microscopic study was applied; it has permitted to reveal technological traditions practised by the local craftsmen on the stage of selecting raw material, its preparation, and composing ceramic paste for manufacturing the moulds. It was established that on the early stage of the hillfort functioning the discussed traditions were characterised by essential homogeneity, while in the subsequent periods they became more varied.

ПОЯСНАЯ ЦЕНТРАЛЬНО-ЕВРОПЕЙСКАЯ ГАРНИТУРА РИМСКОГО ВРЕМЕНИ НА ТЕРРИТОРИИ ДНЕПРОВСКОГО ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ

© 2002 г. В. Ю. Малашев, А. М. Обломский

Институт археологии РАН, Москва

В фондах Государственного Исторического музея в Москве хранится несколько незаслуженно забытых деталей поясной гарнитуры (колл. № 54640, оп. № 1452), весьма наглядно иллюстрирующих один из эпизодов истории Днепровского лесостепного Левобережья первых веков н.э. Ниже приводится описание этих предметов, которые изготовлены из бронзы желтого цвета (может быть, латуни).

1. Прямоугольная одночленная (т.е. рамка составляет единое целое) пряжка с квадратной обоймой (рис. 1, 1). Размеры рамки – 4.2×2.8 см, ее края несколько вогнуты внутрь, отчего на углах образовались острые выступы. В сечении рамка – многоугольная, верхний и нижний ее края – плоские, причем нижний – шире верхнего. Язычок пряжки – пластинчатый с широким прямоугольным полем посередине. За край рамки он выступает незначительно. Обойма представляет собой перегнутую пополам пластину с вырезом для язычка. Противоположный рамке край ее лицевой стороны украшен насечками. Обойма крепилась к ремню пятью штифтами, имеющими круглые, выступающие наружу на 1–2 мм головки. Штифты расположены в определенном порядке: один – в центре обоймы, а четыре прочих – у ее углов. Размеры обоймы (без учета креплений к рамке) – 4×4.1 см.

2. Полукруглая пряжка с прямоугольной обоймой (рис. 1, 2). Рамка пряжки – двучленная (т.е. в ее краях проделаны отверстия, в которых укреплены специальная ось для язычка с расклепанными концами). В сечении рамка – прямоугольная толщиной не более 1 мм. Ширина ее – от 2–3 мм у вертикального выступа с тыльной стороны язычка до 9 мм с внешнего края. У овальных выступов, в которых укреплены ось язычка, рамка украшена четырьмя насечками с каждой стороны. Плоский пластинчатый язычок имеет форму сильно вытянутого ромба. У основания он декорирован тремя насечками. Обойма, как и у предыдущей пряжки, представляет собой перегнутую пополам пластину. К ремню она крепилась одним штифтом с плоской полукруглой в плане головкой. Размеры обоймы (без учета креплений к рамке) – 2×2.5 см, тыльный ее край – неровный.

3. Наконечник пояса. Состоит из прямоугольного зажима и секировидной подвески (рис. 1, 3).

Зажим (перегнутая пополам пластина) с внутренней стороны сохранился лишь частично. Общие размеры изделия – 3.5×2.7 – 2.8 см. К ремню он крепился тремя штифтами с круглыми, выступающими наружу на 1 мм головками. Один из штифтов находится почти в центре зажима, а два других – около его углов со стороны, противоположной подвеске. Этот край зажима украшен мелкими насечками. Подвеска – пластинчатая, по двум ее вогнутым сторонам заметна грань. Отверстие для крепления к зажиму – трапециевидной формы. На поверхности видны неглубокие каверны – результат небрежной отливки. Размеры подвески – 3.6×2.4 – 3 см, отверстия – 1.1 – 1.4×0.5 см.

4. Другая подвеска к наконечнику пояса (рис. 1, 4). По форме (включая очертания отверстия и наличие граней на вогнутых боках) аналогична предыдущей. Размеры подвески – 3.5×2.4 – 3.3 см, отверстия – 0.9 – 1.2×0.6 см.

Судя по общим очертаниям обоймы и зажима, а также по деталям их оформления (насечки на внешних сторонах, выступающие наружу головки штифтов, расположенных похожим образом), прямоугольная пряжка и наконечник пояса с подвеской составляли гарнитуру одного ремня. Ширина подвески при этом такова, что последняя вполне входила внутрь рамки пряжки. Не исключено, что и вторая подвеска по общей форме как самого изделия, так и его отверстия и наличию граней по бокам, также принадлежала тому же самому поясу.

Данные об условиях находки пряжек и наконечников ремней следующие. На планшете из фондов ГИМ, где помещены эти вещи, написано: “Из Порецкого собрания гр. Уварова. Граница Зеньковского уезда Полтавской губ. и Богодуховского Харьковской. Раскопки гр. Уварова. Большой продолговатый курган, чернозем, высота 8 арш. На гл. 5–1/2 арш.”. Несмотря на кажущуюся точность, эти сведения о характере находки вряд ли соответствуют действительности, поскольку предметы на планшете относятся к разному времени. Кроме публикуемых в настоящей статье деталей поясной гарнитуры римского периода здесь имеются вещи скифской эпохи и раннего средневековья. Естественно, все они не

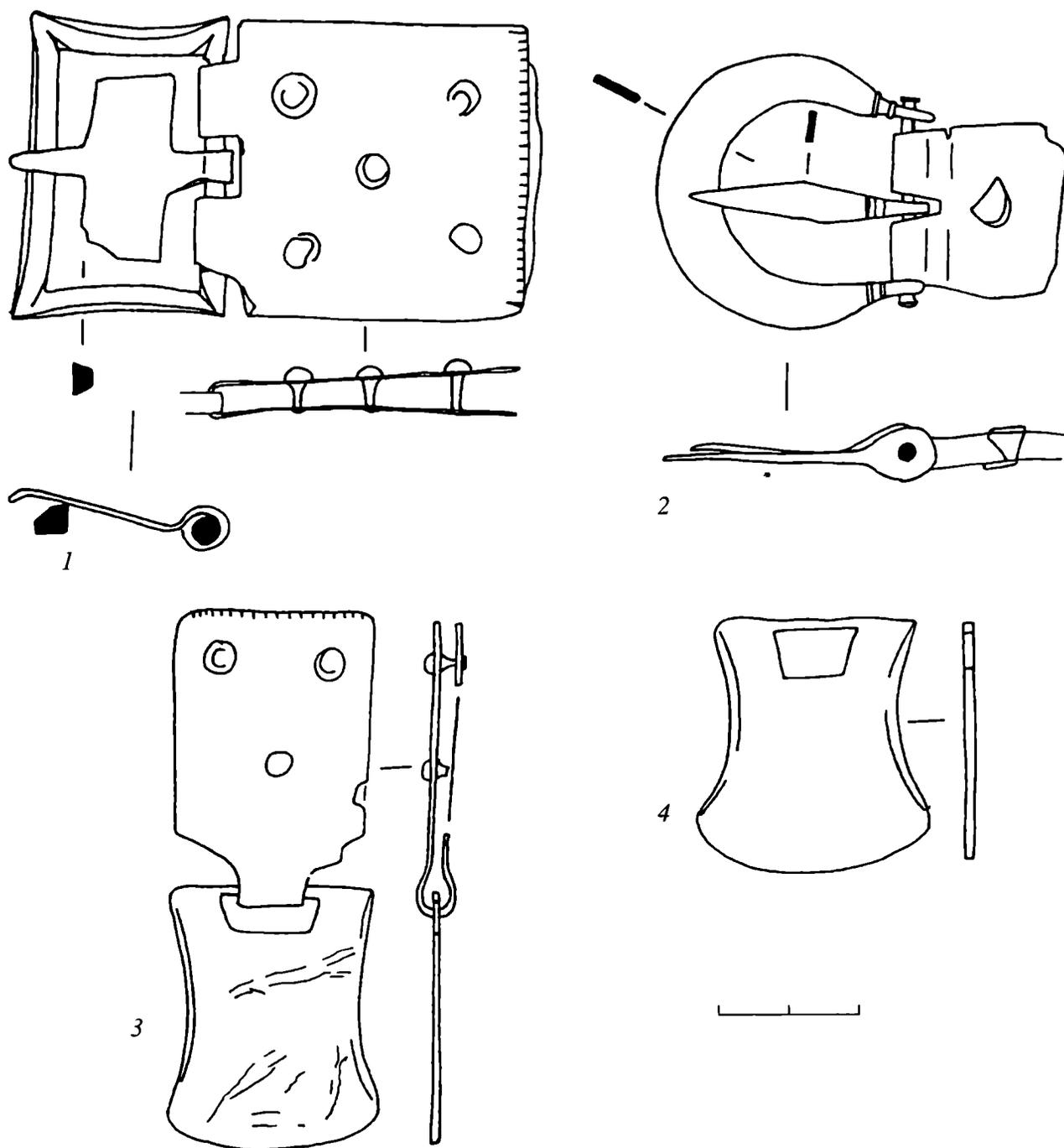

Рис. 1. Детали поясной гарнитуры из коллекции гр. А.С. Уварова.

могут составлять единый комплекс. Вероятнее всего, на планшете смешаны находки, полученные как в результате раскопок, так и иным путем (сборы подъемного материала или покупки у населения в определенном месте). К сожалению, в публикациях А.С. Уварова найти какие-либо сведения о работах в Полтавской или Харьковской губерниях не удалось. Тем не менее не исключено, что он, если и не проводил исследования на территории Днепровского Левобережья, то по крайней мере посещал эти места и получал отсюда вещи для коллекции. Как известно, в начале 50-х годов XIX в. А.С. Уваров был командирован на юг Российской империи. В это время он не только работал на античных памятниках Крыма,

на Северном Кавказе и в низовьях Дона в Танаисе, но обследовал также территорию, прилегающую к Днепровским порогам (Уваров, 1851). В его докладе, представленном императору в 1853 г., содержатся упоминания о кладах средневековых монет, поступивших к нему из Полтавской и Харьковской губ. (Уваров, 1910. С. 66). Не исключено, что публикуемые в настоящей статье детали поясной гарнитуры были приобретены тогда же. Откуда же конкретно происходят интересующие нас предметы?

По данным "Спец. карты Европейской России" (лист 46, масштаб 10 верст в дюйме, напечатана IV 1920 г. с оригинала 90-х годов XIX в.), южная граница Богодуховского уезда проходила по

водоразделу рек Коломака и Мерлы, северная – севернее и северо-западнее Мерлы между Краснокутском и Котельвой, западная – приблизительно по линии Кочубеевка–Лихачевка, т.е. Богодуховский уезд выходил к Ворскле очень узкой полосой в районе сел Солоницевка и Лихачевка. Именно здесь он и граничил с Зеньковским уездом, большая часть территории которого лежала западнее Ворсклы. Таким образом, коллекция предметов поясной гарнитуры происходит откуда-то из района устья р. Мерлы, т.е. из окрестностей г. Опошни современной Полтавской обл. (скорее восточных, чем западных).

Детали обеих пряжек не оставляют сомнения в центральноевропейском происхождении этих изделий. Рамка прямоугольной формы слегка изогнута, в результате чего образуются четыре острых, выступающих наружу угла. Этот признак хорошо известен на поясных застежках с прямоугольными рамками из Центральной Европы (как на одночленных, так и на двучленных). Примерами могут служить изделия из Махар, Заушвица (погр. 14), Хмелюва Пяскового (погр. 59), Вахлица (погр. 142) (Madyda-Legutko, 1986. Taf. 13, 5; 14, 22; 15, 28, 29), Вымыслово (погр. 176) (Madyda-Legutko, 1983a. Rys. 2, 3), Осовы (курган 22) (Madyda-Legutko, 1983b. Tabl. II, 17) и др. Язычки с плоским центральным щитком, по размеру почти равным внутренней части рамки, известны у прямоугольных пряжек западнобалтийского культурного круга (Nowakowski, 1996. Taf. 101, 8; Madyda-Legutko, 1983b. Tabl. I, 9, 17; 1986. Taf. 17, 45) (рис. 2, 6–10).

Прямоугольные пряжки служили застежками воинских ремней центральноевропейского Барбарикума (Madyda-Legutko, 1983a. S. 97, 98). Одночленные изделия, рассчитанные на ремни шириной 3–4 см, с прямоугольными обоймами относятся к группе G, типам 3–5 Р. Мадыды–Легутко (рис. 2, 1–5). Они – довольно редки (чаще встречаются двучленные экземпляры), но распространены широко – на памятниках пшеворской культуры, западнобалтийского и надэльбского круга. Большая часть комплексов датируется периодом В2, но некоторые пряжки доживают до ступени В2/С1 и С1 (вероятно, до начала этой фазы) (Madyda-Legutko, 1986. S. 46, 47; Dąbrowska, 1970. S. 287–293. Rys. 2, d). Одна из пряжек могильника Бжесьцы орнаментирована фасетками, т.е. в стиле, характерном для позднеимперского периода (Balke, 1976. Tabl. VII, 31) (рис. 2, 4). К периодам В2 и В2/С1 относятся и все типы застежек, имеющие язычки с большими прямоугольными выступами (Madyda-Legutko, 1986. S. 48, 51, 54). В соответствии с абсолютными датами традиционной для Польши хронологической системы К. Годловского прямоугольная пряжка с Полтавщины должна относиться к 3-й четверти I – началу III в. (Godłowski, 1985. S. 52, 53, 67).

Двучленные пряжки с полукруглыми плоскими широкими рамками являются специфической

деталью мужских поясов надэльбского культурного круга (Madyda-Legutko, 1983. S. 103). Недавно это наблюдение было подтверждено на материалах исследований в Иллерупе – жертвенном месте, где поясная гарнитура сохранилась со всеми металлическими деталями, включая приспособления для подвешивания оружия (Pikjaer, 1993). Некоторые полукруглые пряжки имеют плоские язычки в форме узкого ромба, как у экземпляра с Полтавщины (рис. 3, 2, 3, 7). По классификации Р. Мадыды–Легутко в зависимости от наличия прямоугольной обоймы и ее размеров подобные пряжки относятся к нескольким типам: D16, F4–6 (изделия группы F над внутренним краем рамки имеют невысокий выступ). Все эти таксоны датируются периодом В2, хотя некоторые пряжки и появляются на стадии В1 (в абсолютных датах – середина I – 3-я четверть II в. н.э.) (Madyda-Legutko, 1986. S. 29, 44). Двучленные пряжки с рамкой в виде сегмента круга довольно часты в комплексах пшеворской и вельбарской культур, а также западнобалтийской культурной провинции, но от эльбских изделий они отличаются овальным (полуовальным), полукруглым, круглым или многоугольным сечением рамки.

Поясные наконечники, изображенные на рис. 1, 3, 4, для северных культур Центральной Европы (пшеворской, вельбарской, балтийских, эльбских и др.) не характерны. В состав поясных гарнитур этого региона входят близкие к найденным в районе Опошни по форме трапециевидные наконечники ремней и подвески к поясам с расширенными лопатковидными концами из бронзы и железа, но первые из перечисленных – одночастные и представляют собой двойную обойму, сплошь охватывающую край ремня (рис. 4, 1–7); а вторые – узкие и вытянутые по вертикали (рис. 4, 8) (ср.: Kołach, 1995. Tabl. I, i; Dąbrowska, 1970. Rys. 2, f; Madyda-Legutko, 1983a. Rys. 4, 1; 3, 2; 5, 11; 9, 2; 1983b. Tab. I; 11; Okulicz, 1958. Tabl. X, 6; Ziemińska-Odojowa, 1999. Taf. CL, 4; Godłowski, Wichman, 1998. Taf. LV, 38B–3).

Двучастный наконечник–подвеска имеет аналогию в восточноевропейских материалах, хотя круг их и невелик: могильники Горгииппии (погребения 41 и 43) и Танаиса (погребение 267) (Алексеева, 1980. С. 47–49; Арсеньева, 1977. Табл. XL, 6, а также фонды Краснодарского краеведческого музея № 10831/13 (о.п. 154) и 10831/14 (о.п. 158) (рис. 5, 1, 2)¹. Отличительной особенностью данной группы вещей от значительного количества функционально близких предметов ременных гарнитур позднесарматского времени является форма подвески – с прогнутыми боковыми сторо-

¹ Благодарим Е.М. Алексееву за предоставленную возможность использовать в работе неопубликованные материалы из ее раскопок. Благодарим также И.О. Гавритухина за выполненный им рисунок наконечника–подвески из погребения 43 Горгииппии.

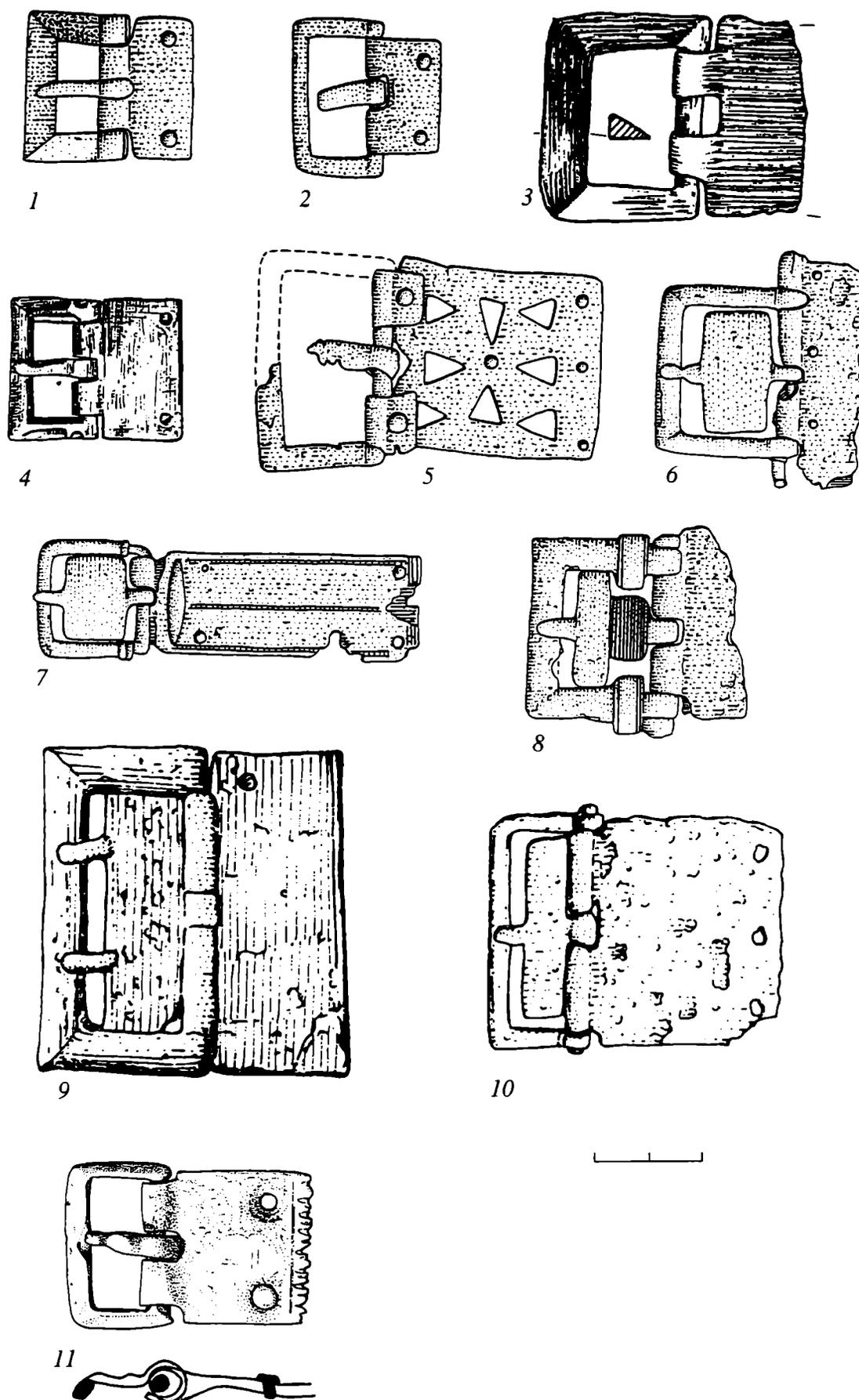

Рис. 2. Прямоугольные пряжки центральноевропейского Барбарикума: 1-5, 11 – одночленные; 6-10 – двучленные; 1 – Барглов Дворны; Дворны; 2 – Пердеохл; 3 – Красуше-Головешы; 4 – Бжесьцы; 5 – Махары; 6 – Грачевка; 7 – Книс; 8 – Лесьно; 9 – Никутово; 10 – Вышемборк; 11 – Иллеруп.

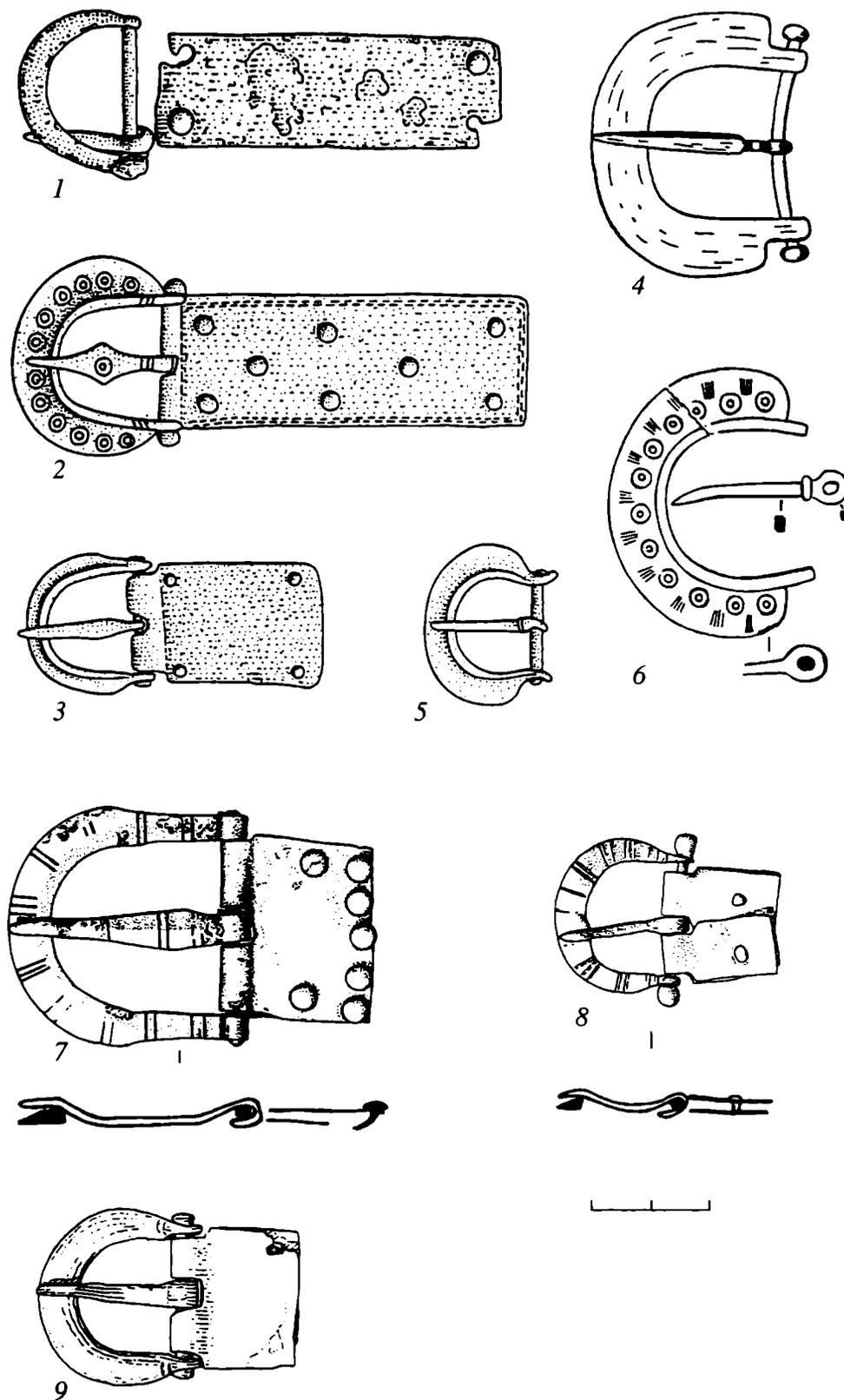

Рис. 3. Полуциркулярные двуручные плоские пряжки центральноевропейского Барбарикума: 1 – Хамфельде; 2, 5 – Форде; 3 – Линдау/Сори; 4 – Котхендорф; 6 – Блевенсторф; 7–9 – Иллеруп.

нами, образующими в нижней части подобие трапециевидного расширения². Такая форма подвески находит некоторые соответствия среди пред-

² Интересно, что у наконечника из Танаиса обойма оформлена так же, как и у пряжек, происходящих из того же комплекса (ср. фотографии вещей: Арсеньева, 1977. Рис. 1–4). Здесь, как и у вещей из района Опошни, чувствуется попытка сделать ремennую гарнитуру стилистически единой.

шествующих по времени и синхронных вещей, в первую очередь в дунайском регионе, в частности среди материалов из сарматских погребений с территории Венгрии (Вадаи, Кульчар, 1984. Рис. 4, 8, 13, 20). С ними сближаются одночастные наконечники, происходящие из комплексов этой группы памятников (Вадаи, Кульчар, 1984. Рис. 4, 37, 40), а также из позднесарматских погребений

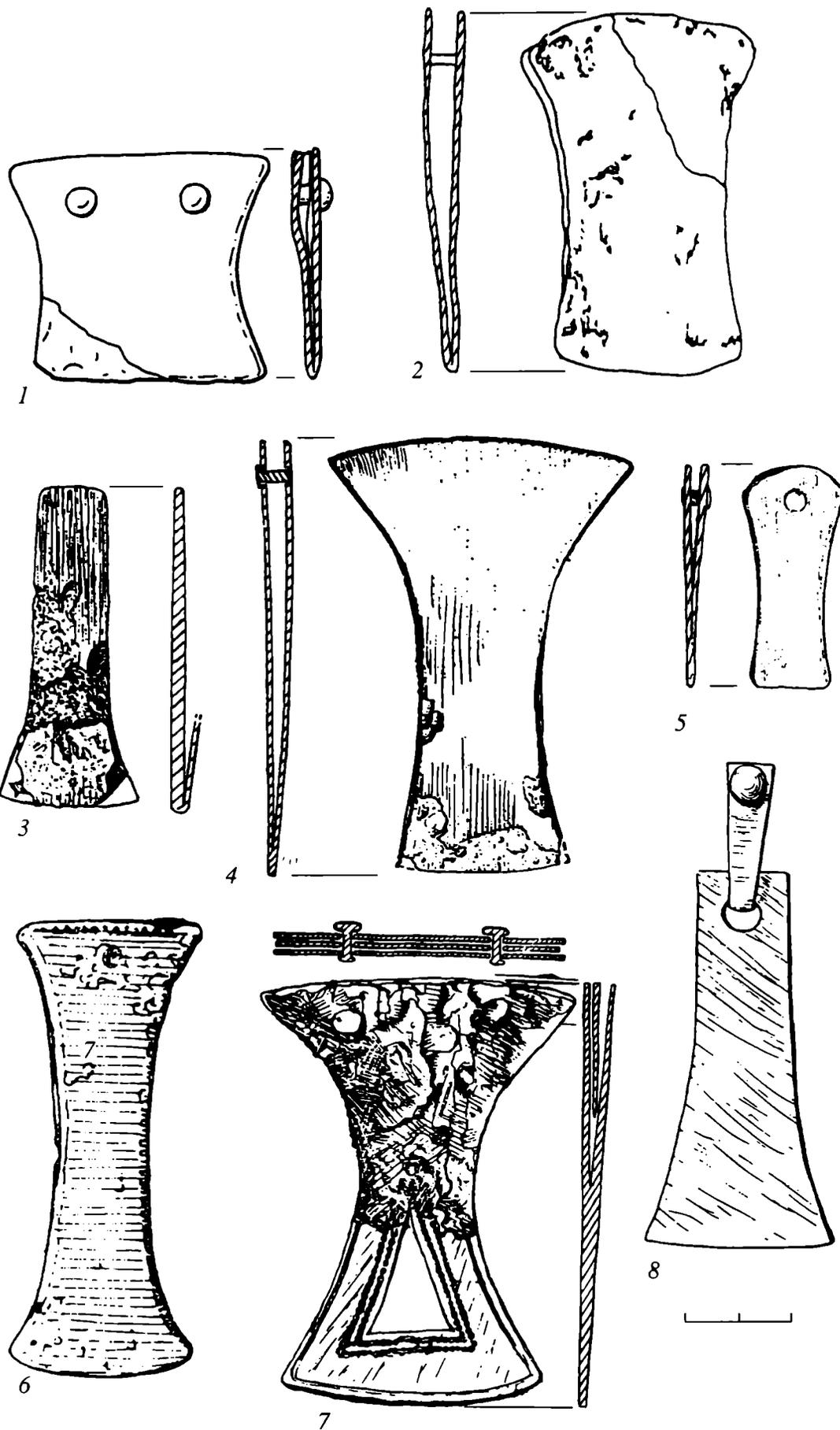

Рис. 4. Поясные наконечники и подвески к поясу центральноевропейского Барбарикума: 1 – Хмелюв Пясковь; 2 – Издебне Косцьельне; 3–4 – Красуше Головешь; 5 – Неданово; 6 – Никутово; 7–8 – Богачево.

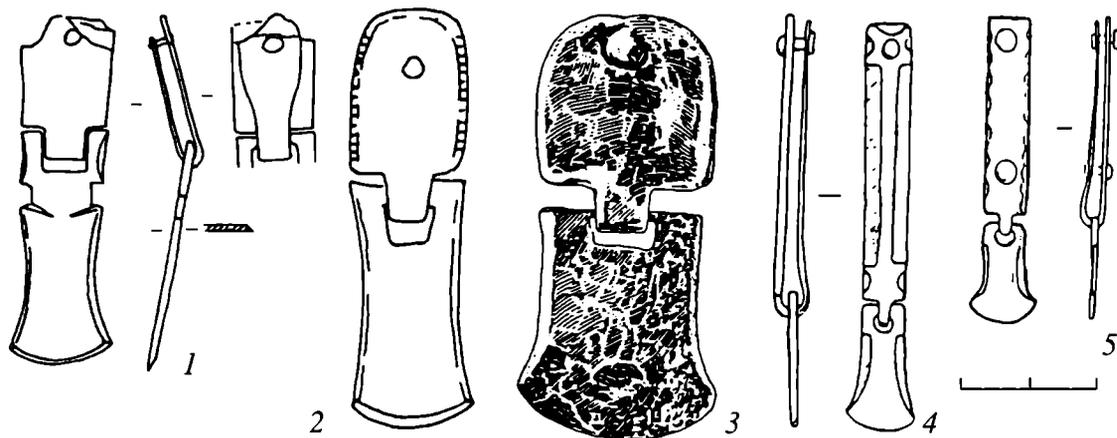

Рис. 5. Поясные наконечники позднесарматского круга: 1 – некрополь Горгиппии, п. 43; 2 – некрополь Танаиса, п. 267; 3 – Ольвия; 4 – Вербовый Лог VI, к. 1 (по: Bezuglov, 1995); 5 – Маяк, к. 5 (по: Bezuglov, 1995).

Северного Причерноморья середины III в. (Дивизийский могильник, курганы 2 и 7: Дзиговский, Субботин, 1990. Рис. 3, 5; 6, 2). У изделий из района Опошны наблюдается конструктивная (наличие подвески и зажима), стилистическая (фасетировка) и некоторая морфологическая близость с серией фасетированных двухчастных наконечников-подвесок без расширения в нижней части подвески (разновидность Н2 – Малашев, 2000. Рис. 2), встречаемых в составе наборов позднесарматских древностей первой половины III в. Отличия наконечников разновидности Н2 от вещей из коллекции А.С. Уварова связаны с формой подвески – у них прямые боковые стороны без прогиба и без расширения в нижней части. Предметы ременной гарнитуры из погребения 267 из Танаиса синхронизируются с наборами первой пол. III в. (группа Па по В.Ю. Малашеву), судя по вещам, входящим в состав комплекса: пряжкам с прогнутыми язычками без уступа у основания и круглым щитком и одночастным фасетированным наконечникам ремешков без расширения на конце (Арсеньева, 1977. Табл. XL, 1, 3–5). К этому же времени (не позднее пожара 240 г.), по всей видимости, относятся и погребения 41 и 43 городского некрополя Горгиппии. Кроме того, в погребении 41 в состав гарнитуры входили фасетированные пряжка и двухчастный наконечник-подвеска, также находящиеся соответствия в наборах первой пол. III в. Таким образом, наконечник-подвеска из района Опошны по аналогиям датируется не позднее середины III в., что не противоречит хронологической позиции прямоугольной пряжки, вместе с которой он, по-видимому, входил в одну и ту же гарнитуру.

Некоторые наблюдения о генезисе наконечников. Форму подвески с прямыми боковыми сторонами (как у наконечников Н2) можно считать “традиционной” для данных предметов ременных гарнитур из степных комплексов. Она встречается со среднесарматского времени на широкой территории от Средней Азии (Маслов, 1999. Рис. 2, 3, 5)

до Поднепровья (курган 2 у с. Пороги: Симоненко, Лобай, 1991. Рис. 11, 3, 4). Именно такая форма подвески является ведущей, наиболее массовой, в кочевнических наборах в среднесарматское время (без металлического зажима) и в начале (до середины III в.) позднесарматского времени (с металлическим зажимом). Наконечники типа “Опошня”, с прогнутыми боковыми сторонами, на юге Восточной Европы представлены единичными находками. Можно предположить, что рассматриваемые изделия (так же как и аналогичные им вещи этой серии) представляют собой синтез двух традиций: “степной”, в отношении конструкции, и “центральноевропейской”, по форме подвески. Влияние центральной европейской стилистики наблюдается и в оформлении металлического зажима, сходного с щитком пряжки (рис. 1, 3).

Важно также обратить внимание на существенное отличие рассматриваемой серии наконечников от поздних двухчастных фасетированных наконечников-подвесок с секировидным расширением на конце, встречающихся в комплексах со 2-й четверти – 2-й трети IV в. (разновидность Н7 – Малашев, 2000. Рис. 1, 2). Подвеска последних, даже если она достаточно короткая, всегда имеет прямой участок на боковых сторонах в верхней части и в той или иной мере выраженное расширение секировидной формы в нижней (рис. 5, 4, 5). Именно это и отличает поздние изделия от наконечников типа “Опошня”, у которых, как уже указывалось, расширение образовано за счет прогиба боковых сторон. Формальное сходство – “секировидность” подвески – пока не позволяет говорить о генетической связи двух типологических групп; наблюдается существенный хронологический разрыв между ними продолжительностью более полувека.

В ряду рассматриваемых предметов интересен наконечник из Ольвии (Posta, 1905. Abb. 226, 14) (рис. 5, 3). По форме и пропорциям подвески, а также отверстия в ней он наиболее близок к изделию из Опошны. Зажим по своим очертаниям напоминает обоймы пряжек из погр. 267 Танаиса.

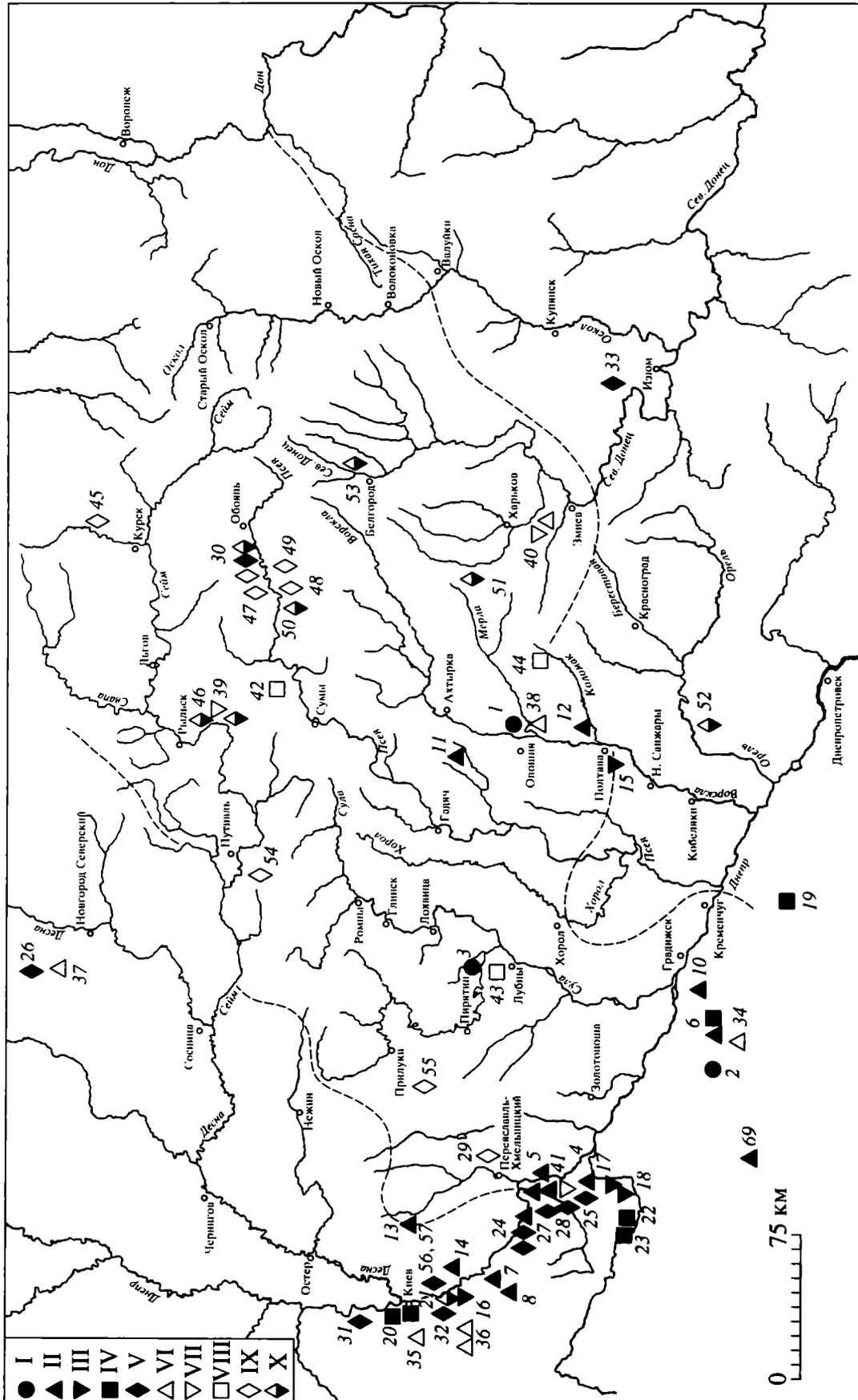

Рис. 6. Центральноевропейские по происхождению вещи на территории Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья (по Л.А. Цындоровской, Е.Л. Гороховскому, М.Е. Леваде с дополнениями авторов статьи). I – фибулы типа Авцисса; II – провинциально-римские сильнопрофилированные фибулы; III – колечатые фибулы; IV – броши; V – глазчатые фибулы; VI – пряжки; VII – шпоры; VIII – мечи; IX – дериваты пшеворских лощеных мисок на позднезарубинцевских и ранних киевских памятниках; X – аналогичная посуда с гравированным орнаментом. I – Лихачевка; 2 – Мельники; 3 – Поставамки; 4 – Кононча; 5 – Грищенцы; 6 – Пастырское; 7 – Ржищев; 8 – Черняхов; 9 – Шпола; 10 – Б. Андрусовка; 11 – Вовки; 12 – Ковалевка; 13 – Пасична; 14 – Рудяки; 15 – Снопово-1; 16 – Халель; 17 – Межирич; 18 – Сахновка; 19 – Ружичевка; 20 – Вышгородо; 21 – Киев; 22 – Пекари; 23 – Хмельна; 24 – Букри; 25 – Кононча; 26 – Синьково; 27 – Зарубинцы; 28 – Тростянец; 29 – Вьюнице; 30 – Картамышево-1 и 2; 31 – Лютеж; 32 – Таценки; 33 – Раковка; 34 – Жаботин; 35 – Корчеватое; 36 – Н. Безрадиич; 37 – Почеп; 38 – Опошня-Лихачевка (коллекция А.С. Уварова); 39 – Попово-Лежачи-4; 40 – Занки; 41 – Бобрца; 42 – Могрица; 43 – Клепачи; 44 – Коломак; 45 – Жерновец; 46 – Комаровка-2; 47 – Шмырево; 48 – Гочево-1; 49 – Гочево-7; 50 – Бобрава-3; 51 – Родной Край-1; 52 – Осиповка (Пляж); 53 – Шишино-5; 54 – Октябрьское-2; 55 – Шуровка-1; 56 – Обухов-1; 57 – Обухов-3.

Прогибы боковых сторон, украшенных фасетками, у подвески наконечника ремня из Ольвии выражены очень слабо. К сожалению, контекст этой находки не ясен, что не позволяет точно определить ее дату.

Комплект гарнитуры из района Опошни, состоящий из прямоугольной пряжки и одного или двух наконечников поясов, таким образом, является стилистически “гибридным”. В его состав входят вещи как центральноевропейского, так и южного (степного) круга. Металлические изделия западноевропейского происхождения I – начала III в. на территории лесостепного Поднепровья и Днепровского Левобережья относятся к тем категориям вещей, которые связаны с так называемой “культурой престижа”: украшениям (фибулы), деталям поясной гарнитуры (пряжки), предметам вооружения и воинского снаряжения, причем пряжки и оружие встречаются гораздо реже, чем фибулы. Литература об этих материалах обширна (Шукин, 1979. С. 68–70; 1986; Циндровська, 1982; Гороховский, 1988. С. 31–41, 77–80; Обломский, 1987; Обломский, Терпиловский, 1991; Терпиловский, 1994. С. 103–118). Данных о новых находках, не вошедших в упомянутые выше своды, сравнительно немного. Так на многослойном поселении Ковалевка Полтавской обл. с материалами неолита, эпохи бронзы, скифского времени и позднего средневековья случайно обнаружена бронзовая фибула типа Альмгрен-84 (Сапегін, 1999. С. 12. Рис. 4, 4). По устным сообщениям А.В. Гейко из Полтавы и В.В. Дидыка из Харькова известны еще две бронзовые фибулы – массивная коленчатая с кнопкой на головке, происходящая из раскопок скифского поселения Сноповое-1 под Полтавой, и обломок ножки глазчатой застежки серии В по классификации Р. Ямки с поселения Раковка, где имеются позднезарубинецкие и пеньковские отложения (рис. 6). На памятнике проводил раскопки М.В. Любичев (Любичев, 1993), но фибула была найдена позже и случайно. В одном из сборников, вышедших в Харькове, упоминается “провинциальная (римская) коленчатая фибула с треугольной спинкой и валиком у границы спинки и ножки” (Бейдин и др., 1999. С. 51), но поскольку рисунок этой застежки в тезисах доклада не опубликован, то точное типологическое и хронологическое определение ее затруднительно.

Е.Л. Гороховский отметил, что западноевропейские фибулы середины I – начала III в. (в том случае, если сведения о находках позволяют выяснить “этнокультурный контекст” вещи) в основном характерны для позднезарубинецких и киевских памятников, тогда как причерноморские – скорее, для сарматских (Гороховский, 1988. С. 37–41; см. также каталог). Все четыре известные в Среднем Поднепровье пряжки центральноевропейского происхождения связаны с поздними зарубинецкими (Жаботин, погребение; Корчеватое, возмож-

но, погр. 94) или ранними киевскими материалами (Новые Безрадицы, постройка, слой) (Гороховский, 1988. С. 326, 327). Несмотря на то, что вывод об этнокультурной принадлежности западных фибул и пряжек в Поднепровье был сделан 12 лет тому назад, данных, которые смогли бы поставить его под сомнение, до сих пор нет.

Сведения о находках мечей центральноевропейского происхождения из Днепро-Донецкого региона опубликовал М.Е. Левада. К середине II – началу III в. он относит экземпляры из Коломака, Могрицы и Клепачей (Левада, 1998. С. 56). Тем же периодом датируется несколько шпор. Бронзовая шпора из Бобрицы (Среднее Поднепровье, случайная находка: Терпиловский, 1994. Рис. 3, 11) относится к варианту E5a Е. Гинальского (периоды B2–B2/C1: 3-я четверть I – начало III в.) (Ginalski, 1991. S. 62, 63. Rys. 11, 14–16), железная из Попово-Лежачей-3 (Среднее Посеймье, поселение раннего этапа киевской культуры, раскопки А.М. Обломского и Р.В. Терпиловского (Обломский, Терпиловский, 1998. Рис. 7, 16) – к варианту F3b (периоды C1a–C1b: начало – середина III в. (Ginalski, 1991. S. 66, 67. Rys. 13, 13, 14). К последнему близок обломок шпоры с поселения Занки (Северский Донец, раскопки А.Г. Дьяченко, материалы позднезарубинецкого периода, киевской и пеньковской культур, волынцевского этапа (Дьяченко, 1993).

Дополнения, которые приведены выше, вероятно, не исчерпывают всего нового материала. Надеемся, что в дальнейшем появятся более подробные своды.

Естественно, что кроме центральноевропейских, на памятниках середины I – начала III вв. днепро-донецкой лесостепи (как позднезарубинецких и киевских, так и сарматских) встречены украшения другого происхождения (северо-причерноморского и местного). Тем не менее, карта, приведенная на рис. 6, свидетельствует о достаточно широком распространении на территории лесостепного Поднепровья разнообразных предметов центральноевропейского круга, причем пряжки из района Опошни, хранившиеся в собрании А.С. Уварова, не являются чем-то из ряда вон выходящим. В этой связи возникает вопрос, каким образом попали все эти вещи так далеко на восток: в качестве импорта или в результате миграций каких-то групп населения Центральной Европы в Поднепровье?

В монографии А.М. Обломского и Р.В. Терпиловского, опубликованной в 1991 г., обращалось внимание на то, что высокие лощеные миски с зигзаговидным профилем, которые обнаружены на позднезарубинецких памятниках типа Картамышево-2 на востоке Днепровского Левобережья (вторая половина I – конец II в.) (Обломский, Терпиловский, 1991. С. 69), на синхронных им или чуть более поздних поселениях на Хопре и Воро-

не (Хреков, 1997. Рис. 3, 19), на позднезарубинецких селищах Октябрьское-2 в Среднем Посеймье и Щуровка в западной части Левобережной лесостепи на Черниговщине (Шекун, 1992. С. 8–11), имеют пшеворские прототипы (по форме и пропорциям, а также по орнаментации некоторых сосудов зигзагами, выгравированными по лощеной поверхности, и композициями из свастик). К раннему периоду киевской культуры в Поднепровье (т.е. до начала черняховского влияния) относятся миски пшеворского происхождения из могильника Новые Безрадици и с поселений Обухов-1 и Обухов-3 под Киевом, Попово-Лежачи-4 в Среднем Посеймье, Шишино-5 в верховьях Северского Донца (Обломский, 1991. Рис. 59, 9, 10; Терпиловский, Абашина, 1992. Рис. 28, 4; 49, 9; Кравченко, 1994. Рис. III, 2; о принадлежности объектов с груболепной керамикой и лепной лощеной миской с гравированным орнаментом к дочерняховскому периоду см.: Абашина и др., 1999).

Центральноевропейские лепные лощеные сосуды, послужившие прототипами перечисленных выше позднезарубинецких и раннекиевских форм, могли попасть на восток только вместе с населением, особенно если учесть, что в днепровском регионе на протяжении по крайней мере двух столетий до I в. н.э. существовали свои собственные традиции изготовления столовой лепной керамики. Следы контактов позднезарубинецкого и центральноевропейского населения прослеживаются на достаточно обширной территории: вплоть до бассейна Хопра на востоке. Не исключено, правда, что перемещение вещей и западной по происхождению посуды в лесостепной зоне к востоку от Днепра осуществлялось уже “по цепочке” – в результате внутренних миграций позднезарубинецких общин. Тем не менее, поскольку чисто пшеворских комплексов в Поднепровье нет, а вся лепная лощеная керамика центральноевропейского круга обнаружена исключительно на позднезарубинецких и киевских памятниках, то вероятнее всего, что в этот регион в середине I – начале III вв. проникали лишь небольшие по численности группировки населения из Центральной Европы, которые достаточно быстро растворялись в позднезарубинецко-киевской среде. Не исключено, что в этих миграциях с запада на восток приняли участие и какие-то выходцы из эльбского региона (судя по пряжке с округлой рамкой из коллекции А.С. Уварова).

В заключение хотелось бы вновь обратить внимание на “комбинированный” характер поясной гарнитуры из коллекции А.С. Уварова – на сочетание в ее составе элементов западной (пряжка) и южной степной традиции (наконечник пояса с подвеской). В этом отношении показательно место находки – район г. Опошны и устья р. Мерлы (левого притока Ворсклы). Междуречье Ворсклы и Орели и долина р. Ворсклы явля-

ются регионом, где памятники лесостепного оседлого населения и кочевников степей расположены в близком соседстве друг с другом. Так, именно здесь исследовано большинство сарматских археологических комплексов первых веков н.э. Полтавщины (Кулатова, 1990; Кулатова, Супруненко, 1999; Терпиловский, 1998. Рис. 1), а самое северное сарматское погребение на Ворскле находится у окраины г. Борисовка Белгородской обл. (Евминова, 1960. С. 24). В то же время на территории скифского Бельского городища, которое расположено несколько севернее Опошны, раскопано позднезарубинецкое поселение (исследования А.Б. Супруненко, 1997 г.). Напластования позднезарубинецкого культурно-хронологического этапа зафиксированы и на трех селищах, стационарно исследованных в среднем течении Орели (Осиповка-Пляж, Осиповка-Лиман, Чернеччина) (Терпиловский, 1998. С. 44, 45). Иными словами, позднезарубинецкие памятники находятся как бы по обе стороны идущего на север по водоразделу Ворсклы и Орели степного коридора. В позднеримское время ситуация остается прежней. В долине Ворсклы вплоть до ее устья хорошо известны черняховские поселения и могильники. Иностранцами на этом фоне выглядят позднесарматское погребение из Новых Санжар и курганный некрополь с подбойными и катакомбными захоронениями в Кантемировке. В раннем средневековье в Поворсклье и на Орели зафиксировано множество пеньковских поселений. Тем не менее в Лихачевке и в Любовке на Мерле исследованы ингумации второй пол. V – начала VI в., причем в Лихачевке – с ярко выраженными кочевническими чертами. Богатыми погребениями кочевников традиционно считаются и обнаруженные несколько южнее Полтавы комплексы в Малом Перещепине и Зачепиловке. Здесь же, в районе Новых Санжар, известны и пеньковские памятники. Таким образом, поясная гарнитура, сочетающая стилистические элементы, присущие оседлому населению и кочевникам, вполне могла быть изготовлена именно там, откуда происходят вещи, помещенные на планшете в фондах ГИМ – в той части лесостепи Днепровского Левобережья, где на протяжении первых трех четвертей I тыс. н.э. постоянно ощущаются импульсы с юга.

Статья написана при поддержке the Research Support Scheme of the Open Society Support Foundation, грант № 440/1999.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абашина Н.С., Обломский А.М., Терпиловский Р.В. К вопросу о раннеславянских элементах культуры на черняховских памятниках Среднего Поднепровья // РА. 1999. № 4.

- Алексеева Е.М.*, Отчет о работе Анапской экспедиции Института археологии АН СССР в 1980 г. // Архив ИА РАН. 1980. Р-1. № 9496.
- Арсеньева Т.М.* Некрополь Танаиса. М., 1977.
- Бейдин Г.В., Григорьянц М.Н., Смирнов В.А.* Находки нестандартных типов фибул на памятниках черняховской культуры Валковского р-на Харьковской обл. // Проблемы истории и археологии Украины. Харьков, 1999.
- Вадаи А.Х., Кульчар В.* К вопросу о так называемых сарматских пряжках // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1984. Т. XXXVI.
- Гороховский Е.Л.* Хронология ювелирных изделий первой половины I тыс. н.э. лесостепного Поднепровья и Южного Побужья. Дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1988.
- Дзиговский А.Н., Субботин Л.В.* Сарматские древности Днестро-Дунайского междуречья. Т. II. Киев, 1990.
- Дьяченко А.Г.* О культуре населения Днепро-Донской лесостепи в I тыс. н.э. (по материалам селища Занки) // Археология и история Юго-Востока Древней Руси. Матер. науч. конф. Воронеж, 1993.
- Евминова А.Ф.* Археологические памятники верхнего бассейна течения р. Ворсклы в Борисовском и Яковлевском районах Белгородской области (по археологической карте) // Архив ИА РАН. 1960. Р-1. № 5964.
- Кравченко Н.М.* Черняхівське поселення Обухів-1 та його київське оточення (до вивчення характеру зв'язків між черняхівською та "традиційними" культурами римської доби) // Старожитності Русі-України. Київ, 1994.
- Кулатова И.Н.* К вопросу о сарматских памятниках Полтавщины // Охорона і дослідження пам'яток археології Полтавщини. Полтава, 1990.
- Кулатова І.М., Супруненко О.Б.* Пам'ятки часу проникнення сарматів у Дніпровське лісостепове Лівобережжя // Полтавський археологічний збірник. 1999. Полтава, 1999.
- Левада М.Е.* Мечи римского времени Восточноевропейского Барбарикума // Археологічний літопис Лівобережної України. Вип. 1-2. Полтава, 1998.
- Любичев М.В.* Раннеславянское селище на Северском Донце // Вестник Харьковского государственного университета. 1993. № 374. Сер. История. Вып. 27.
- Малашев В.Ю.* Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону, 2000.
- Маслов В.Е.* О датировке изображений на поясных пластинах из Орлатского могильника // Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. М., 1999.
- Обломский А.М.* О финале среднеднепровского варианта зарубинецкой культуры // СА. 1987. № 3.
- Обломский А.М., Терпиловский Р.В.* Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в первые века нашей эры. М., 1991.
- Обломский А.М., Терпиловский Р.В.* Поселение Попово-Лежачи-4 и его место среди памятников киевской культуры // Acta Universitatis Lodzianis. Folia archaeologica, 22. Lodz, 1998.
- Сапегін С.В.* Різночасове поселення у С. Ковалівка на Коломаку // Археологічний літопис Лівобережної України. Вип. 2. Полтава, 1999.
- Симоненко А.В., Лобай Б.И.* Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н.э. Киев, 1991.
- Терпиловский Р.В.* Славяне Поднепровья в первой половине I тыс. н.э. Дис. ... докт. ист. наук. Киев, 1994.
- Терпиловський Р.В.* Про культурно-історичну ситуацію першої половини і середини I тис. н.е. // Археологічний літопис Лівобережної України. Вип. 1-2. Полтава, 1998.
- Терпиловский Р.В., Абашина Н.С.* Памятники киевской культуры. (Свод археологических источников). Киев, 1992.
- Уваров А.С.* Исследования о древностях Южной России. СПб., 1851.
- Уваров А.С.* Всеподданейший доклад Его Императорскому Величеству об археологических изысканиях в 1853 г. // Уваров А.С. Сборник. Материалы для биографии и статьи по теоретическим вопросам. М., 1910.
- Хреков А.А.* Раннеславянские памятники лесостепного Прихоперья (вопросы хронологии и культурной принадлежности) // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Вып. 3. М., 1997.
- Циндровська Л.О.* Про деякі типи фібул перших століть н.е. на Середньому Подніпров'ї // Археологія. 1982. Вип. 37.
- Шекун А.В.* Отчет об археологических исследованиях на черниговщине в 1992 г. // Архив Черниговской областной инспекции по археологии, 1992.
- Шукин М.Б.* К предыстории черняховской культуры. Тринадцать секвенций // АСГЭ. 1979. Вып. 20.
- Шукин М.Б.* Горизонт Рахны-Почеп: причины и условия образования // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев, 1986.
- Balke V.* Smentarzysko z okresu rzymskiego w Brzeźcach, pow. Białobrzegi (stanowisko 2) // Wiadomości Archeologiczne. 1976. XLI-2.
- Bezuglov S.I.* Keso romai kori katakombas temetkezese az Al-so-Don-vidék sztyeppein // Studia archaeologica. I. Szeged, 1995.
- Dąbrowska T.* Grób kultury przeworskiej z miejscowości Krasusze-Golowierzchy, pow. Luków, a niektóre zagadnienia chronologii // Wiadomości Archeologiczne. 1970. XXXV-3.
- Ginalska J.* Ostrogi kabłakowe kultury przeworskiej. Klasyfikacja typologiczna // Przegląd Archeologiczny. 1991. 38.
- Godlowski K.* Przemiany kulturowe i osadnicze w południowej i środkowej Polsce w młodszym okresie przedrzym-skim i w okresie rzymskim. Wrocław etc., 1985.
- Godlowski K., Wichman T.* Chmielów Piaskowy. Ein Gräberfeld der Przeworsk-Kultur im Świętokrzyskie-Gebirge. Kraków, 1998.
- Ilkjaer J.* Die Gürtel. Bestandteile und Zubehör, // Illerup Adal. B. 3. Vibork, 1993.
- Kolach M.* Osada kultury przeworskiej w Izdebnie Kościelnym, stanowisko I, gmina Grodzisk Mazowiecki // Barbaricum. 5. Warszawa, 1995.

- Madyda-Legutko R.* Próba rekonstrukcji pasów z metalowymi częściami na obszarze środkowoeuropejskiego Barbaricum w okresie wpływów rzymskich i we wczesnej fazie okresu wędrówek ludów // *Przegląd Archeologiczny*. 1983a. 31.
- Madyda-Legutko R.* Metalowe części pasów na obszarze kultury zachodniobałtyjskiej w okresie wpływów rzymskich // *Wiadomości Archeologiczne*. 1983b. XLVIII–1.
- Madyda-Legutko R.* Die Gurtelschnallen (der Römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungzeit im mitteleuropäischen Barbaricum) // *BAR*. 1986. № 360.
- Nowakowski W.* Das Samland in der römischer Kaiserzeit und seine Verbindungen mit dem römischen Reich und der barbarischen Welt. Marburg; Warszawa, 1996.
- Okulicz J.* Cmentarzysko z okresu rzymskiego odkryte w miejscowości Bogaczewo, na przysiółku Kula, pow. Giżycko // *Bocznik Olsztzński*. T. I. Olsztyn, 1958.
- Posta B.* Archeologische Studien auf russischen Boden. Bd 4. Zweiter Teil. Budapest; Leipzig, 1905.
- Ziemlińska-Odojowa W.* Niedanowo. Ein Gräberfeld der Przeworsk- und Wielbark-Kultur in Nordmasowien. Kraków, 1999.

The Details of Central European Belt-sets of Roman Epoch on the Dnieper Left Bank Territory

V. Yu. Malashev, A. M. Oblomskii

Summary

In the State Historical museum (Moscow) the belt-fittings originating from count A.S. Uvarov's collection are preserved: two belt-buckles and two belt-ends. They were found in the vicinity of Oposhnya town, Poltava region, the Ukraine. Both belt-buckles (Fig. 1) are Central European one by their origin. Judging from the analogies they date as follows: the one with rectangular frame – to the third quarter of the 1st – the early 3rd cc. AD; the one with semicircular frame – to mid 1st – the third quarter of the 2nd cc. AD. The similar details of the rectangular buckle and the belt-end supplied with clipper and axe-shaped pendant (Fig. 1) permit to attest them to the same belt-set. Analogies for the belt-tip are not known in Central Europe, they were discovered in the necropolises of Gorgippia and Tanais, as well as from Olbia. Typologically they represent a specific variety of late Sarmatian belt ends with pendants. Thus the belt-set from Oposhnya district is a stylistic "hybrid". It comprises the articles of Central European appearance and of south (steppe) cultural circle. A map of Central European artefacts is published (fibulae, belt-buckles, weapons, Pszeworsk-type pottery), all of them originating from the forest-steppe zone of the Dnieper basin. The map shows a territory vast enough that in the second half of the 1st – the early 3rd cc. was affected by penetration of separate groups of population from Central Europe. The hybrid type of belt-set that combined traditions of settled and nomadic tribes might occur in the Vorskla and Orel rivers' interfluvium, since this territory during the whole 1st mill. AD underwent south influences.

ВСПОМИНАЯ А.В. АРЦИХОВСКОГО

© 2002 г. М. Д. Полубояринова, М. В. Седова

Институт археологии РАН, Москва

В декабре этого года исполняется сто лет со дня рождения Артемия Владимировича Арциховского (1902–1978 гг.). Его нет с нами уже 24 года, но воспоминания об этом ярком талантливом человеке навсегда останутся в памяти людей, которые близко знали его, учились у него, работали с ним. Авторам этих заметок тоже посчастливилось многие годы быть рядом с Артемием Владимировичем. Это было и в период его творческого расцвета, и в последние его грустные годы.

Особенно яркое впечатление остается о человеке при первом знакомстве. Впервые зайдя на кафедру археологии истфака МГУ, чтобы записаться в романтическую Хорезмскую экспедицию, одна из нас столкнулась с заведующим кафедрой профессором А.В. Арциховским. Весь его колоритный облик – пылкий взгляд антрацитово-черных глаз из-под бобровой шапки, резкие движения, распахнутая шуба на меху – завораживал настолько, что неожиданно для себя студентка сказала, что хочет поехать в Новгород. И никогда в жизни не пожалела об этом мгновенно принятом решении.

Потом была Новгородская экспедиция. Потрясающее впечатление от первого приезда в Новгород, когда, пройдя от вокзала через кремль, оказываешься перед простором Волхова и Ильменя вдаль, а впереди – Торговая сторона с многочисленными церквями среди руин послевоенного города.

В воскресные дни Артемий Владимирович проводил для студентов и сотрудников экспедиции экскурсии по архитектурным памятникам Новгорода. В один из таких дней после осмотра Софийского собора он сказал: “А сейчас мы пойдем на Ильмень той дорогой, которой ходил на озеро Садко. Он не мог идти другой дорогой, так как путь ему преградил бы Малый Волховец”. И мы пошли к Юрьеву монастырю и на Перынь. Сказанные Артемием Владимировичем слова, соединение былинного Садко с реальной дорогой придало всему путешествию сказочный характер, дало ощущение зримой историчности Новгорода и, может быть, в конечном счете заставило на многие годы связать свою судьбу с этим чудесным городом и Новгородской экспедицией.

В 1950-е годы экспедиция переживала свой бурный расцвет: были найдены первые берестяные грамоты на Неревском раскопе, вскрывались огромные по тем временам площади, охва-

тывавшие перекрестки трех улиц – Великой, Холмопной и Козьмодемьянской. По настилам этих улиц можно было ходить, постепенно опускаясь буквально в глубь веков.

Летом в экспедиции работали и жили до ста человек студентов различных вузов страны – будущих археологов, историков, искусствоведов, архитекторов, художников и даже медиков и инженеров. Все подпадали под обаяние и самого Новгорода и, конечно, личности начальника экспедиции проф. Арциховского.

Появление Артемия Владимировича на раскопе придавало особый смысл повседневной и иногда монотонной работе на механизированном новгородском раскопе. Он умел увидеть и показать нам исторический интерес открываемых объектов. Особенно это ощущалось на еженедельных “пятницах”, проводимых Артемием Владимировичем для всех участников экспедиции и для городской интеллигенции. На этих собраниях демонстрировались находки, читались тексты найденных грамот, подводились итоги работ за неделю. Они превращались в интереснейшие лекции по истории Руси и Новгорода. Эта традиция сохраняется в Новгородской экспедиции и поныне.

Раз в сезон, в воскресенье, Артемий Владимирович нанимал на свои деньги пароходик и возил всю экспедицию в путешествие по озеру Ильмень. Эти дни запоминались как праздники.

Артемий Владимирович заботился не только о работе, но и о быте студентов. В сопровождении Б.А. Колчина и других начальников он посещал места обитания студентов, которые за один раскопочный сезон сменялись 2–3 раза и находились в самых неожиданных местах – от только что построенного здания городской прачечной до Присутственных мест в кремле и трапезной Антониева монастыря, превращенной в спортзал Педагогического института, где помещения для девочек и мальчиков разделялись спортивными снарядами. И хотя экспедиционная столовая представляла собой дощатый сарай, кухня всегда была прекрасно организована, и кормили студентов и сотрудников очень хорошо.

Уважение Артемия Владимировича к личности каждого студента сказывалось не только в том, что он знал всех и обращался ко всем по имени и отчеству, но и в том, что ему не приходило в голову устанавливать мелочный контроль за отдыхом студентов, как это бывало во многих экспе-

А.В. Арциховский и Г.А. Федоров-Давыдов. Греция, Дельфы. 1960 г.

диях того времени. Мы могли гулять до полночи по стенам Новгородского кремля, могли отправиться вдруг, на ночь глядя, в Юрьев монастырь, чтобы, забравшись, бог знает как, на заколоченную колокольню, полюбоваться лунной дорожкой на Ильмене.

Наверное, все участники Новгородской экспедиции 1953 г. помнят шествие по улицам осеннего города от Неревского раскопа до вокзала. Во главе колонны в грузовой экспедиционной машине сидел Артемий Владимирович, уезжавший в Москву, за машиной с песнями следовали все студенты и сотрудники экспедиции. Провожающие заполнили весь перрон. Артемий Владимирович стоял на ступеньках вагона и, очень растроганный, слушал песни и пожелания счастливого пути, выкрикиваемые толпой. Особенно часто и громко мы скандировали лозунг-обещание: “Найдем сто грамот, найдем сто грамот!”. И вдруг звонкий мальчишеский голос неожиданно выкрикнул: “И книжку с картинками!”. Артемий Владимирович громко засмеялся, толпа кричала: “Ура!”. И надо же, в 1956 г. произошло чудо – были найдены грамоты Онфима, где упражнения в грамматике сопровождались детскими рисунками. Все сразу вспомнили те проводы.

Студентов, да и всех окружающих, всегда поражали феноменальная память А.В. Арциховского и

его энциклопедические знания. На историческом факультете МГУ из уст в уста передавались легенды о том, что он помнил имена и отчества всех студентов предвоенного периода, темы их курсовых и дипломных работ и даже оценки некоторых. Также говорилось, что в памяти его сохранились фамилии членов дореволюционной Государственной Думы всех созывов и римских консулов, что казалось уж совсем невероятным. Написанный им учебник многократно переиздавался, давал представление о бесчисленных исторических культурах на огромной территории от каменного века до средневековья. Надо было обладать уникальными знаниями и особым талантом, чтобы привести древности всех веков в стройную систему учебника. Спецкурс А.В. Арциховского по историографии археологии знакомил студентов с именами ученых всего мира. Лекции его слушать было очень интересно, хотя странности его выговора, то, что он путал некоторые буквы, иногда, особенно вначале, веселили студентов.

Будучи физически неловким человеком, Артемий Владимирович с огромным интересом и сочувствием относился к спортивным успехам своих студентов, знал все их достижения и даже иногда оценивал научные и административные возможности каждого в зависимости от спортивных успехов. Это было одним из его чудачеств. Надо отметить тут, что иногда Артемий Владимирович – декан Исторического факультета, заведующий кафедрой археологии, начальник Новгородской экспедиции – давал безвозмездно деньги кому-либо из студентов, кто обращался к нему за помощью (мы знаем такие случаи). Он неоднократно предлагал довольно крупные денежные суммы займы своим сотрудникам и ученикам, которые, конечно, от них отказывались.

Артемий Владимирович очень любил путешествия. Ведь именно ему принадлежит много раз проверенное мудрое наблюдение: “В путешествии время идет гораздо медленнее”. При скудных, даже для него, возможностях того времени он много путешествовал. Те, кто был вместе с ним в археологической поездке по Греции в 1960 г., говорили о детском восторге, который он буквально излучал при посещении античных памятников. Он вообще очень любил и прекрасно знал античность. Его любимым автором был Марк Аврелий, которого он часто перечитывал. Знакомство со Средней Азией во время эвакуации, которую уж никак нельзя было назвать “путешествием”, оставило в нем след на всю жизнь. Он полюбил Среднюю Азию и до конца сохранил интерес к ее архитектуре и археологии, неизменно продвигая статьи по среднеазиатской тематике в журнале “Советская археология”, где он с самого основания был главным редактором. Артемий Владимирович постоянно побуждал своих учеников обращаться к среднеазиатским древностям в поисках

аналогий и свидетельств культурных и торговых связей.

Интересно было наблюдать Артемия Владимировича с детьми своих учеников и сотрудников. Он часто спрашивал о детях, они его интересовали. Всех, даже самых маленьких, он церемонно называл по имени и отчеству, но совершенно не разбирался в особенностях каждого детского возраста. Зато в женской психологии Артемий Владимирович, видимо, очень хорошо разбирался, когда говорил некоторым своим ученицам: “Вас губит в науке обычная женская неуверенность в себе!”.

Тяжелая болезнь последних лет жизни отделила от Артемия Владимировича новые поколения студентов, но сделала его более доступным для тех, кого он знал давно. Он даже не отказывался брать предлагаемые ему новые книги иностранных авторов в русских переводах (например, “Маленького принца” Экзюпери), хотя, зная несколь-

ко европейских языков, ранее читал книги только на языке оригинала. Конечно, своеобразие яркого характера Артемия Владимировича, наше глубокое почтение к нему не разрешало многим его ученикам перейти к более доверительным отношениям с ним. Да и вечная занятость каждого своими делами, работой, семьей этому мешала. Это очень грустно; особенно грустно и тепло делается на сердце, когда в картотеках ГИМ встречаешь карточки, написанные крупным почерком Артемия Владимировича, сотрудника Исторического музея, или раскрываешь книгу с его дарственной надписью, или находишь в личном архиве его рукописную рекомендацию для получения твоего первого открытого листа.

Наверное, эти заметки похожи на воспоминания о собственной молодости, но дело в том, что наша молодость неразрывно связана с личностью Артемия Владимировича.

**ИСТОРИЯ
НАУКИ**

**ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ
ОБ АРТЕМИИ ВЛАДИМИРОВИЧЕ АРЦИХОВСКОМ**

© 2002 г. В. Л. Янин

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Эта подборка поучительных и забавных историй, которую любезно предоставил нам академик В.Л. Янин, включает записи устных рассказов, иногда напоминающих по жанру средневековые фавлю. Они бытуют в студенческо-профессорской среде, свободно переходя от одного поколения к другому за столами заседаний и у экспедиционных костров. Может показаться, что они снижают облик А.В. Арциховского как “небожителя” – однако это далеко не так. Они делают его имя бессмертным, превращая образ ученого в персонаж фольклора, которому приписываются уже и некоторые “бродячие сюжеты”.

* * *

Вскоре после завершения строительства высотного здания и факультетских корпусов МГУ на Ленинских горах на очередь дня встал вопрос о неотложном строительстве студенческого общежития. Общежитие на Стромынке обветшало и морально деградировало. Все деньги по сметным статьям капитального строительства и капитального ремонта получили единое целевое назначение – все для общежития. И надо было тому случиться, что как раз в это время у работников Ботанического сада МГУ возникла давно назревавшая проблема. В оранжерее пальма, посаженная в 1808 г., доросла до потолка, как в известном рассказе Гаршина. Из-под нее вынимали землю, опуская пальму вниз со всей ее корневой системой. Наконец дорылись до водоносного слоя, и дальше опускать пальму стало невозможно.

На ректорском Ученом совете обсуждается вопрос: как быть? Раздаются голоса, что не так уж пальма нужна в учебном процессе: ну, подойдет студент, пощупает ее волосатый ствол, так его и на картинке видно. Давайте отдадим ее в Ленинградский университет или в Ботанический сад Академии наук, там оранжерей много выше. А надстраивать нашу оранжерею не нужно, надстраивать – значит отрывать средства от строительства общежития. Решать вопрос стал поименным голосованием. Один член Совета выступает против пальмы, другой поддерживает предыдущего. Слово получает Арциховский:

– Эта пальма пережила нашествие Наполеона. Уверен, что она переживает и сегодняшний Ученый совет!

Проголосовали единогласно – оранжерею надстраивать.

* * *

Как-то во время поездки в Псков и Пушкинские Горы Даниил Антонович Авдусин развлекал нас рассказом об особой целительной силе пчелиных укусов. Например, если на поясницу больного радикулитом посадить определенное количество пчел и они все его ужалят, то от радикулита даже воспоминания не останется. Только, не дай бог, посадить их больше – это может вызвать летальный исход, – или меньше – тогда никакой пользы не будет. Арциховский: “И Вы этой глупости верите?” – “Как же не верить!? Я сам об этом в книге читал!” – “М-м-м! Даниил Антонович) Мы с Вами сами пишем книги. Как же можно верить?”

* * *

Меня и Д.А. Авдусина Арциховский пригласил пойти с ним в магазин и помочь ему выбрать новые туфли. В обувном отделе он отодвинул в сторону оторопевшую продавщицу, схватил с полки коробку с туфлями, обулся, постоял и спрашивает: “Даниил Антонович! Валентин Лаврентьевич! Как вы думаете, они мне жмут?”

* * *

Арциховский принимает экзамен: “Какое самое маленькое домашнее животное разводили славяне?”. Студент: “Кошку?” – “Нет, не кошку! Думайте!” – “Может быть, курицу?” – “Нет, не курицу! Гораздо меньше!”. Студент в отчаянии: “Может быть, хорька?” – “Нет! Хорек – дикий зверь, на него славяне охотились. Думайте дальше”. Студент молчит. Арциховский подсказывает: “Вот такое! Вот такое!” – и разводит руки сантиметров на двадцать, демонстрируя размер искомого животного. Студент молчит, полностью деморализованный.

– Как же Вы не знаете!? Пчела!!!

* * *

Начиная первую лекцию, Арциховский знакомил слушателей с дефектами своей речи: “Я не выговариваю двух букв “к” и “г”; вместо них я говорю “т” и “д”. У него это звучало так: “я не выговариваю “т” и “д”; вместо них я говорю “т” и “д”.

Разъяснение не спасало. Одна студентка, старательно записавшая его лекцию о находках в Черной могиле, где среди прочего погребального инвентаря были обнаружены два турьих рога в серебряной оправе, на экзамене стала рассказывать Арциховскому о *курьих рогах*, внося посылный корректив в услышанное. Профессор потом с негодованием говорил: “Татая дура! У тур не бывает родов!”.

* * *

В 1948 г. Артемий Владимирович попросил Лешу Леонтьева ведать выдачей экспедиционного хозинвентаря, а меня – расходом продуктов. Продукты были приобретены в счет наших скудных командировочных, и я, как мог, при выдаче экономил, чтобы, уезжая из экспедиции, мы могли увезти с собой хотя бы минимальную сумму для дальнейшего существования. Когда экспедиция подошла к концу, выяснилось, что мы располагаем мешком дефицитной муки и мешком еще более дефицитной гречневой крупы. Я кинул клич окрестным жителям, и у нашей кладовой выстроилась внушительная очередь людей, возмущенных нерасторопностью продавца, т.е. меня.

Неожиданно рядом со мной возникла некая не стоявшая в очереди женщина, которую я попросил выйти. “Нет! – сказала она. – Это Вы сейчас выйдете! На каком основании открыли незаконный магазин?” и показывает мне удостоверение сотрудника торговой инспекции. Я посмотрел на потолок и ответил: “На основании Инструкции Совнаркома за номером 3852 дробь 7524” “Нет! На основании этой инструкции вы обязаны сдать излишки продуктов в торговую сеть!” И к очереди: “Граждане! Расходитесь! Магазин закрывается!” Народ поворчал, но не разошелся. А я запер дверь кладовой и повел инспекторшу вдоль кремлевских стен, надеясь на встречу с каким-нибудь нашим начальством, которое вдруг да выручит меня. И тут на мое счастье навстречу идет Арциховский: “В чем дело? Вы уже все продали?” – “Да нет, Артемий Владимирович!”, и разъясняя ему гибельную для меня ситуацию. А он всплеснув руками, воскликнул: “Татая прелесть! Трах торговое дома!” и пошел своим путем.

* * *

Однажды в Новгороде, зайдя в книжный магазин, я обнаружил какую-то книгу, которую мне захотелось купить, а денег при себе не было. Договорился с продавщицей, чтобы мне эту книгу отложили, пообещав зайти за ней потом. Вышел из магазина, иду по улице Первого Мая, а навстречу Арциховский. Я ужасно обрадовался. Говорю: “Артемий Владимирович! Одолжите мне до вечера пятерку!” – “С удовольствием!”. Лезет в карман, достает деньги. “А зачем?” – “Да вот хочу книгу купить, а денег при себе не оказалось.” –

“Какую книгу?”. Я сказал, какую. “А-а! У меня есть”. Положил деньги обратно в карман, и каждый из нас пошел своей дорогой.

* * *

Были мы с Артемием Владимировичем в Таллине, а принимали нас директор Института истории Виктор Маамяги и археолог Саадре. Привезли в Кадриорг и там повели обедать в приморский ресторан с видом на знаменитый памятник “Русалка”. Заказали коньяк. Когда стали разливать коньяк, как положено, в крохотные рюмочки, Артемий Владимирович отобрал у Маамяги бутылку: “Мне врачи запретили много пить! Я сам за собой поухаживаю, чтобы не было лишнего”. С этими словами он вылил в фужер чуть не половину бутылки. Мы потрясенно чокнулись с ним своими рюмочками, обступив его фужер, подобно истребителям, сопровождающим бомбардировщик, и еще более потрясенно наблюдали, как фужер был опустошен единым духом.

* * *

Арциховский не выносил лука ни в каком виде. Сергей Владимирович Киселев с удовольствием рассказывал, как однажды, заказывая обед в ресторане, Артемий Владимирович спохватился, что вовремя не предупредил об этом официанта, и бежал за ним с криком “Без лука! Без лука!”, а официант в ужасе улепетывал, приняв его за сумасшедшего.

* * *

В Ташкенте Арциховский вместе с Авдусиным были в гостях у тамошнего археолога Василия Афанасьевича Шишкина. Артемий Владимирович заблаговременно предупредил о неприятии лука, но, когда дошло до второго, разломил котлету и, узрев в ней что-то белое, отказался есть, хотя хозяева его уверяли в два голоса, что это не лук, а что-то другое. Возвращаясь в гостиницу, он говорил Авдусину: “Татой очаровательный человек Шишкин!.. А жена его все-таки стерва: хотела на-тормить меня лутом!..”

* * *

Гайде Андреевне Авдусиной, которая работала лаборанткой на кафедре археологии, он шутиливо выговаривал: “Дайда Андреевна! Вы такая товарная женщина!”. Особенность речи Артемия Владимировича была отражена в экспедиционной песне, где один куплет начинался словами: “Татой неожиданно трупный успех”, – сказал Арциховский Монгайту...

* * *

Перед очередным приездом Арциховского в Новгород мы с Колчиным отправились к директо-

ру гостиницы “Волхов” просить его забронировать номер для начальника экспедиции, члена-корреспондента Академии наук. “Подумаешь удивили! – ответил директор. – У меня этих корреспондентов живет каждый год по пять штук! Вот и сейчас остановился корреспондент газеты “Труд”... – “Да мы не о газетных корреспондентах, а об Арциховском!” – “Так бы и сказали, а не морочили мне голову!”

* * *

Артемий Владимирович не терпел, когда его фотографировали без разрешения. На одной из археологических сессий, в перерыве, он обнаружил нарушившего его запрет журналиста, подошел к нему и, грубо обругав, толкнул. Журналист прибежал жаловаться институтскому начальству, попал на милейшую Татьяну Сергеевну Пассек, которая объяснила ему: “Не обращайтесь внимания. Мы-то к нему привыкли. Он у нас не без

странностей!”. “Зачем же вы его держите, если он такой!?” – искренне удивился журналист.

* * *

В последние годы жизни Артемий Владимирович приезжал в Новгород ненадолго, на неделю – полторы в конце июля или в начале августа. Както, оказавшись в Москве по каким-то делам числа 20 июля, я предложил ему поехать вместе в Новгород. “Нет, нет! Не могу! Я сейчас очень занят!” – “Чем же Вы заняты?” – “Я жду корректору!” Артемий Владимирович был главным редактором журнала “Советская археология” и ждал корректору очередного номера, которая должна была придти не раньше 10 августа.

* * *

Из высказываний Артемия Владимировича: “Если Вы хотите убедиться в собственном идиотизме, прочитайте стенограмму своего выступления”.

“Я так занят, что некогда даже поздороваться!”

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И.Е. ЗАБЕЛИНА О СТРОЕНИИ НАСЫПИ КУРГАНА ЧЕРТОМЛЫК

© 2002 г. И. В. Яценко

МГУ им. М.В. Ломоносова

Отмеченное А.В. Арциховским пристальное внимание И.Е. Забелина к вопросам строения насыпей изучаемых в 60-х годах XIX столетия курганов (Арциховский, 1948. С. 5–11; 1960. С. 615–617) безусловно выделяет данного исследователя среди его современников. Артемий Владимирович неоднократно подчеркивал, что И.Е. Забелин отличался “исключительным для своего времени умением читать земные слои. Его чертежи курганных профилей и поныне поражают точностью и выразительностью”. Характеристика полевой археологической деятельности И.Е. Забелина, данная ученым в середине XX столетия, находит новые подтверждающие ее данные в раскопках “царских” курганов степного Причерноморья, произведенных советскими (главным образом украинскими) археологами во второй половине этого же столетия. В связи со сказанным обратим внимание на наблюдения И.Е. Забелина, сделанные им во время раскопок насыпи кургана Чертомлык и приведшие исследователя к заключению о многократном насыпании этого кургана.

Основанием для такого заключения послужили прослеженные И.Е. Забелиным в насыпи слои, которые были им описаны и связаны со строением кургана следующим образом: “При раскопках западной части насыпи замечены откосные значительно утопанные слои, шедшие с вершины кургана к его окружности и указывающие, что насыпь кургана сооружалась в разное время, как бы периодически, что вначале курган имел меньшую величину и потом время от времени, в разные сроки он увеличивался новыми насыпями” (Древности..., 1872. С. 115). Подобные черноземные слои, “имевшие весьма острую конусообразную форму”, высоту в 2 сажени и такую же длину их основания, были отмечены исследователем и на северной стене раскопа (Древности..., 1872. С. 117). Кроме того, в рукописном тексте статьи об исследовании Чертомлыка после фразы, характеризующей размеры конусообразных слоев, была выпущенная впоследствии редактором фраза: “Было необходимо узнать, с какою мыслию насыпан этот конус, отличающийся сверх того и наиболее темным цветом чернозема”. Далее говорится и в тексте рукописи, и издания: “сделанная в этом месте вырезка стены шириною в 3 саж., глубину в 2

(лист F, план F – вставки редактора в рукописи) также ничего не обнаружила”. Однако на представляемом в данной статье плане хорошо видно, что эта прирезка показала продолжение границы 5–6 колец (рис. 1; 2). Выпущенная фраза интересна в том отношении, что раскрывает цель возникновения этой вырезки-прирезки, обозначенной на опубликованном в “Древностях Геродотовой Скифии” плане буквой F, – проследить продолжение проходившего здесь черноземного конусовидного слоя. Вместе с этим, она еще раз свидетельствует о большом интересе и внимании И.Е. Забелина к “откосным” или “конусовидным” черноземным слоям кургана Чертомлык. Кроме того, устанавливается связь одного из конусовидных слоев с определенным местом у северной стены раскопа – прирезкой F. К сожалению, исследователь не зафиксировал эти слои графически на чертеже разреза кургана и не дал им более подробного описания¹. Впоследствии И.Е. Забелин не возвращался к характеристике таких слоев и к выводу о многократном или поэтапном создании насыпи Чертомлыка². Вероятно, это, вместе с отсутствием какой-либо графической фиксации упомянутых слоев и очень кратким их описанием, стало причиной того, что столь интересные наблюдения, как и сделанный на их основании вывод о многократной насыпке кургана Чертомлык, не привлекли внимания современников исследователя и последующих археологов, хотя доследование памятника в 1979–1986 гг. полностью подтвердило это заключение И.Е. Забелина (Мозолевский, 1982. С. 218; Алек-

¹ В период деятельности И.Е. Забелина обычно не фиксировалось распределение слоев на чертежах разрезов курганов. Однако среди хранящихся в архиве И.Е. Забелина чертежей разрезов раскопанных им курганов представлены два с обозначением нахождения в черноземной насыпи слоя выкида. Это разрезы курганов Томаковской Близницы и Каменной Могилы (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Д. 262. Л. 184, 186). В издании же (возможно, по техническим причинам) они появились без разделения слоев насыпи.

² Заметим, что в описании насыпи кургана Козел И.Е. Забелин, как и при характеристике кургана Чертомлык, говорит о поэтапном ее возведении, подчеркнув “интересное расположение слоев” (вероятно, подразумевая под этим определением близость его к расположению, описанному им при изучении насыпи Чертомлыка) (Донесение председателю Императорской археологической комиссии // ОПИ ГИМ. Ф. 440. Д. 263. Л. 169, 170).

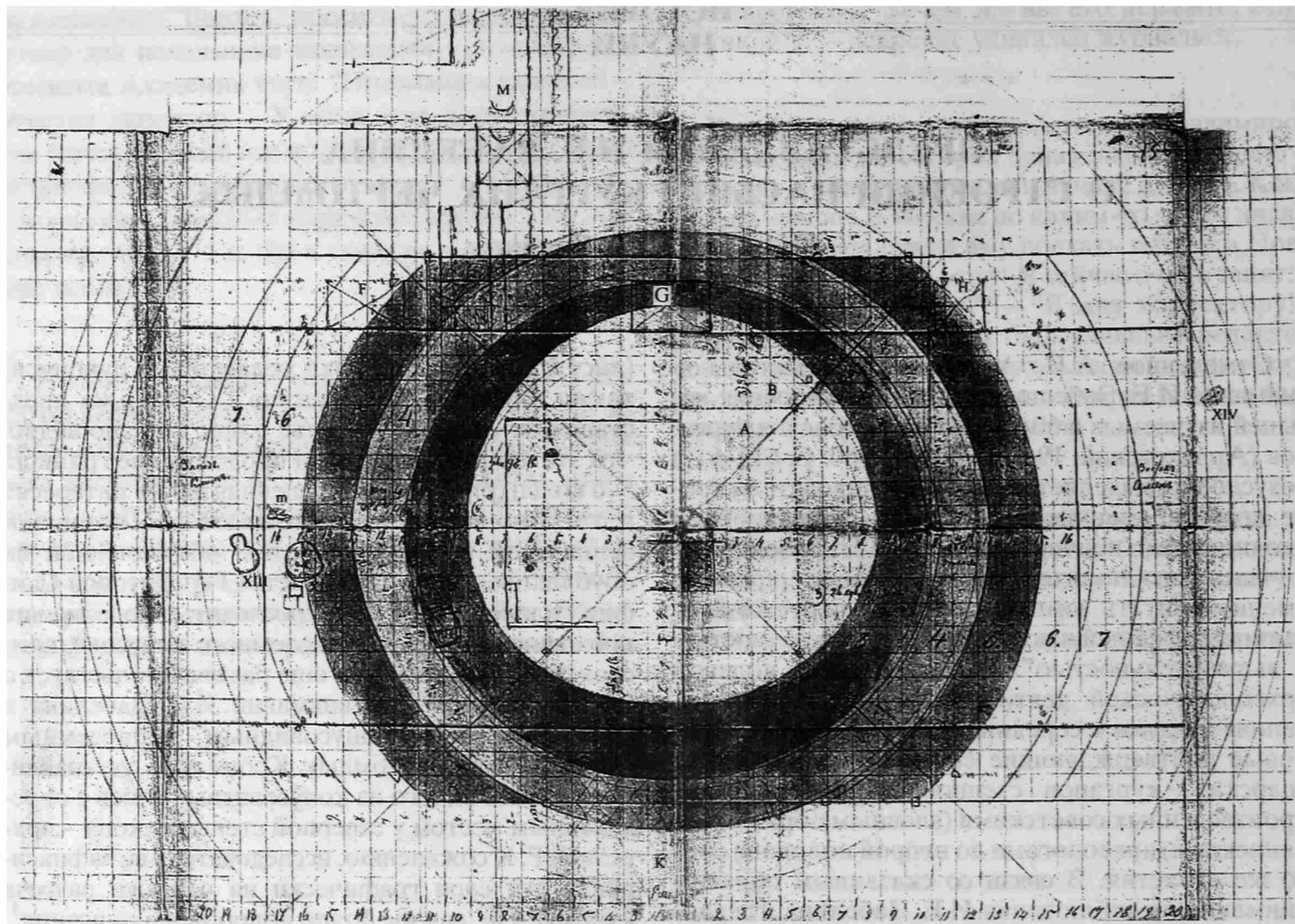

Рис. 1. План кургана Чертомлык (ОПИ ГИМ. Д. 263. Л. 156). Цифры VIII, IX, X, XI, XII, XIV и буквы F, G, H, K, M, m поставлены теперь и соответствуют обозначениям на генеральном плане памятника (Древности..., 1872. Атлас. Л. F, план). Подробнее в тексте и в примечании 3. Буквами А и В обозначены квадраты, составившие основу обмерной базы: А – малый квадрат, В – большой. Все остальные цифры, надписи и пометки сделаны самим И.Е. Забелиным.

сеев и др., 1991. С. 30–36; Rolle, Murzin, 1991. S. 174). Исключением являются работы Б.Н. Мозолевого, обратившего внимание на замеченные И.Е. Забелиным “откосные черноземные утопанные” прослойки. Исследователь сопоставил и отождествил их с “илистыми” кольцами, открытыми уже им самим в Толстой Могиле, Чертомлыке (разрез юго-западного останца в 1979 г.) и особенно Желтокаменке. В последнем случае четко было выявлено и зафиксировано расположение этих колец между подножиями последовательно возведенных насыпей этого кургана (Мозолевский, 1979. С. 150; 1982. С. 218).

В монографии о Чертомлыке полностью отвергается возможность отождествления “откосных” черноземных слоев И.Е. Забелина с открытыми в нем во время современного исследования “илистыми” кольцами, свидетельствующими о многократных досыпках насыпи Чертомлыка. Ее авторы полагают, что наблюдаемые И.Е. Забелиным “откосные” слои чернозема “были ничем иным как остатками насыпи” кургана эпохи брон-

зы, который был перекрыт западной полую кургана Чертомлык (Алексеев и др., 1991. С. 52. Прим.). Конечно, существование кургана эпохи бронзы под западной полую насыпи Чертомлыка в настоящее время не вызывает сомнения. Однако, обратим внимание, что И.Е. Забелин наблюдал черноземные слои не только в западной поле кургана Чертомлык. Как уже говорилось, он отмечал их по северной стене разреза, находящейся на расстоянии не менее 8 сажений (≈ 17 м) от группы погребений бронзового века. Сам же курган бронзовой эпохи, по заключению В.В. Отрощенко, должен был быть небольшим (Отрощенко, 1991. С. 324).

О том, что первый автор раскопок Чертомлыка видел эти слои на северной стене разреза, свидетельствует и нахождение здесь прирезки F, заложенной, как уже говорилось, с целью изучения дальнейшего продолжения поднимающегося сверху конусовидного черноземного слоя (Древности..., 1872. Л. F, план). Судя по близости прирезки F (по размеру) к двум более восточным прирезкам G и H, сделанным у этой же стены, можно думать,

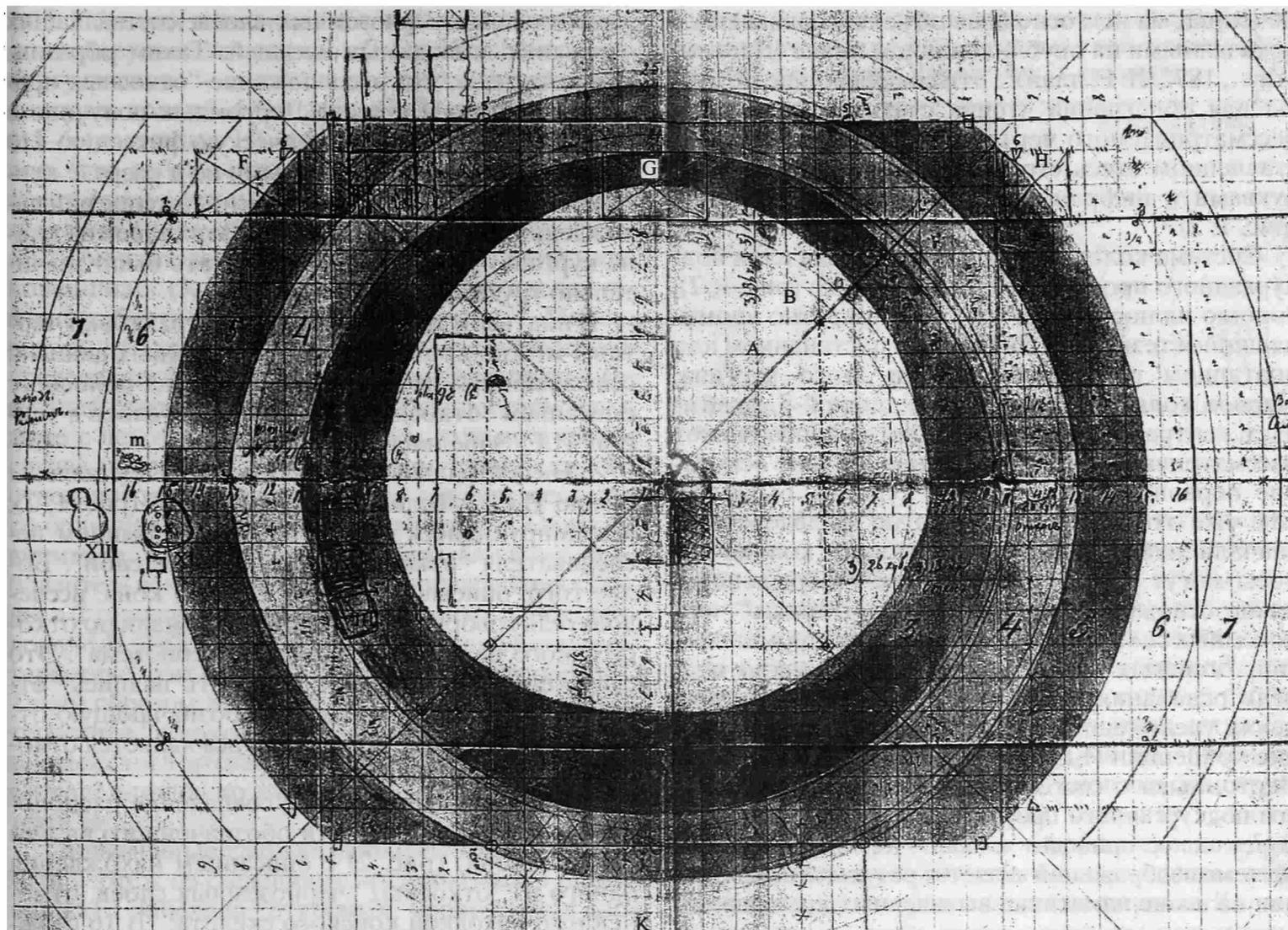

Рис. 2. План кургана Чертомлык. Центральная часть.

что и они были заложены с той же целью, как и первая (для выявления продолжения уходящих под стену “откосных” черноземных слоев). Указанные факты противоречат мнению авторов книги о Чертомлыке.

Приведенные соображения по поводу представлений И.Е. Забелина о насыпи кургана Чертомлык, точнее, относительно серьезности или правильности обоснования им предположения о многократном возведении насыпи этого кургана могут все же казаться дискуссионными. В самом деле, если исследователь действительно посчитал слой кургана бронзового века в качестве слоев, возникших при создании насыпи Чертомлыка, то в таком случае его вывод о многократной насыпке этого памятника является случайным совпадением с выводом современных археологов. Выше были показаны факты, опровергающие такой подход к представлению И.Е. Забелина о построении кургана Чертомлык. Все же полное отсутствие графической фиксации расположения слоев насыпи изучаемого памятника оставляет тень со-

мнения в обоснованности сделанного И.Е. Забелиным вывода.

Для решения этого вопроса стоит рассмотреть один еще никем не публиковавшийся чертеж (рис. 1; 2), хранящийся в архиве И.Е. Забелина (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Д. 263. Л. 156). Чертеж не имеет объясняющего его названия, расшифровки условных обозначений и даты его изготовления. При взгляде на него прежде всего обращает на себя внимание серия занимающих почти все поле концентрических окружностей, которые в центральной части сгруппированы в виде колец-полос, примыкающих друг к другу и окрашенных в разные цвета. На этих окрашенных кольцах-полосах поставлены цифры 3, 4, 5, начиная от центрального. Нанесены они карандашом, имеют большой размер (высота около 8 мм) и красиво выписаны. На еще двух примыкающих к ним, но уже бесцветных кольцах-полосах поставлены цифры 6 и 7. При внимательном рассмотрении данного чертежа легко понять, что эти кольца-полосы нанесены на схематичный план подкурганного пространства памятника Чертомлык, так как от-

меченные на нем основные объекты совпадают с показанными на опубликованном плане (Древности..., 1872. Л. F, план)³. Эти совпадающие объекты для облегчения чтения статьи и понимания рассматриваемого чертежа обозначены на представленном здесь его воспроизведении теми же буквами и цифрами, как это сделано на плане (рис. 1; 2).

Система колец-полос, нанесенная на план под курганного пространства Чертомлыка (рис. 1; 2), хорошо иллюстрирует уже неоднократно упоминавшийся тезис И.Е. Забелина о постепенном или поэтапном возведении насыпи этого кургана. Первое кольцо, обозначенное цифрой 3, окаймляет центральное пространство, которое может рассматриваться как показанное в плане основание первоначальной насыпи кургана, бывшего, как уже говорилось, по мысли исследователя, сначала небольшим. Последующие кольца-полосы могут рассматриваться как изображение в плане основания “откосных и утопанных” черноземных слоев (или, по современной терминологии, “илистых колец”), служивших в свою очередь основаниями каждой новой возводимой в целях увеличения кургана насыпи. Сопоставление концепции И.Е. Забелина о строении насыпи Чертомлыка с системой изображенных на плане его подкурганного пространства концентрических колец-полос приводит к заключению, что данная система изображений является результатом фиксации на плане памятника выявленных исследовате-

лем откосных черноземных слоев, составлявших основания возводимых насыпей. Таким образом, можно думать, что расположение “откосных черноземных” слоев кургана Чертомлык получило в работе И.Е. Забелина графическую фиксацию. Но они оказались представленными не в разрезе кургана. Исследователь показал расположение или нахождение основания каждого из этих слоев на плане кургана, что практически сделать было значительно труднее.

В подтверждение высказанной трактовки чертежа можно привести и ряд конкретных данных, связывающих изображенные кольца-полосы с описанием “откосных” черноземных слоев в текстах И.Е. Забелина:

1. На центральных кольцах-полосах поставлены рукою И.Е. Забелина надписи “откос” (рис. 1; 2), ассоциирующиеся с понятием или термином исследователя “откосные черноземные слои”. Более того, описывая находку скелета коня, исследователь говорит, что его кости “лежали по откосу одного из упомянутых слоев чернозема”. Это свидетельство позволяет понимать надпись “откос” на кольцах-полосах как обозначающую откос (изображенное кольцо-полоса является откосом) черноземного слоя.

2. Можно видеть точное совпадение расположения кольца-полосы 6 (и обозначенного на нем скелета коня) (рис. 2) с описанием нахождения одного из “откосных” черноземных слоев, отмеченного находкой конского скелета: “В 16 саженях от центра насыпи в прямом направлении к З от центра по откосу одного из упомянутых слоев чернозема, почти у самого материка лежали в длину на 2 1/2 аршина кости от неполного остова коня, значительно перетлевшие ... и притом так, что оно (животное) как бы взбиралось на вершину кургана, т.е. лежало по откосу насыпи на животе головою на восток” (Древности..., 1872. С. 115). При сравнении приведенного текста с чертежом можно видеть совпадение в нахождении кольца-полосы 6 с данным в описании расположением одного из черноземных слоев. Имеют место и некоторые соответствия в описании коня “на откосе одного из упомянутых черноземных слоев” со схематическим изображением коня, помещенным на кольцо-полосе 6 (нахождение коня в пределах 16 саженей к западу от центра кургана почти по оси З-В, изображение коня выполнено сверху или, другими словами, на животе, головою на восток). Все сказанное позволяет отождествлять кольцо-полосу 6 с описанием черноземного слоя, отмеченного находкой коня. Сделанное отождествление, как и надписи на центральных кольцах-полосах “откос”, позволяют считать представленную систему колец-полос на рассматриваемом чертеже изображенными в плане основаниями “откосных черноземных слоев”, описанных И.Е. Забелиным.

³ Эти совпадения следующие: 1) ширина раскопа между северной и южной его границами составляет 16 саженей; 2) прирезки, находящиеся у северного борта раскопа (и соответствующие прирезкам, обозначенным F, G, H на опубликованном плане); 3) траншея, связанная с поиском грабительского хода (на опубликованном плане – M); 4) схематически намечены могилы бронзового века и расположенный к северу от них скелет коня, лежащий в пределах кольца-полосы, обозначенной цифрой 6 (на плане в “Древностях Геродотовой Скифии” погребальные сооружения бронзового века имеют латинские цифры XI, XII, XIII, а местоположение коня обозначено буквой m); 5) на полосе 3 к югу от центральной оси З-В кургана очень схематично показаны конские гробницы (на опубликованном плане – VIII, IX, X); 6) намечена, хотя и менее ясно, траншея по оси север-юг, идущая к югу от южного борта раскопа. Ее границы – западная и восточная между отметками вертикалей сетки 4 и 5 соответственно в западной и восточной половинах плана частично помечены маленькими крестиками. Эта траншея на опубликованном в “Древностях Геродотовой Скифии” плане обозначена буквой K. Обратим внимание, что при отсчете саженей к востоку и западу от центра следует ориентироваться на цифры, поставленные по центральной оси З-В, так как в их расстановке в нижней (или южной) части плана имеет место ошибка; 7) показанная в северо-восточной части рассматриваемого плана небольшая продолговатая могила может быть сопоставлена с единственным открытым здесь погребением человека с железным копьем. Оно находилось под каменным цоколем и обозначено на плане в “Древностях Геродотовой Скифии” цифрой XIV. Можно заметить, что при нанесении этого погребения на изучаемый план автором чертежа была допущена ошибка: судя по генеральному плану, погребение XIV следовало бы поместить на одну сажень восточнее.

3. Обратим внимание, что чертеж наглядно демонстрирует цель прирезок F, G и H по северному борту раскопа – показать продолжение на север контуров колец 6–5 (западная F), 3 (центральная G) и 5–6 (восточная H) (рис. 1; 2). Как уже говорилось, это наблюдение совпадает с сохранившимся замечанием в рукописи И.Е. Забелина о таком назначении прирезки F.

4. Результаты измерения длины сечений пяти колец-полос (3, 4, 5, 6, 7) по линии прохождения северного борта раскопа показаны в табл. 1. Можно видеть, что длина сечений этих колец колеблется в пределах от 2 до 3 сажень, в основном превышая нижний предел. Верхний же предел достигается, и даже с некоторым превышением, только в одном случае (кольцо 4). Таким образом, длина каждого отдельного сечения составляет 2 сажени с несколько большим или меньшим превышением. Обратим внимание, что полученные цифры близки к приблизительному (или обобщенному) значению длины в 2 сажени оснований черноземных слоев, данному И.Е. Забелиным в уже упоминавшейся характеристике этих слоев по северному борту раскопа. Таким образом, наблюдается соответствие в характеристике “конусовидных” или “откосных” черноземных слоев по северному борту раскопа с сечением колец-полос по линии этого же борта на чертеже⁴.

Приведенные данные, связывающие публикуемый чертеж со сведениями, имеющимися в описании И.Е. Забелина “откосных” черноземных слоев, как кажется, подтверждают предложенную выше трактовку этого чертежа – изображенная на нем система колец-полос фиксирует расположение на подкурганном пространстве “откосных” черноземных слоев, являвшихся основаниями для последовательно возводимых насыпей вокруг первичной.

Анализируемый чертеж является черновым и, следовательно, включает в себе большую информацию по сравнению с исполненными набело, так как на нем сохраняются элементы и последовательность его построения. Представляется возможность судить о степени точности фиксации того или иного объекта. Интересен и еще один любопытный факт. Безусловно, что основной целью

⁴ Кроме того, показательно, что длина сечений колец-полос по северному борту, за некоторыми исключениями, оказалась довольно близкой к их основному радиальному сечению, что, видимо, и позволило исследователю сделать характеристику черноземных откосных слоев по их проявлению именно в северном борту раскопа. Сечение же этих колец по южному борту имело совсем иной характер (см. табл. 1 и рис. 2). Сечение кольца 3 составляет здесь около 12 сажень длины, что почти в 3 раза превышает ширину по радиальному сечению этого кольца в южной его части. Такое неудачное почти продольное сечение кольца 3 не могло показать и остроконечность конусовидной формы данного слоя в разрезе. Таким образом, южный разрез не мог дать материал для такой характеристики слоев, какая читалась на северном.

Таблица 1. Длина сечений “колец-полос” с цифровыми обозначениями по северной и южной стенам раскопа на плане кургана Чертомлык (в сажнях)

“Кольца”	Северная стена		Южная стена	
	З	В	З	В
№ 3	2.7	2.1	12.4	
№ 4	2.7	3.4	2.9	3.4
№ 5	2.7	2.7	2.9	2.7
№ 6	2.4	2.4	2.3	2.4
№ 7	2.4	2.3	2.3	2.1

Условные обозначения: З – западная половина; В – восточная. На оригинале плана: 1 сажень = 11 мм.

создания изучаемого чертежа было показать расположение и количество насыпей, составивших курган Чертомлык, в строгой увязке с открытыми или открываемыми объектами на его подкурганном пространстве. Кроме того, он оказался удобным для выполнения целого ряда операций, связанных с повседневным ходом раскопочных работ. Лежащая в основе чертежа квадратная сетка (со стороной квадрата 1 сажень), вероятно, облегчала расчеты выкинутой земли при зачистке фиксируемых на этом плане оснований “откосных” слоев в виде колец-полос. В связи с этим интересно обратить внимание на поставленные карандашом цифры, связанные с определением их ширины. Карандашом же, но очень четко отмечены результаты подсчетов в кубических сажнях выбранной здесь земли. Кроме того, на чертеже поставлены и имена землекопов, вероятно, возглавлявших работы на основных участках подкурганного пространства: на северном – Яков, на восточном – Семен, на южном – Емельян и западном – Клим (рис. 1; 2).

Рассматриваемый чертеж отражает явную целенаправленность исследователя в работе по выявлению продолжения границ расположения “откосных черноземных” слоев за пределами раскопа. Ранее уже было отмечено, что рукопись И.Е. Забелина позволяет говорить, что прирезка F была сделана для выяснения дальнейшего продолжения подошедшего к северному борту в западной половине раскопа конусовидного черноземного слоя. Судя по чертежу, в данном случае речь идет об откосном слое, обозначенном на чертеже кольцом-полосой с цифрой 6, на котором был обнаружен конский скелет. Целью данной прирезки было обозначить к северу от раскопа продолжение границы между 6 и 5 кольцами-полосами или, другими словами, откосными слоями (рис. 2). Уже было сказано, что с такой же целью были сделаны и две другие прирезки по северному борту – G и H. Конкретной задачей прирезки G было установление границ северного фрагмента кольца-полосы 3. Прирезка показала ширину этого фрагмента и определила

значительное сужение данного кольца к северу (до 1 сажени). Прирезка Н была сделана, как и прирезка F, для уточнения границы между кольцами-полосами 5 и 6, но уже в восточной половине раскопа. Эти три прирезки у северного борта раскопа исследователи называют “поисковыми нишами” (Алексеев и др., 1991. С. 13), но не раскрывают их конкретного назначения. Рассматриваемый чертеж из архива И.Е. Забелина позволяет объяснить цель их закладки⁵.

В настоящий момент нельзя определенно сказать, что траншея К была сделана именно с целью изучения концентрических черноземных слоев, открытых в Чертомлыке. И.Е. Забелин объяснял ее появление находением в южном борту раскопа слоя глины (Древности..., 1872. С. 117). Но какова бы ни была причина ее возникновения, появление ее имело большое значение для изучения расположения и фиксации изучаемых исследователем откосных слоев. Именно на площади этой траншеи, проложенной по оси кургана С–Ю (16–15? × 8 сажений), И.Е. Забелин показал южный участок кольца-полосы 3 с его значительным здесь расширением, уточнил границу между 3 и 4 кольцами-полосами и установил радиальную ширину кольца 3 по оси С–Ю в 3 сажени (рис. 2). Выявлена была на этом участке внешняя граница следующего кольца 4 и установлена его ширина по этой же оси в 2 сажени. Можно заметить, что южный фрагмент кольца 4 на площади траншеи как бы подчеркнут двумя рядами косых крестов (по квадратной сетке чертежа). Эти кресты напоминают или как бы ассоциируются с крестами-диагоналями, показанными на прирезках у северного борта, задачей которых, как уже говорилось, было тщательно зафиксировать направление продолжающихся за пределами раскопа колец-полос. Возможно, что и здесь эти ряды косых крестов были поставлены, чтобы отметить особую тщательность в нанесении границы 3 и 4 колец-полос. К сожалению, внешняя, или южная граница кольца-полосы 5 оказалась здесь только намеченной и последующие кольца-полосы по каким-то причинам не выявлялись на площади данной траншеи, или их не удалось здесь проследить.

Изучаемый чертеж интересен и тем, что он представляет собой черновой экземпляр, на котором нашел отражение процесс обмера колец. Для этого обмера в центральной части раскопа были построены два квадрата (А и В) со сторонами 10 и 14 сажений (стороны их на чертеже представлены

выполненными, вероятно, красными чернилами пунктирными линиями) с диагоналями, пересекающимися в точке, выделенной в качестве центра кургана (рис. 2). На углах квадратов были закреплены вежи-кольшпки. Места их у квадрата А (маленького) отмечены маленькими квадратиками с точкой в центре, у квадрата В (большого) – маленькими кружками с точкой в центре. Эти закрепленные на натуре точки с протянутыми через них диагоналями квадратов вместе с обычными разбитыми осями С–Ю и З–В составили основную базу для обмеров. В нее еще входят линии северного и южного бортов раскопа, у которых зачистка контуров колец в плане контролировалась попаданием их в вертикальный разрез. Некоторые из таких наиболее важных для автора чертежа пересечений подчеркнуты различными отметками.

Западный и восточный борта раскопа показаны с помощью утолщения участков на вертикалях квадратной сетки, находящихся на расстоянии 22 сажений к востоку и западу от центра (рис. 1). Эти утолщенные отрезки достигают 10 сажений в длину (по 5 сажений к северу и к югу от центральной оси восток–запад). На раскопе этим линиям соответствуют зачищенные строго по линии прохождения вертикали 22 сажени квадратной сетки (к западу и востоку от центра) среза внутреннего края фрагментов цоколя. Такие края четко обозначены на чертеже из “Древностей Геродотовой Скифии” у восточного и западного фрагментов цоколя (Древности..., 1872. Л. F, план). Длина каждого из них составляет 10 сажений. Обратим внимание, как и другие искусственные линии на генеральном чертеже (борта раскопа, траншей и т.д.), края этих фрагментов подчеркнуты пунктирными линиями. Заметим, что и сам И.Е. Забелин рассматривал вертикали 22 сажени (к западу и востоку от центра) в качестве западного и восточного бортов раскопа кургана Чертомлык. Об этом свидетельствуют следующие его слова: “Площадь раскопа постепенно увеличивалась в длину по мере приближения к материке и впоследствии уже на материке достигла 44 саж. длины в черте каменного цоколя” (Забелин, 1865. С. 81; 1876. С. 629). Не вызывает сомнения, что четко и одновременно так своеобразно отмеченные западный и восточный борта раскопа должны были входить в систему базы для обмера раскопа.

Судя по тому, что угловые точки-вежи вписанных один в другой квадратов в центре кургана как бы заключали пространство, связанное с расположением кольца 3, можно думать, что они вместе с уже перечисленными другими элементами системы обмерной базы послужили основой для нанесения внутренней и внешней окружностей кольца-полосы 3 на чертеж. В самом деле, угловые точки-вежи малого квадрата А находятся во внутреннем пространстве, ограниченном кольцом-полосой 3 (юго-восточная и юго-западная точки-вежи

⁵ Заметим, что столь целенаправленные работы, проводившиеся на упомянутых прирезках у северного борта раскопа и давшие существенные результаты в решении поставленной задачи, характеризуются и в статье в “Древностях Геродотовой Скифии”, и в “Донесении председателю Императорской археологической Комиссии” как исследования, которые “не привели ни к каким открытиям” (Древности..., 1872. С. 117; ОПИ ГИМ. Ф. 440. Д. 263. Л. 103. Д. 7. Л. 96).

малого квадрата являются значительно приближенными к окружности этого кольца-полосы). Такие же точки большого квадрата В находятся у внешней границы – окружности этого же кольца-полосы.

Дополнительными элементами для обмера послужили протянутые или проложенные на раскопе некоторые из линий (вернее, их участки) его квадратной сетки. К востоку и западу можно отметить участки линий-границ между 11 12, 16 и 17, 22 и 23 саженями (обозначение саженей, как уже говорилось, следует смотреть по центральной оси кургана 3–В, рис. 1; 2). Участки границ между 16 и 17, 22 и 23 саженями выделены более толстыми и яркими линиями по сравнению с воспроизведением основной части квадратной сетки чертежа, сделанной карандашом. Они выполнены, вероятно, при помощи рейсфедера (?) и нанесены тушью. Возможно, большое значение при обмере имела линия, составляющая границу между 11 и 12 саженями квадратной сетки. В восточной и западной половинах раскопа у северного и южного его бортов отмечены треугольниками места ее пересечения с окружностью, составляющей границу между кольцами 5 и 6. Около этих треугольников в северной части раскопа поставлена еще и цифра 6. Кроме того, в восточной части раскопа линия, обозначающая границу между 11 и 12 саженями, разбита на сажени маленькими косыми крестиками, поставленными на большей части ее протяжения между северным и южным бортами.

Можно думать, что от этих крестиков-точек делались замеры для нанесения границ между кольцами 3 и 4, особенно 4 и 5 и частично 5 и 6. Вероятно, такое же значение имела и вертикальная пограничная линия 11 и 12 саженей, расположенная к западу от центра. Но здесь на ней нет пометок-крестиков. Можно предположить, что исследователь отработал систему замеров на аналогичной линии в восточной части и стал делать замеры в западной половине без дополнительных отметок.

Рассмотрение чертежа (рис. 2) показывает, что кольца 3, 4 и 5 были зачищены с наибольшей тщательностью и столь же старательно обмерены. Вероятно, поэтому исследователь выделил их при помощи окраски (кольцо 3 – голубое, 4 – розовое, 5 – сиреневое). О большой работе именно над этими кольцами свидетельствует множество сохранившихся на чертеже поправок при нанесении их контуров. Только внешний контур кольца 5 не имеет существенных поправок, сделанных во время его фиксации. Вероятно, из-за наличия этих поправок И.Е. Забелин окрасил эти кольца-полосы в разные цвета, чтобы четко выделить прохождение границы внутри каждой пары колец. Кроме того, обмер этих трех центральных колец (и среди них особенно кольца 3) был сделан, как

уже было отмечено, на базе построенной исследователем в центре раскопа системы опорных точек и линий и с использованием элементов, ее дополняющих. Окрашенные кольца составляют ядро рассматриваемого чертежа и, вероятно, в связи с этим наносились с особой тщательностью.

Можно заметить, что тщательная фиксация нашла наиболее яркое отражение на воспроизведении контуров кольца-полосы 3. Его внутренний контур состоит из точек, поставленных на расстоянии 3–4 мм друг от друга. Большая же часть внешней границы этого кольца выполнена, как и у всех остальных, сплошной линией. Однако один отрезок окружности этой границы (между северо-восточным и юго-восточным углами квадрата В) отмечен точками и штрихами, но находящимися на расстоянии 4–5 мм и иногда до 9 мм. К сожалению, на рис. 1 и 2 не удалось это показать.

Контур бесцветных колец 6 и 7 нанесены карандашом и проведены достаточно уверенно, но уже, вероятно, выполнены с меньшим количеством замеров, использованных для их нанесения. Основными точками для нанесения окружностей-границы между кольцами 6 и 7 скорее всего послужили точки пересечения этой окружности с северным и южным бортами раскопа. Эти точки отмечены знаком в виде палочки с кружком на каждом из ее концов. У северного борта на западной и восточной половинах чертежа у данных знаков поставлена еще цифра 7. Корректироваться направление окружностей могло с помощью отмеченной на натуре и чертеже вертикальной линии, составляющей границу 16 и 17 саженей квадратной сетки чертежа. Внешняя граница кольца 7 была нанесена, вероятно, тоже по точкам ее пересечения с южным и северным бортами раскопа, хотя в данном случае эти пересечения не выделены какими-либо знаками. Кроме того, по центральной оси кургана и в западной, и в восточной его половинах поставлены маленькие отметки-крестики на границе 18 и 19 саженей, и несколько далее мало заметные черточки (последние лучше заметны в западной половине чертежа). Видимо, от крестика на границе 18 и 19 саженей измерялась точка пересечения внешней окружности кольца-полосы 7 с осью кургана 3–В.

Таким образом, исследователь объединил, обозначив цифрами от 3 до 7, пять колец-полос. Три из которых (3, 4, 5) являются центральными, были наиболее тщательно зачищены и обмерены и как бы подчеркнуты окраской. Два последующих (6 и 7) нанесены с меньшей тщательностью, более схематично, вероятно, с учетом параллельности их основному ядру.

За пределами внешней границы кольца-полосы 7 в восточной и западной (рис. 1) половинах чертежа проведены еще по два отрезка (западный и восточный) от трех концентрических окружностей. Они как бы дополняют показанную

выше систему колец-полос с цифрами еще тремя кольцами, но уже без цифровых обозначений. Кроме того, их контуры прочерчены более легкими карандашными линиями. Для их нанесения могли служить замеры, сделанные по местам пересечения с главной осью кургана З–В, с бортами раскопа, ориентирами для их проведения использовались и упоминавшиеся выше так называемые дополнительные элементы обмерной базы – конкретно, это вертикальные участки квадратной сетки по границе 22 и 23 сажений. Указанные отличия этих последних трех колец (особенно отсутствие на них цифровых обозначений) заставляет рассмотреть их отдельно от остальных.

Все три кольца-полосы без цифровых обозначений располагаются на периферии кургана и связаны с территорией его полы (рис. 1). Первое из них, примыкающее к внешней границе такого же кольца и обозначенное цифрой 7, имеет ширину около 3.5 сажений (7 м). Внешнюю же его границу составляет окружность, соприкасающаяся по линии оси З–В с восточным и западным бортами. Последние, как уже говорилось, отстоят от центра на расстояние 22 сажени. Другими словами, здесь имеет место геометрическое построение, при котором соприкосновение окружности с западным и восточным бортами соответствует касанию вписанной в квадрат окружности с его сторонами. Этой окружностью, имеющей диаметр длиной 44 сажени, И.Е. Забелин обозначил границу внутреннего кольца каменного цоколя, находившегося у подножия кургана. Об этом бесспорно свидетельствует сказанное исследователем при описании параметров раскопа: “Мы назначили ширину разреза только в 16 саж., которая впоследствии и была доведена до материка при длине в 44 сажени, которая составляла длину диаметра цокольной каменной обкладки кургана” (Забелин, 1865. С. 80; 1876. С. 628. *Курсив мой – И.Я.*).

Подводя итоги, можно сказать, что первое кольцо-полоса без цифрового обозначения представляло собою пространство, ограниченное с одной стороны кольцом-полосой с цифрой 7, с другой же (внешней) – каменным цоколем. Можно думать, что данное кольцо-полоса, как и все предшествующие ему с числовыми обозначениями, соответствовало нахождению на данном месте основания “откосного” черноземного слоя (или илистого кольца по современной терминологии). В отличие от этих предшествующих, рассматриваемый “откос”, в связи со своим расположением, не покрывался новой досыпкой кургана, а был окружен примыкающим к нему каменным цоколем, завершившим оформление подножия кургана. Сразу отметим, что такое илистое кольцо, окружающее последнюю досыпку кургана, было открыто и тщательно зафиксировано в самом Чертомлыке во время исследования кургана 1979–1984 гг.

(Алексеев и др., 1991. С. 30–35). Новыми же исследователями уже была отмечена характерность такой конструкции для ряда небольших и средних по размерам курганов, насыпи которых, как и в Чертомлыке, сложены из дерна (Алексеев и др., 1991. С. 34).

Два следующие, самые внешние кольца-полосы без цифрового обозначения, имеют общую ширину около 2.5 сажений (первое или внутреннее – около 1.5, второе или внешнее – около 1 сажени). Они находятся на месте расположения каменного цоколя, показанного на генеральном плане, занимая его часть, находящуюся ближе к внешней границе, и поэтому могли обозначать только его. Таким образом, все три кольца-полосы без цифровых обозначений связаны с оформлением внешней окружности кургана. Первое из них представляет изображение основания илистого кольца, охватывающего массив насыпи кургана, два же последних – основания каменного цоколя, примыкавшего к илистому кольцу с внешней стороны.

Остановимся на сопоставлении первого без цифрового обозначения кольца-полосы, представленного на плане И.Е. Забелина, с упоминавшимся внешним илистым кольцом, зафиксированным на чертежах разрезов Чертомлыка во время его исследования в 1979–1984 гг. Это илистое кольцо показано на чертежах разрезов А–А, В–В, С–С, М–М (Алексеев и др., 1991. С. 30, 34. Рис. 10, 11, 12, 20) примыкающим к границе насыпи кургана (рис. 3 а, б, в). С внешней стороны у подножия его окружает каменный цоколь, выше по склону оно обложено камнями. Длина его основания (т.е. ширина кольца) на разных разрезах соответственно составляет 11, 9, 8.5, 10 м. Кроме того, упомянутые разрезы показывают, что длина основания внешнего кольца, как правило, превышает длину основания колец, изображенных вместе с ним на одном разрезе. Отметим, что такое же явление можно видеть и на чертеже И.Е. Забелина, на котором ширина первого кольца-полосы без цифрового обозначения по сравнению с остальными является наибольшей и достигает 3.5 сажени (7 м) (см. табл. 2).

Обратим внимание, что приведенные на этой таблице значения ширины каждого кольца-полосы с цифровыми обозначениями имеют некоторые колебания в зависимости от места нахождения зафиксированных сечений. Эти колебания фиксируются в пределах от 2 до 2.5 сажений. Исключение составляет кольцо-полоса 3, имеющее сильное сужение в северной части до 1 сажени и расширяющееся к югу до 3 сажений.

Приведенные данные свидетельствуют об одинаковом расположении в системе построения кургана Чертомлык внешнего илистого кольца на разрезах 1979–1984 гг. и первого без цифрового обозначения кольца-полосы на плане И.Е. Забелина:

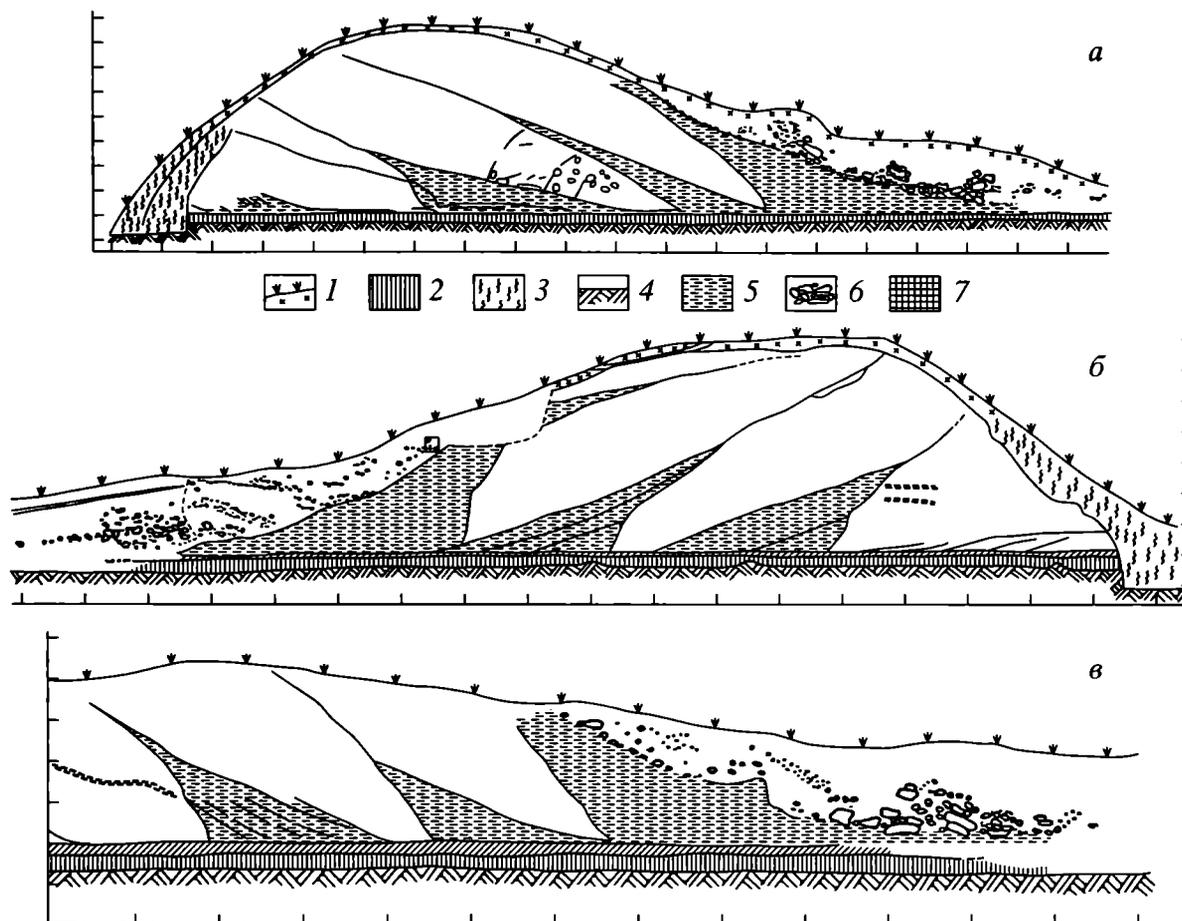

Рис. 3. Разрезы останцов кургана Чертомлык по исследованиям 1979–1983 гг. (по А.Ю. Алексеёву и др.). Условные обозначения: 1 – поверхность насыпи; 2 – погребенный чернозем; 3 – рухнувший; 4 – материк; 5 – илестые крепиды (илестые кольца); 6 – остатки каменной крепиды (цоколя); 7 – “рабочий” горизонт; а – разрез по линии А–А (восток–запад, вид с юга); б – разрез по линии В–В (восток–запад, вид с юга); в – разрез по линии С–С (север–юг, вид с запада).

оба они ограничивают насыпь кургана и с внешней стороны окружены примыкающим к ним цоколем. Сказанное позволяет уверенно отождествлять эти изображения на чертежах, выполненных с промежутком более столетия, как воспроизведения одного и того же объекта – внешнего илестого кольца кургана Чертомлык. Сведения о размере кольца-полосы на плане И.Е. Забелина и внешнего илестого кольца на современных разрезах не противоречат такому отождествлению, а скорее подтверждают его.

Проделанная идентификация влечет за собою и дальнейшее отождествление соседних с идентифицированным объектом колец-полос, обозначенных на плане И.Е. Забелина цифрами 7 и 6, с изображениями илестых колец, представленными на разрезах 1979–1984 гг. вместе с уже рассмотренным завершающим насыпь илестым кольцом. Основанием для такого отождествления является одинаковое расположение этих двух колец-полос (на плане И.Е. Забелина) и треугольных разрезов илестых колец (на современных чертежах разрезов кургана) по отношению к изображенному на плане и разрезах завершающему земляную насыпь

илестому кольцу (Алексеев и др., 1991. С. 30, 31. Рис. 10–12), (рис. 3 а, б, в).

Примыкающее к внешнему или “завершающему” среднее илестое кольцо на разрезах по такому положению полностью совпадает с кольцом-полосой 7 на плане И.Е. Забелина, граничащим с внутренней окружностью кольца-полосы без цифрового обозначения, определенного выше как “завершающее” насыпь илестое кольцо. Заметим, что ширина основания этого среднего кольца на разрезах кургана (иногда близких к радиальному) С–С (Алексеев и др., 1991. С. 30, 31. Рис. 12) и М–М (Алексеев и др., 1991. С. 34. Рис. 20) составляет 4 м, что полностью соответствует ширине кольца-полосы 7 (рис. 3 в). Даже на значительно искажившем ширину внутреннего илестого кольца разрезе А–А ширина среднего составляет 4 м (Алексеев и др., 1991. С. 31. Рис. 10). Таким образом, кольцо-полоса 7 по расположению и размеру вполне соответствует среднему илестому кольцу, показанному на чертежах разрезов 1979–1984 гг. Для отождествления кольца-полосы 6 с сечением третьего кольца на указанных разрезах дополнительных аргументов подобрать не удалось.

Таблица 2. Колебания ширины “колец-полос” на плане кургана Чертомлык (в сажнях)

“Кольца”	I		II		III		IV	
	С	Ю	З	В	СЗ	ЮВ	СВ	ЮЗ
№ 3	1	3	2.5	2	1.9	2.6	1.5	2.6
№ 4	2	2	2.1	2.5	2	2.3	2.3	2
№ 5	2.5	2.5	2	2	2.3	2.3	2.3	2.3
№ 6			2	2				
№ 7			2.1	2				
без номера			3.5	3.5				

Условные обозначения: I – ширина колец по оси С–Ю; II – по оси З–В; III – по оси СЗ–ЮВ; IV – по оси СВ–ЮЗ. № 3, 4, 5, 6, 7 – “кольца-полосы” с числовыми обозначениями (основания дополнительных насыпей), без номера – “кольцо” без числового обозначения, завершающее насыпь. На оригинале плана: 1 сажень = 11 мм.

Сделанное сопоставление и отождествление по месту нахождения трех колец-полос на плане И.Е. Забелина и сечений трех илестых колец на современных разрезах позволяют уточнить, какими были основания дополнительных насыпей, возводимых на отлогих склонах черноземных слоев (или илестых колец), окружавших склоны насыпей, и каким было соотношение между ними. Соответствующее кольцу-полосе 7 на плане сечение среднего илестого кольца на разрезах А–А, В–В и С–С покрыто последней дополнительной насыпью кургана. При этом ширина основания этой насыпи точно соответствует ширине основания илестого кольца, перекрытого ею. Конец же пологой части перекрытого насыпью кольца как бы соприкасается с началом основания уже следующего кольца, завершающего подножие этой новой насыпи (рис. 3 а–в).

Представленное на тех же разрезах сечение третьего (или внутреннего, по терминологии авторов монографии о Чертомлыке) илестого кольца, как уже говорилось, по своему местонахождению соответствует кольцу-полосе 6 на плане И.Е. Забелина. Основание сечения этого кольца не занимает полностью основания перекрывшей его насыпи, хотя и распространяется на большей части этого пространства. Поэтому данное кольцо не соприкасается с возведенным кольцом у подножия перекрывшей его насыпи.

Рассмотренные данные позволяют сказать, что в Чертомлыке в одних случаях (вариант 1) основания возводимых насыпей соответствовали ширине покрываемых ими илестых колец, в других же случаях они имели большую ширину (вариант 2). Ширина же каждой новой дополнительной насыпи четко выделяется между двумя линиями, обозначающими начало двух колец (одна линия принадлежит началу покрываемого новой насыпью коль-

ца, другая же – началу кольца, прилегающего уже к этой возведенной насыпи.

Такой же характер имеют и основания поэтапно возводимых насыпей в Желтокаменке, четко зафиксированных на центральном разрезе кургана (Мозолевский, 1982. Рис. 5, вклейка между страницами 192 и 193). В большинстве случаев здесь сечения илестых колец занимают все основание покрывающей их насыпи, но представлены и случаи второго варианта, когда основание кольца не занимает полностью всю ширину основания насыпи. Четко показанная на плане И.Е. Забелина пограничность всех центральных колец-полос и относительная близость между собою по ширине свидетельствует, что в основу их нанесения была положена ширина дополнительных поэтапно возводимых насыпей, а не ширина самих илестых колец или откосных слоев, которые они перекрывали. Ведь если бы исследователь наносил на план только ширину откосных слоев (или илестых колец), то в ряде случаев, когда эти слои не соприкасались между собою (т.е. при 2-м варианте), должен был показывать промежутки между обозначенными им кольцами-полосами и выделить их. В таком случае колец-полос было бы больше и среди них выделялись бы очень узкие.

Обратим внимание, что все кольца-полосы, которые по своему местоположению в кургане являлись основаниями таких дополнительных насыпей, отмечены цифрами 3, 4, 5, 6, 7. Кольцо-полоса без цифрового обозначения, окружающее таковое же с цифрой 7, выше было определено как изображение основания уже именно илестого кольца (или “откосного” слоя по И.Е. Забелину), завершающего массив насыпи. Отсутствие на нем цифрового показателя может свидетельствовать о том, что И.Е. Забелин четко отличал данное кольцо-полосу от предшествующих с цифрами: последние являлись основаниями дополнительных насыпей, кольцо без цифрового обозначения – основание последнего илестого кольца кургана.

Итак, показанные на чертеже концентрические кольца-полосы представляют разные объекты, прослеженные исследователем в нижней части кургана Чертомлык: кольца-полосы с цифрами 3, 4, 5, 6, 7 являются изображениями оснований дополнительных насыпей; следующее за ними кольцо-полоса представляет изображение основания илестого кольца, охватывающего весь массив подножия насыпи, последние же два кольца-полосы составляют изображение каменного цоколя с попыткой выделить в нем два основных конструктивных элемента – стену и прилегающую к ней забутовку. Но надо подчеркнуть, что основное внимание исследователя было направлено на изучение и фиксацию оснований илестых колец, так как именно выявление границ, проходящих по их внутренним крутым сторонам-склонам, способствовало обозначению границ оснований

дополнительных насыпей. Выделенные И.Е. Забелиным пять оснований дополнительных насыпей позволяют предполагать, что исследователь согласно со своей концепцией мог думать о наличии в кургане Чертомлык всего шести насыпей – одной первичной и пяти дополнительных. Но об этом приходится говорить с осторожностью, так как основание первой дополнительной насыпи, окружающей первичную, он обозначил цифрой 3. Дальше цифры идут по порядку и на последнем основании дополнительной насыпи поставлена цифра 7. Создается впечатление, что исследователь по каким-то причинам думал о существовании большего количества таких насыпей, чем ему удалось зафиксировать. Возможно, его несколько смущал большой диаметр первичной насыпи, составлявший, судя по чертежу, 16 саженей (34 м). Можно предположить, что в связи с этим у И.Е. Забелина возникли сомнения, не пропустил ли он случайно самое первое кольцо-полосу? Признавая, вероятно, возможность такой случайности, он и обозначил цифрой 3 кольцо вокруг прослеженной им первичной насыпи⁶. В таком случае насыпь должна была бы состоять из шести дополнительных, находившихся вокруг первичной – всего же из семи с учетом первичной. Нанесенные же на чертеж пять четко выделенных дополнительных насыпей позволяют говорить, что, по мнению исследователя, в Чертомлыке было всего не менее шести насыпей (одной первичной и пяти дополнительных). Но автор допускал и возможность существования, как уже указывалось, и шестой дополнительной.

Интересно заметить, что Б.Н. Мозолевский на основании сделанной им зачистки стенки юго-западного останца этого кургана в 1979 г. также высказал предположение, что в кургане их было не менее 5 (Мозолевский, 1982. С. 218). К сожалению, исследователь не дал развернутого обоснования высказанному предположению. По всей вероятности, Б.Н. Мозолевский использовал разрез А–А, теперь представленный в монографии о Чертомлыке (Алексеев и др., 1991. С. 30. Рис. 10) (рис. 3а). На нем четко показаны треугольные сечения разбивавшихся ранее трех илистых колец (завершающее и соответствующие 7 и 6 кольцам-полосам на плане И.Е. Забелина). Кроме того, у внутреннего края этого разреза заметно бесформенное и растянутое скопление горизонтальных прерывистых штрихов, применявшихся для изображения грунта илистых колец, что позволяет думать о наличии здесь еще одного илистого кольца, сечение которого оказалось очень невыразительным. За-

метим, что по расположению его можно сопоставить с кольцом-полосой 5 на плане И.Е. Забелина. Поэтому вероятно, что исследователь мог судить о нахождении здесь трех дополнительных насыпей и предполагать, что еще две не смогли попасть в данный разрез.

Вывод И.Е. Забелина о вхождении в насыпь Чертомлыка не менее пяти дополнительных, возведенных вокруг первичной, в основном противоречит современным представлениям о конструкции этого кургана. Авторы монографии о Чертомлыке насчитывают три дополнительные дерновые насыпи и три илистых кольца, их окружающих. В центре же кургана они выделяют еще четвертую насыпь, вернее первичную и состоящую из коричневатого однородного грунта, высотой около 5 м (Алексеев и др., 1991. С. 30, 35; Rolle, Murzin, 1991. S. 174. Abb. 6). Расхождение в количестве выделенных колец И.Е. Забелиным и современными исследователями (Р. Ролле и В.Ю. Мурзиным) может объясняться тем, что новые разрезы были сделаны в останцах кургана.

Именно из-за этого на них не могли попасть илистые кольца, находящиеся близко к центру и почти полностью исследованные И.Е. Забелиным (кольца-полосы 3 и 4 на плане И.Е. Забелина). Следующее же илистое кольцо, основание которого могло соответствовать кольцу-полосе 5, в одних случаях не попадало в разрезы, в других же получало невыразительные сечения. Остальные кольца-полосы 6, 7 и следующее за ними без цифрового обозначения уже были отождествлены с тремя илистыми кольцами, представленными на современных разрезах.

Проведенный анализ чертежа свидетельствует, что на нем зафиксировано расположение на подкурганном пространстве памятника Чертомлык “откосных” черноземных слоев, выявление которых привело И.Е. Забелина к созданию концепции о многократном возведении насыпи данного кургана и некоторых других в степном Поднепровье. Чертеж является документальным обоснованием этой концепции и ее наглядным воплощением, так как дает информацию о количестве входивших в его конструкцию насыпей, о диаметре первичной, о ширине оснований дополнительных насыпей и т.д. Таким образом, И.Е. Забелин документально обосновал свою концепцию, для чего была проделана, как показано выше, большая целенаправленная работа и по выявлению изучаемых объектов, и по их фиксации.

Серьезная обоснованность тезиса о многоэтапном возведении насыпи Чертомлыка заставляет с большим вниманием отнестись к аналогичным замечаниям исследователя о конструкции насыпи кургана Козел. Кроме того, кажется очевидным, что в современную реконструкцию строения насыпи Чертомлыка, предложенную Р. Ролле и В.Ю. Мурзиным, должны быть внесены коррективы с учетом данных представляемого документа.

⁶ Данное предположение позволяет следующим образом объяснить порядок расстановки цифр на кольцах-полосах рассматриваемого чертежа: цифра 1 могла бы стоять на пропущенной первичной насыпи, 2 – на примыкающем к ней (пропущенном) основании первой дополнительной насыпи и, наконец, 3 – на реально зафиксированном первом основании дополнительной насыпи.

Рассмотренный документ еще раз подтверждает правильность высокой оценки полевой деятельности И.Е. Забелина, данной А.В. Арциховским, в которой подчеркивается и новаторский ее характер. Нужно сказать, что именно эта сторона вызывает неприятие и критику некоторых исследователей (Формозов, 1984. С. 115; 2001. С. 655). Однако приведенная выше концепция И.Е. Забелина в совокупности с данным чертежом являются предвосхищением современного понимания конструкции насыпи курганов Чертомлык и Желтокаменка, разработанного во второй половине XX в. Столь пристальное внимание первого исследователя Чертомлыка к строению насыпи кургана и выполненный чертеж, показывающий его конструкцию, представляют новое явление для археологии России второй половины XIX в., потребовавшее поиска новых приемов в ведении раскопок и их фиксации. Вероятно, слишком большая новизна такого подхода не позволила современникам оценить сделанные исследователем наблюдения и чертеж, их фиксирующий.

Похожая судьба постигла и некоторые другие наблюдения И.Е. Забелина. Им была отмечена в Краснокутском кургане дорожка для прохода погребальной процессии. Замечено по положению выкида, что процесс созидания в этом кургане насыпи начинался одновременно с выкапыванием могилы (Древности..., 1872. С. 50, 51; Мелюкова, 1981. С. 9, 10.) Эти наблюдения получили новое подтверждение в ходе крупномасштабных раскопок царских курганов во второй половине XX в. (Бідзіля, 1971. С. 45; Чередниченко и др., 1979. С. 419; Болтрик, 1980. С. 253; 1981. С. 233) и были введены в систему характеристики скифского погребального обряда (Ольховский, 1991. С. 125, 175).

Пользуюсь случаем и приношу благодарность сотрудникам ОПИ ГИМ за большое содействие моей работе в читальном зале отдела, консультации и советы.

Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 01-01-00399а.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык (скифский царский курган IV в. до н.э.). Киев, 1991.
- Арциховский А.В. Забелин – археолог // Историко-археологический сборник. М., 1948.
- Арциховский А.В. Археология // Очерки истории исторической науки в СССР. Т. II. М., 1960.
- Бідзіля В.І. Дослідження Гайманової Могили // Археологія. 1971. № 1.
- Болтрик Ю.В. Исследование кургана Огуз // АО–1979. 1980.
- Болтрик Ю.В. Исследование кургана Огуз // АО–1980. 1981.
- Древности Геродотовой Скифии. Вып. II. СПб., 1872.
- Забелин И.Е. Скифские могилы. Чертомлыцкий курган // Древности ТМАО. М., 1865.
- Забелин И.Е. История русской жизни с древнейших времен. Т. I. М., 1876.
- Мелюкова А.И. Краснокутский курган. М., 1981.
- Мозолевський Б.М. Товста Могила. Київ, 1979.
- Мозолевский Б.Н. Скифский “царский” курган Желтокаменка // Древности степной Скифии. Киев, 1982.
- Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н.э.). М., 1991.
- Отроценко В.В. Курган эпохи бронзы в Чертомлыке // Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык (скифский царский курган IV в. до н.э.). Киев, 1991. Прил. 7.
- Формозов А.А. Историк Москвы И.Е. Забелин. М., 1984.
- Формозов А.А. Иван Егорович Забелин: Очерк жизни и творчества // Забелин И.Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. Т. II. М., 2001.
- Чередниченко Н.Н., Фиалко Е.Е., Ковалев Н.В. и др. Раскопки большого скифского кургана в Приазовье // АО–1978. 1979.
- Rolle R., Murzin V.Yu. Pyramiden der Steppe und Viehweiden für die Ewigkeit. Der Čertomlyk-Kurgan // Gold der Steppe. Archäologie der Ukraine. Schleswig, 1991.

I.E. Zabelin's Idea on Barrow Structure of Chertomlyk Burial Mound

I. V. Yatsenko

Summary

The article concerns the analysis of a draught from I.E. Zabelin's archive never published before. The draught represents a plan of the area cleared below the barrow of Chertomlyk burial mound. The analysis has shown that the system of concentric circles drawn around the central area records the basic elements of the barrow's construction: 1. The central circle – the base of the initial barrow; 2. Five concentric circles marked with numerals 3, 4, 5, 6, 7 reflect the bases of additional barrows built over the silt base of the initial and subsequent ones; 3. The circles not marked with any numerals are interpreted as follows. A – the first circle (closest to the centre) is the base of silt circle that enclosed the whole barrow. B – the next two circles are the bases of stone foundation encircling the mound. The bases of the initial and five successive barrows marked on the draught represent a documentary evidence of I.E. Zabelin's thesis on multistage construction of Chertomlyk burial mound. Thus it is possible to state that the first investigator of the site was the first to suggest the reconstruction of the site now widely accepted.

К ИЗУЧЕНИЮ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ ВОЛГО-ДОНСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

© 2002 г. Ю. В. Лунькова

Институт археологии РАН, Москва

В данной работе приводятся основные результаты статистического анализа погребального обряда срубной культуры Волго-Донского междуречья.

Волго-Донское междуречье занимает особое место в ареале срубной культурно-исторической общности. С одной стороны, потому что оно находится в центре территории ее распространения, с другой – в связи с возможностью проследить здесь все периоды ее развития (Пряхин, Матвеев, 1988. С. 147).

Для анализа были привлечены памятники, расположенные в зоне лесостепи и пограничья степи и лесостепи до максимального сближения рек Дона и Волги. В качестве северной границы исследуемого района принята граница лесостепной и лесной зон, восточной – р. Волга, западной – бассейн р. Дон.

Несмотря на то, что история изучения срубных памятников насчитывает примерно сто лет, целостное исследование этого региона практически не проводилось. Все работы, посвященные данной территории, направлены или на изучение степной зоны (Мамонтов, 1986; 1994), или на рассмотрение памятников, относящихся к разным регионам: лесостепной зоне Среднего Дона (Пряхин, Матвеев, 1988. С. 136–164; Синюк, 1996. С. 219–252) и, частично, лесостепному Поволжью (Васильев и др., 1985. С. 60–95).

Проведенное же исследование представляет собой комплексный анализ памятников Волго-Донского междуречья в целом. Для чего, используя традиционное разделение¹, сначала был проанализирован материал, относящийся к правобережью Волги, затем – Донскому региону, после чего, полученные результаты были скоррелированы между собой.

Для этого была сформирована выборка, состоящая из 670 погребений из 187 курганов 86 курганных групп. К правому берегу Волги относилось 442 погребения, что составляет 66% от общего числа погребений анализируемого массива, к Среднему Дону – 228 (34%). Анализ проводился с применением специализированного компьютерного пакета

Statistic for Windows версия 5.0. В ходе работы учтено 20 групп признаков и более 300 признаков. В итоге были получены следующие результаты².

Корреляция таких групп признаков, как удаленность погребения от центра кургана, характер погребения в кургане (основное, впускное), ориентировка могильной ямы, способ захоронения (труположение, трупосожжение), положение костяка, расположение рук костяка, степень скорченности костяка, ориентировка костяка, характер погребения (одиночное; парное; коллективное), расположение сосудов в могильной яме по отношению к костяку, наличие в могильной яме костей животных – продемонстрировала полное их совпадение в обоих регионах, порой доходящее до идентичности.

В то же время группы признаков азимут погребения в кургане, вид внутримогильного сооружения (яма, яма с деревянным перекрытием, яма с каменным перекрытием, яма со ступеньками, яма со ступеньками и перекрытием, яма с подбоями, яма с заплечиками, яма с деревянным перекрытием и срубом), размеры могильной ямы, ее форма, возраст и пол умершего (взрослый, ребенок или подросток), количество сосудов в могильной яме, тип сосудов и их комбинации в могильной яме, некерамический инвентарь, наличие в могильных ямах растительных и минеральных остатков – позволили выделить ряд отличительных особенностей.

Так, для погребального обряда правобережья Волги характерны следующие черты. В размещении погребений наблюдается определенная тенденция к заполнению южной половины кургана (43.2%)³, особенно юго-западного сектора (19.7%)⁴. Частота встречаемости “квадратных” ям не превышает 11.5%, в то время как “прямоугольных” – 68.3%, в 20.2% – могильные ямы отсутствовали или не прослежены. Количество ям с усложненной кон-

² Ограниченный объем статьи не позволяет привести описание всех признаков.

³ Здесь и ниже указан процент погребений по отношению к общему числу захоронений правобережья Волги.

⁴ При анализе расположения погребения в кургане использовалось восемь направлений по отношению к его центру: северное, северо-восточное, восточное, юго-восточное, южное, юго-западное, западное, северо-западное, а также центр кургана.

¹ В качестве восточной границы “донских” срубных памятников условно принято считать бассейн реки Хопер (Синюк, 1996. С. 242. Рис. 55).

струкцией составляет лишь 29.2%, где 25.1% только с перекрытием. Соотношение захоронений взрослых людей и детей с подростками практически одинаково (52.2 и 43.1% соответственно; в 3.7% – не определено). При преобладании захоронений с одним сосудом (55%) отмечается достаточно большой процент погребений без керамики (15.8%). Также встречены захоронения с двумя сосудами (25.1%), с тремя – 3.2%, с четырьмя – 0.5%, по одному разу с шестью (0.2%) и семью (0.2%). Кроме этого, фиксируется относительно редкая встречаемость острореберных горшков (15%). Погребения с некерамическим инвентарем составляют лишь 26%. Он представлен украшениями (12.7%), астрагалами (3.8%), а также сочетаниями украшения–орудия труда (2.3%), украшения–астрагалы (2%). Характерна редкая встречаемость захоронений с органическими (8.4%) и минеральными (5.2%) остатками, где основными были мел, уголь, их сочетание, а также растительная подстилка.

Для курганов Среднего Дона отмечается тенденция в расположении погребений в северной поле кургана (44.7%)⁵, особенно в северо-западном секторе (24.1%). При преобладании малых ям прямоугольной формы (68.9%) относительно высок процент квадратных ям (20.6%), в 10.5% случаев могильные ямы отсутствовали или не прослежены. При редкой встречаемости могильных ям с усложненной конструкцией (30.3%) отмечается особое значение перекрытий со срубами (3.5%) по сравнению с поволжскими памятниками (0.7%). Количество погребений взрослых людей (57.7%) незначительно превышает число детско-подростковых погребений (39.7%), в 1.6% случаев определить возраст умершего не удалось. Хотя в более чем половине случаев (57%) в могильной яме находился один сосуд, выделяются захоронения с тремя сосудами (7.9%). Кроме этого, зафиксированы погребения с двумя сосудами (27.6%), по одному разу с четырьмя (0.4%) и шестью (0.4%) сосудами, в 6.7% случаев керамика отсутствовала. Около 1/3 керамики составляют острореберные горшки (27.8%). Интересным представляется и тот факт, что если на Среднем Дону чашки составляют 6.3%, то на правом берегу Волги – 0.4%. Захоронений с некерамическим инвентарем зафиксировано лишь 31.6%. Основными предметами данного вида инвентаря являются украшения (18.4%) и орудия труда (7.9%), а также их сочетание (1.8%). Характерна редкая встречаемость в погребениях органических остатков (14%).

Но, несомненно, описанные выше различия, являются второстепенными, так как, в основном, отражают незначительные отклонения от “стандарта”.

⁵ Здесь и ниже указан процент по отношению к общему числу захоронений Среднего Дона.

Следующим этапом исследования стало выделение обрядовых групп погребений для памятников правого берега Волги и Среднего Дона. В силу специфики используемого компьютерного пакета выделение групп производилось отдельно для погребений взрослых людей и отдельно для детско-подростковых.

На территории правого берега Волги удалось выявить восемь обрядовых групп: четыре – среди захоронений взрослых людей и четыре – среди детско-подростковых (табл. 1).

Группа В1в⁶ состоит из 81 погребения, что составляет 35.7% от общего числа захоронений взрослых людей. Одна треть погребений данной группы являются основными (30.9%), количество могильных ям с усложненной конструкцией (перекрытие, ступеньки, заплечики) – 25.9%. Несмотря на то, что захоронения равномерно располагаются по всему кургану, все же можно отметить определенное тяготение к южной поле и центру кургана. Керамика встречена лишь в 29.6% погребений, где с одним сосудом – 17.3% погребений, с двумя – 9.9%, с тремя – 2.4%. Захоронений с некерамическим инвентарем 26%, который был представлен в основном украшениями, орудиями труда и их сочетаниями. В 7 погребениях встречены кости животных, а в 16 – остатки минерального и органического происхождения.

Группа В2в состоит из 66 захоронений, что составляет 29.1% погребений взрослых людей. Несмотря на то, что количество основных погребений в этой группе не превышает и 24.2%, могильных ям с усложненной конструкцией достаточно много – 32.7%. При относительно равномерном распространении захоронений по всему кургану, можно отметить их сосредоточение в восточной поле кургана и его центре. Во всех погребениях находилась керамика, причем с одним сосудом – 77.3% захоронений, с двумя – 15.2%, с тремя – 4.5%, с четырьмя – 3%. Некерамический инвентарь, представленный украшениями, астрагалами, орудиями труда и их сочетаниями, зафиксирован в 18 могильных ямах (27.3%). Погребений с минеральными и органическими остатками – 21.2%, с костями животных – 3%.

Группа В3в состоит из 67 погребений, что составляет 29.5% от общего числа захоронений взрослых людей. Для данной группы характерна относительно редкая встречаемость основных погребений (25.4%), и достаточно большой процент могильных ям с усложненной конструкцией

⁶ В целях унификации обозначения названия групп здесь и далее приводится их аббревиатура, где заглавная первая буква обозначает регион (В – Волга, Д – Дон); арабская цифра – номер группы в соответствии с последовательностью их описания; прописная буква – возрастная характеристика в соответствии со сведениями авторов раскопок (в – погребения взрослых людей, п – детско-подростковые погребения).

Таблица 1. Сводная таблица по погребальному обряду выделенных групп захоронений для памятников правобережья Волги

Номер группы	Расположение в кургане (основное)	Средняя площадь могильной ямы	Ориентировка костяка и его положение		Степень скорченности костяка и положение рук		Количественный состав керамики в погребениях		Типологический состав некерамического инвентаря	
			стандарт	отклонение	доминирующая	редкая	относительное значение	средне арифметическое	частота встречаемости	основные типы
V1в		~1.6 м ²					0 – 70.4 1 – 17.3 2 – 9.9 3 – 2.4	0.3	26	украшения, орудия
V2в		~1.4 м ²					1 – 77.3 2 – 15.2 3 – 4.5 4 – 3	1.3	27.3	украшения, астрагалы, орудия
V3в		~1.7 м ²					1 – 76.1 2 – 23.9	1.2	23.9	украшения, орудия
V4в		~1.9 м ²					1 – 8 2 – 92	1.9	100	украшения, астрагалы, орудия
V1п		~0.9 м ²					2 – 100	2	21	украшения, астрагалы
V2п		~0.7 м ²					1 – 91.5 2 – 6.4 3 – 2.1	1.1	21.3	украшения, астрагалы, орудия
V3п		~0.6 м ²					1 – 82.6 2 – 14 3 – 3.4	1.2	17.5	астрагалы, украшения, орудия
V4п		~0.8 м ²					0 – 91.7 7 – 8.3	0.6	41.7	астрагалы, орудия

(44.8%). При относительно равномерном распределении захоронений в кургане, все же можно говорить о концентрации в западной поле. Во всех погребениях присутствовала керамика. Захоронений с одним сосудом – 76.1%, с двумя – 23.9%. Некерамический инвентарь, зафиксированный в 23.9% погребений, представлен украшениями, орудиями труда и их сочетанием. В семи могильных ямах встречены кости животных.

Группа V4в состоит из 13 погребений, что составляет 5.7% от общего числа этой возрастной группы. Среди них четыре основных захоронения и девять могильных ям с усложненной конструкцией. Кроме этого, можно говорить о концентрации погребений в юго-западном секторе. Захоронения содержат два сосуда (лишь одно исключение). Во

всех погребениях находился некерамический инвентарь, представленный украшениями, орудиями труда, астрагалами. В пяти захоронениях встречены кости и в восьми – остатки минерального и органического происхождения.

Группа V1п – состоит из 43 детско-подростковых погребений, что составляет 22.9% от их общего числа. Для данной группы характерна небольшая частота встречаемости основных захоронений (18.6%), в то время как процент могильных ям с усложненной конструкцией составляет 44.2%. Большая часть погребений сосредоточена в южной поле кургана, особенно в юго-восточном секторе. В могильных ямах находилось два сосуда. Некерамический инвентарь, представленный украшениями и астрагалами, встречен только в девяти

ти погребениях. Захоронения с костями животных отсутствовали, в то время как остатки минерального и органического происхождения присутствовали примерно в половине случаев.

Группа В2п состоит из 47 захоронений, что составляет 25% от данной возрастной группы. Эта группа характеризуется небольшим количеством основных погребений (19.1%) и могильных ям с усложненной конструкцией (27.7%). Большая часть погребений сосредоточена в западной поле кургана, особенно в юго-западном секторе. Во всех могильных ямах находилась керамика, где с одним сосудом – 91.5% погребений, с двумя – 6.4, с тремя – 2.1%. Среди предметов некерамического инвентаря господствуют украшения, в редких случаях астрагалы и орудия труда (всего 21.3%). Кости животных зафиксированы лишь в шести захоронениях, в то время как минеральные и органические остатки в трех.

Группа В3п состоит из 86 погребений, что составляет 45.7% от общего числа детско-подростковых захоронений. Зафиксировано небольшое количество основных погребений (26.7%) и могильных ям с усложненной конструкцией (12.8%). При относительно равномерном распределении захоронений в кургане, можно отметить тяготение к южной поле, особенно к юго-западному сектору. Погребений с одним сосудом – 82.6%, с двумя – 14, с тремя – 3.4%. Некерамический инвентарь, представленный в первую очередь украшениями и астрагалами, затем орудиями труда, встречен в 15 захоронениях (17.5%). Кости животных зафиксированы в 10.5% могильных ям, а минеральные и органические остатки присутствовали в 17%.

Группа В4п состоит из 12 погребений, что составляет 6.4% от данной возрастной группы. В этой группе около половины погребений являлись основными, в то время как могильных ям с усложненной конструкцией – две. При относительно равномерном распределении захоронений в кургане незначительная их концентрация отмечена в восточной поле кургана, а также в южном направлении от его центра. Как правило, в могильных ямах керамика отсутствовала. Только в одном случае в погребении ребенка находилось семь сосудов. Некерамический инвентарь представлен в основном астрагалами и орудиями труда. Кости животных встречены только в одном погребении, а остатки минерального и органического происхождения в трех.

После проведения сравнительного анализа между выделенными группами было установлено, что каждой обрядовой группе погребений взрослых людей соответствует обрядовая группа детско-подростковых захоронений: В1в – В4п, В2в – В3п, В3в – В2п, В4в – В1п.

Теперь рассмотрим результаты анализа погребений для Среднего Дона. Здесь также удалось

выделить восемь обрядовых групп: четыре – среди захоронений взрослых людей и четыре – среди детско-подростковых (табл. 2).

Группа Д1в состоит из 49 погребений, что составляет 37.7% от общего числа захоронений взрослых людей. Основные погребения составляют 20.4%, могильные ямы с усложненной конструкцией – 22.4%. Несмотря на то, что могильные ямы зафиксированы по всему кургану, можно отметить тяготение в расположении захоронений к западной поле. Во всех погребениях встречены сосуды, где один – 91.8% (45 погр.), где два – 8.2% (4 погр.). Некерамический инвентарь в основном состоит из предметов украшения и намного реже орудий труда, астрагалов. Остатки костей животных отмечены лишь в трех могильных ямах. Минеральные и органические остатки зафиксированы в восьми погребениях.

Группа Д2в состоит из 28 захоронений, что составляет 21.5% данной возрастной группы. Для нее характерно 25% основных погребений, 39.2% могильных ям с усложненной конструкцией. Захоронения расположены по всему пространству кургана, но несмотря на это, можно отметить определенную концентрацию их в южной поле кургана. В погребениях находился только один сосуд. Некерамический инвентарь встречен в 17.9% захоронений и представлен только украшениями. Кости животных отмечены всего лишь в трех погребениях, а минеральные и органические остатки – в шести могильных ямах.

Группа Д3в состоит из 38 захоронений, что составляет 29.2% от общего числа погребений взрослых людей. Основные погребения составляют 28.9%, высок процент встречаемости могильных ям с усложненной конструкцией – 52.6%. При относительно равномерном распределении захоронений в кургане все же можно выделить зону их концентрации в северной поле. В погребении находилось два (73.7%) или три сосуда (26.3%). Необходимо отметить, что для этой группы характерен большой процент могильных ям с некерамическим инвентарем (50%), представленный орудиями труда и украшениями. Кости животных встречены лишь в 23.7% захоронений, а остатки органического и минерального происхождения в 36.8% погребений.

Группа Д4в состоит из 15 захоронений, что составляет 11.6% данной возрастной группы. Для нее зафиксирован самый высокий процент встречаемости основных погребений – 46.7% (7 погр.). Могильных ям с усложненной конструкцией всего четыре. Несмотря на относительно равномерное распределение погребений в кургане, здесь можно выделить места концентрации: северо-западный сектор (4 погр.) и юго-восточный (4 погр.). Погребений без керамики – 11, с двумя сосудами – 3 и одним – 1. Некерамический инвентарь встречен в шести погребениях и представлен предметами украшения и орудиями труда, в одном случае – де-

Таблица 2. Сводная таблица по погребальному обряду выделенных групп захоронений для памятников Среднего Дона

Номер группы	Расположение в кургане (основное)	Средняя площадь могильной ямы	Ориентировка костяка и его положение		Степень скорченности костяка и положение рук		Количественный состав керамики в погребениях		Типологический состав некерамического инвентаря	
			стандарт	отклонение	доминирующая	редкая	относительное значение и %	среднеарифметическое	частота встречаемости, %	основные типы
Д1в		~1.8 м ²					1 – 91.8 2 – 8.2	1.1	18.6	украшения, орудия
Д2в		~1.6 м ²					1 – 100	1	17.9	украшения
Д3в		~1.6 м ²					2 – 73.7 3 – 26.3	2.3	50	орудия, украшения
Д4в		~2.3 м ²					0 – 73.3 1 – 6.7 2 – 20	0.4	40	орудия, украшения
Д1п		~0.8 м ²					1 – 78.3 2 – 17.4 3 – 4.3	1.3	0	
Д2п		~0.7 м ²					1 – 74.4 2 – 25.6	1.3	38.5	украшения, астрагалы, орудия
Д3п		~1.1 м ²					2 – 66.7 3 – 33.3	2.3	33.3	украшения, орудия
Д4п		~0.5 м ²					0 – 33.4 1 – 11.1 2 – 22.2 3 – 22.2 4 – 11.1	1.7	33.3	украшения

ревянным сосудом. Могильные ямы с костями животных, а также остатками органического и минерального происхождения не зафиксированы.

Группа Д1п состоит из 29 детско-подростковых захоронений, что составляет 32.6% от их общего числа. Для данной группы характерна редкая встречаемость основных погребений (3.7%); могильных ям с усложненной конструкцией – 24.1%. При относительно равномерном расположении захоронений в кургане можно отметить концентрацию в северо-восточном и северо-западном секторах. В могильных ямах находилось от одного до двух сосудов, причем с одним – 79.3% погребений, с двумя – 20.7%. Для этой группы не зафиксированы захоронения с некерамическим инвентарем, а также костями животных. Остатки органического происхождения встречены лишь в пяти погребениях.

Группа Д2п состоит из 39 захоронений, что составляет 43.8% от данной возрастной группы. Процент основных погребений невелик – 10.3%; могильных ям с усложненной конструкцией – 23.1%. Захоронения достаточно равномерно располагаются по всему кургану, около 50% из них находилось в западной поле. В погребение ставили один (74.4%) или два сосуда (25.6%). Для данной группы зафиксировано относительно большое количество захоронений с некерамическим инвентарем (38.5%), который был представлен украшениями, астрагалами и орудиями труда. Погребений с костями животных – два случая, с органическими остатками – четыре.

Группа Д3п состоит из 12 погребений, что составляет 13.5% от общего числа детско-подростковых захоронений. В данной группе основных захоронений – пять (41.7%), могильных ям с усложненной конструкцией – две (16.7%). Хотя погребения

встречены по всему кургану, тем не менее можно говорить о ведущем значении северо-западного сектора (5 погр.). В могильной яме находилось два (66.7%) или три (33.3%) сосуда. Некерамический инвентарь зафиксирован в четырех захоронениях. Он представлен украшениями и орудием труда. Кости животных и остатки органического и минерального происхождения в погребениях не встречены.

Группа Д4п состоит из 9 захоронений, что составляет 10.1% от данной возрастной группы. Для этой группы зафиксировано основных погребений – два; могильная яма с перекрытием – одна. Захоронения встречены практически по всему пространству кургана за исключением юго-восточного сектора. В могильных ямах находилось от одного до четырех сосудов (с одним – 1 случай, с двумя – 2, с тремя – 2, с четырьмя – 1), в трех захоронениях керамика отсутствовала. Некерамический инвентарь, представленный в основном украшениями, находился лишь в трех погребениях. Захоронения с костями животных и остатками органического и минерального происхождения не зафиксированы.

Как и для памятников правого берега Волги, здесь также удалось установить, что каждой обрядовой группе погребений взрослых людей соответствует обрядовая группа детско-подростковых захоронений: Д1в – Д1п, Д2в – Д2п, Д3в – Д3п, Д4в – Д4п.

Следующим этапом было проведение корреляционного анализа обрядовых групп погребений из курганов, находящихся на правом берегу Волги, и из курганов, расположенных на Среднем Дону. В результате было зафиксировано, что в большинстве случаев, поволжским группам соответствуют донские. Несмотря на это, можно отметить ряд групп (В1в – В4п и Д4в – Д4п), которые затруднительно сопоставить друг с другом.

Используя существующие периодизации срубной культуры (Мамонтов, 1986; Мерперт, Пряхин, 1979; Пряхин, Матвеев, 1988; Синюк, Погорелов, 1985; Синюк, 1996) две обрядовые группы (Д4в и Д4п) по ряду показателей и единичным данным стратиграфии удалось отнести к раннему периоду и восемь обрядовых групп (В2в, В3в, В2п, В3п, Д1в, Д2в, Д1п и Д2п) – к развитому периоду.

Основными показателями групп раннего периода являются: относительно высокий процент основных погребений и крупных могильных ям, положения костяка на правом боку, нестандартное расположение костей рук, слабая скорченность погребенного, отклонение в ориентировке в северном, северо-западном и юго-восточном направлениях. К основным характеристикам групп развитого периода относятся: значительное преобладание небольших могильных ям, ориентированных с северо-востока на юго-запад; устойчи-

вое положение костяка на левом боку в сильно и среднескорченном положении с руками у черепа и с ориентировкой на северо-восток и восток. В погребениях находился один, реже два сосуда. Отмечается более частая встречаемость остроресберных горшков по сравнению с другими обрядовыми группами. Характерны разнообразные сочетания предметов некерамического инвентаря. Фиксируется малый процент остатков минерального происхождения. Все погребения, составляющие данные обрядовые группы, относятся к так называемым рядовым.

Кроме этого, опираясь на результаты исследований, проведенных как для древних обществ в целом (Массон, 1976; 1996), так и для культур эпохи бронзы в частности (Гей, 1993. С. 59), в том числе и срубной (Мамонтов, 1994. С. 81, 82; Отрошенко, 1979. С. 86, 87), в которых приводится набор признаков, по мнению исследователей, маркирующий комплексы захоронений людей, обладавших высоким социальным статусом, четыре обрядовые группы (В4в, В1п, Д3в и Д3п) были отнесены к данной категории погребений. В качестве их основных характеристик выступают: преобладание захоронений в определенном секторе кургана (юго-западном для Волги, северо-западном – для Среднего Дона), площадь и форма могильных ям (высокий процент больших и квадратных ям), наличие усложненной конструкции, количество и состав инвентаря (преобладание погребений с двумя и тремя сосудами, высокий процент предметов некерамического инвентаря). Определить же хронологическое положение этих групп пока затруднительно.

Двум обрядовым группам (В1в, В4п), для которых характерны такие признаки, как: высокий процент погребений без керамики, неустойчивое положение костяка и его рук, достаточно равномерная встречаемость разных степеней скорченности погребенного – дать какую-либо хронологическую или социальную интерпретацию на данный момент не представляется возможным.

Таким образом, полученные результаты исследования, на наш взгляд, свидетельствуют о существовании единой срубной культуры на территории Волго-Донского междуречья, а выделенные незначительные различия носят, очевидно, территориальный, хронологический и социальный характер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Васильев И.Б., Кузьмина О.В., Семенова А.П.* Периодизация памятников срубной культуры лесостепного Поволжья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев, 1985.
- Гей А.Н.* Проблема социальной дифференциации и эволюции общества степных скотоводов бронзового века // Социальная дифференциация общества. М., 1993.

- Мамонтов В.И.* Памятники эпохи бронзы Волго-Донского междуречья // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов, 1986.
- Мамонтов В.И.* Элитные погребения срубной культуры степной части Волго-Донского междуречья // Срубная культурно-историческая область. Матер. III Рыковских чтений. Саратов, 1994.
- Массон В.М.* Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976.
- Массон В.М.* Исторические реконструкции в археологии. Самара, 1996.
- Мерперт Н.Я., Пряхин А.Д.* Срубная культурно-историческая общность эпохи бронзы Восточной Евро-

пы и лесостепь // Археология Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж, 1979.

Отрощенко В.В. О социальном членении погребений срубной культуры Поднепровья // Проблемы эпохи бронзы Юго-Восточной Европы. Тез. докл. конф. Донецк, 1979.

Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П. Курганы эпохи бронзы Побитюжья. Воронеж, 1988.

Синюк А.Т. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж, 1996.

Синюк А.Т., Погорелов В.И. Периодизация срубной культуры Среднего Дона (по материалам погребальных памятников) // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев, 1985.

КРУГОВАЯ КЕРАМИКА ИЗ КОМПЛЕКСА XIV в.

© 2002 г. И. В. Болдин

Калужский государственный объединенный краеведческий музей, Калуга

Отсутствие хронологической шкалы позднесредневековой керамики верхнеокского региона затрудняет использование керамического материала для определения датировки археологических объектов. В этой связи особое значение приобретают закрытые комплексы, позволяющие выявить хронологически значимые особенности керамики. Один из таких комплексов был обнаружен в процессе работ на Любутском городище (Калужская область). Летописный Любутск неоднократно упоминается в письменных источниках, начиная с 1372 г.

В раскопе 1999 г. (100 м²), заложенном на восточной окраине памятника, среди индивидуальных находок найдены семь серебряных монет, две из которых – в заполнении ямы № 3. Яма имела округлую в плане форму, около 2.5 м в диаметре, заглублена в материк на 1–1.3 м. Заполнение было перекрыто мощным слоем (около 40 см) обожженной глины с незначительным включением темно-серого суглинка. Само заполнение представляло собой последовательно залегающие прослойки темно-серого суглинка, смеси обожженной глины, материковой глины и темно-серого суглинка, угля. Назначение ямы не установлено.

Упомянутые серебряные монеты – дирхемы, отчеканены в Золотой Орде (г. Сарай): 1) Узбекхан, 1336/37 гг.; 2) Джанибек-хан, 1346/47 гг. Монеты атрибутированы ст. н.с. отдела нумизматики ГИМ канд. ист. наук А.В. Фоминым. Таким образом, яма № 3 может рассматриваться как закрытый комплекс, который отложился в середине – второй пол. XIV в.

В заполнении ямы было собрано 1250 фрагментов глиняных сосудов: 107 фрагментов верхних частей, 22 – днищ и 1121 – стенок.

Анализ технологических особенностей (ожелезненность глины, состав и размер зерен преобладающей примеси) выполнен для 121 образца; каждый из отобранных фрагментов предварительно подвергался нагреванию до 850° в условиях окислительной среды. По цвету излома образцы разделены на две группы: 1) белого и кремо-

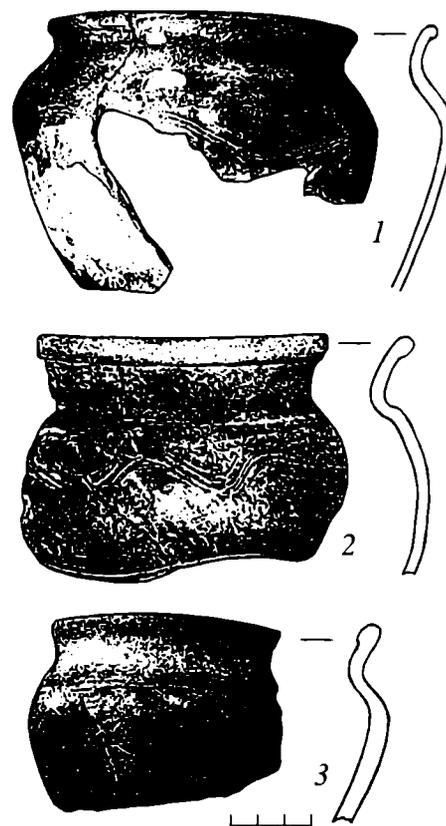

Рис. 1. Фрагменты верхних частей горшков из заполнения ямы 3.

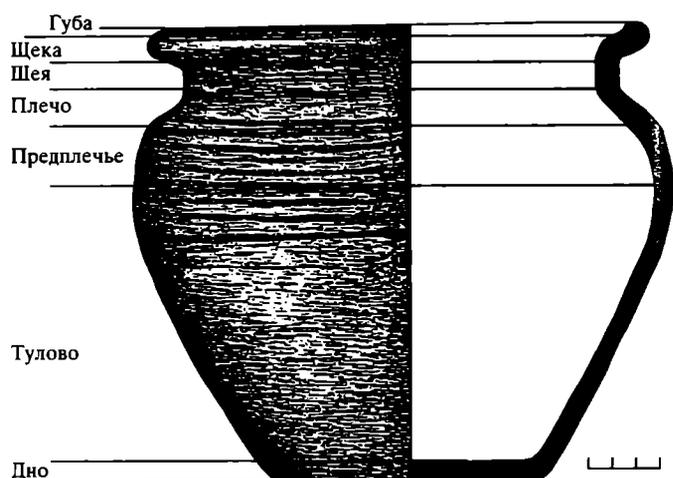

Рис. 2. Схема разделения кругового сосуда на части.

вого цветов – нежелезные глины; 2) розово-красного цвета – железные глины. К группе нежелезных глин отнесено 110 образцов, к группе железных – 11.

Основная примесь – песок с зернами менее 0.5 мм в поперечнике (115 фрагментов), лишь у 6 образцов (из 121) был отмечен песок с зернами 0.5–1 мм.

По форме профиля верхней части 107 фрагментов горшков разделены на следующие восемь типов (рис. 1–3): 1 – губа оформлена в виде валика с наружной стороны – 55 фрагментов; 2 – губа в виде валика на внутренней стороне, длинная шея (равна или больше удвоенной толщины стенки), щека отсутствует – 15 фрагментов; 3 – отличается от типа 2 короткой шеей – 1 фрагмент; 4 – губа не имеет утолщения – 17 фрагментов; 5 – щека отогнута от плеча или шеи, губа оформлена в виде валика с внутренней стороны, толщина валика не менее 1/4 толщины стенки сосуда – 6 фрагментов; 6 – отличается от типа 5 величиной валика – валик не более 1/4 толщины стенки – 8 фрагментов; 7 – губа оформлена в виде утолщения округлой формы с наружной стороны венчика: верхняя часть сначала отогнута от шеи, затем загнута внутрь, щека отсутствует – 4 фрагмента; 8 – губа в виде валиков с внутренней и внешней сторон – 1 фрагмент.

Исследованный комплекс отложился в то время, когда, судя по материалам других памятников, в верхнеокском регионе в оформлении верхней части горшка господствовал венчик с валиком на внешней стороне (тип 1), а горшки с венчиками

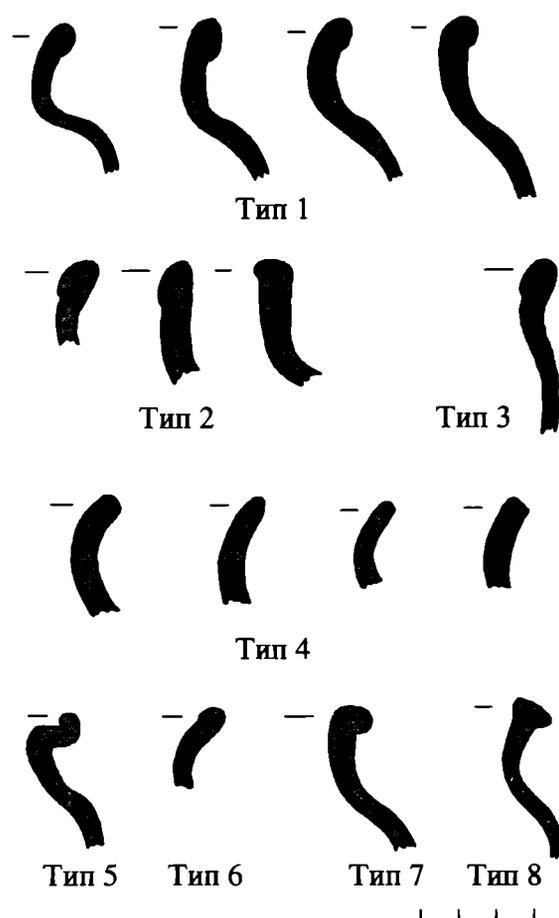

Рис. 3. Типы верхних частей круговых горшков.

типа 2 только начинали “входить в моду”. В последующее время (конец XV – первая пол. XVI в.) тип 2 при оформлении верхней части глиняной посуды становится самым распространенным. Тип 3 рассматривается как дальнейшее развитие горшков типа 2. На соседних с Любутском памятниках он датируется XVI в. Две трети фрагментов верхних частей горшков из заполнения ямы 3 принадлежит именно этим типам. Горшки с венчиками других типов бытовали в том числе и в XIV в., что не противоречит датировке комплекса ямы.

Таким образом, в совокупности с монетными находками выявленный комплекс в целом может быть отнесен к середине – второй пол. XIV в. Его керамический набор отражает ситуацию в технологии изготовления (состав формовочных масс) и оформлении верхних частей горшков, сложившуюся в это время на территории верхнеокского региона.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Н.А. Макаров, С.Д. Захаров, А.П. Бужилова. СРЕДНЕВЕКОВОЕ РАССЕЛЕНИЕ НА БЕЛОМ ОЗЕРЕ. М., “ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ”. 2001. 496 с., 125 Рис., археологическая карта района Белого озера на 13 листах.

Целью рецензируемой книги, как ее определяют сами авторы, является “реконструкция сети сельского расселения X–XIII вв. в одной из ключевых областей Древней Руси – на Белоозере – и исследование ее как региональной системы, анализ некоторых закономерностей в ее организации, становлении и развитии, выявление ее специфических особенностей и общих черт, свойственных древнерусскому расселению на Северо-Западе и Северо-Востоке” (С. 8). Без преувеличения можно сказать, что в отечественной археологии она носит в определенной степени новаторский характер.

Задачи, поставленные в книге, созвучны общим тенденциям, характерным сейчас для развития средневековой европейской археологии. Прежде всего это направленность на комплексный анализ систем сельского расселения и динамики развития древних обществ в тесной взаимосвязи с изучением природной среды, палеоэкологии и реконструкцией палеоландшафтов. Если долгое время основное внимание уделялось изучению города как генератора новаций в области экономики и культуры, то теперь очень часто стало преувеличивать внимание к выявлению облика и характера средневековой деревни. Вместе с тем новый подход требует привлечения не только усилий историков позднего средневековья, поскольку без изучения сохранившихся письменных документов оценка археологических выводов будет значительно обеднена, но и широкого круга ученых-естественников: ботаников, остеологов, антропологов, почвоведов, географов и др.

В нашей науке исследований подобного плана просто не было. В конце 1950-х годов лишь В.В. Седов предпринял попытку специального изучения сельских поселений VIII–XV вв. в центральных районах Смоленской земли. Работа охватывала небольшой участок к югу и к юго-востоку от Смоленска и была выполнена в традиционном русле историко-археологических разысканий. Можно также назвать ряд сводок памятников по отдельным регионам Древней Руси, выполненных в форме каталогов археологических древностей, как иллюстрации к историко-географическим размышлениям или как микрорегиональные исследования.

Рецензируемый труд – книга иного плана. В своей основе ее авторы стремятся использовать наиболее сильные стороны современной европейской археологии в преломлении к изучению древностей Северо-Востока России. Именно поэтому археологические материалы постоянно рассматриваются в контексте изменений среды обитания и ландшафта, в связи с историей хозяйства, при широком привлечении позднесредневековых письменных источников и различных карт. В работе используются палеоботанические материалы, полученные путем промывки культурных слоев (метод, до сих пор не вошедший в повседневную практику российских исследователей средневековых памятников), и детально анализируются антропологические данные.

Работа опирается на многолетние сплошные археологические обследования, шурфовки и раскопки, проводившиеся Онежско-Сухонской экспедицией ИА РАН в сотрудничестве с археологами Череповецкого краеведческого музея и Научно-производственного центра “Древности Севера” (Вологда). Все эти данные включены в состав приложений к работе. Археологические памятники бассейна Белого озера и Верхней Шексны (320 пунктов) собраны Н.А. Макаровым и С.Д. Захаровым, а памятники Лозско-Азатского озера, Вор-

бозомского озера, Андозера и верховьев р. Андога (172 пункта) систематизированы А.В. Кудряшевым. Хотя монография посвящена вопросам средневекового расселения на Белом озере, авторы включили в каталог абсолютно все известные археологические памятники – от неолита вплоть до позднего средневековья, т.е. представили полную археологическую карту региона. Думается, что это правильно, поскольку это не только вводит в научный оборот все открытое во время обследований, но и позволяет представить освоение человеком Белозерья в широкой исторической перспективе. В число приложений к работе также входит детальная публикация могильника Крохинские Пески – некрополя Белоозера X–XI вв., выполненная Н.А. Макаровым и Г.Л. Новиковой.

Основная часть работы состоит из двух частей. Первая – “Средневековое расселение на Белом озере” – написана Н.А. Макаровым и С.Д. Захаровым. Она касается рассматриваемых вопросов системы расселения и ее развития в X–XIII вв., организации расселения на микрорегиональном уровне, становления земледелия на севере Руси, анализу вопросов сложения города Белоозера и его соотношения с Белозерском, проблемам взаимоотношений веси и славян, некоторых общих вопросов древнерусской колонизации Белозерья. Вторая часть книги, принадлежащая перу А.П. Бужиловой, “Биологическая и социальная адаптация населения Русского Севера (по антропологическим материалам Белозерья и Поонежья)” носит более специальный характер и придает новые оттенки пониманию вопросов древнерусской колонизации, как она традиционно представляется археологам и историкам.

Задача, поставленная авторами книги, оказалась весьма не простой для выполнения. Дело в том, что они при анализе характера поселений были вынуждены опираться не на материалы раскопок, а на разведочные данные. Всего было учтено 186 памятников, относящихся к интервалу между IX–X и XIII вв., на которых заложено около 230 шурфов размерами 1 × 1 м, а на восьми поселениях – небольшие раскопы и траншеи площадью от 10 до 120 кв.м. При всей кажущейся внушительности цифр, любому археологу, сталкивавшемуся в своей практике с изучением селищ, очевидно, что при такой начальной базе источников практически невозможно дать хронологическое деление памятников по векам и тем более определить площадь поселений по периодам и характер планировки (усадебная, однорядная и др.). На 56 поселениях найдена только керамика, на 41 наряду с керамикой встречены по 2–3 индивидуальных находки и лишь на 3 – по 30–50 предметов (С. 63). Именно поэтому Н.А. Макаров и С.Д. Захаров вынуждены часто оперировать в своих заключениях в широких хронологических рамках, и только отдельные вещи, типы керамики или более общие наблюдения являются надежными индикаторами (к примеру, исчезновение лепной посуды для датировки селищ второй половины XII–XIII вв.). Справедливости ради надо сказать, что авторы в полной мере отдают отчет в характере материала, на который они вынуждены опираться, и многократно оговаривают это в книге.

Все это не значит, что первая попытка широкого рассмотрения древнерусского сельского расселения покоится на шатком основании. Здесь помогла, если следовать авторам, сложившаяся специфика освоенности древним населением региона Белозерья. Она заключается в следующем. Как отмечают авторы книги, сеть средневековых поселений “форми-

рвалась на почти не заселенной свободной территории в процессе внешней колонизации” (С. 107), т.е. древнерусские колонисты приходили на “чистую” территорию, хотя “почти все гнезда и кусты древнерусских поселений формируются в микрорегионах, освоенных в эпоху первобытности” (С. 109). Следующим важным моментом является то, что, судя по наблюдениям авторов, материалов XIV–XV вв. на большинстве памятников со слоями X–XIII вв. вообще нет, поскольку с конца XIII в. меняется система расселения (С. 225). Тем самым Белозерье выступает как своеобразный уникальный полигон для изучения расселения в древнерусское время, если мы не ошибаемся, оперируя периодами в два-три столетия, анализируя характер памятников. Во многих других областях Руси, в частности в центральных районах Новгородской земли, хотя население в XI–XII вв. (раньше, чем в Белозерье) осваивает и заселяет водоразделы, на прежних местах обитания жизнь продолжается вплоть до современности. Археологи в этих случаях имеют дело с выраженными культурными отложениями, непрерывно накапливавшимися по крайней мере с IX в. и вплоть до наших дней. Естественно, любые рассуждения о площади поселений в XI, XIII, XV или в XVII в. и о детальной хронологии без серьезных раскопок невозможны. В этом состоит главная причина того, что я в свое время при анализе размещения населения в центральном Приильменье просто был вынужден отказаться от детального картирования памятников по узким хронологическим периодам, предпочтя оперировать более широкими датами (кроме начального периода существования поселений, хорошо маркированного наличием лепной керамики, исчезающей к концу X в.).

Не стремясь в одной небольшой рецензии охватить все многообразие крупных тем и небольших сюжетов, затронутых в книге, остановлюсь лишь на некоторых, на мой взгляд, принципиальных вопросах. Представляется крайне важным, что через все изложение достаточно определенно проведена идея, что вся история региона в древнерусское время проходила под эгидой славянской колонизации и расселения. Эта мысль следует в общем русле либеральной русской историографии, подчеркивавшей, что вся история страны есть история постоянного расширения границ государства и продвижения населения сначала Руси, потом России, первоначально в основном в северном, а затем в восточном направлении. Каков был “механизм” расселения, как шло освоение новых мест, как эта картина менялась со временем, какова была роль общин, монастырей, государства, наконец, как это отражалось в археологических источниках и материальной культуре? Всегда по поводу этих вопросов выдвигались совершенно различные мнения многими известными отечественными историками.

Стоит повторить некоторые важнейшие суждения, высказанные в книге, вытекающие из проанализированного авторами материала. Сеть древнерусских поселений возникла на слабозаселенной территории, она не выросла из системы предшествующих памятников веси, центр расселения которой находился в Западном Белозерье на р. Суда. Колонизационный процесс XI–XII вв. в основном протекал как процесс возникновения небольших одиночных поселков. В итоге в регионе сформировалось 12 кустов памятников, объединенных в гнезда из однородных поселков. Эти гнезда образовались не в результате сегментации первоначального основного родового поселка, а являются социальными, соседскими образованиями, сформировавшимися достаточно быстро из групп пришлого населения в неких оптимальных для ведения хозяйства географических точках. В рассматриваемом районе во второй пол. IX – первой пол. X в. никакого общерегионального экономического и административного центра не было, и “дальнейшие поиски города Синуса, если конечно видеть в нем сколько-нибудь значительное поселение, представляются малоперспективными” (С. 85). С другой стороны, в это время в Белозерье возникли несколько конкурировавших между собой местных центров

(Крутик, Васютино на Мегре, Никольское I на Кеме). Последний, вероятно, был связан с Новгородом.

В целом из созданной авторами картины древнерусской колонизации вырисовываются контуры общей модели расселения, которая с хронологическими поправками для различных районов Древней Руси может быть применена достаточно широко и служить определенным эталоном при анализе процессов расселения и освоения новых территорий, хотя не все ее стороны равнозначно обоснованы.

Я вполне согласен с отстаиваемым авторами тезисом о возникновении древнейшего городского поселения – Белоозера в истоке Шексны вне связи с его аграрной округой. Оно возникает в неосвоенном районе, ближайшие памятники с культурным слоем X в. находятся на расстоянии 17–25 км от Старого Города, а к несколько более позднему времени в десятикилометровом радиусе относятся лишь 5 селищ и два местонахождения (С. 83, 175). “Белоозеро на первом этапе своего существования могло функционировать лишь как самодостаточный организм, как поселение, жители которого обеспечивали себя всем необходимым” (С. 84), причем даже во второй пол. XII–XIII вв. “сеть сельских поселений вокруг города пребывала в зачаточном состоянии” (С. 176). Возникновение городского поселения у истока Шексны определялось географической значимостью места его расположения в системе расселения и хозяйства древнерусского времени. Город запирает единственный вход в Белое озеро из речной системы Волги, отсюда водными путями можно было легко попасть во “внутренние” районы Белозерья, здесь же открывался удобный доступ к трем важнейшим волокам – Славенскому, Ухтомскому и Бадожскому, которые вели соответственно на Северную Двину, Онегу и Онежское озеро (С. 79). При значительной ориентированности экономики древнерусского населения в Белозерье на промыслы то расположение городского центра, которое мы имеем, вполне логично. Авторы не первыми формулируют мысль об образовании части древнерусских городов вне сельскохозяйственных округ и не исключительно как их центров, вопреки концепции, десятилетиями господствовавшей в советской исторической литературе, но они впервые четко определили место Белоозера в этом процессе, подкрепив убедительным фактическим материалом.

К началу XIII в. Белоозеро, несмотря на свое обособленное положение по отношению к скоплениям земледельческого населения региона, превратилось в огромное поселение, раскинувшееся более чем на 50 га. Со второй половины столетия, однако, наступает его постепенный упадок, и оно уступает место новому центру края на южном берегу озера – городу Белозерску. Эта смена, по мнению авторов, была обусловлена кризисом прежней структуры экономики – истощением промысловых угодий и недостатком сельскохозяйственных земель в окрестностях города. Белозерск вырос в совершенно ином районе, районе интенсивного земледелия XIV–XV вв., где высокая концентрация людских и материальных ресурсов сложилась уже в предшествующее время. Подобное заключение представляется убедительным.

Крайне важным является общая оценка хозяйственной деятельности древнерусского населения края. В книге проводится мысль, что для X–XV вв. мы можем выделить два различных этапа. На первом из них, вплоть до второй пол. XIII в., в регионе господствовало комплексное хозяйство, значительная товарность которого обеспечивалась, в первую очередь, не земледелием, а высокой продуктивностью разнообразных промыслов, прежде всего добычей пушнины. Этот промысел мог вести далеко за пределами своих микрорегионов. Такого рода занятия обуславливали преимущественно размещения поселений компактными группами, поскольку мужское население имело большую свободу для пребывания вне поселков, это же позволяло концентрировать продукты промысла в немногих точках, что облегчало их вывоз. Со второй пол. XIII в. система расселения меняется, что, как и в случае возвышения Белозерска вместо Белоозера, объясняется стремлением увеличить в экономике долю аг-

рарного сектора. На месте крупных кустов древнерусских поселений формируется система малодворных деревень, расположенных на расстоянии 0,5–1 км, к которым примыкали их собственные угодья, что избавляло крестьян “от ежедневных многокилометровых передвижений к местам полевых работ” (С. 165, 167, 183, 225). Таким образом, изменилась вся пространственная организация сельского расселения Белозерского края. Впрочем, авторы отмечают, что глубокие изменения систем расселения “четко прослеживаются по археологическим материалам, но с трудом поддаются исторической интерпретации”, и без раскопок “любые объяснения организации расселения в конце XIII–XIV в. будут оставаться гипотетическими” (С. 225).

Думается, это правильно. И если предложенная модель изменения аграрной составляющей в экономике края прекрасно объясняет смену места главного городского центра на Белом озере, то в отношении сельского расселения еще стоит поразмышлять, тем более, что “сельские поселения XIV–XVII вв. на Белозерье пока не были предметом специального выявления и фиксации”, что подчеркивают сами авторы (С. 200).

При том, что нет оснований сомневаться в полевых наблюдениях авторов, все же полное запустение мест поселений древнерусского времени в XIV–XV вв. вызывает целый ряд вопросов, тем более что это противоречит общей картине, наблюдаемой в большинстве районов Древней Руси. Освоение водоразделов, формирование разбросанной системы малодворных деревень отнюдь не предполагает, что прежние деревни и поля должны были обязательно забрасываться, а тем самым, на местах прежних поселений, может быть не с прежней интенсивностью, должна была продолжаться жизнь. Соответственно мы вправе ожидать присутствие там соответствующих остатков материальной культуры. Эту мысль прекрасно иллюстрирует опубликованная авторами графическая картина расселения и изменения культурного ландшафта в регионе в XII–XIV вв. (Рис. 76). На рисунках освоения ландшафта в ситуации XII – первой пол. XIII вв. (Рис. 76 – а, б) хорошо видно, что на приустьевых участках рек располагались жилые дома, хозяйственные строения, и к ним примыкали обрабатываемые поля, сзади них по возвышенным холмам стеной подступал лес. В ситуации XIV в. картина меняется (Рис. 76 – с, d). Широко освоены ранее покрытые лесами холмы, там разбросаны однодворные деревеньки, рядом с которыми находятся поля, но приустьевые участки остаются заселенными. Здесь продолжают возделываться поля и стоят более редкие, чем в предшествующий период, крестьянские дворы.

В связи с данным рассуждением примечательно, что авторы подчеркивают тяготение приходских церквей XV–XVII вв. к гнездам поселений домонгольского времени и констатируют историческую преемственность между основными узлами древнерусского расселения на Белозерье и позднейшими погостами (С. 207). Часть позднейших храмов могла находиться непосредственно на местах построек и христианских некрополей XII–XIII вв. (С. 215).

На мой взгляд, система сельского расселения в Белозерье действительно изменилась к XIV в. Вся территория покрылась сетью малодворных деревень, занявших участки, ранее не использовавшиеся для земледелия, но жизнь на местах прежних поселений продолжалась. Констатация изменения сети сельского расселения – несомненная заслуга авторов книги. С ними нельзя не согласиться и в том, что земледелие в структуре хозяйства начинало играть все большую роль. Это было вызвано оскудением базы промыслов, но главным образом, думаю, увеличением численности населения и нехваткой для ведения сельского хозяйства земель. Кроме того, несомненно, сказался и возросший к XIV–XV вв. уровень агротехники, что позволяло осваивать различные типы почв. Все это вело к рассредоточению населения и привязке дворов к мелкоконтурным угодьям. Подобная ситуация предполагает реальную крестьянскую земельную собственность внутри сельских общин и выводит на решение целого

ряда крупных вопросов характера феодальной собственности в России. Прямого ответа на эти вопросы археология дать, естественно, не может, но материал, собранный в рецензируемой книге, вплотную подводит к анализу отмеченных проблем.

Крайне интересной главой книги является раздел об истории становления земледелия на северных окраинах Древней Руси, подготовленный совместно Н.А. Макаровым, С.Д. Захаровым и Н.А. Кирьяновой. Авторы опираются на палеоботанический материал, полученный путем флотации. Отбор проб был осуществлен в 27 точках на 22 памятниках, и на 20 из них собрано около 2000 целых и фрагментированных зерен. Для X–XI вв. в составе посевов на первом месте стоял ячмень, за которым следовали рожь, пшеница и овес. В XII–XIII вв. рожь выходит на первое место, а за ней следующие места занимают ячмень, пшеница и овес. Преобладание ячменя в ранний период объясняется авторами почвенно-климатическими условиями Белозерья, в частности тем, что ячмень имеет короткий вегетационный период, что было очень важно в северных условиях. Обращает на себя внимание полное отсутствие в структуре посевов проса, культуры широко распространенной в конце I тыс. н.э. в районах Север-Запада. Авторы очевидно правы, что в условиях региона Белого озера просо не успевало вызревать.

Недостатком этого раздела является его “закрытость” для специалистов, а именно полное отсутствие таблиц с конкретными определениями и подсчетами по каждому памятнику и по всему спектру полученных во время промывок материалов, а не только зерновых. В современной западноевропейской литературе приведение таких таблиц является нормой. Укажем, как пример, на статью 1997 г. А. Альслебен, почему-то не упомянутую в книге. Она посвящена археоботаническим методам и их применению на городище Георгий в Приильменье, и в таблицах по результатам анализа из промывок данные сведены в следующие разделы: зерновые, бобовые, фрукты и орехи, сорняки и растения пустырей и свалок, растения мокрых и сухих лугов, деревья, прочие растения (Альслебен, 1997. С. 191–204). Авторы главы постарались зафиксировать динамику изменения состава зерновых у населения Белозерья в древнерусское время, но было бы крайне важно констатировать структуру посевов и у местного финского населения до начала широкой колонизации.

Подводя итоги рассмотрения материала, Н.А. Макаров обращает внимание, что “многие крупнейшие и наиболее древние сгустки средневековых поселений на территории Северной Руси концентрируются вокруг озер, вблизи которых возникают и важнейшие городские центры”. Главным объяснением этого он считает то, что “именно в районах озер природные условия позволяли обеспечить существование значительной массы населения на компактных участках”, и мы “сталкиваемся с единым принципом организации территориальных структур”. Белоозеро, по его мнению, – один из наиболее ярких примеров такой ситуации. При этом Н.А. Макаров противопоставляет этот взгляд традиционному подходу отечественной исторической географии, подчеркивавшей роль рек как основных системообразующих элементов при формировании древнерусских земель и волостей (С. 220, 222).

В сказанном чувствуется определенная увлеченность автора, и картина не столь однозначна. Пример возникновения Белоозера, приведенный Н.А. Макаровым, на мой взгляд, прекрасная иллюстрация как раз обратного положения, чем решение, предлагаемое автором. Древнейшее городское поселение возникло у истока Шексны из озера отнюдь не в связи с какой-то выделяющейся концентрацией здесь населения и не в связи с особым плодородием примыкающих земель. Город оказался сдвинут в сторону от скопления поселений, как веси, так и древнерусских колонистов. Его изначальное значение определили функции своеобразного “замочка” в месте, где сходились обширные системы рек, впадавших в Белое озеро, и закрывался выход на Волгу. Точно таким “замочком” был Новгород, где в истоке Волхова сходилась вод-

ная сеть рек, впадавших в Ильмень, а по Волхову открывался путь в Ладожское озеро. Также в ключевом месте встречи водных систем расположился и Псков.

Как один из факторов – значение озер как мест соединения обширных водных систем и путей сообщения – естественно, называет и Н.А. Макаров, но для него это фактор не основной (С. 222). Но вот что любопытно. Белоозеро существует только до тех пор, пока процветает промысловое (пушное) хозяйство края, пока сохраняется его высокая товарность, что показывают авторы книги, а значит, пока контроль обширных речных систем и выход на Волгу имеют первостепенное значение. Как только система хозяйства меняется – Белоозеро хиреет, уступая место Белозерску, бурно заселенному на хорошо освоенном хозяйственно и плотно заселенном участке у озера. Значит, не просто наличие озера и густота сельского населения определяли существование города на Белом озере в его начальный период, а в первую очередь, именно сохранявшееся большое значение речных систем региона для его существования. В примере с Новгородом этого не произошло, поскольку наряду с ключевой ролью “замочка” на водных магистралях он изначально возник в ступке сельских поселений.

Озера, несомненно, притягивали значительные массы населения, и Н.А. Макаров конечно прав, подчеркивая их подобную роль в Северной Руси и приводя различные примеры, но это лишь один аспект темы. Вторым является роль речных систем для образования первых городов и, наконец, третьим – роль речных систем при формировании границ княжеств. Остаюсь при своем убеждении, что в начальный период русской истории именно реки являлись основными путями расселения славянства, именно на ключевых участках рек, в местах схождения речных систем возникли важнейшие города, именно водоразделы разделили во многих местах древнерусские земли. Все это можно привести массу примеров (Носов, 1999. С. 157–170). Думается, остается справедливым замечание В.О. Ключевского о том, что “в первоначальном племенном, как и в сменившем его областном, земско-княжеском делении древней Руси, легко заметить это гидрографическое основание” (Ключевский, 1956. С. 64).

Достаточно обширный раздел монографии написан А.П. Бужиловой по антропологическим материалам Белоозерья и Поонежья. Как не специалисту-антропологу, мне трудно судить о конкретных наблюдениях автора, но ее общие выводы весьма интересны. Целью главы было “оценить последствия физиологической адаптации средневекового населения к природным и социальным факторам среды при освоении отдельных территорий Русского Севера” (С. 230). Для оценки межгруппового и внутригруппового разнообразия было обследовано 15 остеологических серий, датированных XI–XIII вв.

Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург

А.П. Бужилова пришла к заключению, что колонизация и миграционные процессы на Северо-Востоке Русской равнины не носили массового характера, а осуществлялись постепенно семьями и небольшими группами населения. На примере палеогруппы Нефедьево удалось показать, как конкретно проходил этот процесс. Первыми на поселении были родственные семьи (8–14 человек), которые на протяжении 3–4 поколений лишь незначительно пополнялись извне.

Для оценки негативных факторов, влиявших на популяцию мигрантов, автор привлекла данные по Северо-Западу Русской равнины. По ее мнению, на территории Новгородской земли воздействие негативных факторов было намного значительнее, чем на Северо-Востоке. Тяжелый физический труд на фоне некалорийного питания и низкого уровня жизни некоторых новгородских популяций способствовал снижению средней продолжительности жизни населения. У населения Северо-Востока, наоборот, все индикаторы физиологического стресса демонстрируют заниженные показатели, что свидетельствует о высоком уровне здоровья и менее напряженном воздействии негативных социальных факторов. Периферийное положение территорий Русского Севера обусловило спокойное, без военных конфликтов, течение жизни, которое способствовало увеличению плотности населения.

Несомненным достоинством книги является то, что она снабжена обширным (С. 442–467) резюме на английском языке, где в сжатой форме излагаются важнейшие результаты каждого из обобщающих разделов монографии. Кроме того, переведены и все подписи к имеющимся иллюстрациям и картам. Все это, несомненно, привлечет внимание к рассмотренным материалам не только отечественных, но и широкого круга зарубежных ученых, не владеющих русским языком, но имеющих интерес к вопросам освоения северных территорий, вопросам адаптации человека в суровых климатических условиях и проблемам взаимоотношения славянского и финно-угорского мира.

В заключение надо подчеркнуть, что рассмотренная коллективная монография является фундаментальным вкладом в отечественную археологию и надежной основой для разработки важнейших вопросов заселения Северо-Востока Русской равнины.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Альслебен А.* Земледелие Новгородской округи в IX–X вв. (археоботанические методы и их применение на городище Георгий) // Древности Поволховья. СПб., 1997.
- Ключевский В.О.* Курс русской истории. Ч. I // Сочинения. Т. I. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1956.
- Носов Е.Н.* Речная сеть Восточной Европы и ее роль в образовании городских центров Северной Руси // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М., 1999.

Е.Н. Носов

А.П. Деревянко, В.Т. Петрин, Е.П. Рыбин, Л.М. Чевалков. ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ СТРАТИФИЦИРОВАННОЙ ЧАСТИ СТОЯНКИ КАРА-БОМ. Издательство института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, 1998, 279 с., илл. (СТАНЕТ ЛИ АЛТАЙСКАЯ СТОЯНКА КАРА-БОМ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИМ БОКЕР-ТАЧТИТОМ?)

Как известно, переходная стадия любой исторической категории представляет наибольшую трудность для исторической реконструкции, которая может основываться только на всегда легко выделяемом соотношении архаических (предшествующих) и развитых эволюционно (последующих) групп анализа. Не являются исключением в этом плане и палеолитические культуры. Так, проблема перехода от мустьерских среднепалеолитических индустрий к верхнепалеолитическим вызывала жгучий интерес специалистов по крайней мере с начала прошлого века, когда был показан возможный переход от позднемустьерской индустрии Абри Оди к раннему верхнему палеолиту. Сведения по первоначальному этапу изучения проблемы в Европе можно найти в монографии Г.П. Григорьева (1968). В последующие годы центр изучения проблемы переместился в Азию, прежде всего на Ближний Восток, где затронутая тематика всегда была в центре внимания, начиная с публикаций Д. Гаррод и Р. Невилля, и особенно концентрированно – после изучения двух памятников пещерной стоянки Ксар-Акиль в Ливане и открытой стоянки Бокер-Тачтит в пустыне Негев (Azougy, 1986; Marks, Kaufman, 1983; Volkman, 1983). Особенно популярными стали публикации последней стоянки, которые и на сегодняшний день являются классическим примером перехода от мустье к верхнему палеолиту.

Абсолютные даты, полученные по радиоуглероду, показывают, что первый слой Бокер-Тачтита формировался 47–46 тыс. лет тому назад, а четвертый 35 тыс. лет назад (Marks, 1983. Р. 37). Это относительно близко к датировке леваллуа-мустьерских слоев Ксар-Акиль – 44400 ± 1200 лет (Coreland, 1975. Р. 335), тогда как начало верхнего палеолита этого памятника имеет дату 38–35 тыс. лет (Derevjanko et al., 1998. Р. 824).

На сегодняшний день можно резюмировать, что на Ближнем Востоке имеется несколько путей перехода от леваллуа-мустье (или левантийского мустье, как принято говорить сейчас) к верхнему палеолиту. Это эмиранские индустрии, индустрии с превалированием техники шанфрейн, и индустрии типа Бокер-Тачтит. Во всех случаях на время переходных индустрий их основой остается леваллуазская (частично мустьерская) технология, сочетающаяся с верхнепалеолитическим орудийным комплексом, который возникает еще в недрах индустрий левантийского мустье.

Прежде всего нужно сказать, что рецензируемая книга издана в Институте археологии и этнографии СО РАН (пример, достойный подражания!) тиражом в 1000 экз., вполне достаточным на фоне современных малотиражных археологических изданий. Можно отметить и высокий уровень полиграфического исполнения, за исключением трудно читаемых профилей (С. 194, 196, 198, 201). Нечеткими, к сожалению, получились и некоторые очень важные по смыслу рисунки изделий, показывающие эволюционное развитие, в которых плохо просматриваются фасетки сколов и ретушь (Рис. 49, 56). Самой высокой оценки заслуживают многочисленные рисунки каменных орудий – новосибирская рисовальная школа давно завоевала международное признание. Фактом исключительной важности можно считать параллельные тексты на английском и французском языке. Насколько я могу судить, оба перевода осуществлены на очень высоком уровне. Это обеспечивает монографии большую международную популярность, открывая для зарубежных читателей новую и чрезвычайно важную страницу отечественной археологии.

Построение книги несколько необычное. Общие стратиграфические и планиграфические данные вынесены во Введение. Далее следует последовательное описание индустриальных комплексов двух мустьерских и четырех верхнепалеолитических уровней обитания, занимающее 4 главы. Четвертая

глава и очень краткое заключение посвящены определению технико-типологического облика индустрии стоянки и корреляции с индустриальными комплексами сопредельных территорий. Далее следуют четыре приложения, затрагивающих вопросы геологии и палеогеографии межгорных котловин Горного Алтая, реконструкции эволюции природной среды, палинологии и функционального анализа индустрии стоянки. В данной рецензии они не рассматриваются, но хотелось бы подчеркнуть, что широкое привлечение данных естественных наук всегда было сильной стороной публикаций новосибирских ученых.

По условиям залегания артефактов стоянка Кара-Бом (в дальнейшем КБ) чрезвычайно характерна для палеолитических памятников, связанных со склоновыми отложениями, и поэтому выделение участка с субгоризонтальными уровнями, составляющего стратифицированную часть, определяет большую заслугу исследователей¹.

Авторы выделяют шесть уровней обитания, употребляя этот широко распространенный за рубежом термин (living floor), чаще переводимый на русский язык как жилой уровень (горизонт). При этом мустьерские уровни именованы горизонтами культурных остатков, причем не объяснено различие между этими двумя терминами. Представлены планы всех уровней обитания, на которых точками показано положение артефактов, к почти каждому из которых дан номер и глубина залегания, а кости показаны черточками, ориентированными по сторонам света. Это форма, продолжающая разработки, начатые в Таджикистане и некоторых других регионах бывшего СССР в 70-е годы прошлого века (Ранов, 1980; Ранов, Амосова, 1990). Такая форма фиксации более приспособлена к реконструкциям, но только в том случае, если в дальнейшем будет произведен анализ взаиморасположения находок. Площади и вертикальная мощность культурных слоев КБ приведены в соответствующем тексте. Имеется смыкание 5-го и 4-го уровней обитания, хорошо видно на рис. 4Б, поскольку на планах они занимают одинаковые квадраты. Этот случай, к сожалению, не разъяснен. Думается, полезным было бы показать и вертикальное распределение артефактов по уровням обитания, что сделать нетрудно при данной системе фиксации (ср.: Schäfer et al., 1998. Fig. 5, 8). Ценность стоянки составляет и значительное количество радиоуглеродных и ЭПР-дат, позволяющих определить возраст мустьерских слоев в 62 тыс. лет (ЭПР), а верхнепалеолитических – в рамках 43–30 тыс. лет (С. 19–21). При этом общее количество дат (12) располагается в хорошей последовательности, за исключением последней даты по С14, которая превышает предыдущую на 8 тыс. лет. Расхождение абсолютного возраста по данным различных методов широко известный факт (Meignen, 1998; Лаухин и др., 2000), поэтому соотносить ЭПР для мустьерского горизонта 62.2 тыс. с радиоуглеродными датами 6–5-го уровней обитания 43.2 и 43.3 достаточно сложно, поскольку получается, что перерыв между двумя эпохами палеолита равняется почти 20 тыс. лет, и надо принять возможность, что за этот отрезок времени мало что изменилось в каменной индустрии палеолита Алтая. Более подходило бы две радиоуглеродные даты из мустьерского горизонта, они >42 тыс. лет и >44 тыс. лет. Но, к сожалению, эти даты не имеют определенного предела. В целом же, несмотря на краткость описания планиграфии и отсутствие вертикального расположения слоев, общая стратиграфическая ситуация охарактеризована достаточно четко.

¹ Я могу в полной мере оценить этот успех, поскольку в своей практике столкнулся с этой сложной проблемой во время раскопок пещерной стоянки Огзи-Кичик.

Заключительная часть Введения посвящена анализу археологического инвентаря. Главная часть работы с коллекциями каменного инвентаря стоянки выполнялась на основе обычного для такого анализа типологического метода (С. 24). Вместе с тем авторы провели огромную работу по изучению техники расщепления камня и сравнению различных технокомплексов. В этом плане рецензируемая работа в большей степени является новаторской, не имеющей пока аналогий в нашей литературе, и ее можно охарактеризовать как первый широко поставленный опыт отечественного варианта распознавания “цепи операций” (*chaines d'opérations*), широко трактованного во французской литературе (Boëda et al., 1990). В этом несомненное достоинство данной работы, тем более, что превалирование техники над типологией сейчас становится преимущественным пониманием технологии палеолита (Moncel, 1998. P. 182). Жаль только, что исследователи КБ не привели хотя бы небольшую часть “таблиц учета признаков”, на которых демонстрировались все элементы данной “цепи операций” применительно к данному памятнику. Их присутствие в значительной степени облегчило бы понимание описаний процесса редукции различных типов нуклеусов, неоднократно приведенных в дальнейшем изложении. Эту работу авторы относят к первому этапу. Вторым этапом анализа является изучение орудий с искусственной ретушью, которые подразделяются на три группы – предметы с частичной обработкой, обушковые изделия, орудия с высокой организацией формы и присутствием как первичной, так и вторичной ретуши. Эти “руководящие ископаемые” – предметы, показывающие традиционные способы оформления орудий труда (С. 24). Для орудий третьей группы так же составлялись “таблицы учета признаков”.

Для мустьерских горизонтов подсчитаны традиционные индексы: леваллуа технический и типологический, индекс удлиненности пластин, фасетированности в двух вариантах. Совершенно правильно, что показатель пластинчатости выводился в двух значениях в связи с частой фрагментацией заготовок. Индекс пластинчатости обший включает все сколы с параллельной огранкой и параллельными краями, а индекс пластинчатости частный только заготовки, у которых длина превышает ширину более чем в 2 раза (С. 25). Леваллуазские острия подсчитываются отдельно, хотя в принципе такое острие морфологически та же пластина, только со сходящимися на дистале краями и имеющая определенную форму. Ведь пластины удлиненной формы с параллельными краями, но приостренные на конце включаются в группу пластин, а не острий (Рис. 41, 1; правда уже в верхнепалеолитическом, а не в мустьерском уровне).

Можно вполне согласиться с логикой авторов монографии о необходимости объединения некоторых технокомплексов (1–2 для мустьерских горизонтов, 1–4 для верхнего палеолита). Не могу не остановиться на уже навязшей у всех на зубах, плохо разрешимой леваллуазской проблеме. Как ранее уже отмечено в различных работах, посвященных этой теме, существует как бы две категории выражения данной технологии, или, по словам Э. Боëда, “концепции леваллуа”. Первая – это прослеживание “цепи операций”, ведущих к получению одного или чаще нескольких заготовок леваллуазского типа, или, другими словами, редакций – восстановление этапов использования леваллуазских нуклеусов (термин, предложенный А. Марксом). Для этой группы исследователей форма леваллуазской заготовки важного значения не имеет, принадлежность ее к категории леваллуа определяется на основе логики восстановления “цепи операций”, говорящей об определенном этапе скальвания, соответствующем представлению автора о леваллуазской технологии, а иными словами, по огранке спинки и ударной площадки и некоторым другим признакам (Boëda, 1994). Другая, количественно значительно меньшая, группа исследователей пытается найти критерии для определения собственно “предetermined” продукта леваллуазского раскальвания (тонкая в поперечном сечении пластина правильной формы с симметричными или сходящимися краями и т.д.), используя для

этого измерительные приемы (Ranov, 1995). При этом надо понимать, что однозначного определения этих критериев найти невозможно (Van Peer, 1992. P. 5), и каждый исследователь использует для подсчетов индексов леваллуа свои собственные представления (достаточно просто просмотреть рисунки в публикации материалов Конференции в Филадельфии (1994 г.), посвященной определению и интерпретации леваллуазской технологии, чтобы убедиться в разночтении в определении леваллуазского продукта) (The Definition..., 1995).

Как мне кажется, в этих условиях было бы хорошо, чтобы в каждой публикации указывался принцип определения заготовок леваллуа, используемый в данной работе. При описании двух мустьерских уровней КБ использовались леваллуазские индексы, но четкого определения названных выше критериев в тексте работы нет. Упомянуто, что авторы придерживаются представления о расширенном понятии леваллуа, т.е. выделяют леваллуазские пластины, отщепы и острия (С. 25), в другом случае говорится о принципе леваллуазского параллельного расщепления (т.е., получении леваллуазских острий и пластин), о рекуррентном (т.е., повторяющемся многократно) методе снятия заготовок (С. 26, 38). Можно понять, что в данном случае использовались критерии, связанные с техническими показателями, но лучше бы было, если бы авторы сами определили, что они имели в виду, выделяя леваллуазские заготовки. Далее следует описание индустриального комплекса мустьерских 1-го и 2-го горизонтов. Нужно сказать, что большой заслугой Новосибирской палеолитической школы является четко выработанная система описания палеолитического материала. Для упомянутых горизонтов выделены нуклеусы и их преформы, отходы техники первичного расщепления, куда отнесены почемуте не только технические сколы (обломки, поправки фронта расщепления, краевые сколы и т.д.), но и пластины и отщепы. Орудийный набор включает ретушированные пластины и отщепы, выемчатые орудия, зубчатые орудия, зубчато-выемчатые орудия, ножи, леваллуазские острия (в том числе и неретушированные), скребла высокой формы, скребки, резцы, орудия с проколковидным элементом, резчик и бифас (оба в единственном экземпляре), комбинированные орудия. Приведена очень полезная статистика размеров, характера фрагментации, типов ударных площадок (С. 32). Артефакты горизонта иллюстрируются большим количеством (около 70) прекрасно выполненных рисунков. Хорошо выполнены и индивидуальные описания нуклеусов, отдельных сколов и орудий с ретушью. Можно сказать, что по обилию информации, четкости изложения и статистики описание мустьерской индустрии принадлежит к лучшим образцам, имеющимся в нашей литературе.

Как для мустьерских горизонтов, так и для верхнепалеолитических после описания индустрии следует анализ всего индустриального набора обоих горизонтов, на котором и стоит остановиться подробнее.

“Практически все ядрища относятся к категории леваллуазских” (С. 46). В этом случае вся индустрия подводится под один из трех возможных вариантов, на которые указал Э. Боëда: 1) весь материал из данного слоя является продуктом внутриваллуазской операционной схемы, 2) весь материал не является результатом леваллуазской технологии, но имеются типологически выделенные заготовки леваллуа, 3) материал соответствует двум выделенным способам раскальвания: один леваллуазский, другой – не леваллуазский (Boëda, 1995. P. 41, 42). В данном случае принят первый из возможных вариантов. Это право авторов и это их понимание концепции леваллуа.

Безусловно полезным можно считать текст, посвященный нуклеусам и преформам: преобладают нуклеусы параллельного принципа скальвания, затем по степени представительности идут леваллуазские нуклеусы для получения отщепов и очень мало, к тому же невыразительных, нуклеусов леваллуа для получения острий. Требуется объяснения наличие большого количества типичных леваллуазских острий, крупных леваллуазских пластин и практически полное от-

существование выразительных леваллуазских отщепов. Авторы объясняют этот факт характером переоформления нуклеусов, но я бы еще обратил внимание, что отщепов, снятых с нуклеусов типа “тортез”, вообще мало в азиатских мустьерских коллекциях. Еще раз подчеркну, что пониманию представленной “цепи операций” (С. 46) очень бы помогли конкретные схемы, которыми так изобилуют современные французские издания. Такие схемы представлены в отдельной статье одного из авторов (Рыбин, 1998. Рис. 1), но было бы полезно представить их и в монографическом описании.

Следует остановиться и на очень важном элементе КБ – леваллуазских острях. Метод их получения описан (С. 38). В принципе это объяснение близко к описаниям снятия леваллуазских острий Бокер-Тачтита, хотя для этого памятника характерны двухплощадочные нуклеусы и подготовка поверхности у них велась с одного направления, а снятие собственно леваллуазского острия производилось с другой площадки во встречном направлении (Marks, 1983. Р. 68)². Но достигнуть подобного же результата можно и при помощи скалывания с одноплощадочного нуклеуса (Demidenko, Usik, 1995. Р. 6). Другой вопрос, где лежит граница между леваллуазским острием и удлинненной треугольной пластиной, которая не является в описаниях материалов Бокер-Тачтита леваллуазским продуктом (Marks, Kaufman, 1983. Fig. 5–7, i, j). В то же самое время Л. Менъен, в последнее время сделавшая очень много для изучения пластинчатых индустрий Леванта, подобные пластины называет “леваллуазскими удлинненными” (Meignen, 1998. Fig. 1, 2, 34).

Подчеркну также, что леваллуазские острия мустьерских горизонтов КБ по своей форме и степени стандартизации сильно отличаются от коллекции Бокер-Тачтита и в большой степени и от других ближневосточных памятников. Чем это вызвано, пока трудно сказать. Прежде всего, это может быть характером первичного материала, менее пластичного на Алтае, различной техникой снятия острий и, наконец, более широким представлением авторов об этой заготовке или орудиях на остриях.

В целом же исследователи описываемого материала уверенно прослеживают реконструкцию технической цепочки “...расщепления камня, в ходе которой меняется стратегия расщепления ядрища, от рекуррентной однополярной для получения пластин и пластинчатых сколов к однополярной рекуррентной конвергентной для получения острий и вновь к пластинчатой технологии” (С. 46). К индексам я обращаюсь несколько ниже при сравнении с вышележащими слоями. Среди основных групп орудий скребки, скребла, резцы, острия леваллуа, зубчато-выемчатые орудия, ножи, орудия с проколковидным элементом. При этом леваллуазские сколы являются основой для всех групп орудий. Орудия рассматриваются в двух комплексах: “универсальные”, т.е. орудия, которые могли участвовать в различных операциях (зубчато-выемчатые орудия, леваллуазские острия и ретушированные сколы) и “специализированные” – орудия, ориентированные на выполнение какой-либо определенной операции. Типы ретуши специально не рассматриваются, возможно из-за небольшой варибельности этого признака. Дана и обобщенная характеристика орудийных групп. Мустьерско-леваллуазская группа занимает в горизонте 2 – 32%, в горизонте 1 – 21%, верхнепалеолитическая – соответственно 16 и 21%. Наиболее значительна группа зубчато-выемчатых изделий – 32 и 52%. Не совсем понятен принцип выделения верхнепалеолитической группы орудий. Соответствует ли он наименованиям хорошо известного списка Ф. Борда (№ 29–36: скребки, резцы, проколки, ножи с искусственной спинкой: Bordes, 1954. Р. 19, 41) или же авторы имеют свой собственный взгляд на выделение верхнепалеолитических элементов. В данном случае орудия, отнесенные к этой группе, достаточно яркими верхнепалеолитическими признаками не

обладают и, в принципе, могут встречаться и в мустьерское время (то же можно сказать и о некоторых орудиях, выделенных в мустьерскую группу). Отсюда правильно отмеченная авторами бедность и “размытость” типологического набора, который можно характеризовать как комплекс, технологически бесспорно мустьерский, но типологически почти лишенный таких характерных мустьерских орудий, как скребло и остроконечник. Возможно, авторы книги правы, что этот факт можно объяснить комплексным использованием орудий и их полифункциональностью (С. 50). Определенную роль в этом сыграл и общий характер открытых стоянок, на которых почти всегда орудия обработаны менее тщательно, чем в пещерных памятниках.

И последнее: авторы относят мустьерские горизонты КБ к развитому мустье, которое иногда приравнивается к позднему. Но если исходить из старых представлений об абсолютном возрасте мустьерской культуры, 62 тыс. лет – это не позднее мустье, тогда как в новых рамках мустьерской хронологии (250–40 тыс. лет) данная дата полностью соответствует археологическому определению авторов.

После перерыва почти в 20 тыс. лет мы выступаем уже в начальный период верхнего палеолита, или, по другому исчислению для нижних слоев, в еще переходный период от мустье к верхнему палеолиту. Это 6-й и 5-й уровни обитания, датируемые возрастом в 43 тыс. лет. В дальнейшем выделены уровни обитания, охватывающие все остальные культурные слои. Выделено две группы: уровни обитания 6–5-й и 4–1-й, объединенные, согласно своим техно-типологическим особенностям, в две группы: 6–5-й и 4–1-й уровни. Описания и статистика сделаны по уже использованной схеме, что дает полное представление о рассматриваемом материале. Представлены рисунки (129 артефактов), что является прекрасной иллюстрацией к анализируемому материалу. Для первой группы существенно заметное отличие от нижележащих мустьерских горизонтов. Оно заключается прежде всего в уменьшении размеров нуклеусов, появлении настоящих торцовых нуклеусов, концевых скребков на удлинненных пластинах, мелких пластинок, в том числе и микропластинок. Отличаются и леваллуазские острия, разнообразны типы резцов и некоторые другие признаки, позволяющие уверенно говорить о верхнепалеолитической принадлежности этого инвентаря.

Основываясь на суммарном анализе индустриального набора уровней обитания 6-го и 5-го, остановимся на некоторых особенностях комплекса, удачно выделенных авторами. Такой интересной формой являются “нуклеусы параллельного принципа скалывания с дополнительным фронтом скалывания на торце” (С. 76), хорошо показана предопределенная последовательность раскалывания и утилизации нуклеуса: “Когда дальнейшее расщепление становилось невозможным из-за образовавшихся заломов и истощения толщины нуклеуса, то в силу вступал момент, который, на наш взгляд, предусматривался мастером в самом начале расщепления. Достаточно было снять ребро, представлявшее собой реберчатую пластину, которые широко представлены в группе технических сколов, как на торце образовывался новый фронт расщепления. Важно, что при этом менялся характер заготовки – теперь это была узкая, удлиненная пластина и микропластина” (С. 76). Нужно сказать, что начало торцового скалывания лежит еще в мустьерском, а может быть и более раннем времени. Возможно, что этому процессу ранее не уделялось достаточно внимания, хотя торцовое скалывание в среднем палеолите уже отмечалось (Ранов, Амосова, 1984. С. 39, 40). Ни в Средней Азии, ни в европейской части России в верхнем палеолите торцовое скалывание не получило сколько-нибудь значительного развития, тогда как в Сибири это ведущая форма получения заготовок второй половины верхнего палеолита. Материалы 6–5-го уровня КБ превосходно демонстрируют самое начало этого важного технического процесса. Заслуживает внимания “каскадный цикл” раскалывания, который, видимо, может являться аналогией “цепи операций”, но предусматривает более жесткую конст-

² Кстати, на очень хороших в принципе рисунках, приводимых в работах этого автора, встречное направление скалывания не всегда хорошо заметно, например в той же работе, Рис. 2, 4е, 7д.

рукцию получения желаемого продукта (С. 76). Отмечу и “леваллуазский нуклеус для снятия острий с дополнительным фронтом скалывания с торца”. Правда, с последнего удачных снятий не было произведено (С. 67). Отдельные торцовые снятия имеются и в коллекции из Бокер-Тачтит, но им не придается самостоятельного значения. Надо сказать, что понятие “торцовый нуклеус” в западной литературе не имеет хождения, это термин исключительно наш. Так, например, система снятия изогнутых пластин в вернепалеолитическом слое Умм Ел Телел в Сирии, представленная на рис. 3 в статье С. Сориано, отражающая производство, вполне находящееся в рамках торцового снятия, определяется как “резец карене с поперечной плоскостью” (Sogiano, 1998. P. 738). Это определение не вызывает неприятия, поскольку сложность разделения торцового нуклеуса и многофасеточного резца подчеркивается авторами рецензируемой работы в соответствующем месте (С. 76). Но для исследовательницы сирийского материала основа снятия изогнутых пластин с резца не вызывает никаких сомнений.

Если сравнить типологический набор орудий технокомплексов мустьерских горизонтов 1-го и 2-го и технокомплексов 5–6-го (С. 46 и 78), то можно отметить, что по названиям типов орудий они отличаются не столь существенно. Хотя внутри групп набор инструментов различен (например, в первом случае выделен только один тип острия, а во втором – 6; скребла также 1 и 3; скребки 4 и 8; резцы 3 и 6 и т.д.). Всего названий типов для домустьерских горизонтов – 18, для переходных – 19. Таким образом, при небольшом формальном различии типов орудий, мы видим и существенные отличия. Они подчеркиваются в тексте (С. 82), где рассмотрен индустриальный набор 5–6-го уровней обитания: при сохранении леваллуазской техники хорошо проявляются приемы, которые можно назвать переходными – нуклеусы параллельного скалывания, плоскостные, монофронтальные, сопряженные с фронтом на торце, и уже верхнепалеолитические – торцовые и протоклиновидные нуклеусы. Очень важно то, что при представлении о переходном периоде КБ то, что по морфологическим и процентным отношениям между мустьерскими и следующими (5–6-м уровнями) больших отличий не прослеживается, т.е., как и на Ближнем Востоке, верхний палеолит реально проявляется только в орудийном наборе – верхнепалеолитическая группа в 5–6-м уровне охватывает 38%, против 16% для мустьерского уровня 2 и 21% для 1-го мустьерского уровня. В то же время увеличивается количество фасетированных ударных площадок.

Каменная индустрия 1–4-го уровней обитания, как и ранее, описана первоначально для каждого уровня обитания, а затем итоги суммированы в отдельном разделе, к которому и стоит обратиться.

Наиболее широко представленный тип ядрища КБ – это нуклеусы параллельного типа скалывания с дополнительным фронтом скалывания на торце. Авторы определяют этот тип как один из “характернейших определяющих лицо эволюции этой индустрии” (С. 94). Главная черта – перенос фронта скалывания с широкой поверхности на торце. Причем хорошо устанавливается последовательность: фронт широкой плоскости – торцовый фронт. Если я не ошибаюсь, то в Средней Азии на этом приеме было остановлено внимание только при рассмотрении нуклеусов мустьерской стоянке Худжи, где перенос скалывания с фронта на торец рассматривался как начальная стадия перехода от площадочного к призматическому (Ранов, Амосова, 1984. С. 46). Подобные нуклеусы имеются в Оби-Рахмате, но специально на эту особенность автор исследования этого памятника внимания не обращал (Сулейманов, 1972. Табл. XV, 2, 3). Нуклеусы с торцовым скалыванием имеются в коллекции из Огзи-Кичика, однако для ядрищ из этого памятника характерна сильная сработанность и среди них очень трудно проследить четко выраженные типы.

Отмечается увеличение показателя фасетированности у пластин, хотя они весьма далеки от условных границ фасетированных индустрий, что, по мнению авторов, соответствует

верхнепалеолитическому облику комплекса (С. 95). Типологический набор орудий включает 15 категорий с 28 вариациями орудий. Существенным является отсутствие леваллуазских острий, значительно увеличенный процент скребел при падении процента скребков. В том числе одного из главных “ведущих ископаемых” – концевых скребков.

Как и в предыдущем комплексе, леваллуазская техника присутствует лишь как элемент оформления ядрища (но в 5–6-м комплексе все же присутствует группа леваллуазских острий – 7.1%, что затрудняет принятие данного постулата (см. С. 82 и 96), характерным элементом остается наличие нуклеусов параллельного скалывания с охватом торцовых сторон, также продолжают существовать торцовые и протоклиновидные нуклеусы. По сравнению с предыдущим комплексом, несмотря на некоторое уменьшение процентов мустьеро-леваллуазской и верхнепалеолитической групп, авторы считают, что эти показатели остаются в целом на прежнем уровне и определяют указанный комплекс как верхнепалеолитический (С. 98). Если предыдущий комплекс (5–6-й уровень обитания) рассматривался как стоянка-мастерская, то второй верхнепалеолитический комплекс (1–4-й уровень) является индустрией поселения.

В целом нужно сказать, что главы 1–3 оставляют самое благоприятное впечатление, и это, безусловно, – один из лучших примеров описания разновременных каменных индустрий в российском палеолите. Система описания, отработанная сибирскими археологами, очень четкая и удобная для чтения. В полном соответствии с современными тенденциями в ней превалирует технологическая сторона, что тоже в определенной степени является для нас новаторским подходом в описании палеолитических индустрий. Эта методика начала разрабатываться с описания подъемного монгольского материала, но сейчас она приобрела законченный вид и, со всей очевидностью, ей будут пользоваться не только археологи Новосибирска.

Еще одной “ласточкой” нового технологического подхода к описанию палеолитического материала является публикация индустрии 8-го культурного слоя мустьерской стоянки Шлях, выполненная П.Е. Нехорошевым (1999). В определенной степени названные две работы схожи между собой по подходу к описанию каменного инвентаря, и по многим параметрам перекликаются друг с другом. Мне кажется, что текст глав 1–3 читается и воспринимается легко, в отличие от несколько суховатого стиля 2-й названной работы, что, впрочем, не умаляет ни ее новаторства, ни полезности.

Отдельные элементы техники раскалывания и технологии в целом неоднократно рассматривались в русской литературе, но впервые для востока (КБ) и для запада (Шлях) российской Евразии этим моментам посвящено столько содержательных и читаемых с увлечением страниц. Рецензируемая книга – безусловно, новаторская работа, открывающая новую грань отечественного палеолитоведения.

Нет сомнений в том, что внимание специалистов привлечет заключительная глава книги – “Технико-типологический облик индустрии стоянки Кара-Бом. Корреляция с комплексами сопредельных территорий”. В первой части приводятся итоговые данные по всем уровням обитания и приведены очень полезные таблицы эволюции нуклеусов, пластин, острий, зубчато-выемчатых орудий, ножей, резцов и скребков, данные индексов и заключения по стоянке Кара-Бом. Текст сопровождается серией хорошо читаемых гистограмм, что тоже в общем достаточно редкий прием статистики материала в нашей литературе. Вторая часть заключительной главы представляет собой широкий обзор памятников, привлекаемых для сравнения.

Рассмотрены памятники среднего палеолита в плане характерных черт перехода к верхнему палеолиту от забайкальского региона до среднеазиатских стоянок. Для всех 14 привлеченных стоянок рассматриваются характерные черты, позволяющие определить сходство и различия по сравнению с материалами КБ. Авторы не ограничились только текстовым материалом, но привели и наиболее ха-

рактарные артефакты из каждого памятника, что делает этот текст более понятным. Заслуживает большого внимания, что особенности, объединяющие памятники на указанной территории Центральной Азии, отражают понимание авторов о существовании определенной технико-типологической хроностратиграфической и территориальной общности, называемой “карабомовским пластом” (С. 106–111). “С нашей точки зрения, период, который начался около 50–45 тыс. лет назад, безусловно, характеризуется тем, что в широтном направлении от Леванта на восток через Иранское нагорье (Кара-Камар)³, на северных склонах Тянь-Шаня и Алтае-Саянской горной области существовала единая культурная зона, имевшая достаточно высокую степень коммуникационных связей и характеризовавшаяся общим проявлением культурно-исторического развития в местных каменных индустриях, на основе которых в дальнейшем сформировались индустрии позднего палеолита” (С. 134).

Это очень интересная и плодотворная идея. Если раньше имелось лишь общее представление об определенном сходстве мустьерских памятников Ближнего Востока и Центральной Азии (Окладников, 1966. С. 48; Ранов, 1988. С. 22, 23), базирующейся на наличии на этой огромной территории леваллуа-мустьерских памятников, что отражено прежде всего в пластинчатом характере индустрии и орудий на пластине, отсутствии “шарантских” и вообще отщеповых индустрий, то понятие “карабомовского пласта” обосновывает упомянутое сходство значительно большим числом критериев. Кроме того, “карабомовский пласт” имеет значительно более широкие временные рамки, включая и этапы перехода к верхнему палеолиту. Авторами книги впервые сформулировано более определенное понятие общности индустрий указанных территорий. Конечно, впереди еще много работы по детальному анализу материала, которая подтвердит или отвергнет предлагаемую идею. Сложность заключается в том, что помимо Таджикистана и отчасти Узбекистана (в последнем случае нет устойчивых хронологических рамок для нижнепалеолитических индустрий) мы не имеем “подстилающего” мустье нижнего палеолита (речь идет о стратифицированных памятниках), а без этого очень трудно понять, что является основой широкого территориального распространения “карабомовского пласта” – возможная миграция мустьерской культуры со стороны Ближнего Востока (Ранов, 1988) или же местная эволюция, что, по мнению некоторых исследователей, подтверждается монгольским материалом (Шуныков, 2001). Предстоит еще очень детальный анализ, включающий в себя статистические данные по размерам, индексам, особенностям первичного материала, технологии и типологии памятников “карабомовского пласта”, но не приходится сомневаться, что высказанная идея явится толчком к более углубленному пониманию характерных особенностей локальных различий и путей перехода от мустьерских индустрий к верхнепалеолитическим в Центральной Азии в самом широком понимании этого географического понятия. И в этом я вижу заслугу авторов рассматриваемой в этой рецензии книги.

На с. 134 совершенно правильно оценивается значение анализа материалов с ближневосточной стоянки Бокер-Тачтит, публикации которого получили большой резонанс и всеобщее признание. Я уверен, что рассмотренная монография мало в чем уступает американским работам, а в некоторых аспектах и превосходит их. Стоянке Кара-Бом, в чем не приходится сомневаться, предстоит сыграть ту же роль для огромных территорий Центральной и Северной Азии, какую Бокер-Тачтит сыграл для понимания перехода от мустье к верхнему палеолиту на Ближнем Востоке. Так что на вопрос, заданный в заглавии, с полным основанием можно от-

ветить положительно. Будем надеяться, что работа новосибирских археологов будет столь же популярна. Она, без всяких сомнений, этого заслуживает.

И последнее – хорошо видно, что путь движения от мустьерских индустрий к верхнепалеолитическим имеет принципиально иной характер, чем упомянутые в начале рецензии материалы ближневосточных стоянок, долгое время служившие эталоном для всей Азии. Теперь мы имеем собственные представления о данной проблеме. И это – один из ключевых моментов рассмотренной выше монографии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Григорьев Г.П. Начало верхнего палеолита и происхождение Homo sapiens. Л., 1968.
- Лаухин С.А., Ронен А., Ранов В.А. и др. Новые данные о хронологии палеолита южного Леванта (Ближний Восток) // СГК. 2000. Т. 8. № 5.
- Нехорошев П.Е. Технологический метод изучения первичного расщепления камня среднего палеолита. СПб., 1999.
- Окладников А.П. Палеолит и мезолит Средней Азии // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.; Л., 1966.
- Ранов В.А. Раскопки в Огзи Кичике в 1975 году // АРТ. 1980. Вып. 15.
- Ранов В.А. Каменный век Южного Таджикистана и Памира. Доклад, представленный на соискание степени докт. ист. наук. Новосибирск, 1988.
- Ранов В.А., Амосова А.Г. Раскопки мустьерской стоянки Худжи в 198 году // АРТ. 1984. Вып. 18.
- Ранов В.А., Амосова А.Г. О методике раскопок палеолитических стоянок в палеопочвах Южного Таджикистана // КСИА. 1990. Вып. 202.
- Рыбин Е.П. Вариант леваллуазской технологии расщепления камня в мустьерских комплексах стоянки Кара-Бом // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. Т. 1. Новосибирск, 1998.
- Сулейманов Р.Х. Статистическое изучение культуры грота Оби-Рахмат. Ташкент, 1972.
- Шуныков М.В. Археология и палеогеография северо-западного Алтая. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 2001.
- Azoury I. Ksar Akil, Lebanon // BAR. International Series. 1986. № 289.
- Boëda E. Le concept Levallois: variabilité des méthodes. Paris, 1994.
- Boëda E. Levallois: A Volumetric Construction, Method, A Technique // The Definition and Interpretation of Levallois Technology // MWA. 1995. № 23.
- Boëda E., Geneste J.-M., Meignen L. Identification des chaînes opératoires lithiques du paléolithique ancien et moyen // Paléo. № 2. Les Eyzies. 1990.
- Bordes F. Les Limons Quaternaires du Bassin de la Seine // Archives de l'IPH. Mémoire 26. Paris, 1954.
- Copeland L. The Middle and Upper Paleolithic of Lebanon and Syria in the light of Recent Research // Problems in Prehistory: North Africa and the Levant. Dallas, 1975.
- Demidenko Y.E., Usik V.I. Establishing the Potential Evolutionary Technological Possibilities of the “Point” Levallois-Mousterian: Korolevo I Site Complex 2B in the Ukrainian Transcarpathians // Definition and Interpretation of Levallois Technology. MWA. 1995. № 23.
- Derevjanko A., Petrin V., Otte M. Variante de la transition du Moustérien au Paléolithique tardif à l'Altai // PA. 1998. V. II.
- Marks A. The sites of Boker and Boker Tachtit: A brief introduction // PP. 1983. V. III.
- Marks A., Kaufman D. Boker Tachtit: the artifacts // PP. 1983. V. III.
- Meignen L. Le Paléolithique moyen au Levant sud et central: que nous apprennent les données récentes? // PA. 1998. V. II.
- Moncel M.-H. Le paléolithique moyen dans la moyenne vallée du Rhône en France: la question de la variabilité des assemblages

³ Здесь авторы допускают неточность. Во-первых, пещера Кара-Камар находится не на Иранском нагорье, а на северных склонах Гиндукуша, во-вторых, 3-й слой характеризуется индустрией ориньякского типа, не имеющей сходства с Кара-Бомом, и к “карабомовскому пласту” отношения не имеет.

- lithiques des stades isotopiques 9 à 3 // *Antropologie*. 1998. V. XXXVI/3.
- Ranov V.A. The Levallois Paradox // *Definition and Interpretation of Levallois Technology*. MWA. 1995. № 23.
- Schäfer J., Ranov V.A., Sosin P.M. The "cultural evolution" of man and the chronostratigraphical background of changing environments in the loess palaeosol sequence of Obi-Mazar and Khonako (Tadjikistan) // *Anthropologie*. 1998. V. XXXVI/1.

Институт истории, археологии и этнографии
АН Республики Таджикистан

- Soriano S. La production de lamellas torses dans les niveaux du Paléolithique supérieur ancien d'Umm el Tlell (Syrie): exploration théorique et expérimentale des ses modalités // *PA*. 1998. V. II.
- The Definition and Interpretation of Levallois Technology / Eds. Dibble Y.L., Bar Y. MWA. 1995. № 23.
- Van Peer F. The Levallois Reduction Strategy // *MWA*. 1992. № 13.
- Volkman F. Boker Tachtit: core reconstructions // *PP*. 1983. V. III.

В.А. Ранов

ФЕНОМЕН АЛТАЙСКИХ МУМИЙ. Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: Изд-во института археологии и этнографии СО РАН, 2000. 318 с., илл.

Рецензируемая работа, уже своим названием невольно привлекающая внимание, необычна во многих отношениях. Так, ее авторами являются около 70 специалистов из России, Швейцарии, Великобритании и Германии, работающие в 19 научных учреждениях разного профиля и профессионально занимающиеся археологией, палеоантропологией, генетикой, дендро- и радиоуглеродным датированием, древними технологиями, палеоботаникой и т.д. Привлечение к решению определенной научной задачи столь широкого круга специалистов, в том числе из, казалось бы, далеких от "классической" археологии областей научного знания, и получение при этом реального результата – коллективной монографии – несомненная заслуга ответственных редакторов рецензируемого издания, академиков РАН А.П. Деревянко и В.И. Молодина. В написанном ими "Предисловии" проблема изучения феномена "замерзших" погребений, открытых на плато Укок, охарактеризована и в историографическом, и практическом аспектах как проблема сложная, междисциплинарная, для своего решения потребовавшая комплексного подхода, важная в собственно научном, а не в конъюнктурном плане.

Структурно монография, помимо "Предисловия", включает семь глав, "Заключение" и необходимый библиографический аппарат.

В главе I дается весьма подробная географическая, геологическая и экологическая характеристика плоскогорья Укок – интереснейшего природного и культурного региона в юго-восточной части Алтайских гор, обрамленного хребтами Южный Алтай, Табын-Богдо-Ола, Сайлюгем, Южно-Чуйским и Кара-Алахинским. Плоскогорье высотой более 2000 м над уровнем моря, расположенное на стыке границ России, Казахстана, Монголии и Китая, представляет собой естественный "оазис" и историко-культурный заповедник, мало затронутый индустриальной деятельностью последних десятилетий, что объясняется как его относительной изолированностью, так и суровостью местных климатических условий. Вместе с тем сложный рельеф, высокогорная ландшафтная ярусность, характерная для горной тундры и высокогорных степей растительность, наличие в обрамлении плоскогорья ледников, особый микроклимат котловин (большой поток солнечной радиации, высокое значение годовой амплитуды температур воздуха, малое количество осадков, малоснежность, интенсивное промерзание почвы и т.д.) – все это в комплексе и создает условия, вне которых феномен "алтайских мумий" был бы просто невозможен. Ценность данного раздела монографии несомненна, ибо позволяет даже малоподготовленному читателю получить необходимые сведения об экологической ситуации на Алтае в голоцене, причем в профессиональном, но доступном изложении. Во многом благодаря такому "фундаменту" последующие и весьма разнородные потоки информации воспринимаются не изолированно, а как локализованные части целого, именуемого авторами "феноменом алтайских мумий". Кстати, содержание рецензируемой публикации, как нам

представляется, фактически выходит за рамки указанного феномена, охватывая проблематику пазырыкской культуры как таковой. Однако это лишь усиливает положительный "информационный эффект" монографии.

Археологическая часть работы открывается очерком истории изучения древностей Горного Алтая. Так, к настоящему времени в данном регионе исследовано около 600 курганов, связываемых с носителями пазырыкской археологической культуры VI–II вв. до н.э. При этом при первых же научных раскопках на Алтае (1865 г.) академиком В.В. Радловым был выявлен факт наличия под насыпями Берельского и Катандинского курганов слоя мерзлоты, способствовавшей "консервации" и сохранению предметов из органических материалов – дерева, кожи, шерсти, войлока. Феномен очаговой мерзлоты дал в руки исследователей материалы, позволяющие гораздо полнее и на качественно новом – этнографическом – уровне изучать бытовую (а опосредованно – и духовную) культуру конкретного палеообщества, имея дело с реальными предметами, а не с археологическими реконструкциями. Огромную потенциальную значимость изучения "замерзших" погребений позже вполне подтвердили раскопки М.П. Грязновым и С.И. Руденко Пазырыкских, Туэктинских, Шибинского и Башадарских курганов, а А.Д. Грачем, Д.Г. Савиновым и К.В. Чугуновым – погребений с мерзлотой в Туве. При этом в ходе исследований, помимо неплохо сохранившихся предметов из органических материалов, впервые были зафиксированы и мумифицированные останки погребенных. Первые же результаты изучения мумий и их фрагментов, проводившиеся визуально и на несложном оборудовании, все же определенно подтвердили существование у пазырыкцев обычая татуировки тела, наличие у них навыков консервации и бальзамирования трупов, а также практики осквернения могил и разрушения трупов современниками (возможно, иноплеменниками).

Заключительный подраздел данной главы посвящен антропологической характеристике носителей пазырыкской культуры на материалах краниологических серий из памятников Юго-Западного и Центрального Алтая, исследованных В.Д. Кубаревым, Н.В. Полосьмак, В.И. Молодиным и др. Построенные на этой основе дендрограммы кластеризации позволили автору раздела (Т.А. Чикишевой) наглядно продемонстрировать "иерархию в системе анализируемых групп по уровню морфологического сходства" (С. 47). При этом полностью подтверждается факт неоднородности расового состава пазырыкского населения Алтая, основной морфологический пласт которого оказывается автохтонным, генетически связанным с населением, оставившим памятники местного неолита и каракольской культуры 2-й пол. II тыс. до н.э. Принципиально важным является и подтверждение морфологического сходства пазырыкцев с некоторыми группами сако-усуньского населения Средней Азии и Казахстана (в частности, саков-сакараваков могильника Тагискен, VII–V вв. до н.э., саков и усуней Тянь-Шаня, Алтая и т.д.), вполне возможно, объясняемого общностью субстратного окуневско-карасук-

ского антропологического пласта. Констатация же переднеазиатского “вклада” в антропологическую характеристику населения Алтая скифского времени вполне согласуется и с накапливаемыми археологическими данными о прямых контактах и более чем вероятных миграциях западных племен на Алтай в эпоху бронзы и раннего железа. Весьма важным и все еще дискуссионным остается вопрос о монголоидном компоненте в алтайских (в том числе пазырыкских) краниологических материалах. По мнению автора раздела, монголоидные черты, фиксируемые и в брахикранных, и долихокранных черепах, обусловлены наличием в составе пазырыкского населения “потомков неолитических племен Прибайкалья, на основе которых сформировались также и гуннские племена Забайкалья и Монголии” (С. 49). При этом “основной европеоидный компонент носителей пазырыкской культуры имеет те же генетические корни, что и население кочевых и полуседлых племен скотоводов, обитавших на территории Парфии, Маргианы, Северной Бактрии” (С. 46). В целом же объяснение сложного антропологического состава носителей пазырыкской культуры как отражения гетерогенности пазырыкцев представляется весьма продуктивным.

Вторая глава монографии, написанная В.И. Молодиным и Н.В. Полосьмак, содержит подробное описание погребальных комплексов с мумифицированными человеческими останками, открытых на плоскогорье Укок в 1990-е годы. Во вводной же части главы рассматриваются вопросы методики исследования погребений в зонах “наведенной” мерзлоты.

Практически с момента открытия “замерзших” погребений в XIX в. выявилась неэффективность их расчистки с помощью традиционных приемов, рассчитанных на обычные грунты. Открытый огонь и горячая вода, впервые примененные еще В.В. Радловым для растапливания заполнявшего погребальные камеры льда, и спустя полтора века оказались наиболее рациональными “раскопочными инструментами”, не повреждающими ни человеческих останков, ни хрупких предметов из состава погребальных инвентарей. Однако реалии современной науки и технологии позволили исследователям достичь качественно нового уровня в полевой фиксации и консервации получаемых материалов. Так, помимо использования графической, фото- и видеофиксации всех этапов изучения надгробных и погребальных конструкций, применялась естественная и ускоренная “разморозка” камер путем искусственного создания парникового эффекта, укреплялись стенки камер, извлеченные деревянные предметы помещались в спиртовые ванны, а иные органические остатки – в специальные растворы при промежуточном хранении их в охлажденном состоянии. Именно благодаря качественной фиксации и консервации “ни одна вещь из раскопок на Укоке не была утрачена” (С. 56) и сохранена для последующего изучения и реставрации.

Вместе с тем авторы не дают однозначного ответа о причинах и механизме возникновения мерзлотных линз в подкурганном пространстве, отмечая наличие в этой области серьезных наработок специалистов.

Фактологической основой рецензируемой монографии являются материалы, полученные в ходе исследования двух погребальных комплексов на Укоке – кургана № 1 могильника Ак-Алаха-3 (раскопки Н.В. Полосьмак, 1993 г.) и кургана № 3 могильника Верх-Кальджин II (раскопки В.И. Молодина, 1995 г.). Хотя предварительные публикации данных комплексов уже известны специалистам, столь подробное, сопровождаемое большим количеством высококачественных иллюстраций и авторским комментарием описание не является излишним, позволяя составить полное представление о памятниках.

Источниковедческая ценность двух исследованных памятников, ранее не подвергавшихся ограблению или разрушению, определяется прекрасной фиксацией археологически хорошо сохранившихся элементов погребальных конструкций, инвентаря, конских и человеческих останков (сохранность последних была обеспечена не только условиями мерзлоты,

но и мумификацией). Оба захоронения были основными, и в конструктивном отношении представляли собой срубы; мумифицированные тела погребенных находились в деревянных колодах, сопровождалась тушами убитых коней и не столь многочисленным, но выразительным инвентарем.

Так, при ак-алахинском погребении, между северными стенками пятивенцового деревянного склепа (точнее, деревянной камеры или ящика) и грунтовой ямы лежали туши шести взнузданных коней, а в лиственничной колоде, украшенной большими кожаными аппликациями и закрытой двускатной крышкой, находилось мумифицированное тело молодой знатной женщины. Хотя останки лошадей сохранились не столь полно, предметом исследования специалистов, помимо прекрасно выполненных деревянных украшений упряжи, стали детали и войлочные покрытия седел, шерсть, заплетенные в косы хвосты и даже замерзшие желудки лошадей. При этом подтвердился факт убийства животных ударами чекана в теменную область, явно связанный с выполнением определенного ритуала. Деревянные украшения упряжи, воспроизводящие традиционные для искусства кочевников данного региона образы грифона и копытного животного (горного барана, сайги), очень декоративны и местами плакированы золотой фольгой. Отметим, что в данном случае, очевидно, имели место лишь копии, имитации реальных украшений, не предназначенные для использования в условиях реального быта вследствие их хрупкости. В пользу этого же свидетельствует плакировка предметов “под золото”.

Феномен имитации реальных предметов и украшений в скифском погребальном ритуале путем плакировки деревянных вещей (частично или полностью) золотом или же обтяжки их тонкой золотой фольгой, а также быстрым изготовлением методом штамповки и резки из тонкого золотого листа множества фигурных бляшек для украшения костюма, обуви, головных уборов и погребальных пологов, уже давно привлекает внимание исследователей (Ростовцев, 1917. С. 71; Черников, 1965. С. 43, 44; Гуляев, Савченко, 1999. с. 151–160). Следует также отметить, что речь идет не только об Алтае (пазырыкская культура) или Северном Причерноморье (культура европейских скифов в степи и лесостепи от Дуная до Дона), но и о савроматском (и, шире, – сакском) мире. Напомним здесь лишь о блестящем археологическом комплексе кургана № 1 у с. Филиповка на Южном Урале (IV в. до н.э.), где, благодаря счастливому стечению обстоятельств, сохранилось большое количество деревянных изделий, обтянутых золотой фольгой – знаменитые “золотые олени” и ритуальные чаши с золотыми обкладками (The Golden Deer..., 2000). Определенным аналогом того же явления могут служить и железные предметы, обтянутые тонким золотым листом – поясные пряжки и, особенно, рукояти “парадных” мечей, предназначенные только для похоронной церемонии (Гуляев, Савченко, 1999. С. 155–157). Эти факты говорят о том, что значительная часть погребального инвентаря богатых погребений ранних кочевников делалась какими-то мастерами по специальному и срочному заказу родственников умершего вождя или царя, т.е. эти вещи предназначались только для похорон. Отсюда – обилие тонкой золотой фольгой, нашивных бляшек, обкладок, призванных, при размещении их на одежде, культовых предметах, парадном вооружении и погребальном пологе (покрывале), да и прямых имитаций “под золото”, внушить всем присутствующим мысль о неисчислимых богатствах почившего представителя элиты.

Но почему именно скифские (савроматские и сакские) вожди и знать проявляли столь повышенный интерес к золоту? Почему золото так широко использовалось именно в погребальном ритуале? Почему для похорон использовалось так много предметов, лишь имитирующих золото или сделанных “под золото”?

Очевидно, речь должна идти здесь не только о непреходящей ценности самого этого металла, но и о той роли, которую он играл в религиозно-идеологических воззрениях воинственных обитателей евразийских степей в I тыс. до н.э.

“В скифское время, – отмечает Л.А. Ельницкий, – смертная героизация вождя (царя) выражалась ... в определенных чертах погребального ритуала, предусматривавшего парадный костюм и вооружение погребенного, а также умерщвление людей и животных. Необходимая парадность и божественность облика умершего достигалась прежде всего костюмом со множеством нашивных драгоценных украшений, вряд ли мыслимых на хотя бы и парадном, но прижизненном костюме” (Ельницкий, 1977. С. 218).

Многие ученые считают, что золото как нейтральный, т.е. неуничтожимый материал, в глазах древних людей символизировало воплощение идей бессмертия, вечности, всемогущества. Покрытие символически насыщенным золотым декором как бы приобщало умерших вождей и царей к сфере вечной жизни. Ассоциативная связь понятий “золото”, “солнце”, “вечная жизнь” была свойственна многим цивилизациям эпохи древности, но более всего – племенам и народам индоевропейской общности, в том числе скифам.

В индо-иранской мифологии золото символизирует также царскую власть (триада: “царь”–“огонь”–“золото”) (см.: Лелеков, 1987. С. 25; Литвинский, 1975. С. 36–39). Таким образом, золото давало надежду на бессмертие, на сверхъестественную силу и на верховную власть. Вот почему к обладанию этим драгоценным металлом так стремились вожди и правители бесчисленных ираноязычных племен евразийских степей, раскинувшихся от Дуная до Енисея.

Символизм же самих конских захоронений проявляется не только в явно просматриваемой идее солиарности и хтоничности декора их украшений, но и в идее структурированного мира с мировым деревом в центре (две пары четыреххвостных плетеных шерстяных шнуров-“кос”, крепившихся к узде, но “вверх ногами”), а также в очевидной декорировке коней “под грифонов”; подобные “грифо-кони” в хтонической мифологии пазырыкцев вполне могли играть роль медиаторов, доставлявших умерших (или их души) в высшую сферу загробного мира.

Особого внимания заслуживает и листовничное гробовище, в которое было помещено тело умершей женщины. Практически идентичные по конструкции и особенностям декора колоды уже неоднократно обнаруживались в захоронениях кочевников на Алтае и в Туве, что свидетельствует о существовании определенного стандарта таких саркофагов, регламентируемого их семантикой. По мнению авторов публикации, помещение тел умерших в колоды “можно трактовать как символическое возвращение в утробу матери и подготовку к новому рождению” (С. 68), находя аналогии в известных в сибирской и центральноазиатской этнографии захоронениях на деревьях, в стволах и пнях деревьев. Однако не менее вероятной представляется и прямая связь семантики колод-саркофагов все с тем же мировым деревом (в его функции связи со всеми зонами мироздания) и реальной лодкой-долбленкой, в которой умерший переплывает “реку смерти”. Таким образом, прекрасная сохранность алтайских находок открывает обнадеживающие перспективы в изучении религиозно-мифологических представлений древнего населения Алтая.

Предметы погребального инвентаря, найденные в захоронении, не столь многочисленны, но крайне интересны прежде всего благодаря хорошей сохранности; это деревянные столики-блюда с кусками баранины и конины на них, деревянная кружка с вложенной в нее палочкой-мутовкой, роговой сосуд, железный нож, пара плоскодонных глиняных кувшинов. Близкий по составу “пиршественный набор” в эпоху раннего железа фиксируется в погребальных комплексах ряда евразийских культур “скифского круга”. В связи с этим привлекает внимание мнение автора рецензируемого раздела о том, что “вся посуда, обнаруженная в пазырыкских погребениях, – бытовая и ритуальная одновременно”; соответственно, “и у иранских, и у тюрко-монгольских народов не существовало особой культовой посуды для жертвоприношений божествам” (С. 69). Однако указанные заключения, как и вывод, что обычный сосуд делали сакральным

помещенные в него напиток и еда, предназначенные для божеств, а не для умершего, представляется не бесспорным. Так, остается неясным, почему именно еда и питье предназначались божеству, в то время как остальной инвентарь и кони – погребенному. В богатых же захоронениях европейских скифов, синхронных пазырыкским, встречаются сосуды (деревянные и из драгоценных металлов), резко отличающиеся от обычной посуды и практически всеми исследователями определяемые как ритуальные или парадно-ритуальные. Появление подобных сосудов, причем нередко в виде наборов, включающих и импортные сосуды, вероятно, связано с окончательной сакрализацией власти вождя, с переходом к военному предводителю и основным жреческим (в частности, общеплеменным) функций. В данном же погребении, по мнению автора раскопок, была захоронена шаманка, служительница культа, хотя среди сопровождающих ее предметов “нет ничего экстраординарного, такого, что определенно указывало бы на ее жреческий статус” (С. 85). Действительно, бронзовое зеркало в деревянной оправе и чехле-сумке, мелкие украшения, булавка, немного косметического красителя, каменная блюдце с плодами кориандра (для воскурения) и деревянная гривна – обычный “погребальный набор” евразийской кочевницы уровня родовой знати, в данном случае скорее обозначенный копиями особо ценных предметов. Судя по имеющимся алтайским материалам, более необычен, но не уникален ее костюм (юбка, пояс, рубаха, чулки) и сложный парик на войлочной основе с тремя наконечниками и своеобразным навершием (вряд ли стоит сомневаться в большой семантической “нагруженности” как последнего предмета, так и костюма в целом).

Особый интерес вызывает татуировка, сохранившаяся на руках погребенной. Наличие ее подтверждает распространенность среди обитателей Алтая практики украшения тела татуированными рисунками, вполне возможно, несущими сакральную мифологическую информацию (С. 84).

В следующем разделе монографии В.И. Молодиным дается подробная характеристика еще одного погребального комплекса, исследованного на Укоке – кургана № 3 могильника Верх-Кальджин II. Данный памятник большинством своих особенностей очень близок вышеописанному; здесь также присутствовала валунно-галечная насыпь, сооруженная в яме и перекрытая плахами четыреххвостовая камера-сруб, туша взнузданного коня у ее северо-западной стенки.

Инвентарь представлен деревянным блюдом с мясной пищей, тремя сосудами (деревянным, керамическим и роговым), железным ножом, деревянной гривной, оружием боевым и вотивным (железный клевец, колчан с деревянными стрелами, кинжал) и т.д. Не менее интересна одежда погребенного, состоящая из оригинальных головных уборов, в том числе с накладными деревянными фигурками, штанов, сапог-чулков, шубы и пояса. Данный комплекс, как и рассмотренный выше ак-алахинский, интересен своей символическостью: погребенного сопровождают вещи, частично утратившие свои потребительские качества в результате повреждения (зеркало с обломанным ушком, старый гребень, заштопанная одежда), либо их имитации-вотивы из дерева и иных материалов, не пригодные для обычного применения и изготовленные специально накануне захоронения. Данное наблюдение может косвенно подтверждать мнение, что помещенные в могилу вещи предназначались и “принадлежали” именно погребенному, а не божеству потустороннего мира; при этом специфика ситуации допускала “использование” погребенным в загробном мире и дефектных предметов.

Наличие на теле погребенного татуировки, выполненной в зверином стиле, подтверждает распространение подобного способа украшения тела и среди знати, и среди рядовых кочевников региона, как мужчин, так и женщин. Сохранившиеся волосы погребенного, заплетенные в две косы и образующие закрывающую лоб прямую челку, позволяют с этнографической достоверностью представить облик обитателя Укока эпохи раннего железа. В перспективе, очевидно, стои-

ло бы изготовить и скульптурную реконструкцию (бюст) “верх-кальджинца”. Отметим, что аналогичные сложные женские прически-парики и косы мужских причесок нередко воспроизводятся и на изваяниях кочевников азиатского региона эпохи средневековья, свидетельствуя об удивительной живучести и широкой распространенности некоторых обычаев в евразийской кочевой среде.

Помимо прочего, требует объяснения факт использования в рассматриваемом погребении погребального ложа вместо колоды-гробовища. Причина этого может заключаться как в разном социальном статусе погребенных, так и в их асинхронности. В связи с этим особого внимания (и, соответственно, проверки) заслуживает мнение В.И. Молодина о проникновении в III в. до н.э. в ареал пазырыкской культуры с юго-востока носителей одного из вариантов культуры плиточных могил или ранних гуннов (С. 119).

Завершает главу раздел, в котором реконструируется процесс подготовки тела умершего к захоронению, несомненно, имевший форму обряда. Очевидна основная цель подобной акции – максимально возможное предохранение тела от разложения с сохранением его внешней целостности и сходства с живым человеком, что соответствовало сути самого ритуала, представлениям о посмертной судьбе умершего. Судя по результатам, полученным в ходе комплексного изучения человеческих останков из “замерзших” курганов, процесс этот был многоэтапным, включал препарирование и бальзамирование тела с использованием целого набора консервирующих и “восполняющих” ингредиентов и веществ. С этой точки зрения пазырыкцы пополняют большой перечень древних и некоторых современных народов, применявших бальзамирование умерших. Религиозно-мифологическое же осмысление практики бальзамирования – тема, весьма перспективная для будущих исследований.

Третья глава рецензируемой монографии посвящена изучению состава и структуры найденных артефактов, реконструкции технологии их изготовления с использованием современных физико-химических методов. Так, несомненный интерес представляют результаты изучения деревянных конструкций и изделий из погребений, свидетельствующие о весьма высоком уровне развития деревообработки у кочевников Укока, знания ими технологических особенностей древесины, способов ее подготовки к обработке, распиловке и т.д. На основании этого авторы заключают, что “у пазырыкцев существовали традиции в технологии обработки материалов и набор специальных строительных приемов для возведения постоянных жилых домов” (С. 131). Однако, отсюда следует и вывод, что пазырыкцы были народом не сугубо кочевым, а оседло-кочевым, часть года проводившим в добротных бревенчатых домах (зимниках?).

Анализ же керамических сосудов из погребений Укока позволил установить, что изготавливались они по вполне сложившейся и отработанной технологии ленточно-кольцевым налепом с вторичной формовкой (ангоб, лощение) независимо от того, для каких целей (погребальных или бытовых) предназначались сосуды.

Особенно удачным и убедительным представляется раздел, в котором впервые подробно реконструирован процесс изготовления сосудов из роговых чехлов яка или сарлыка, состоявший из последовательных операций раскря, распрямления, гнутья, прессования, а также сшивания (С. 156). При этом вполне правомерными выглядят сопоставления подобных сосудов с керамическими, имитирующими кожаные либо комбинированные (кожано-роговые) емкости. Не вызывает сомнения и очевидное стремление пазырыкских мастеров-ремесленников изменить естественную форму рога, сделать сосуд непохожим на рог или ритон, распространенный у скифов юга Восточной Европы и Предкавказья (отметим лишь досадные неточности в воспроизведенных под рис. 186 названиях известных памятников; так, Куль-Оба именуется Куль-Обы, Семибратние курганы – Семибратскими, а Мерджаны – Мерджан) (С. 154).

Несомненный интерес представляет раздел, в котором анализируются ткани и изделия из них, найденные в комплексах Ак-Алаха-3 и Верх-Кальджин II. При этом констатируется возможность знакомства населения Алтая с технологическими особенностями шерстяного сырья, о возможном использовании им вертикального или примитивного горизонтального ткацкого станка без жесткой фиксации нитей (С. 160). Помимо местной шерстяной, для изготовления одежды использовалась и привозная шелковая ткань, попавшая на Алтай, очевидно, из Китая.

Раздел, посвященный результатам изучения вещественного состава находок из захоронений пазырыкской культуры с помощью современных физико-химических методов, является реальным (хотя все еще редким) вкладом ученых-естественников в познание археологических реалий. Конечно, разобраться в тонкостях качественного и количественного химического элементного, молекулярного и фазового анализа, рентгеноспектрального микроанализа, структурных методов рентгеновской дифракции, термографии, хроматографии, ядерного магнитного резонанса, видимой и инфракрасной спектроскопии, оптической и электронной микроскопии способов далеко не каждый археолог-гуманитарий, и этим, очевидно, должны заниматься профессионалы, однако перспективность использования таких методик в археологии для получения принципиально новой информации сомнений не вызывает. Со временем подобные исследования, способные прояснить не только состав и технологию, но при определенных условиях и назначение предмета, станут общепринятыми. В то же время не теряют своей актуальности и уже привычные методики количественного и качественного анализа сплавов цветных и драгоценных металлов, выявления их рудных источников, реконструкции технологических процессов получения и обработки металлов. Так, продемонстрированное в рецензируемой монографии исследование коллекции археологического металла позволило констатировать использование пазырыкцами сугубо местной, алтайской рудной базы для получения цветных и благородных металлов, показало способность алтайских металлургов получать весьма широкую гамму сплавов, использовать такие технологические приемы обработки изделий, как лужение и амальгамирование, и т.д.

Еще в 1928 г. Г.И. Боровка писал в своей книге “Скифское искусство”: “Первое, что поражает нас – так это богатство скифской культуры золотом. Никогда больше, ни до, ни после скифов..., золото не было так повсеместно распространено в этом регионе. Ни одна другая культура древности, даже “богатые златом Микены”, не может соперничать со Скифией по обилию золота...” (Borovka, 1928. P. 29).

И действительно, не только “царские”, но даже и погребения “средней” военной знати в скифских курганах степи и лесостепи Северного Причерноморья были буквально “нашпигованы” золотом (и его имитацией).

С другой стороны, хорошо известно, что в самой Европейской Скифии (от Дуная до Дона), да и в прилегающих к ней областях, сколько-нибудь значительных месторождений золота не имелось. Откуда же, в таком случае, шел в Северное Причерноморье в I тыс. до н.э. столь значительный поток золота?

Большинство исследователей в настоящее время считают, что этот драгоценный металл импортировался в основном в Скифию с востока – от родственных ираноязычных племен савроматов, саков, массагетов, исседонов. Об этом прямо говорят античные авторы.

В VII–VI вв. до н.э., когда греки установили первые контакты с кочевыми народами Евразии, в Северное Причерноморье по караванным путям с востока, наряду с золотом и экзотическими товарами, приходили легенды и предания о далеких и таинственных землях. Один такой рассказ “о степах и золоте грифах (грифонах)” приводится в поэме грека Аристея, жившего в VII в. до н.э. Судя по содержанию этой поэмы (до нас дошли лишь отдельные ее отрывки в пересказе более поздних авторов), Аристей побывал у подножья не то Уральских (Рипейских), не то Алтайских гор у ко-

чевого племени исседонов. Они и сообщили любознательному эллину о существовании далее к востоку страны, где одноглазые конные воины аримасы крадут золото у чудовищ-грифонов (фантастические звери с головой орла, туловищем волка или льва и четырьмя огромными когтистыми лапами).

Афинский драматург Эсхил в одной из своих трагедий (около 460 г. до н.э.) говорит о том, что далеко на северо-восток от гор Кавказа есть очень странная и опасная страна. Эту страну, куда регулярно ходят из Причерноморья караваны торговцев, населяют кочевые племена, которые добывают золото в реках и ручьях, а также "горгоны", превращающие все живые существа в камень, и грифоны – страшные чудовища, похожие на волков с острыми орлиными клювами.

Греческий историк Геродот, побывавший в V в. до н.э. на северном побережье Черного моря и прежде всего в Ольвии, слышал там рассказы торговцев о важном караванном пути на северо-восток: от Днепро-Бугского лимана до хребтов Уральских и Алтайских гор. Именно в этих дальних восточных землях есть страна, где живут грифоны, оберегающие от людей золотые россыпи. "Я не могу сказать наверняка, как добывается это золото, – пишет Геродот в своей "Истории" (книга IV), – но некоторые говорят, будто одноглазые люди, аримасы, крадут его у грифонов".

Как бы критически не относиться к данным античной географии, все равно получается, что богатые золотом земли с исседонами, аримасами и грифонами находились где-то в Северном Казахстане, Южном Урале и на Алтае, т.е. именно в тех областях, в которых обнаружены крупнейшие золотые рудники II–I тыс. до н.э.

Примечательно и то, что поразительное количество золотых украшений и других предметов (в том числе и деревянных) с изображениями грифонов в качестве преобладающего мотива происходит из гробниц V–IV вв. до н.э., раскопанных на склонах гор Алтая и Тянь-Шаня. Именно эти горы были традиционным источником скифского золота. С.С. Черников открыл и изучил на территории Алтая и Северного Казахстана десятки древних рудников, где добывали когда-то золото, серебро, олово и медь. Наибольший размах эти работы приобрели как раз в скифское время, в VII–III вв. до н.э. (Розен, 1955. С. 5).

В 1711 г. академик Паллас обнаружил на берегу р. Змеевки у Змеиногорского рудника на Западном Алтае остатки древних разработок. Вдоль пустынного речного берега более чем на двести метров тянулись высокие отвалы пустой породы. Когда-то здесь кипела жизнь. Сотни рудокопов добывали в глубинах земли драгоценный металл (Розен, 1955. С. 7). Лабораторные анализы показали, что золотые вещи из Пазырыкских курганов на Алтае (V–III вв. до н.э.) имеют большую примесь серебра. Но точно такой же состав руды был характерен и для древнего Змеиногорского месторождения золота. Значит, представители знати, покоящиеся в гробницах Восточного Алтая, получали золото из западных районов края. И, видимо, немалая часть этого золотоносного потока доходила и до далеких припонтийских торжищ, превращаясь затем в изящные ювелирные украшения эллинов и грубые, но выразительные изделия скифов.

Тем не менее нам представляется, что окончательно вопрос о конкретных источниках поставки в Скифию золота с востока (с Алтая, Южного Урала или из Казахстана) будет решен лишь после проведения серий анализов золотых вещей из скифских курганов степи и лесостепи Северного Причерноморья.

Значительный объем информации, отраженной в 4-й главе монографии, дали антропологические, патолого-анатомические, медико-биологические и генетические исследования двух мумий Укока, а также почти трех десятков скелетов из курганов Бертекской долины. Помимо подтверждения наличия в краниологической серии чисто европеоидного компонента и примеси монголоидного компонента, специалистами выявлены следы серьезного физиологического стресса у обитателей Горного Алтая, значительно больший средний

возраст жизни мужчин по сравнению с женщинами, и т.д. Был также выявлен хронологический разрыв между наступлением смерти и погребением молодой женщины из кургана 1 могильника Ак-Алаха-3, составляющий 2–6 месяцев; в течение указанного периода тело постоянно хранили в замороженном состоянии. Данное наблюдение важно для реконструкции погребально-поминальной ритуальстики пазырыкцев.

Особо следует отметить попытку оценки рациона питания обитателей Алтая по результатам изотопного анализа останков человека и животных. При этом помимо определения, что применяемые пазырыкцами парики изготавливались из конского и человеческого волоса, было достоверно установлено использование ими в пищу как мяса (и молока) наземных животных, так и пресноводной рыбы.

В специальной главе монографии обобщаются результаты палеонтологических и палеобиологических исследований материалов из "замерзших" погребений Укока. Так, констатируется полная идентичность (однородность) лошадей из погребений Алтая, их заметное отличие от монгольских лошадей, встречаемость высокорослых особей преимущественно в богатых захоронениях, и т.д. Исследование же сохранившегося содержимого желудка одной из лошадей позволило констатировать наличие влажного степного ландшафта и соответствующей растительности (при наличии сосны, ели, березы и дуба) в районах, где данное животное кормилось, а изучение личинок эндопаразитов определенно подтвердило время гибели животного и соответственно захоронения лошадей в кургане могильника Ак-Алаха-3 – вторая половина июня.

Предпоследняя глава монографии посвящена выяснению хронологической позиции памятников из могильников Ак-Алаха-3 и Верх-Кальджин II с использованием естественнонаучных методов. Важное значение для последующего изучения центральноазиатских древностей имеет "плавающая" дендрохрона общая длиной 415 лет, составленная на базе 49 образцов дерева из 12 курганов. Ценность подобной шкалы, без сомнения, неизмеримо возрастает с превращением ее в абсолютную региональную дендрохронологическую шкалу. Радиоуглеродное же датирование лошадиных костей из могильника Ак-Алаха-3, проведенное в берлинской лаборатории Германского археологического института, позволило отнести сооружение данного памятника приблизительно к 363 г. до н.э. (С. 265).

В заключительной главе рецензируемой монографии описываются методики консервации, реставрации и хранения в полевых и стационарных условиях деревянных предметов, меховой и кожаной одежды, а также тканей и войлока, найденных на Укоке.

Проведенный выше краткий обзор коллективной монографии, думается, не оставляет сомнений в высоком научном качестве и соответственно значимости данного издания, поддержанного Российским гуманитарным научным фондом. Преимущества междисциплинарного и "интернационального" подхода к решению сложнейших задач реконструкции этноистории центральноазиатского региона продемонстрированы в ней во всей полноте. Следует отметить, что подобным же путем в последние годы на территории Казахского Алтая осуществляется активное изучение Берельского могильника международной экспедицией Института археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК (руководитель – З.С. Самашев). В кургане 11 этого могильника были обнаружены мумифицированные останки мужчины, женщины и лошадей, а также интересный комплекс предметов из органических материалов, во многом схожих с пазырыкскими (Самашев и др., 2000; 2001; Горбунов и др., 2000). Вряд ли стоит сомневаться, что Алтай еще не раз порадует специалистов и всех, интересующихся древней историей, интереснейшими находками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Горбунов А.П., Самашев З.С., Северский Э.В. Вечная мерзлота – хранительница древностей. Алматы, 2000.
- Гуляев В.И., Савченко Е.И. К вопросу о роли золота в погребальном ритуале скифов // Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. М., 1999.
- Ельницкий Л.А. Скифия евразийских степей. Новосибирск, 1977.
- Лелеков Л.А. О символизме погребальных облачений (“золотые люди” скифо-сакского мира) // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. Новосибирск, 1987.
- Литвинский Б.А. “Золотые люди” в древних погребениях Центральной Азии // СЭ. 1975. № 3.
- Розен М.Ф. Очерки по истории горного дела на Алтае. Горно-Алтайск, 1955.
- Ростовцев М.И. Эллино-скифский головной убор // ИАК. 1917. Вып. 63.
- Самашев З., Базарбаева Г., Жумабекова Г., Сунгатай С. Берел. Алматы, 2000.
- Самашев З.С., Фаизов К.Ш., Базарбаева Г.А. Археологические памятники и палеопочвы Казахского Алтая. Алматы, 2001.
- Черников С.С. Загадка золотого кургана. М., 1965.
- Vorovka G. Scythian Art. London, 1928.
- The Golden Deer of Eurasia / Eds Aruz J., Farkas A., Alekseev Yu.A., Korolkova E. New York, 2000.

Институт археологии РАН, Москва

В.И. Гуляев, В.С. Ольховский

СЕЗОННЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЦИКЛ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИКАСПИЯ В БРОНЗОВОМ ВЕКЕ (Труды ГИМ. Вып. 120). М., 2000 (Отв. ред. Н.И. Шишлина)

Появление работы, включающей результаты комплексного исследования, можно только приветствовать как новый шаг в изучении памятников эпохи бронзы Северо-Западного Прикаспия. Проведены полевые исследования, суммированы результаты анализов, впервые примененных к материалам курганов Северо-Западного Прикаспия (анализ дентина зубов, идентификация яичной скорлупы). Сама тема монографии – определение сезонного экономического цикла и типа хозяйства древнего населения – является одной из наиболее сложных в методическом плане проблем археологии. В рецензируемой работе предпринята попытка реконструкции хозяйственной системы населения в одном регионе евразийских степей, опираясь на данные разных областей наук.

Однако некоторые положения и ряд мелких деталей данной монографии в значительной степени снижают ее ценность. Речь идет о тех ее разделах, в которых предлагается “первый опыт применения данных многих наук для проведения исторических реконструкций” “в рамках одной экологической ниши – Калмыцких степей” (С. 6). Работа названа коллективной монографией, но реально – это сборник статей, ряд которых не имеет прямого отношения к модели сезонного экономического цикла населения бронзового века. Это статьи, основанные на анализе конкретных материалов – бус, охры, бронзовых предметов. К этому же разряду можно отнести две работы по этнографии казахов и по реконструкции кочевого образа жизни древних хунну Забайкалья по аналогии с кочевниками нового времени – бурятами и монголами.

Сборник статей состоит из трех разделов: “Состояние природной среды Северо-Западного Прикаспия в бронзовом веке”, “Интерпретация материалов эпохи бронзы”, “Этнография кочевников Евразийских степей”, предварен предисловием Н.И. Шишлиной и заканчивается послесловиями П.М. Кожина и Ф.Т. Хиберта.

Краеугольным камнем сборника является положение о кочевом образе жизни населения бронзового века в Северо-Западном Прикаспии. В предисловии к сборнику Н.И. Шишлина кратко касается истории вопроса, ограничившись ссылками на работы, которые составляют только верхнюю часть айсберга и отражают только одно направление представлений в этой отнюдь не решенной окончательно проблеме. На самом деле имеются альтернативные позиции и, что особенно важно, имеются вполне обоснованные “про” и “контра” аргументы (Круглов, Подгаецкий, 1935; Попова, 1955; Латынин, 1957. С. 3–13; Артамонов, 1977. С. 4–13; Клейн, 1980. С. 30–36; Jettmar, 1983. S. 33–43; Vunyatyay, 2000. P. 30–39; Rassamakin, 2000. P. 59–157; Pustovalov, 1994. P. 86–134; Schölz, 1995; Jettmar, 1983. S. 33–43; Nachmann, 1991. S. 699–

713; Шнирельман, 1980; 1988. С. 29–50; Вайнштейн, 1991. С. 283–290).

Второе положение, требующее обоснования, это высказанное уже в предисловии и проходящее красной нитью во всему сборнику декларативное утверждение, что *Калмыцкие степи – это “особая экологическая ниша”* (С. 68). “Экологическая ниша” – термин биологический и означает роль живых организмов в определенной экосистеме, образно говоря, их “специализацию”. Все живые организмы, проживающие в одних и тех же условиях, имеют свою экологическую нишу, которая позволяет им не составлять конкуренции друг другу в главных отраслях жизнедеятельности – питании, проживании и т.д. (Odum, 1971. P. 26, 27; Krebs, 1972. P. 231, 232, 520, 521; Geiler, 1976. S. 8). Из этого следует, что экологическая ниша – понятие идеальное.

Н.И. Шишлина употребляет термин “ниша”, как и многие археологи, в понятии “пространство”. “Экологическая ниша” – как регион с особыми экологическими (ландшафт, климат, животный и растительный мир) условиями, принципиально отличными от окружения. Но какие именно принципиальные различия имел рассматриваемый регион в эпоху бронзы и какая конкретная территория имеется при этом ввиду? Ответа на эти вопросы в сборнике нет. Определение “Калмыцкие степи” можно встретить в старой географической литературе (Барбот де Марни, 1868; Пачоский, 1892). Депортация калмыков в Сибирь в 1943 г., ликвидация их автономии и переименования калмыцких топографических и географических названий положило конец правильному использованию этого термина. Поэтому Г.И. Танфильев в 1953 г. писал – “так называемая Калмыцкая степь” (Танфильев, 1953. С. 591). Более корректным является использование научного географического определения Северо-Западного Прикаспия. Однако создается впечатление, что авторами сборника как термин “Калмыцкие степи”, так и “Северо-Западный Прикаспий” ассоциируются совершенно однозначно с территорией современной Республики Калмыкия. В статье А.А. Гольевой “Взаимодействие человека и природы в Северо-Западном Прикаспии в эпоху бронзы” с первой страницы фигурирует только слово Калмыкия. Даже при описании физико-географических характеристик автор не отклоняется от границ современной Республики Калмыкия. Этот раздел статьи так и называется “Современные природно-климатические характеристики Калмыкии”. А как насчет Астраханской области по побережью Волги, участков Ставропольского края на юге, участков на западе, принадлежащих Ростовской области, и участков на севере, принадлежащих Волгоградской области? Все эти земли входили в устаревший географический термин Калмыцкие степи и со-

временный регион Приволжье (Мильков, Гвоздецкий, 1976. С. 263, 264). Поскольку исследуемая в сборнике “экологическая ниша” простирается на севере по крайней мере до могильника Цаца, находящегося в полусотне километров южнее г. Волгоград, термин “Приволжье” является более правильным, чем “Северо-Западный Прикаспий”. И конечно, ни в коем случае не Республика Калмыкия.

Особенно наглядно это демонстрируют карты к статье Н.И. Шишлиной и В.Э. Булатова. Карта “Пастбища, которые можно было использовать зимой на территории Калмыкии в эпоху ямной культуры (первая пол. 3 тыс. до н.э.)” представляет собой абрис современной Республики Калмыкии, буквально оказавшийся в невесомости (С. 45)¹. К слову, название карты звучит несколько двойственно. Вероятно, авторы подразумевали территории, наиболее вероятные для зимних пастбищ (согласно реконструкции физико-географической среды для первой половины 3 тыс. до н.э.). Точно такая же ситуация с картой “Зимние и летние кочевья калмыков на начало XX века”. В начале XX в. калмыцкие улусы (родовые объединения, ставшие территориальными единицами) частично принадлежали Ставропольской губернии, основная часть их (семь улусов) относилась к Астраханской губернии. После ликвидации Калмыцкого ханства в октябре 1771 г. до 4 ноября 1920 г. не существовало никакой единой калмыцкой административно-политической единицы. Соответственно, неправильно наносить кочевья начала XX в. на карту современной Республики Калмыкия.

О понимании авторами сборника исследуемой ими “экологической ниши” только как территории современной Республики Калмыкии свидетельствуют также такие выражения как “Калмыцкая ниша” (С. 51) (??? – М.О.-Г.), “соседний Поволжский регион” (С. 47) или в числе соседних территорий наряду с Приуральем, Прикубаньем, Нижним Поднепровьем фигурирует “нижнее и среднее течение Волги”, которое “изобилует ямными курганами” (С. 47). Дело в том, что нижнее течение Волги – это соседняя территория только для современной Республики Калмыкия, и то только с 1958 г.

Путаница с “Калмыцкими степями”, “экологической нишей”, Северо-Западным Прикаспием и территорией современной Республики Калмыкия подрывает основу построений авторов сборника. Ведь для разработанной ими экологической модели четкое, а главное, правильное определение географической территории является решающим.

Следующим основополагающим для модели положением является вывод о *деградации почв в эпоху бронзы*. Обоснованию этого посвящена работа А.А. Гольевой “Взаимодействие человека и природы в Северо-Западном Прикаспии в эпоху бронзы”. После введения следует уже упоминавшийся раздел “Современные природно-климатические характеристики Калмыкии”. Два обширных раздела основаны на обзоре существующей литературы по двум темам – “Палеоклиматические реконструкции исследуемой территории в 3–2 тыс. до н.э.” и “Антропогенное воздействие на природу в эпоху бронзы”. Затем следует раздел, где представлены результаты биоморфного анализа почв из пяти курганов могильника Зунда Толга. На основе изучения погребенных почв под насыпями пяти курганов из одного могильника автором делаются выводы о разрушительном антропогенном воздействии и даже экологическом кризисе во всей “экологической нише” (С. 28). По данным автора, в погребенной почве кургана 3 (ямная культура) сохранилось много фитолитов, что свидетельствует о степной растительности. В кургане 2 (катакомбная культура) содержится мало фитолитов. Качественный состав тот же, хотя отмечаются отдельные зерна более засухоустойчивой растительности. Вывод – “...растительность на этом месте была сильно нарушена...”. Вполне логично, но дальше следует “была сильно нарушена, скорее всего, в результате выпаса, переходящего в перевы-

пас” (С. 21). Однако автором не приведена аргументация, почему только перевыпас скота может быть причиной нарушения растительности. Не исключено, что растительность была нарушена людьми в процессе погребальной церемонии, рытья ямы и сооружения кургана. Наверняка, в погребальной церемонии и в сооружении кургана участвовало количество людей, вполне способное за это время вытоптать растительность, если они были вынуждены топтаться на небольшом участке одновременно. Так же можно и объяснить полное отсутствие верхнего гумусного слоя в кургане 4 (энеолит) и кургане 1 (катакомбная культура). Можно перечислить тысячу причин, в том числе и то, что гумус был просто срыт во время земляных работ по сооружению кургана. Однако А.А. Гольева уверено допускает только одно единственное объяснение – ветровая эрозия из-за перевыпаса. В результате одно допущение о ветровой эрозии накладывается на другое допущение о перевыпасе. В любом случае четырех курганов из одного могильника, расположенных буквально рядом друг с другом, слишком мало для выводов обо всем регионе или “экологической нише”. А.А. Гольева в некоторой степени полемизирует с авторами других анализов погребенных почв из того же могильника Зунда Толга (А.Л. Александровский) и Цаган Усн (А.Н. Геннадиев и Т.А. Пузанова), которые высказывали иные, неантропогенные предположения о причинах различий гумусного слоя под курганными насыпями. Все взятые вместе предположения – геологические особенности формирования гумусного слоя, перевыпас скота, деятельность строителей курганов – лишний раз доказывают, что единичные анализы почв из-под курганной насыпи не позволяют обосновать ни одно из них, фиксируя пока только факт отсутствия или нарушения гумуса.

В данной работе А.А. Гольева вышла на путь широких обобщений, которые не вытекают из ее собственного исследования. Вторая часть заключения работы А.А. Гольевой, ее выводы о “ветровой эрозии, вызванной интенсивным выпасом в течение многих лет на основных миграционных маршрутах” (С. 17), смотрятся слишком громоздко и явно преувеличивают возможности палинологических источников.

Настораживает также факт, что для такой обобщающей работы был почему-то произведен отбор анализов без объяснения критериев такого отбора. Просто написано: “За четыре года работы было исследовано 300 образцов. В работе в качестве примера (курсив мой – М.О.-Г.) приводятся результаты исследования 26 образцов” (С. 17). Остается непонятным стремление не расширить базу данных, а наоборот, ее сузить.

Другой основополагающей статьей рецензируемого сборника является коллективная работа, посвященная комплексному методу *определения сезона совершения погребений* эпохи бронзы Калмыкии (И.В. Кириллова, А.А. Гольева, Г.А. Клевезаль, К.Е. Трунова, Н.И. Шишлина). Первая ее часть посвящена использованию споро-пыльцевого метода. Возможность использования этого метода для определения сезона автор (А.А. Гольева) обосновывает ссылкой на работу Адамса (Adams et al., 1998. Р. 129–142) (С. 31), но в списке литературы эта работа отсутствует. Сезон сооружения погребения определен по 13 образцам из восьми курганов, взятых из разных мест – поверхность погребенной почвы (3 раза), дно ямы (3 раза), почва под черепом (5 раз) и зольник в насыпи (1 раз). Определение сезона по пыльце весьма рискованно: любой гумусовый слой, так же как и погребенная почва, содержат пыльцу круглый год. Аргументом могло быть указание процентного соотношения на единицу объема, однако они не приведены автором. Недоказанным остается еще один важный момент – оставлена ли пыльца со дна могилы и под черепом именно “цветущими”, а не засушенными растениями. Не исключено, что пыльца “копилась” в одежде, подушке или подстилке в процессе их использования при жизни погребенного. Бесспорным остается только образец из зольника в насыпи.

Вторая часть посвящена идентификации скорлупы птичьих яиц. Было проанализировано пять образцов из трех курганов. Два образца из насыпи, два из впускных погребений

¹ Этот прихотливо изогнутый абрис республики – свидетельство непростой истории калмыцкого народа (см. сноску 3), не имеющий никакого значения для первой пол. 3 тыс. до н.э.

ний (раннего железного века и катакомбной культуры) также в насыпи², и одно из “западной стенки входной ямы на глубине 106 от вершины кургана” (материк? – М.О.-Г.). Скорлупа принадлежала уткам, цаплям, чайкам, а также птицам из семейства фазановых. Авторами правильно отмечено, что все выводы о времени сооружения могут быть правильными только при условии, что скорлупа попала в насыпь кургана “при участии человека” в момент строительства кургана, “а не каким-либо иным случайным путем” (С. 35). Скорлупа в насыпи кургана не может отвечать такому условию независимо от уровня залегания и расположения ее на дне погребения в насыпи, также как и нахождения ее в стенке входной ямы, потому что во всех случаях авторами не приведены доказательства ее преднамеренного попадания в погребальное сооружение. Один образец из погребения раннего железного века выбывает из выборки по причине своей поздней даты.

Тех же доказательств требует и следующий раздел “Идентификация костей позвоночных и определение сезона совершения погребения”. Фразу “Иногда, из-за отсутствия серийного материала, приходится делать предположительные построения” (С. 35) можно считать девизом этого раздела. В выборке участвуют: 1) фрагмент нижней челюсти щенка волка или крупной собаки из насыпи кургана 3 могильника Зунда Толга; 2) бедренная кость молодой собаки из могильника Шупта-1 (номер кургана не указан); 3) фрагмент нижней челюсти щенка волка или крупной собаки из кургана 3 Манджикины; 4) нижняя челюсть корсака из того же кургана 3 Манджикины. Кроме определения возраста по костям, для этих же образцов были произведены анализы дентина и цемента зубов. Авторы отдают отчет в том, что кости диких животных могут иметь вторичный характер, т.е. привнесены в насыпь в любое другое время, а не только в тот же день, когда была сооружена насыпь. “Поэтому при отборе остатков корсаков для анализа были отбракованы экземпляры, имеющие явно современную сохранность, и выбраны те, которые имели сохранность, идентичную основной массе костного материала из памятника”.

Объективный ли это критерий? Прямое отношение к погребальному обряду катакомбной культуры костей волчат, лисы и хоря, так же как скорлупы в насыпях курганов, нуждается в специальном обосновании, не говоря уже о том, что все депозиты (костные остатки и фрагменты скорлупы) могут свидетельствовать только о времени сооружения насыпи, а не погребений, так как они, как показано выше, кроме двух случаев, происходят из насыпи. Но и без анализов ясно, что насыпи могли сооружаться в теплое время года, по той простой причине, что зимой почва в степи промерзает на глубину до 40 и более см. Еще можно представить, что, прогрев землю зимой, можно вырыть катакомбу или яму. Но и то, видимо, не всегда. На некоторых черепах погребенных из курганов Калмыкии замечены следы зубов хищников, что могло произойти только при хранении тела до наступления весны (устное сообщение антрополога А. Шевченко). Сооружение насыпи требовало большого количества грунта. Конечно, не исключены особые ситуации – очень теплая зима или чрезвычайные обстоятельства. Но это требует уже специальной аргументации.

Еще одной составляющей модели является положение, опирающееся на исторический пример калмыков, ведущих в XIX–XX вв. кочевое скотоводство в пределах “экологической ниши”. Аргументации этого посвящена статья В.Э. Булатова, первый раздел которой так же, как в статье А.А. Гольевой, назван “Ландшафты Калмыкии”. Автор полагает, что территория, отведенная кочевым калмыкам в начале XIX в. в пределах Астраханской и Кавказской губерний, “совпадает с территорией современной Республики Калмы-

кия, хотя и несколько превышает ее” (С. 133)³. С этим трудно согласиться; территория современной Калмыкии выглядит иначе по сравнению с землями, принадлежавшими калмыцким улусам в XIX в. Кочевья калмыков вплотную подходили к Волге, а сейчас между Калмыкией и Волгой находится Астраханская область. Заметно изменились по сравнению с XIX в. и западные и юго-западные границы (Борисенко, Убушиева, 2000. С. 27–54).

Автор статьи утверждает, что систему кочевок в начале XIX в. можно рассматривать как “глубоко рациональную” и “оптимальную”, а территорию как “целостный самодостаточный район для ведения кочевого хозяйства” (С. 132), но почти не приводит аргументов, заменяя их информацией общего плана. Факты, приводимые самим В.Э. Булатовым (С. 135, 136), а также пункт 3 “Экспликации к карте” и параграф 2 примечаний свидетельствуют об обратном (см. также: Эрдниев, 1980. С. 36–43, 48, 110, 119; Пальмов, 1932. С. 27–30; Борисенко, 1991; Otchir-Gogiaeva, 2000. P. 152, 153). В XIX в. калмыками практиковались полуоптимальные или вынужденные системы кочевок в условиях все более усилившихся земельных ограничений и колониальной политики Российской империи. История калмыцкого народа в этот период расценивается специалистами как время разрушения традиционного способа хозяйства, ведущего к кризису и разрушению традиционной культуры кочевников (Устюгов, 1960. С. 17–34; Джимбинов, 1960. С. 9; Колесник, 1995). Именно поэтому способ ведения кочевого скотоводства калмыков после 1771 г. не может рассматриваться как полноценный источник для этнографических параллелей.

Две статьи Н.И. Шишлиной (одна в соавторстве с В.Э. Булатовым) сводят воедино все рассмотренные выше положения и, соотнося с географическим расположением курганов эпохи бронзы, реконструируют “потенциальный” сезонный экономический цикл племен эпохи бронзы. Поскольку модель в многом опирается на данные, которые, как показано выше, недостаточно обоснованы, то это напрямую сказывается на обоснованности модели.

Вызывают удивление приведенные Н.И. Шишлиной данные по количеству раскопанных погребений эпохи бронзы. “К концу 1990-х годов в 33 могильниках Калмыкии было обнаружено около 1100 погребений катакомбной культуры (по сравнению с 500 погребениями ямной)” (С. 61). По всей видимости, речь идет о ее собственной выборке, поскольку еще в 1985 г. были опубликованы полные данные по археологическим исследованиям в Калмыкии (Цуцкин, 1985. С. 17. Табл. 1). По сводке Е.В. Цуцкина, за 24 полевых сезона в период с 1929 по 1979 г. раскопано было 828 курганов, в которых открыто 587 погребений ямной и 1263 катакомбной культур. После 1979 г. прошел 21 год, в каждый из которых на территории республики велись охранные раскопки. К этому периоду относятся масштабные спасательные раскопки в зоне строительства Сарпинской оросительной системы, канала Волга-Чограй и, наконец, Каспийского трубопровода, когда раскопки вели одновременно несколько экспедиций. Нет никаких объяснений, почему для модели сезонного экономического цикла Н. И. Шишлина использовала значительно меньше погребений, чем имеется.

³ В.Э. Булатов, по всей видимости, не осведомлен о том, что с XIX в. границы Калмыкии менялись несколько раз. Указом от 19 мая 1806 г. калмыцким улусам в составе Астраханской и Кавказской губерний были отведены земли, размеры которых были сокращены при получении калмыцким народом автономии. Калмыцкая автономная область была образована 4 ноября 1920 г. Спустя 15 лет, 20 октября 1935 г., область была преобразована в автономную республику. 27 декабря 1943 г. республика была ликвидирована и все ее территории были разделены между соседними областями. 7 января 1957 г. автономия калмыцкого народа была восстановлена в форме Калмыцкой автономной области в составе Ставропольского края. 29 июля 1958 г. область была преобразована в автономную республику в составе Российской Федерации. Смены политического статуса сопровождались территориальными изменениями.

² Не совсем ясно, где находилось погребение катакомбного времени из м-ка Зунда Толга к. 1 погр. 11, так как в тексте указано буквально следующее: “Впускное погребение, в насыпи 2, в материке” (С. 33).

Н.И. Шишлина сделала попытку также подсчитать примерное количество всех курганов катакомбного времени на территории Калмыкии и пришла к явно завышенной цифре 10 000 курганов (С. 60, 61). Если даже следовать счету автора, получается 4710 курганов. Но счет ведется очень не строго, например к счету привлекается 66 балок на Ергенинской возвышенности со ссылкой на У.Э. Эрдниева. Но в указанной работе У.Э. Эрдниева стоит буквально “по словам старых калмыков таких балок и речек 66” (Эрдниев, 1981. С. 18). Неизвестно, сколько же из них балок и сколько речек, и насколько фольклорные данные соответствуют географической реальности.

Обе работы изобилуют и другими вольными допущениями типа “зуб корсака из насыпи кургана 3 могильника Манджикины датируется по цементному анализу концом осени – ранней зимой, что, вероятно, свидетельствует о существовании некоего пастушеского маршрута, который проходил через водораздел в это время (переход на зимние пастбища?)” (С. 67). Или: “Тогда находки... кавказского самшита, мангышлакской охры... могут рассматриваться как вещи приобретенные попутно во время зимних перекочевок” (С. 67). “На дне ям кенотафов лежали “букеты” цветущих трав” (С. 67). Н.И. Шишлина пишет о “проведенных палеозоологических определениях” и ссылается на работу В.П. Шилова (С. 55). Вероятно, она имела в виду его таблицы по количеству костей животных в могилах. Е.Е. Кузьмина в рецензии на работу В.П. Шилова указывала на методические промахи при использовании им данных о костях животных из погребений (Кузьмина, 1977. С. 261–265). На эти же моменты указывает и Ю. Рассамкин (Rassamakin, 2000. Р. 131). В другом месте Н.И. Шишлина утверждает, что “исследования И.В. Кириловой подтвердили вывод наших предшественников: преобладающим в стаде был мелкий рогатый скот” (С. 66). Однако ссылки в тексте нет. Осталось неизвестным, какую именно работу И.В. Кириловой имела в виду Н.И. Шишлина. В другом месте читаем следующее: “Материалы погребальных комплексов не могут указать, существовал ли особый режим выпаса различных видов скота. Однако явно преобладает мелкий рогатый скот: овцы – животные, поедающие 167 из 288 видов растений пустынной зоны...” (С. 55). Почему бы не привести цифры, в скольких точно погребениях эпохи бронзы зафиксированы кости домашних животных и каких? В сборнике фигурируют пока только два погребения из могильника Зунда Толга, в которых по определению специалистов найдены “кости мелкого копытного” (С. 38), а, по данным Н.И. Шишлиной, “овца или сайга”. О сезонности погребения, по мнению Н.И. Шишлиной, свидетельствуют также находки скелетов змей в погребениях (С. 65). Я являюсь автором раскопок могильника Хар Зука, но не могу доказать, что скелеты змей в двух погребениях этого могильника – черта погребального обряда, а не случайность (Очир-Горяева, 1991).

Нельзя не отметить также другие некорректные моменты. На обложке “монографии” и в статье дается фото современных меринских овец. Однако меринские или тонкорунные овцы были выведены селекционерами только в XVIII в. в Средней Европе на базе испанских овец (Benescke, 1994. S. 237; Jacobeit, 1961. S. 69–76). В отарах калмыков они появились под именем “шпанка” в XIX в. И только в советское время курдючная овца калмыцкой породы полностью заменена меринской. Курдючная овца значительно крупнее, имеет длинные ноги и иное строение копыт, более неприхотлива и легко переносит длительные переходы. Жировой хвост курдючной овцы выполняет такую же роль запасника питательных веществ, как и горб верблюда. Строение копыт и походка курдючной овцы позволяет ей не оказывать такого разрушающего действия на почву, как это делают тонкорунные овцы с их острыми копытцами и “элегантной” походкой. Считается, что курдючные овцы были привнесены в восточноевропейские степи кочевниками из Центральной Азии. Традиционной же для этих мест считается также грубошерстная, но без курдюка овца, типа современной романовской породы. По данным палеозоологов, в эпоху бронзы

в Восточной и Средней Европе была распространена овца крупной породы до 70 см в холке (Цалкин, 1964. С. 24–30; Vököny, 1991. S. 549–556).

И еще об этнографических примерах. У калмыков принято говорить отара овец, а не стадо овец, не пастух, а чабан (Подпись под фото. Рис. 1. С. 57). В другой своей работе Н.И. Шишлина неоднократно называет катакомбные погребения из Калмыкии – “калмыцкими”⁴ (!!! – М.О.-Г.), а также пишет о “приходе в Калмыкию (курсив мой – М.О.-Г.) носителей пришлых культур” (Шишлина, 1997. С. 6, 9, 10, 11, 13). Замечу, что калмыки и Калмыкия не имеют значения для эпохи бронзы. Лучше вообще избегать современных этнических и административных названий для древних эпох. Археологические культуры почти всегда соотносятся с определенным географическим районом, название которого и является наиболее корректным для археологии. Ведь никто из исследователей не говорит о катакомбной культуре украинских или русских степей и украинских или русских погребениях на том лишь основании, что они расположены на территории современной Украины и России. Географические названия не задают также национальных чувств и нейтральны в территориально-политическом отношении.

Н.И. Шишлиной очень часто используется слово “тебеневка”. И в других работах она подчеркивает “ключевую роль” лошади в стаде кочевников, как добытчицы корма из-под снега (Shishlina, 1996. Р. 123–131; 2000. Р. 361). Из контекста ясно, что автор понимает под этим словом обычный выпас скота зимой. На самом деле это исключительная мера во время гололедицы или обильных снегопадов. Обычно табуны лошадей, отары овец и стада крупного рогатого скота выпасают как летом, так и зимой отдельно. Совместный выпас, когда впереди идут лошади, в течение длительного времени невозможен. Если снег или гололед через несколько дней не сошел, неизбежно начинался падеж скота, особенно слабых – молодняка, овцематок от бескормицы. В худших случаях люди лопатами расчищали снег и лед. К лошадям привязывали бревна и гоняли по той площади, на которую позже пускали овец. В современные годы же выпускали впереди отары трактора с прицепленными к ним рамами для освобождения участков степи от снега. Надо отметить также, что и при отдельной пастьбе, когда лошади долго вынуждены тебеневать, т.е. пастись в условиях глубокого (более 30 см) снега или оледенения, это приводит к истощению табуна и выкидышам у жеребых кобыл (устная информация чабана А.М. Зумаева; Эрдниев, 1980. С. 129; Масанов, 1995. С. 99–101).

Бросаются в глаза и некоторые моменты этического порядка.

Е.В. Цуцкин, заведующий археологической лаборатории Калмыцкого института, все эти годы несший на равных организацию раскопок и финансовую поддержку работ, упоминается в примечании, и то через запятую, после всех “участников археологических исследований в Калмыкии” (С. 6). Читатель наверняка поймет, что это примечание относится к некоему особо отличившемуся студенту или школьнику. Некоторую небрежность по отношению к коллегам можно отметить и по ссылкам. На с. 54 читаем буквально: “Методика одного из подходов обсуждается в предыдущей статье сборника (см.: Шишлина и др. в наст. сборнике)”, хотя имеется в виду статья Н.И. Шишлиной и В.Э. Булатова. Другой пример: “Проблема... привлекала внимание многих исследователей (например, В.П. Шилова)”. А как же другие, и почему “например”? На с. 63: “О социальной организации носителей катакомбной культуры написано много (например, Ковалева, 1989)”.

Едиственная статья Н.И. Шишлиной, написанная без соавторов, имеет ряд пропусков в ссылках или списке литературы. На с. 66 есть ссылка “Александровский и др., 1997;

⁴ “Прекрасно сохранившийся краниологический материал из калмыцких погребений...” (С. 9), “По многим признакам... калмыцкие захоронения сопоставимы с прикубанскими...” (С. 10) и т.д.

Шишлина и др., 1998”, на с. 56 – ссылка “Коростелев, 1901, с. 61”, но эти работы отсутствуют в списке литературы.

Остается выразить сожаление, что в данной “коллективной монографии” так мало или почти не используются сами археологические источники. Ведь до настоящего времени нет сводной работы по материалам эпохи бронзы “экологической ниши” – типологии, классификации, хронологии массового материала. Полностью согласна с автором одного из послесловий, П.М. Кожиным, что “... работа с фактическим археологическим материалом остается насущной задачей специалистов” (С. 154), а также с его выводом “Вообще, конкретное изучение производственных технологий не на основе заданных рабочих исследовательских схем, а по сериям реальных образцов изделий таит возможности проникновения в подлинный, а не искусственно моделируемый мир” (С. 155). Другой автор послесловия, Ф. Хиберт, считает, что для ямного времени “должна быть разработана другая модель”, так как, по его мнению, “население явно малоподвижно” (С. 158). Он также отметил, что “создана рабочая модель. Она может быть проверена... усовершенствована или отвергнута...”. Действительно, модель может быть проверена, усовершенствована... Приношу искреннюю благодарность д-ру Н. Бенекке (Dr. Benescke) и д-ру Р. Ниф (Dr. Neef) из Евразийского Отделения Немецкого Археологического Института за их консультации в области палеозоологии и палеоботаники.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Артамонов М.И. Возникновение кочевого скотоводства // Проблемы археологии и этнографии. Вып. 1. Л., 1977.
- Барбот де Марни Н. Геологическое описание Калмыцкой степи и прилежащих к ней земель // Калмыцкая степь Астраханской губернии по исследованиям Кумо-Маньчской экспедиции. М., 1868.
- Борисенко И.В. Очерки исторической географии. Дореволюционный период. Элиста, 1991.
- Борисенко И.В., Убушиева С.И. Очерки исторической географии Калмыкии. 1917 г. – начало 90-х г. XX в. Элиста, 2000.
- Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии. М., 1991.
- Джимбинов Б.О. 350 лет вместе с Россией // Записки Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Вып. 1. Элиста, 1960.
- Клейн Л.С. Возникновение кочевого скотоводства // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980.
- Колесник В.И. Демографическая история калмыков в XVII–XIX вв. Элиста, 1995.
- Круглов А.П., Подгаецкий В.Г. Родовое общество степей Восточной Европы. М.; Л., 1935.
- Кузьмина Е.Е. Рец.: В.П. Шилов. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья // СА. 1977. № 3.
- Латынин Б.А. К вопросу об уровне развития производительных сил в эпоху ранней бронзы // КСИИМК. 1957. Вып. 70.
- Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов. Алматы; М., 1995.
- Мильков Ф.Н., Гвоздецкий Н.А. Физическая география СССР. М., 1976.
- Очир-Горяева М.А. Отчет о раскопках могильника Хар-Зуха в Ики-Бурульском районе в 1991 г. // Архив КИОН РАН. 1991. Ф. 14. Оп. 2. Д. 68.

- Пальмов Н.Н. Этюды по истории Приволжских калмыков. Ч. 5. Дела земельные. Астрахань, 1932.
- Пачоский И. Флорографические и фитографические исследования в Калмыцких степях // Записки Киевского Общества естествознания. Киев, 1892.
- Попова Т.Б. Племена катакомбной культуры. М., 1955.
- Танфильев Г.И. Географические работы. М., 1953.
- Устюгов Н.В. Калмыки в первой половине XIX века // Записки Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Вып. 1. Элиста, 1960.
- Цалкин В.И. Некоторые итоги изучения костных остатков животных из раскопок археологических памятников позднего бронзового века // КСИА. 1964. Вып. 101.
- Цуцкин Е.В. Археологические исследования Калмыкии // Древности Калмыкии. Элиста, 1985.
- Шишлина Н.И. Погребальные традиции населения калмыцких степей в эпоху ранней бронзы // Тр. ГИМ. 1997. Вып. 93.
- Шнирельман В.А. Происхождение скотоводства. М., 1980.
- Шнирельман В.А. Развитие скотоводства и формирование кочевого хозяйства // История первобытного общества. Эпоха классового образования. М., 1988.
- Эрдниева У.Э. Калмыки. Элиста, 1980.
- Эрдниева У.Э. Древнейшая история заселения территории Калмыкии // Археологические памятники Калмыкии эпохи бронзы и средневековья. Элиста, 1981.
- Benescke N. Der Mensch und seine Haustiere. Stuttgart, 1994.
- Bököny S. Pferde- und Schafomestikation bzw. –haltung in der frühen Kupferzeit Eurasiens // Die Kupferzeit als historische Epoche. Teil 2. Bonn, 1991.
- Bunyatyay K. On correlation of Agriculture and Pastoralism in the Northern Pontic Steppe Area during the Bronze Epoch // Late Prehistoric Exploitation of the Eurasian Steppe. Papers presented for the Symposium to be held 12–16 Jan. 2000. V. 1. Cambridge, 2000.
- Jacobeit W. Schafhaltung und Schäfer in Zentraleuropa bis zum Beginn des 20 Jahrhunderts. Berlin, 1961.
- Geiler H. Ökologie der Land – und Süßwassertiere. Berlin, 1976.
- Hachmann R. Das Problem einer Kupferzeit // Die Kupferzeit als historische Epoche. Symposium Saarbrücken und Otzenhausen, 6–13.11.1988. Teil 2. Bonn, 1991.
- Jettmar K. “Frühe Nomaden” und “nördliche Nomaden” // MAGW. 1983. Band. 113.
- Krebs C.J. Ecology. The experimental analysis of distribution and abundance. Cambridge, 1972.
- Odum E.P. Ecology. Cambridge, 1971.
- Otchir-Goriaeva M. The Migrations of the Low Volga Nomads // 6th Annual Meeting European Association of Archaeologists. Lisbon, 2000.
- Pustovalov S. Economy and Social Organization of Northern Pontic Steppe – Forest-Steppe pastoral populations. 2750–2000 BC // Baltic-Pontic Studies. 1994. V. 2.
- Rassamakin Y. The Eneolithic of the Black Sea Steppe. Dynamics of Cultural and Economic Development 4500–2300 BC // Late prehistoric exploitation of the Eurasian steppe.
- Schölz F. Nomadismus. Theorie und Wandel einer sozio-ökologischen Kulturweise // Erdkundliches Wissen. Bd. 118. Stuttgart, 1995.
- Shishlina N. The Horse in the culture of the Bronze Age Eurasian nomads // EISPP. Congress Proceedings – Forli, 8–14 September 1996.
- Shishlina N. Yamnaya culture pastoral exploitation: a local sequence // Late Prehistoric Exploitation of the Eurasian Steppe. Papers presented for the Symposium to be held 12–16 Jan. 2000. V. 1. Cambridge, 2000.

Калмыцкий институт социально-экономических и правовых исследований,
Элиста

М.А. Очир-Горяева

Rezepkin A.D. DAS FRÜHBRONZEZEITLICHT GRABERFELD VON KLADY UND DIE MAJKOP-KULTUR IN NORDWESTKAUKASIEN // Archäologie in Eurasien. 2000. Band 10. Verlag Marie Leindorf: Rahden/Westf. 2000. 74 с. 85 таблиц.

Монография А.Д. Резепкина носит название “Раннебронзовые погребения могильника Клады и майкопская культура северо-западного Кавказа”. Она посвящена интересным и сложным проблемам изучения майкопско-новосвободненской общности, а также ее загадочным и богатейшим каменным гробницам на р. Фарс.

В основе исследования лежат авторские раскопки и диссертация А.Д. Резепкина, защищенная в 1989 г. (Резепкин, 1989). Помимо комплексов могильника Клады в работе публикуются материалы курганов с энеолитическими погребениями у ст. Старонижнестеблиевской, комплексы кургана у ст. Новокорсунской и разрушенного курганного погребения Теухабль-Чишхо.

Монография открывается предисловием, написанным профессором Г. Парцингером. Далее следует “Введение” самого автора, в котором им отмечаются различные точки зрения на проблему новосвободненских гробниц и хронологию майкопской культуры. Однако статьи и монографии по проблемам майкопской культуры, вышедшие из печати в 1994 г., уже используются выборочно. В основном работа отражает уровень дискуссий по узловым проблемам комплексов майкопской культуры у ст. Новосвободной начала 90-х годов XX в. По всей видимости, в это время она была сдана в печать и довольно долго проходила подготовку к изданию. Работ, вышедших после 1996 г., в ней не упоминается.

Первая глава книги посвящена типологии погребальных сооружений могильника Клады, относительной хронологии могил, инвентаря и спектрально-аналитическим исследованиям металла. Ее открывает параграф – типология погребальных сооружений (Rezepkin, 2000. S. 3–5). Последние подразделены А.Д. Резепкиным на 5 типов.

Тип 1 (42 захоронения) – это прямоугольная, с закругленными углами яма со средней длиной до 1.7 м. Она иногда покрывается слоем материковой глины или наброской из камней. Погребенные в Закубанье лежат скорченно, на боку, в подавляющем большинстве случаев на правом, кисти рук перед лицом. Ориентация большей частью связана с южным сектором. Редко встречаются в могиле охра и угли.

Тип 2 (50 захоронений) характеризуется более крупными ямами подпрямоугольной формы, чем ямы типа 1. Две трети среди учтенных могил имеют длину 2–5 м. Дно выложено галькой, стены камнями. Иногда в могилах прослеживается деревянный сруб, высотой 1–3 венца. Погребенные лежат скорченно на боку, кисти рук перед лицом. Чаще всего ориентированы головой в южный сектор. Во всех могилах отмечена охра, редко уголь. Могилы типа 2 представлены на всех горизонтах могильника Клады, кроме 1-го. Тип распространен по всему ареалу культуры.

Тип 3 (21 погребение) связан с вымостками из гальки, глины или песка прямоугольной формы на древней дневной поверхности. В некоторых случаях вымостка огорожена деревянным срубом, стенами из камня или тем и другим. Могилы типа 3 встречены на 1-м и 3-м горизонтах. Они не отличаются от типа 2 по положению костяка, наличию охры и ориентировкам покойных.

Тип 4 – каменные гробницы. Каменная гробница¹, по мнению А.Д. Резепкина, – это мегалитическое сооружение

¹ Относительно мегалитов, открытых Н.И. Веселовским и А.Д. Резепкиным в урочище Клады, используется разная терминология. Их называют гробницами или дольменами, начиная с работ Н.И. Веселовского. В настоящей статье, избегая полемики по терминологическому вопросу, под гробницей новосвободненского типа подразумеваю наземный каменный ящик подпрямоугольной формы с перекрытием, сделанный в виде двух помещений, с отверстием в плитерасделителе. Дольмен – каменный ящик с отверстием во внешней стенке. Дольмен может иметь портал, видимо, как дериват разви-

на древней дневной поверхности, состоящее из одной-двух камер, образованных вертикально поставленными плитами. Камеры подпрямоугольной в плане формы. В одной из поперечных плит имеется входное отверстие. Положение покойных и их ориентировка, наличие охры такие же, как в могилах типа 2 и 3. Гробницы занимают в могильнике Клады 3-й и 4-й горизонты, характеризуются богатством инвентаря.

Тип 5 – каменные ящики. Они отличаются от гробниц отсутствием отверстия. Положение покойных аналогично типу 4.

Следующий важнейший параграф главы посвящен относительной хронологии могильника Клады и его инвентарю.

Выделенные горизонты могильника Клады А.Д. Резепкин сопровождает таблицами с рисунками вещей, распределенных по этим горизонтам.

Первый горизонт могильника связан с погребениями 1-го и 3-го типов. К нему относятся захоронения с бесчеренковыми и черенковыми кинжалами, флажковидными наконечниками стрел, шаровидными формами сосудов, мисками и плоскородными небольшими кубками, которые я образно называю “тюльпанчиками”. А.Д. Резепкин относит к этому горизонту могилы 2 и 150 Псекупского могильника. Вследствие этого к предметам 1-го горизонта Кладов причисляются бронзовые копья с черенковым насадом, бронзовые мотыги. Однако на этом горизонте еще нет металлической посуды и бронзовых топоров.

А как же комплекс Майкопского кургана? Ведь в нем есть бесчеренковый нож, бронзовый топор и металлическая посуда. Керамика из погребения 150 Псекупского могильника явно соотносится с горшками Майкопского кургана и поселения Галюгай 1 на Тереке. На все эти вопросы в тексте монографии ответа нет. Автор монографии о Майкопском кургане при выделении горизонтов могильника Клады просто не упоминает.

Подбор аналогий, обеспечивающий синхронизацию комплексов в автореферате диссертации (Резепкин, 1989), не всегда понятен. Так, асимметричные наконечники стрел, обеспечивающие отнесение к 1-му горизонту Кладов погребения 2 Псекупского могильника (Резепкин, 1989. С. 11), даже по схеме А.Д. Резепкина существуют долго и не только на 1-м горизонте могильника Клады. Можно ли на основании такой параллели так узко датировать комплекс погребения 2 Псекупского могильника и связывать его исключительно с 1-м горизонтом рассматриваемого могильника?

По наличию кубков “тюльпанчиков” к комплексам 1-го горизонта относится погребение с повозкой из кургана у ст. Новокорсунской (Кондрашев, Резепкин, 1988). Опять у меня вызывает опасение такая аналогия. Тюльпановидные сосуды – характерная керамика для майкопских памятников Западного Предкавказья. Они есть как в собственно майкопских комплексах, например на Серегинском поселении (Днепровский, Кореневский, 1996. С. 10. Рис. 8), так и в комплексах относительно поздних новосвободненских гробниц (Попова, 1963. Табл. XIII, нижний ряд, справа). Строгой синхронизации на их основании вряд ли можно добиться.

Западные аналогии погребениям первого горизонта могильника Клады А.Д. Резепкин связывает с погребениями новоданиловской группы степной Украины. Почему возникла такая параллель?

тия оформления сакрального места перед камерой с покойным или не иметь его. Многие дольмены в плане имеют не прямоугольную, а трапециевидную и иные формы. Разделяю точку зрения В.А. Трифонова (2001а. С. 30) о наличии переходных звеньев в архитектуре майкопских гробниц и дольменов, отраженную материалами могильника Клады (например, погребение 54 курган 11).

Погребения 1-го горизонта м-ка Клады рассматриваются как ранне-новосвободненский комплекс. В Центральном Предкавказье первому горизонту в схеме А.Д. Резепкина аналогии отсутствуют.

Не спору, погребения майкопской культуры с тюльпановидными чернолощеными кубками в Центральном Предкавказье отсутствуют вообще. Но древности майкопской культуры, имеющие аналогии в выделяемом горизонте А.Д. Резепкиным, конечно есть. Например, Сунженский могильник (Кореневский, 1993. С. 53–60).

Второй горизонт могильника Клады представлен могилами типа 2. Ассортимент бронзовых предметов расширяется. А.Д. Резепкин включает в него инвентарь комплекса у ст. Псебайской и комплексы с бронзовыми крюками. Именно тогда, по его мнению, появляются топоры новосвободненских форм, желобчатые кинжалы. Продолжают бытовать флажковидные наконечники стрел. К этому горизонту Кладов А.Д. Резепкин относит комплексы у ст. Костромской, ст. Псебайской, а также комплекс Иноземцевского кургана и мегалит на р. Псыбе, опубликованный М.К. Тешевым. По мнению А.Д. Резепкина, это время связывается с появлением бронзовой посуды.

В комплексах 2-го горизонта Кладов появляются сосуды с характерными орнаментами для новосвободненских гробниц, наклепными выпуклинами, елочками, дорожками со штриховкой, сеткой, прочерченными треугольниками. Отмечается находка каменного браслета, аналогичного браслетам Нальчикского могильника.

Каменный браслет (Rezeppin, 2000. Taf. 36, 4) найден в кургане 25, погребении 8, которое, на мой взгляд, носит условный характер: нет ни ямы захоронения, ни костяка. Оно связано со скоплением из трех камней, обломком сосуда, кремневым сколом, поблизости от которых и обнаружена эта вещь. По каким признакам этот комплекс (?) относится именно ко второму стратиграфическому горизонту, мне непонятно. Браслет имеет прямые аналогии среди браслетов из поселений с накольчатой жемчужной керамикой, например, из Мешоко (Столяр, 1961. С. 89. Рис. 14, 5). Это нетипичная вещь для майкопских захоронений. Может быть, это просто рудимент прошлой эпохи, по каким-то причинам попавший в курган?

3-й горизонт могильника Клады связан с погребениями типа 2 и 3, а также с каменными гробницами. Их материалы в основном опубликованы в отечественной печати. Они богаты и разнообразны. Керамические комплексы гробниц дают представление о наиболее характерных для них типах керамики и ее орнаментации. Металл представлен бронзовыми топорами, теслами-долотами, кинжалами разных типов, мечом, бронзовыми сосудами, золотыми и серебряными украшениями, а также прочими категориями инвентаря. Среди наконечников стрел появляются асимметричные наконечники с шипом.

3-му горизонту могильника Клады в Центральном Предкавказье соответствуют комплексы с плоскодонной керамикой, бронзовыми топорами, теслами, желобчатыми долотами, вилками, кольцами с расходящимися концами.

4-й горизонт могильника Клады связан с погребениями типа 2 и 5, т.е. каменными ящиками. А.Д. Резепкин отмечает сокращение ассортимента бронзового инвентаря, который мало чем отличается от вещей 3-го горизонта. На этом горизонте появляются каменные клювовидные молотки (Rezeppin, 2000. Abb. 1–3). Подобные предметы известны пока лишь из захоронений майкопской культуры в Кабардино-Балкарии.

Параграф 4 связан с данными спектрально-аналитического исследования вещей могильника Клады и бронзовой посудой. Упомянув работы авторов, специально занимавшихся изучением состава металла майкопской культуры, А.Д. Резепкин акцентирует свое внимание на исследованиях В.А. Галибина, специально изучавшего состав металла из его раскопок (Галибин, 1991). В этом разделе автор придерживается точки зрения, изложенной ученым из С.-Петербур-

бурга, о том, что никелевые бронзы майкопской культуры невозможно связать с далекими импортами металла. Постановка такого вопроса, учитывая все сложности проблемы связи сырья исходного рудного источника с конечным продуктом, не вызывает возражения. В отечественной литературе об этом писалось и ранее (Кореневский, 1988). Далее в разделе приводится иллюстрация бронзовой посуды, найденной в могильнике Клады и погребениях Центрального Предкавказья (Rezeppin, 2000. Abb. 4).

Следующая глава монографии освещает хронологию майкопской культуры.

Параграф 1 посвящен началу майкопской культуры и ее северопричерноморским аналогиям. В нем автор, в основном по работам, вышедшим до 1994 г., стремится рассмотреть очень сложную проблему параллелей памятников майкопской культуры среди энеолитических комплексов степной зоны юга Восточной Европы. На основании аналогий скипетрам и костяным подвескам-цуркам он датирует появление майкопских памятников временем Кукутени А – Триполье В1 или 8-м горизонтом по схеме Г. Парцингера (Rezeppin, 2000. S. 16).

Вероятно, мне здесь следует задержать внимание читателя. Напомню. Ни в одном собственно майкопском комплексе не найдено ни одного каменного скипетра, ни одной палочки-цурки. Поводом для таких сопоставлений служат лишь косвенные данные: материалы поселений Свободное, Замок. Но они не майкопские. Константиновское поселение, на котором обнаружен обломок каменного скипетра – тоже не майкопское. На нем есть лишь небольшой процент керамики МНО. Доказательств, что именно майкопцы пользовались здесь скипетрами, нет.

Следующий аргумент автора монографии о синхронизации начала майкопской культуры с временем Триполья В1 – это находка майкопских сосудов в насыпи комаровского кургана 2 при энеолитическом захоронении. Упомянутая ситуация в кургане у с. Комарово, к сожалению, недостаточно полно документирована (Кореневский, Наглер, 1987. С. 76). Более того, хронология энеолитических погребений в курганах в Предкавказье, тяготеющих к времени Триполья В1, не располагает радиоуглеродными датами, и поэтому время их финала в Предкавказье не вполне ясно.

Параграф 2 отведен аналогиям майкопской культуры в Восточной Анатолии. А.Д. Резепкин синхронизирует ее начало со временем слоя VIА Арслан-Тепе, Амука F, т.е. временем позднего Урукского периода или горизонта 8b по схеме Г. Парцингера.

Параграф 3 посвящен общей периодизации этапов развития майкопской культуры, соответствующих горизонтам могильника Клады.

Первая фаза или ее ступень (без новосвободненского компонента) (Rezeppin, 2000. S. 17) получает название Усть-Джегутинской, к которой относится Майкопский курган и Усть-Джегутинский могильник, Серегинское поселение у г. Усть-Лабинска. Они образуют ранний майкопско-новосвободненский комплекс. Фаза синхронизируется с периодом – Триполье В1–2 (горизонты 8в, с по Г. Парцингеру).

Как понять такие формулировки – не знаю. Что означает первый этап майкопской культуры без новосвободненского компонента? Куда же он делся, если связан с первым горизонтом могильника Клады, в котором присутствует керамика и металлические вещи, характерные для Майкопского кургана?

Вторая фаза называется Иноземцево–Костромская. Она синхронизируется с временем Амука D или Кукутени АВ1–2 – Трипольем С1.

Третья фаза майкопской культуры соотносится с памятниками Хвалынский–Средний Стог II и позднетрипольскими памятниками. В целом ее время конец Триполья С1 – начало Триполья С2, горизонт 9b по Г. Парцингеру. В связи с такой постановкой вопроса опять возникает неясность, как Хвалынский могильник может синхронизироваться с Трипольем С1. Первый намного древнее.

Четвертая фаза майкопской культуры соотносится с временем Триполья С2, усатовскими памятниками или уса-

Даты радиокarbonного возраста памятников энеолита, раннего и среднего бронзового века по работе А.Д. Резепкина

Шифр лаборатории	Памятник	Вероятность, %	до н.э. BC cal.*
ОхА 3777	Галюгай I	68	3355–3100
		95	3500–2935
ОхА 3778	Галюгай I	68	3610–2935
		95	3635–3105
ОхА 3779	Галюгай II	68	3950–3650
		95	4040–3390
ОхА 5058	Клады 11/43	68	3614–3362
		95	3638–3132
ОхА 5059	Клады 11/50	68	3696–3532
		95	3764–3382
ОхА 5061	Клады 11/55	68	3634–3384
		95	3656–3370
Ле 4536	Клады, 11/3	68	4330–3980
		95	4460–3790
Ле 4529	Клады, 29/1	68	3940–3640
		95	3990–3380
Ле 4528	Клады 30/1	68	3500–3342
		95	3508–3128
Ле 4531	Свободное	68	4500–3960
		95	4780–3700
Ле 4532	Свободное	68	4450–4170
		95	4510–4040
Ле 5033	Клады 40/1	68	2920–2700
		95	3030–2620
ОхА 5063	Клады 11/54	95	3336–3096
ОхА 5062	Клады, 40/1	95	3262–2922

* BC cal. – дата до н.э., калиброванная.

товско-буджакской культурой. Собственно в это время еще дольменных памятников нет.

В целом диапазон во времени майкопской культуры охватывает довольно широкий промежуток времени. Ее начало автор относит к периоду от Амука F, началу бронзового века Киликии II/III, Триполью В1–В2.

Однако на С. 16 можно прочитать, что начало майкопской культуры относится к времени Триполья В1 (Rezepkin, 2000. S. 16), а не к времени Триполья В1–2 (Rezepkin, 2000. S. 21). Как известно, время Триполья В1 и Триполья В1–В2 – не одно и то же. Это опечатка? Не могу ответить.

Далее он пишет, что майкопская культура продолжала существовать до Триполья С2, Чернавода III, горизонты 8b–10 по Г. Парцингеру. Такой тезис не встречает противоречия. В заключении главы приводятся радиокarbonные определения возраста погребений майкопской культуры и погребений могильника Клады, в частности.

В качестве комментариев к этой таблице следует отметить, что дат ^{14}C для памятника Галюгай II нет, но есть дата для поселения Галюгай III (Корневский, 1993. С. 100). Вероятно, это опечатка².

² К сожалению, по разным причинам таких опечаток нелегко избежать. В моей работе 1993 г. они тоже есть. Дата ОхА – 3778 4650 ± 80 ВР имеет вероятность 68% 3610–3354.

Даты, приводимые А.Д. Резепкиным, представлены с коррекцией. Часть из них имеет основные значения (ВР) в его более ранней работе (Резепкин, 1995. С. 61) и частично в работе В.А. Трифонова (2000). Я специально подчеркиваю такой момент. Как известно, основным значением для оперирования датой радиокarbonного возраста является ее исходное – некалиброванная дата от наших дней или дата ВР. Именно она дает представление о величине доверительного интервала. Коррекция даты ^{14}C – операция чисто математическая. Она осуществляется с разной степенью вероятности. Поэтому результаты одной и той же даты ВР могут отличаться. Ввиду отсутствия значений дат ВР в таблице автора монографии ими достаточно сложно пользоваться при сравнении между собой.

Не секрет, что даты ^{14}C могут быть дефектными. Поэтому у меня вызывает недоверие дата Ле – 4536, 4330–3980 Клады 11/3, которая, возможно, занижена. В погребении 3 кроме остатков части скорченного на боку костяка и обломков сосуда, никаких находок не было. Нет данных, что этот сосуд принадлежал майкопской культуре или новосвободненской группе. Погребение 3 было совершенно под насыпью одного из многих малых курганов, которые были перекрыты затем огромной насыпью более позднего времени. И только. Кроме того, пока такой диапазон возраста майкопских памятников в Предкавказье другими датами не подтверждается.

Что же это за комплексы, из которых эти даты получены? Погребения 11/43 (3638–3132), 11/50 (3764–3382), 11/48 (3632–3136), 11/55 (3656–3370) малоинвентарные. В них нет ни характерных круговых охристых сосудов майкопской культуры, ни новосвободненской группы. Они очень близки и дают время 2-й–3-й четверти IV тыс. до н.э. и соответствуют времени Триполья С1–С2. Дробная картина, отраженная в таблице синхронизации этапов развития майкопской культуры и горизонтов могильника Клады с европейской шкалой по работам Г. Парцингера, на мой взгляд, тут никак не получается.

Инвентарь этих захоронений небогат. В погребении 11/43 он представлен только костяной булавкой и двумя сосудами тюльпановидной формы. В погребении 11/50 – та же картина. В погребении 11/48 из вещей найден 1 тюльпановидный сосуд. В погребении 11/55 находок нет.

Погребение могильника Клады 29/1 (3990–3380 BC cal. или 3940–3640 BC cal.) находится в воронке, вырытой в центре кургана еще в 1936 г. По краям оно обложено камнем. Могилу ограничивает деревянная рама. В ней найдены только обломки орнаментированного елочками сосуда, позволяющие рассматривать его как специфический горшок новосвободненской группы. В целом дата имеет довольно широкий диапазон. Это не позволяет еще достаточно узко датировать комплексы с собственно новосвободненской керамикой в Закубанье, хотя в значениях диапазона 1 сигмы (68%) она может рассматриваться как ранняя.

Очень интересна дата каменной гробницы с двускатной крышей погребения 1 в кургане 30. Ее диапазон в значениях 1 сигмы – 3500–3342 BC cal. Пока это первое свидетельство о времени сооружения двухкамерных гробниц новосвободненской группы. Она совпадает с датами из погребений 43, 48, 50, 55 кургана 11 могильника Клады.

Две даты связаны с дольменными памятниками. Одна из них (3336–2620) – это дата мегалита № 54, содержащего сосуд с защипами среднебронзового облика. Погребение 54 по стратиграфии самое молодое в кургане 11. Дата его явно моложе дат собственно майкопских захоронений, но насколько она корректна? Этот вопрос невольно возникает после знакомства с датами другого дольменного памятника.

Погребение могильника Клады 40/1 (3262–2922; 3030–2620) – дольмен с колонной. Две даты из этого памятника имеют разные диапазоны. Первая сопоставима с временем конца эпохи раннего бронзового века, вторая – скорее с началом эпохи среднего бронзового века. Может быть, искомое событие находится в общем для них диапазоне времени – 3030–2922 BC cal.? Но насколько справедливо последнее заключе-

ние? Ведь даты выполнены в разных лабораториях. Первая – в лаборатории С.-Петербурга, вторая – в Оксфорде. В любом случае, эти даты не столь древние, как могилы майкопцев из могильника Клады. Более молодой возраст дольменов подтверждается.

И, наконец, даты поселения Свободное домайкопского возраста древнее дат майкопской культуры из могильника Клады.

Безусловно, появление дат ^{14}C исследуемого А.Д. Резепкиным памятника – очень положительный и важный факт. Но вопрос о радиоуглеродной датировке майкопских гробниц остается еще во многом открытым. Одной даты тут мало. Погребения с кубками-тюльпанчиками, датированные методом радиоуглеродного анализа, не очень информативны. Такая посуда широко распространена в разных комплексах майкопской культур в Прикубанье вплоть до Майкопского кургана.

Практически все даты, кроме одной, из погребения 11/3, моложе основной массы калиброванных дат Триполья В1. Они более соответствуют времени Триполья С1 и частично С2. Для сопоставления приведу схему хронологии по калиброванным датам ^{14}C культуры Триполья времени В1–С2. Период Триполья В1 находится в диапазоне Кукутени А – 4600–4150 ВС, Триполья В1–2 в диапазоне Кукутени А–В – Триполье В1–В2 4150 – 3800 ВС, Кукутени В – Триполье С1 – 3950–3500 ВС, Триполья С2 – 3500–3150 ВС (Манзура, 2000. С. 272).

Однако мне кажется, что вопрос с радиоуглеродной хронологией периода Триполья В1–2 не так прост. Дело в том, что в работах украинских коллег даты времени Триполья В1–2 дают разброс, и часть их совпадает с временем триполья С1 (Бурдо, Відейко, 1998. С. 22. Табл. 3). Насколько правомерна такая картина, должны решать уже сами специалисты-трипольеведы.

Датировка памятников майкопской культуры временем Триполья С1–С2 не вызывает никаких сомнений. Это было известно и ранее, после появлений первых радиоуглеродных дат майкопской культуры.

И, наконец, нельзя не отметить, что памятники майкопской культуры (галюгаевско-серегинский вариант по нашей схеме или ранний “майкоп” по А.А. Иессену) соответствуют в Восточной Анатолии не только слою Арслан-тепе VIA, но и слою Арслан-тепе VII – периоду среднего или позднего Урука (Кореневский, 1999. С. 9, 10; Трифонов, 2001а. С. 78; Trufelli, 1994).

Последняя глава работы посвящена вопросу о возникновении майкопской культуры. Положения в этих разделах и общее заключение по своей сути уже было опубликовано в работах автора ранее (Резепкин, 1991а, б, в).

Основные выводы автора сводятся к тому, что формы мегалитов Западного Кавказа (гробниц, дольменов) являются конечным продуктом развития мегалитических сооружений Западной Европы.

Новосвободненская группа не является поздним этапом майкопской культуры. Она – составная ее часть. Ее носители имеют пришлое происхождение. Родина их – Центральная и Северная Европа, культура воронковидных кубков раннего периода. Новосвободненская группа связана с блоком культур чернолощеной керамики – кубков, амфор, мисок. Майкопская культура в этот блок не входила. К этому же блоку относится и нижнемихайловская группа памятников. Ее мегалитические традиции не связаны с Северо-Западным Кавказом, а являются следствием влияний культур Центральной Европы.

После пришествия на Кавказ западных носителей новосвободненской группы под их влияние попали носители анатолийских и переднеазиатских традиций передневожосточного компонента майкопской культуры. Именно под влиянием новосвободненских племен и произошло возникновение майкопской культуры. Так гласит генеральный вывод в резюме автора.

Важнейшим разделом монографии является “Каталог”. В него включены описания профилей курганов, чертежи по-

гребений, рисунки вещей. Приведены антропологические определения пола и возраста покойных, которых так не доставало для исследования погребальной практики майкопцев.

Итак, перед нами очень важное многоплановое исследование по проблемам знаменитых новосвободненских гробниц и майкопской культуры в целом. Насколько их решения удалась автору? Думаю, однозначного ответа нет. В связи с этим позволю выразить свое отношение прежде всего к тем аспектам монографии, которые, на мой взгляд, могут иметь альтернативные подходы и отличные от авторской точки зрения.

Первая тема монографии – сам источник. Приведенный в работе каталог с перечнем всех раскопанных курганов и погребений А.Д. Резепкиным – важнейшая часть работы и ее основа. Однако автор нигде в тексте не знакомит читателя с количеством вводимых им в научный оборот комплексов и не дает качественную оценку их информативности. Читателю это надо делать самому, если он хочет понять, о чем собственно идет речь, и какова источниковедческая база для широкомасштабных выводов монографии. Поэтому позволю себе отметить, что в каталоге А.Д. Резепкина публикуются сведения о 18 курганах могильника Клады у ст. Новосвободной (2, 4, 9, 15, 23, 24, 25, 26, 28, 29, 30, 31, 31А, 34, 38, 39, 40, 41), в которых, по моим подсчетам, зафиксировано около ста погребальных комплексов. Многие из них разрушены. Если принять во внимание две гробницы из курганов 1 и 2, раскопанных Н.И. Веселовским в 1898 г. (курганы 27, 26, соответственно), число известных комплексов из могильника Клады будет немного больше. Несколько комплексов могильника Клады относятся к дольменным памятникам с инвентарем эпохи средней бронзы (погребение 11/54, могилы в курганах 39, 40).

Вторая тема монографии. Стратиграфия погребений и горизонтов. Основой выделения хронологических горизонтов могильника Клады прежде должна бы стать стратиграфия курганов и анализ стратиграфических ситуаций в каждом из них. Но в тексте монографии нет раздела, посвященного обоснованию выделения самих горизонтов.

Другим серьезным недостатком текста монографии считаю отсутствие перечня комплексов для всех выделяемых типов погребальных сооружений. Такой перечень комплексов также отсутствует в выделяемых хронологических горизонтах. Цифры учтенных погребений в разделе о типологии могил выглядят абстрактно. Даже подготовленный читатель просто не может ориентироваться в публикуемом каталоге, куда и какое погребение относится, кроме гробниц.

Например, захоронения в небольших ямах типа 1 и 3 объявлены древнейшими. Но разве для майкопской погребальной практики нет случаев, когда на размеры, форму погребального сооружения, в том числе могильной ямы, набора инвентаря влиял престиж самого захоронения? Не только хронология.

Третья тема монографии. Могильник Клады и майкопская культура. Соотнесение данных могильника Клады с материалами майкопской культуры в целом прежде всего требуют исследования не только публикуемых А.Д. Резепкиным источников, но и анализа погребальных обрядов, заупокойного инвентаря, керамики всей майкопской культуры. Однако как раз этого важнейшего аспекта исследования в монографии нет.

Поэтому выделяемые этапы А.Д. Резепкина выглядят некой отвлеченной гипотезой. Они выстраиваются на основании только погребальных комплексов, с необъясненной для читателя стратиграфией связей. О связи поселенческих и погребальных комплексов в работе говорится мало.

О логике рассуждений и сопоставлений. Внутри самой схемы горизонтов или этапов майкопской культуры, выделяемых А.Д. Резепкиным, можно отметить немало спорных или труднообъяснимых сюжетов. Прежде всего, к сожалению, из текста монографии мне так и не удалось узнать, что же собственно понимает автор под используемым им понятием “новосвободненской группы памятников”, когда прово-

дит сопоставление горизонтов могильника Клады с материалами Прикубанья и Центрального Предкавказья.

Похоже, что все захоронения исследуемого могильника рассматриваются им как памятники новосвободненской группы, даже раннего горизонта (правда, с приставкой “прото”). Но вот парадокс! В комплексах первого горизонта еще нет ни типичной керамики для новосвободненских гробниц, ни основных категорий инвентаря. Но есть типы посуды и металлические изделия, прямо связанные с памятниками круга Майкопского кургана (керамика, бесчеренковый нож, бронзовая мотыга). Возникает вопрос, почему относимые к первому горизонту могилы оставили именно племена новосвободненской группы, а не какие-либо иные майкопские племена?

К сожалению, автором не рассматривается работа коллектива авторов, связанная с публикацией новых комплексов новосвободненской группы из Закубанья у ст. Костромской (Днепровский и др., 1995). Нет и реакции на сделанные в ней выводы. В этой статье отмечено, что “новосвободненская группа памятников” – это узкое локальное явление Закубанья. Группа эта выделяется в основном только по формам весьма специфических сосудов для новосвободненских гробниц и самих форм гробниц (Днепровский и др., 1995. С. 128).

Принимая во внимание, что своеобразие памятникам новосвободненской группы придает только специфические формы сосудов, каменные гробницы с перегородкой и лазом в ней, я сейчас предварительно могу отнести около 18–19 захоронений, связанных с могильниками верховьев р. Фарс и Псефирь: могильник Клады – погребения 11/6, 11/12, 11/20, 4/1, 4/5, 15/3, 28/1, 29/1, 30/1, 30/2, 31/1,2,5 (Rezerkin, 2000), два погребения в мегалитах, раскопанные Н.И. Веселовским в курганах 1 и 2 в 1898 году (ОАК, 1901); могильник у ст. Костромской; урочище “Погуляево” 1/2, 1/3 (основное); группа “Костромская III” – 1/1 (Днепровский и др., 1995. С. 119–130); вероятно, разрушенная гробница у ст. Ярославской.

Помимо этого к новосвободненской группе можно отнести еще несколько разрушенных комплексов, жертвенных наборов вещей, сосудов из могильника Клады.

В Центральном Предкавказье памятников новосвободненской группы с типичной для нее посудой и двухкамерными гробницами просто нет. Эти положения не являются откровением сегодняшнего дня. Они изложены в работах М.М. Чеченова (1973) и автора данной рецензии (Кореневский, 1993).

Распределение материалов долинского варианта майкопско-новосвободненской общности, связанного с Центральным Предкавказьем по выделяемым горизонтам могильника Клады (Кореневский, 1993. С. 65–91), пока нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть. Дело в том, что критерием в таком вопросе должна бы стать курганная стратиграфия памятников Центрального Предкавказья. Но она не располагает обилием случаев, способных даже уточнить вопрос о взаимосвязи погребений с различными типами керамики и другим инвентарем, в связи с тем, что в курганах погребения галюгаевско-серегинского или долинского варианта в основном одиночные.

С другой стороны, автору удалось показать, что памятники новосвободненской группы в гробницах с характерной для них керамикой не являются самыми ранними в могильнике Клады. Положительным моментом здесь становится то, что наконец-то появились данные стратиграфии курганов с погребениями, содержащими новосвободненскую керамику, а также радиоуглеродные даты, как для самих двухкамерных гробниц, так и для дольменных сооружений. Вопрос о раннем возрасте носителей новосвободненской группы пока, на мой взгляд, еще не очень ясен. Но это не вина автора. Просто по этой теме еще не так много накоплено материалов.

Общие выводы работы. Среди широкомасштабных итоговых выводов автора монографии о могильнике Клады вызывают сомнение следующие положения.

Первое, новосвободненская группа памятников относится к блоку культур с чернолощеной керамикой, а майкоп-

ская нет. Откровенно говоря, с керамикой для выделения блоков культур как с археологическим источником так просто обращаться нельзя. Черное лощение – очень широко распространенный прием изготовления посуды, но не единственный для характеристики конкретных керамических традиций. Тем более нельзя выделять культурный блок только по посуде из погребений, игнорируя материалы поселений. Черное лощение есть не только на посуде культур воронковидных кубков. Оно, например, характерно для посуды поселения энеолитического времени Замок и самого Майкопского кургана. Такая керамика встречена на поселении Галюгай 1. Формы майкопской чернолощеной керамики связаны нередко с переднеазиатской традицией производства круговой посуды майкопцев. Есть черное лощение и на посуде куроаракской культуры. Поэтому черное лощение – не аргумент в пользу соотнесения посуды из новосвободненских гробниц с культурами Центральной Европы.

Второе, в комплексах новосвободненских гробниц, как и вообще в памятниках раннего бронзового века Предкавказья, нет характерной керамики для культуры воронковидных кубков. Внешнее сходство форм плоскодонных сосудов – “тюльпанчиков” с кубками культур Западной Европы объясняется несложно. Это очень простые формы, которые изготовлялись нередко с использованием близких приемов. Горло приставлялось к тулову. Образовывалось резко выделенное плечо. Решать глобальные вопросы миграций, взаимовлияний на основании таких форм просто не нужно.

Скептическое отношение к связи новосвободненских комплексов с культурой воронковидных кубков или блоком культур с чернолощеной керамикой высказывалось и ранее. Оно уже отмечено в работах В.И. Марковина (1990. С. 108, 109) и Р.М. Мунчаева (1994. С. 163), А. Хойслера (Häusler, 1994), В.А. Трифонова (2001а. С. 30, 31, 48, 49).

Третье, для меня также неприемлем тезис о том, что именно новосвободненская группа – производное культуры воронковидных кубков по А.Д. Резепкину – оказала решающее влияние на формирование майкопской культуры (Rezerkin, 2000. С. 32).

Ни категории бронзовых предметов (копий со штыковидным насадом, топоров, кинжалов, тесел, желобчатых долот, многих сакральных предметов, посуды, золотых и серебряных вещей), ни характерная круговая традиция керамики со специфическими рецептами теста не говорят о влиянии Центральной Европы на облик материальной культуры населения раннего бронзового века Предкавказья.

Поэтому я не ставлю под сомнение тезис о том, что формирование и расцвет носителей майкопской культуры находились под определяющим воздействием южных традиций времени миграций урукского периода и связаны с местным всплеском производства, созданием оригинальных вещей. Конечно, это не отрицает северных импульсов, идущих из степей юга Восточной Европы, но каждый из них надо доказывать специально.

Вопрос о происхождении форм двухкамерных новосвободненских гробниц сейчас на кавказской почве еще не обеспечен широкой источниковедческой базой. Ведь мы имеем данные не более, чем о четырех-пяти информативных памятниках, содержащих явно местный контекст керамики и бронзовых предметов.

Сама по себе форма двухкамерной гробницы отражает сложные культовые представления об особом могильном пространстве для представителей элиты племен и специального помещения, оформленного как сакральный зал, замкнутый плитой притвор или обустроенный дворик (портал) для поминальных церемоний (подробнее см.: Трифонов, 2001б. С. 30, 31).

Как формировалась такая погребальная архитектура, отражающая мифологию и религиозное мировоззрение – особая тема исследования. Что здесь связано с конвергентными явлениями, заимствованиями и каким путем шли эти заимствования – вопрос, требующий специального анализа. Ясно одно – идея крупного каменного мегалита для престиж-

ного погребения сородича в период формирования властных и воензированных элит племен ранней фазы предгосударственного периода могла быть широко распространенной как у населения Предкавказья, так и Центральной Европы.

На мой взгляд, новосвободненская группа памятников – это неотъемлемая часть и составляющая майкопской культуры или майкопско-новосвободненской общности (МНО) по иной терминологии. Вопросы формирования самой МНО еще не очень ясны. Каждый ее компонент или вариант мог иметь отличные от других пути сложения.

Проблему происхождения одной из ее составляющих, новосвободненской группы памятников, вряд ли удастся решить на должном уровне аргументации без исследования собственно “новосвободненских” поселений с керамикой, типичной только для новосвободненских гробниц, без новых находок погребальных памятников, углубленного анализа керамики. Но в любом случае, прежде чем обсуждать любой вопрос о новосвободненской группе памятников, ее комплексы надо четко выделить.

В целом, проведенные полевые исследования А.Д. Резепкина в Прикубанье, выход в свет его монографии, прежде всего с полной публикацией открытых им феноменальных погребений, радиоуглеродными датами, антропологическими определениями, является важным событием в исследовании проблем раннего бронзового века Западного Кавказа. Работа А.Д. Резепкина вносит весомый вклад в исследование памятников майкопской культуры, значительно расширяет ее источниковедческую базу. Без данных рецензируемой монографии уже немислимо рассматривать и крайне сложную, полную дискуссионную проблему появления дольменных памятников более молодой среднебронзовой эпохи. Автор монографии много лет самоотверженно вел изыскания, опираясь на материальную поддержку Майкопского краеведческого музея, и, конечно, добился впечатляющих результатов.

Высказанные мной альтернативные точки зрения и подходы – это естественный ход обсуждения ввода в научный оборот большого нового и интересного материала. Частично они связаны с тем, что уровень развития знаний о майкопско-новосвободненской общности сейчас иной, чем в 80-х годах, когда мой глубокоуважаемый коллега работал над созданием своей рукописи. Не исключаю, что часть вызванных вопросов связана с невыверенной корректурой книги. Ведь при издании работы за рубежом такая операция не проста для автора и для издателя. Однако автор, как мне кажется, вполне способен рассеять высказанные мной сомнения в справедливости своих выводов, проведя в будущем необходимые процедуры по систематизации материала и опубликовав их, желательно в российском издании.

В заключение моего далеко не полного обзора работы А.Д. Резепкина можно только выразить благодарность Германскому археологическому институту за активную помощь в издании этой нужной и интереснейшей сводки новых материалов по исследованию майкопской культуры – яркого феномена евразийской археологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бурдо Н.Б., Видейко М.Ю. Основы хронологии Трипилья-Кукутени // Археология. 1998. № 2.
Галибин В.А. Изделия из цветного и благородного металла эпохи ранней и средней бронзы // Древние культуры Прикубанья М., 1991.
Днепроvский К.А., Корневский С.Н. Сравнительный анализ керамики Галюгаевского и Серегинского поселений майкопской культуры // Историко-археологический альманах. Вып. 2. Армавир, 1996.

Днепроvский К.А., Корневский С.Н., Эрлих В.Р. Новые погребения “новосвободненской группы” у станицы Новосвободной в Закубанье // СА. 1995. № 3.
Кондрашев А.В., Резепкин А.Д. Новосвободненское погребение с повозкой // КСИА. 1988. Вып. 193.
Корневский С.Н. К вопросу о месте производства металлических вещей Майкопского кургана // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1988.
Корневский С.Н. Древнейшее оседлое население на среднем Тереке. М., 1993.
Корневский С.Н. Знаковая керамика Кавказа эпохи неолита и ранней бронзы // Древности Северного Кавказа. М., 1999.
Корневский С.Н., Наглер А.О. Некоторые вопросы изучения энеолита центрального Предкавказья и Моздокских степей // Проблемы интерпретации археологических источников. Орджоникидзе, 1987.
Манзура И.В. Владеющие скипетрами // Stratum. 2000. № 2.
Марковин В.И. Спорные вопросы в этногенетическом изучении древностей Северного Кавказа // СА. 1990. № 4.
Мунчаев Р.М. Майкопская культура // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и Средняя бронза Кавказа. М., 1994.
 ОАК за 1898 год. СПб., 1901.
Попова Т.Б. Дольмены станицы Новосвободной // Тр. ГИМ. 1963. Вып. XXXIV.
Резепкин А.Д. Северо-западный Кавказ в эпоху ранней и средней бронзы. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1989.
Резепкин А.Д. Курган 31 могильника Клады. Проблемы генезиса и хронологии майкопской культуры // Древние культуры Прикубанья. Л., 1991а.
Резепкин А.Д. Проблема генезиса майкопской культуры // Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии. Тбилиси, 1991б.
Резепкин А.Д. Культурно-хронологические аспекты происхождения и развития майкопской культуры // Майкопский феномен в древней истории Северного Кавказа и Восточной Европы. Л., 1991в.
Резепкин А.Д. Культурно-хронологическая ситуация на Северном Кавказе в эпоху энеолита – ранней бронзы // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита–бронзы Средней и Восточной Европы. СПб., 1995.
Столяр А.Д. Мешоко – поселение майкопской культуры // Сборник материалов по археологии Адыгеи. Т. II. Майкоп, 1961.
Трифонов В.А. Курганы майкопского типа в северо-западном Иране. Судьба ученого // К 100-летию со дня рождения Бориса Александровича Латынина. СПб., 2000.
Трифонов В.А. Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита–средней бронзы Кавказа, степной и лесостепной зон Восточной Европы (по данным радиоуглеродного датирования) // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара, 2001а.
Трифонов В.А. Что мы знаем о дольменах Западного Кавказа и чему учит история их изучения // Дольмены – современники древних цивилизаций. Краснодар, 2001б.
Чеченов И.М. Нальчикская подкурганная гробница. Нальчик, 1973.
Häusler A. Die Majkop-Kultur und Mitteleuropa // Zeitschrift für Archäologie. 1994. V. 28–94/2.
Rezepkin A.D. Das frühbronzezeitliche Graberfeld von Klady und die Majkop-Kultur in Nordwestkavkasien // Archäologie in Eurasien. Bd. 10. Rahden/Westf., 2000.
Trufelli F. Standardisation, Mass Production and Potter's Marks in the Late Chalcolithic Pottery of Arslantepe (Malatya) // Origini. 1994. V. XVIII.

К 80-ЛЕТИЮ НИКОЛАЯ ЯКОВЛЕВИЧА МЕРПЕРТА

Рис. 1. Николай Яковлевич Мерперт.

26 ноября 2002 г. исполняется 80 лет со дня рождения крупнейшего археолога России, всемирно признанного ученого, доктора исторических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ, члена-корреспондента Германского археологического Института, лауреата Государственной премии РФ, ветерана Великой Отечественной войны, главного научного сотрудника и руководителя Группы зарубежной археологии Института археологии РАН Николая Яковлевича Мерперта.

Н.Я. Мерперт, бесспорно, знаковая фигура в советской и российской археологии. Все развитие нашей науки с конца сороковых годов XX века и по настоящее время связано в немалой степени с его именем. Активная и исключительно плодотворная научная и полевая деятельность Н.Я. Мерперта, обеспечившая многие важные успехи восточноевропейской археологии, продолжается и сегодня. И это всех нас – его друзей, коллег и многочисленных учеников очень радует.

Я познакомился с Н.Я. Мерпертом в декабре 1949 г., когда поступил в аспирантуру ИИМК АН СССР. Буквально через две недели после нашего знакомства он успешно защитил (январь 1950 г.) свою кандидатскую диссертацию. Это было первое в моей жизни заседание Ученого совета ИИМК с защитой диссертации, на котором я имел честь присутствовать. А в 1951 г. я принял участие, как аспирант, в составе II отряда Куйбышевской экспедиции ИИМК АН СССР, ко-

торым руководил Н.Я. Мерперт. Мне посчастливилось работать в этой экспедиции у Николая Яковлевича еще в 1952 и 1955 гг. В дальнейшем же мы работали вместе в Северокавказской экспедиции, проводившей под руководством Е.И. Крупнова широкие полевые исследования в Чечено-Ингушетии, а также в Болгарии. А с 1969 г., когда была организована Месопотамская экспедиция Института археологии, наша совместная научная и полевая деятельность оказалась прочно связана в один тугий узел и подчинена изучению ряда узловых проблем археологии Месопотамии и Ближнего Востока в целом. За эти долгие 50 лет совместного труда, многомесячной из года в год экспедиционной жизни и регулярного участия в различных международных конгрессах, конференциях и симпозиумах удалось не только очень многому научиться у Николая Яковлевича, но хорошо узнать его как человека, гражданина и ученого. Поэтому мои характеристики и некоторые заключения, касающиеся жизненного пути и разносторонней деятельности Н.Я. Мерперта как ученого, педагога и организатора науки, исходят не просто из нашей многолетней совместной работы и дружбы, а основываются на большом количестве объективных данных.

Н.Я. Мерперт относится к той замечательной плеяде выдающихся ученых России, которая вписала добротную страницу в историю российской археологии и составляет ее гордость. Его жизнь и деятельность – это, несомненно, большой гражданский подвиг и яркий пример преданности и самоотверженного служения науке. Нельзя не удивляться тому, с каким упорством и целенаправленностью он продолжает трудиться сейчас, забыв о своем далеко не молодом возрасте и преследуемый болями от ранений, полученных в тяжелые первые месяцы Отечественной войны. Я пишу этот краткий очерк к 80-летию Николая Яковлевича в палатке нашей экспедиции в Северной Месопотамии, а в это время Николай Яковлевич ведет раскопки на близлежащем телле. Кругом голая выжженная степь, температура в тени +40°. Сколько же в нем трудолюбия и жажды работать!

Николай Яковлевич родился 26 ноября 1922 г. в Москве, в семье служащих. Его отец, Яков Иванович, был инженером-экономистом. Он работал в различных правительственных учреждениях и скончался в 1979 г. Мать, Мелетина Михайловна, являлась медицинским работником, в частности во время войны 1914–1918 гг. была хирургической сестрой санитарного фронтового поезда.

Детские и юношеские годы Н.Я. Мерперта прошли на Арбате, в Старо-Конюшенном переулке, где находилась известная в Москве средняя школа № 59 им. Н.В. Гоголя, которую он окончил в 1940 г. Уже в школьные годы у него пробудился интерес к истории и археологии и он стал посещать в Государственном Историческом музее кружок по археологии, который вели В.Д. Блаватский, А.П. Смирнов и Б.А. Рыбаков. Членом этого кружка был его одноклассник и друг, в будущем известный советский археолог и нумизмат В.В. Кропоткин. Первое «археологическое крещение» Николай Яковлевич получил в 1936 г. в экспедиции Б.А. Рыбакова, как школьник-кружковец. После окончания школы перед Н.Я. Мерпертом не стоял вопрос – кем он хочет стать и куда надо поступить ему для получения высшего образования и специальности. Он твердо решил быть археологом и поступать на исторический факультет МГУ. Но осенью 1940 г. его призвали в Советскую армию, где он служил в 1-м мотомеханизированном корпусе Ленинградского военного округа в г. Пскове.

Рис. 2. Новгородская экспедиция. 1946 г. Д.А. Авдусин, Б.А. Колин, Л.Н. Медведева, А.Ф. Медведев, Н.П. Журналина, Н.Я. Мерперт (стоят: слева направо); Т.Н. Никольская, Г.А. Авдусина, А.В. Арциховский, С.Л. Изюмова (сидят).

22 июня 1941 г. фашистская Германия вероломно напала на нашу страну – началась Великая Отечественная война. Вся тяжесть первых ударов гитлеровцев обрушилась на подразделения Советской армии, охранявшие западные рубежи нашей страны. Всю жестокую драму начального периода войны в полной мере пришлось испытать на себе Н.Я. Мерперту. С июня по ноябрь 1941 г. он находился на Северо-Западном фронте в качестве солдата, помощника командира взвода 5-го мотоциклетного, 125-го танкового и отдельного танкового полков. Он был четырежды ранен на фронте и несколько месяцев лечился в госпитале. За участие в боях Н.Я. Мерперт удостоен ордена Великой Отечественной войны 2-й степени и нескольких медалей. В марте 1942 г. его отчислили из армии по инвалидности и он возвратился в Москву. В том же году он поступил на исторический факультет Московского государственного университета, где на кафедре археологии его учителями были А.В. Арциховский, В.Д. Блаватский, А.В. Городцов, Б.Н. Граков, С.В. Киселев и другие.

В студенческие годы Н.Я. Мерперта увлекала античность, классическая археология. Тогда же он опубликовал свой первый научный труд в виде отдельной брошюры под названием “К вопросу о происхождении гладиуса” (М., 1947). Его дипломная работа также касалась античной тематики (“Древнегреческая кровельная черепица в городах Северного Причерноморья”) и была позже издана в полном виде (МИА. 1951. № 19). В годы учебы он участвует (1942–1943 гг.) в раскопках славянских курганов в Подмоскowie и скифских памятников (1944 г.) в Никополе (Днепропетровская область).

В декабре 1945 г. Николай Яковлевич оканчивает с отличием университет и в марте следующего года поступает в аспирантуру Института истории материальной культуры АН СССР (ныне Институт археологии РАН) и готовит диссертацию по Салтовскому могильнику, давшему название раннесредневековой культуре Восточной Европы.

В 1949 г. после окончания аспирантуры Н.Я. Мерперт был принят на работу в ИИМК АН СССР и с тех пор трудится в этом учреждении. Стаж его работы в нашем Институте с учетом учебы в аспирантуре превышает 55 лет. Он прошел здесь все ступени научной карьеры, от младшего научного сотрудника до главного научного сотрудника, был в 1956–1961 гг. ученым секретарем Института и в течение многих лет (1973–1989 гг.) возглавлял одно из ведущих подразделений Института – Отдел неолита и бронзового века. Самое же главное – именно в стенах ИИМК АН СССР – ИА АН СССР – ИА РАН Николай Яковлевич вырос в крупнейшего ученого с мировым именем, признанного специалиста в области археологии неолита и бронзового века Старого Света. Его заслуги перед отечественной, европейской и мировой археологией поистине велики, их трудно переоценить.

Невозможно в одном кратком очерке осветить всю обширную и многогранную деятельность Н.Я. Мерперта. Мы постараемся охарактеризовать лишь основные направления и достижения в его деятельности.

Перу Николая Яковлевича принадлежит более 350 научных печатных трудов, в том числе 10 монографических исследований. Первые его работы, как отмечалось, были посвящены отдельным вопросам античной археологии. Затем он много и плодотворно занимался изучением археологии раннего и зрелого средневековья. В частности, он внес определенный вклад в исследование проблемы салтово-маяцкой культуры, а также проблем археологии раннего средневековья степной полосы Евразии в целом. Им были подготовлены и изданы в “Очерках археологии СССР III–IX вв.” разделы, посвященные гуннам, их наследию, аварам, болгарам и венграм (М., 1953).

Будучи еще аспирантом, Н.Я. Мерперт начал участвовать в археологических исследованиях на территории Монголии (1948–1949 гг.), в частности столицы империи Чингисхана – Кара Корума. Вместе с С.В. Киселевым, Л.А. Евтюховой и другими Н.Я. Мерперт стал автором капитальной публикации “Древнемонгольские города” (М., 1964), а также

целого ряда других трудов по средневековой Центральной Азии.

Можно сказать, что 1950 год стал в значительной степени переломным в научной и полевой деятельности Н.Я. Мерперта. Дело в том, что в 1950 году была организована Куйбышевская экспедиция ИИМК АН СССР во главе с А.П. Смирновым. Это была самая крупная тогда археологическая экспедиция в нашей стране. Н.Я. Мерперт был назначен заместителем начальника и руководителем II отряда этой экспедиции. В зоне будущего Куйбышевского водохранилища, на территории Самарской, Волгоградской и Ульяновской областей и Татарстана, Николай Яковлевич раскопал сотни подкурганых погребений, а также ряд поселений бронзового века, относящихся преимущественно к срубной культуре или срубной культурно-исторической общности. Так, изучение культур энеолита и эпохи бронзы евразийских степей становится основным направлением в исследовательской деятельности Н.Я. Мерперта. Он постоянно наращивает и расширяет хронологически и территориально круг исследуемых проблем, отмечая почти каждый шаг в своей творческой работе печатными научными трудами, прежде всего в изданиях Института – журнале “Советская археология” и “Кратких сообщениях ИИМК – ИА РАН”, а также в “Материалах и исследованиях по археологии СССР”. Вне его пристального внимания не оставался ни один вопрос, включая методического характера, например, об особенностях методики раскопок курганов бронзового века Поволжья.

Для трудов Н.Я. Мерперта всегда были и остаются характерны комплексный подход к разрабатываемой проблеме, использование всех новейших данных – материалов и литературы, рассмотрение исследуемых вопросов на широком культурно-историческом фоне. С 60-х годов в ареал его исследований вошли, с одной стороны, Северный Кавказ, а с другой – Балканы и Ближний Восток, и соответственно заметно расширяется круг его интересов и проблематика исследований.

В составе Северокавказской экспедиции ИА АН СССР в 1956, 1959 и 1960 гг. Н.Я. Мерперт проводит на территории Чечено-Ингушетии раскопки курганов III–II тыс. до н.э. у ст. Мекенская на Тереке и поселения эпохи ранней бронзы и кобанской культуры в сел. Серженьюрт. Мекенские курганы содержали не только комплексы северокавказской культуры эпохи бронзы, но и погребения, относящиеся к культурам бронзового века южнорусских степей. Проведенные же с большой методической тщательностью исследования Серженьюртовского I поселения позволили Николаю Яковлевичу убедительно выделить на определенном участке поселения слой ранней бронзы с материалами, соотносимыми как с майкопской культурой, так и куро-аракской. Если на территории собственно Ингушетии памятник с подобной синкретической культурой был уже известен к тому времени, то в Чечне он был открыт и исследован впервые. Существенно то, что исключительно важные результаты раскопок Мекенских курганов и поселения в Серженьюрте были оперативно введены Н.Я. Мерпертом в научный оборот.

В 1961–1963 гг. Н.Я. Мерперт участвует в первой российской археологической экспедиции в Египте. Там, в Нубии, в зоне сооружения Асуанского гидроузла экспедиция исследовала в течение двух полевых сезонов, продолжавшихся каждый по пять месяцев, группу памятников конца III – начала II тыс. до н.э. Ныне уже стала библиографической редкостью получившая большую известность в научных кругах публикация результатов этих работ – “Древняя Нубия” (М.: Л., 1964). Подчеркну в данной связи, что египетская экспедиция АН СССР под руководством Б.Б. Пиотровского и с участием Н.Я. Мерперта провела в 1963 г. также результативные археологические разведки в северо-западном Судане.

С начала 60-х годов Н.Я. Мерперт приступает к полевым работам в Болгарии. Начинается “балканская эпопея” в его жизни, продолжавшаяся более 30 лет. Все эти годы он являлся соруководителем советско-болгарской экспедиции, которая провела широкие стационарные исследования ряда клю-

чевых памятников (так называемых селищных могил) эпохи энеолита и раннебронзового века севера Балканского полуострова. Многолетние целенаправленные исследования экспедиции оказались чрезвычайно результативными. Полученный материал огромен по количеству и разнообразию. Его тщательная и комплексная обработка потребовала от Николая Яковлевича и руководимого им коллектива немало усилий и времени. В итоге европейская наука получила ряд фундаментальных монографических трудов, посвященных таким памятникам, как Эзеро (София, 1979) и Юнаците (София, 1994). Эти исследования позволили выявить многие новые, ранее неизвестные страницы и целые главы истории и культуры населения Балкан IV–III тыс. до н.э., установить его культурные связи и взаимодействия с племенами сопредельных областей и прежде всего с Анатолией.

Нельзя не отметить здесь и то, что в рамках деятельности советско-болгарской экспедиции были осуществлены большие и специальные работы, направленные на поиск и изучение древних медных рудников на территории Болгарии и музейных коллекций раннего металла Балкан. Результаты этих работ впечатляющие и также относятся к наиболее существенным достижениям руководимой Н.Я. Мерпертом Балканской экспедиции. Всем специалистам и историкам древней Европы широко известна капитальная монография Е.Н. Черныга, посвященная древнейшей металлургии и металлообработке Болгарии и изданная на русском языке в Софии в 1978 году.

Укажу еще на то, что Т.Н. Мишина продолжает в настоящее время в Болгарии экспедиционные исследования своего учителя Н.Я. Мерперта.

В 1969 г. с отставанием от западной науки более чем на 100 лет впервые на территории Месопотамии начала полевые работы российская экспедиция. До 1985 г. экспедиция Института археологии АН СССР провела в Ираке 14 полевых сезонов. В 1988 г. работы экспедиции были перебазированы на смежную территорию Северо-Восточной Сирии, где она продолжает без перерыва свою деятельность и в настоящее время.

Все эти 30 с лишним лет Н.Я. Мерперт является неизменным и одним из наиболее активных участников нашей Месопотамской экспедиции. Благодаря своей способности к напряженному труду, ему удавалось успешно совмещать в течение долгого времени полевые исследования в Болгарии и Месопотамии, а заодно выполнять в Институте обязанности заведующего Отделом неолита и бронзового века.

Работая и на Северном Кавказе, и на Балканах, и на Ближнем Востоке, Н.Я. Мерперт продолжал исследование проблем энеолита и бронзового века степной полосы Восточной Европы, считая это одним из важнейших направлений своей научной деятельности. Среди этих проблем особое место занимало изучение ямной культурно-исторической общности или просто ямной культуры. Собрав и проанализировав около 1400 погребальных комплексов данной культуры от Урала до Днестра, Николай Яковлевич подготовил крупное исследование, посвященное изучению истории и культуры населения степей Восточной Европы в конце IV – начале II тыс. до н.э., и в 1968 г. успешно защитил его в качестве докторской диссертации. К тому времени его уже серьезно занимали вопросы, связанные, с одной стороны, с историей “неолитической революции”, т.е. происхождением и развитием производящих форм хозяйства в различных областях Евразии, а с другой – этнической интерпретацией исследуемых культур, точнее, касающихся индоевропейской проблемы в целом. После некоторой переработки и сокращения эта работа была издана в виде монографии “Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья” (М., 1974) и стала настольной книгой для каждого, интересующегося древнейшей историей и культурой Восточной Европы.

До занятий проблематикой ямной культуры Н.Я. Мерперт много внимания уделял исследованию срубной культуры, прежде всего на материалах собственных полевых изысканий в Среднем Поволжье. Им опубликована целая серия

трудов, в том числе и обобщающее монографическое исследование “Из древнейшей истории Среднего Поволжья” (МИА. 1958. № 62), в которых разработаны вопросы хронологии и периодизации памятников срубной культуры, изучены хозяйство, социальное развитие и религиозные представления “срубников”, их связи с окружающим миром, особенно с племенами абашевской культуры, и т.д.

Особая заслуга Н.Я. Мерперта состоит и в исследовании культурно-исторического процесса, протекавшего в евразийских степях в предшествующую бронзовому веку эпоху. Большой интерес специалистов, в частности, вызвал подготовленный специальный раздел в томе “Энеолит СССР”, в котором впервые в науке поставлена и исследована проблема энеолита евразийских степей (М., 1981).

Н.Я. Мерперт разработал целостную программу изучения энеолита, а также бронзового века степной зоны Восточной Европы. Он создал свою школу, подготовив большую группу высококвалифицированных специалистов в области энеолита и бронзового века евразийского пограничья, которые на местах – в различных университетах, научных центрах и музеях страны – плодотворно трудятся над изучением степных культур IV–II тыс. до н.э. Н.Я. Мерперт успешно координирует их работы, проводя постоянно необходимые консультации и оказывая систематически помощь в организации различных научных конференций и симпозиумов. Так, в 2001 г. под руководством Н.Я. Мерперта в Самаре прошла представительная конференция в честь В.А. Городцова. Она была посвящена целиком изучению неолита, энеолита и бронзового века Восточной Европы.

Отдельно мне хочется отметить, что в подготовке завершено в нынешнем году в серии “Археология” (до 1994 г. “Археология СССР”) тома “Культуры бронзового века степной зоны Восточной Европы” деятельное участие принял Николай Яковлевич. Он подготовил разделы по энеолиту степей и по ямной культуре.

Разрабатывая многие общие проблемы и конкретные вопросы бронзового века Восточной Европы в последнее двадцатилетие, Н.Я. Мерперт уделял наибольшее внимание в научной и полевой деятельности Балканам и особенно Месопотамии. Два-три месяца ежегодно в поле в Болгарии и столько же в Месопотамии – это, казалось бы, непосильно одному человеку. Вместе с этим ему приходилось выполнять и другую ответственную научную, научно-организационную и педагогическую работу. Благодаря исключительному трудолюбию и поразительной организованности, собранности и волевому характеру Николай Яковлевич всегда успешно со всем справлялся.

Основные результаты, полученные в итоге многолетних работ Н.Я. Мерперта в Болгарии мы выше уже отметили. Продолжающиеся, хотя и в заметно сокращенном объеме, работы Н.Я. Мерперта в Болгарии, вызвали большой интерес широкой общественности и по достоинству оценены, в том числе в самой Болгарии. За достижения в археологическом изучении Болгарии и подготовке научных кадров Н.Я. Мерперт был награжден орденом “Кирилл и Мефодий” I степени и Большой медалью святого Климента Охридского (Болгария).

С именем Николая Яковлевича связано и рождение российской школы месопотамской археологии. Его первая командировка в Ирак состоялась зимой 1967–1968 гг., во время которой была зафиксирована в 80 км к западу от Мосула, близ г. Телафар в долине Синджара группа теллей под названием Ярымтепе. Широким стационарным раскопкам были подвергнуты в 1969–1980 гг. Ярымтепе I, Ярымтепе II и Ярымтепе III, представляющие хассунскую, халафскую и убейдскую культуры и характеризующие три важнейших этапа развития дописьменной Месопотамии (VI–IV тыс. до н.э.). Мощность культурного слоя Ярымтепе I, отражающего все ступени хассунской культуры, достигала 6 м. Слой второго телля, принадлежащий целиком халафской культуре, оказался еще более мощным – 7 м. В Ярымтепе III верхние горизонты слоя мощностью 4 м относились к убейдской куль-

Рис. 3. Н.Я. Мерперт – руководитель отряда Куйбышевской археологической экспедиции (Средняя Волга, 1950).

туре, а нижележащие 8 м – к халафской. На первых двух теллях раскопы на значительной площади были выведены на материк.

Экспедиция проводила одновременно и разведки в долине и предгорьях Синджара, в результате которых были открыты и исследованы первое в данном регионе Месопотамии поселение докерамического неолита – Телль Магзалия, мощностью слоя 8,20 м (VIII тыс. до н.э.) и поселения Телль Сотто и Куллитепе, относящиеся к VII тыс. до н.э. и представляющие новую раннеземледельческую культуру Северной Месопотамии предхассунского периода. Последняя известна ныне как культура Телль Сотто.

Результаты этих беспрецедентных по масштабам и хронологическому охвату работ представили в новом свете культурно-исторический процесс в Северной Месопотамии от возникновения производящих форм хозяйства – земледелия и скотоводства – до формирования древнейшей цивилизации человечества. Они изданы во многих странах и десятках трудов, включая крупные монографические исследования, получили широкую известность и признание международной научной общественности. Большой, поистине выдающийся вклад в отмеченные достижения советской экспедиции в Месопотамии внес, несомненно, Н.Я. Мерперт. Именно за эти достижения, составляющие вклад российской науки в изучение древней Месопотамии, он вместе со своими коллегами и друзьями – мной и Н.О. Бадером – был удостоен в 1999 г. Государственной премии России в области науки.

Рис. 4. Н.Я. Мерперт и Р.М. Мунчаев в Институте археологии РАН. 1999 г.

Начавшаяся осенью 1980 г. иракско-иранская война прервала работы многих археологических экспедиций в Ираке, включая и нашу. Мы провели там еще один полевой сезон в 1985 г., но уже не в долине Синджара, а в 60 км к северу от Телафара, на правом берегу Тигра. Там наша экспедиция вместе с Н.Я. Мерпертом участвовала в изучении памятников, подлежащих уничтожению в результате осуществления проекта Эски Мосул.

С 1988 г. работы Месопотамской экспедиции ИА РАН сосредоточены на территории Северо-Восточной Сирии, в 25 км от г. Хасаке – центра одноименной провинции, в сторону Телль Брака, у деревень Аляви и Хазна. Здесь экспедиция исследует два памятника – Телль Хазна I и Телль Хазна II. Последний диаметром в среднем 150 м и при высоте 11 м содержит слои предхассунской и халафской культур, IV–III тыс. до н.э. и более позднего времени. На нем проведены небольшие работы разведочного характера. Основным же объектом исследований является Телль Хазна I, холм диаметром 200 м и высотой 17 м. Нижние культурные отложения мощностью 4 м принадлежат убейдской и урукской культурам (конец V – IV тыс. до н.э.), а вышележащие 12 м содержат остатки уникального культово-административного центра конца IV – первой трети III тыс. до н.э. в виде фундаментальных храмовых сооружений, сохранившихся на высоту более 8 м.

Самое деятельное и активное участие в исследовании этого сложнейшего и чрезвычайно важного памятника вот уже 14 лет принимает Н.Я. Мерперт. О результатах раскопок Телль Хазны I было доложено на ряде международных конференций в Сирии, Грузии, Азербайджане и в России (Москве, Санкт-Петербурге, Махачкале, Новосибирске, Воронеже). Соавтором большой серии публикаций по Телль Хазне I, изданных как в нашей стране, так и за рубежом является Н.Я. Мерперт. Он же – один из авторов первого выпуска трудов Сирийской экспедиции ИА РАН, посвященного Телль Хазне I, который в скором времени, надеемся, увидит свет.

Благодаря результатам исследований нашей экспедиции в Сирии, равно как и ряда других, представляется возможным изменить общее представление о роли и месте Сирии в культурно-историческом процессе на Ближнем Востоке в древности. Если раньше Сирия светила отраженным светом достижений Южного Двуречья, то отныне становится очевидным, что сирийский регион не отставал в своем развитии от других областей Месопотамии и явился местом сложения

глубоко оригинальных культур. Роль этих культур в развитии цивилизации Древнего Востока нельзя недооценивать.

Отрадно, что Н.Я. Мерперт, несмотря на возраст, полон творческих планов и желания осуществить их. Он продолжает активно не только свою научную, но и педагогическую деятельность. Его роль в подготовке кадров высокой квалификации в области археологии по-настоящему велика. Им создана целая школа в российской археологии. Мало кто из ученых имеет столько учеников, сколько Н.Я. Мерперт. Достаточно сказать, что им подготовлено около 40 кандидатов и докторов наук. А сколько студентов в течение пяти лет (1966–1971 гг.) преподавательской работы Николая Яковлевича на кафедре археологии исторического факультета МГУ прослушали его курсы по бронзовому веку! Именно за достижения в развитии науки и подготовке кадров ученых Н.Я. Мерперту в 1996 г. было присвоено почетное звание “Заслуженный деятель науки РФ”.

Его педагогическая деятельность продолжается и в настоящее время. Вот уже несколько лет он читает курс библейской археологии в Библейско-Богословском Институте в Москве. Недавно курс этот был издан им в виде большой книги “Очерки по библейской археологии” (М., 2000), которая моментально разошлась.

Бесспорна и роль Николая Яковлевича как организатора науки. Занимая в головном археологическом учреждении страны должности ученого секретаря Института, заведующего крупнейшим подразделением – Отделом неолита и бронзы – и руководителя Группы зарубежной археологии, он и своей научно-организационной работой способствовал в немалой степени развитию и успехам российской археологии, ее престижу на международной арене. Много десятков научных трудов и публикаций вышло в свет под редакцией Н.Я. Мерперта. Он был членом редколлегий журнала “Советская археология” и “Российская археология”, а также ряда зарубежных периодических изданий, в том числе всемирно известного английского журнала “Antiquity”. В настоящее время Николай Яковлевич состоит членом редакционного совета журналов РАН “Российская археология” и “Вестник Древней истории”.

Близко зная Н.Я. Мерперта свыше 50 лет, я не могу не сказать в связи с его замечательным юбилеем несколько слов о нем еще как о гражданине и человеке. Гражданская позиция Николая Яковлевича представлялась мне всегда четкой и ясной. Ее отличает истинный гуманизм и подлинный интернационализм, лишенный каких-либо предрассуд-

ков. На долю Н.Я. Мерперта выпали в жизни нелегкие испытания. И одним из них стала война, точнее, первые, самые тяжкие месяцы ее, когда он, совсем еще юноша, оказался участником боевых сражений. Он не очень любит прилюдно вспоминать те памятные тяжелые дни, когда он принял участие в боевых действиях, был ранен, несколько месяцев пролежал в госпитале. Когда говорят о патриотизме, я вспоминаю прежде всего таких людей, как Николай Яковлевич, потому что их любовь и преданность своей Отчизне – это не просто слова, проявление эмоций, а глубокое знание ее истории и культуры. А тому, как знает Н.Я. Мерперт историю России, ее литературу и искусство, в том числе и музыкальное, приходится только удивляться и по-хорошему завидовать. Он высоко и разносторонне образован. Его нельзя отнести к тем людям, у которого был когда-либо “лишний рубль” или водились деньги. Но он был и остается человеком очень богатым – богатым своими удивительными знаниями

и огромным жизненным опытом. И надо отдать ему должное – это свое единственное богатство он всегда щедро и безвозмездно отдает не только своим ученикам, но и всем, кто в нем нуждается.

Н.Я. Мерперт поразительно скромный человек. Его отличает доверчивость и мягкость, иногда чрезмерная, идущая ему во вред. Но самой важной чертой его характера остается всегда поражающее трудолюбие, я бы сказал, негибкая воля к труду. Большой природный талант и постоянный активный труд, нередко до самоистязания, обеспечили его поразительные творческие успехи и большой, заслуженный авторитет среди коллег и широкой научной общественности, сделали Николая Яковлевича тем, кем он является – замечательным ученым и прекрасным гражданином своей страны, которым мы гордимся. Пожелаем же ему еще долгих лет такого же активного трудолюбия и новых успехов во благо развития российской и мировой археологии.

Институт археологии РАН, Москва

Р.М. Мунчаев

О ПРИСУЖДЕНИИ БОРИСУ АНАТОЛЬЕВИЧУ ЛИТВИНСКОМУ ПРЕМИИ им. Р. ГИРШМАНА

В апреле 2002 г. Академия надписей и изящной словесности (Франция) присудила премию им. Романа Гиршмана выдающемуся российскому археологу, доктору исторических наук, профессору, академику АН Республики Таджикистан Борису Анатольевичу Литвинскому.

Премии был удостоен двухтомный труд, посвященный результатам раскопок городища Тахти-Сангин: Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 1. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. М., 2000 (в соавторстве с И.Р. Пичикьяном); Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 2. Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М., 2001.

Как хорошо известно, этот памятник дал совершенно уникальную информацию по истории и культуре древней Бактрии и Средней Азии в целом. Его значение для понимания важнейших проблем бактрийской истории сравнимо со значением результатов раскопок прославленного городища Ай Ханум, расположенного на другом берегу Амударьи и исследовавшегося французской археологической экспедицией под руководством Поля Бернара.

Образцово раскопанный храм Окса сейчас столь же образцово издается. Полученная Б.А. Литвинским премия – свидетельство признания результатов его трудов, его таланта полевого исследователя и интерпретатора.

Можно, видимо, считать символическим, что Б.А. Литвинскому присуждена именно премия им. Р. Гиршмана. Дело не только в том, что Роман Григорьевич Гиршман был выдающимся археологом, исследователем прошлого народов Ирана и Афганистана, но и в том, что он – россиянин по происхождению, выброшенный за пределы своей родины лихолетьем Гражданской войны и ставший во Франции крупнейшим ученым, членом Академии надписей и изящной словесности.

В этом факте можно видеть своеобразную “перекличку” разных поколений российских ученых, сделавших так много для исследования истории Востока.

Редакционная коллегия и Редакционный совет журнала “Российская археология” горячо поздравляют Бориса Анатольевича Литвинского и желают ему здоровья и дальнейших творческих успехов.

**ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
“ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С ПРОВЕДЕНИЕМ НЕЗАКОННЫХ РАСКОПОК
И НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ ПРЕДМЕТОВ АРХЕОЛОГИИ,
МИНЕРАЛОГИИ И ПАЛЕОНТОЛОГИИ”**

(Красноярск, 19–25 июня 2001)

Проблема охраны и использования историко-археологических памятников, равно как палеонтологических и природных объектов на территории Российской Федерации стоит в настоящее время чрезвычайно остро. Несовременность законодательной базы, печально известный парад суверенитетов в ряде субъектов Федерации привели к тому, что участились случаи нарушения законодательства по отношению к данным объектам, в том числе и среди профессионалов. Раскопки без Открытых листов, вольное отношение к полученным материалам, отсутствие надлежащей отчетности перед Отделом полевых исследований ИА РАН – все это, к сожалению, и сегодня имеет место в практике полевых исследований. Злостное нарушение законодательных норм уже привело к тому, что уникальные археологические объекты “исследуются” слабо подготовленными археологами или вообще не профессионалами. Уникальные находки не подвергаются надлежащей реставрационной обработке и зачастую разрушаются, а иногда и расхищаются.

Непрофессиональные раскопки, не подкрепленные ровным счетом никакой отчетностью, приводят к разрушению уникальных археологических объектов.

Все эти прискорбные факты не могут оставить равнодушными научную общественность. Искренняя озабоченность судьбами исторического наследия работников Российской академии наук, Высшей школы, Министерства культуры инициировала проведение в Красноярске научно-практической конференции, посвященной главным образом означенной проблематике. Не случайно местом для ее проведения оказался Красноярский край, на территории которого сосредоточены тысячи уникальных разновременных и разнокультурных археологических объектов, пещер и мест сосредоточения палеонтологического материала.

19–25 июня 2001 г. в Красноярске была проведена научно-практическая конференция и выездной семинар-практикум “Проблемы борьбы с проведением незаконных раскопок и незаконным оборотом предметов археологии, минералогии и палеонтологии”, организованные Департаментом по сохранению культурных ценностей Министерства культуры РФ, Территориальным управлением Министерства культуры РФ по сохранению культурных ценностей в Красноярске при участии Администрации Красноярского края, Министерства культуры Республики Хакасии, Красноярского государственного педагогического университета.

В работе конференции и выездного семинара-практикума приняли участие: представители Министерства культуры РФ, Территориальных управлений Министерства культуры РФ по сохранению культурных ценностей в Владивостоке, Воронеже, Екатеринбурге, Иркутске, Краснодаре, Красноярске, Нижнем Новгороде, Новосибирске, Саратове, Хабаровске; Государственного таможенного комитета РФ, Федеральной службы безопасности РФ, Красноярской таможни, Администрации Красноярского края, управлений культуры Администраций Красноярского края, Таймырского и Эвенкийского автономных округов, Кемеровской области, Министерства культуры Республики Хакасии, Сибирского и Уральского отделений Российской академии наук, музеев и высших учебных заведений, а также профессионалы-археологи, геологи и палеонтологи из многих городов России.

В рамках работы конференции рассматривался широкий спектр вопросов изучения и сохранения памятников историко-культурного, геологического, палеонтологического наследия России, обсуждались проблемы незаконного оборота и контрабандного вывоза за границу предметов археологии, минералогии, палеонтологии.

Участники конференции констатируют, что за последние годы коммерческий оборот предметов археологии, минералогии и палеонтологии, ранее основанный на деятельности ограниченного круга лиц и любительском собирательстве, приобрел масштабы многопрофильного, крупномасштабного, разветвленного и многоступенчатого, зачастую имеющего криминальный оттенок бизнеса, распространившегося на всей территории страны.

Помимо российских граждан, нередко включающих в торговый оборот предметы, добытые в результате незаконного промысла, в этом бизнесе участвуют некоторые зарубежные дилеры, имеющие сомнительную репутацию, прямо или косвенно в контрабанде или перепродаже похищенных из музеев предметов.

Существенные расхождения на ряд культурных ценностей с мировыми ценами, утвержденными в экспертных лицензиях, выдаваемых в Российской Федерации, свидетельствуют о том, что заявленные к вывозу из страны предметы коллекционирования (в частности, по палеонтологии) или продаются по демпинговым ценам, или вообще занижаются в цене в целях уменьшения налогооблагаемой базы.

В этой деятельности наблюдаются признаки раздела рынка по направлениям и территориям, попытки монополизации и другие признаки высокоорганизованной криминальной индустрии, обеспечивающей коммерческий оборот культурных ценностей. В результате последние изымаются из культурного пространства и научного оборота Российской Федерации и, зачастую, становятся собственностью богатых коллекционеров.

Ущерб, наносимый российской культуре, особенно высок, поскольку археологические, палеонтологические и геологические ценности являются ресурсом невозобновляемым и небеспредельным. Памятники разрушаются, большая часть информации, связанной с ними, утрачивается безвозвратно, поскольку коммерческая деятельность в этой области носит исключительно хищнический характер.

Археологические памятники систематически подвергаются ограблениям, участились кражи предметов археологии из государственных хранилищ. Памятники, вскрываемые эрозийными процессами (например, на берегах Красноярского водохранилища), систематически расхищаются местными и приезжающими собирателями, предметы археологии и палеонтологии и этнографии за бесценок приобретаются скупщиками. Последние переправляют добычу дилерам, обслуживающим как внутренний, так и внешний рынки.

Палеонтологические памятники, став источником коллекционирования, подвергаются варварскому разрушению. Палеонтологический материал добывается без фиксации положения во вмещающем геологическом теле и без указания какой-либо географической привязки. Массовые сборы остатков ископаемых организмов уже привели к исчезновению самих памятников (в частности, месторождения морской фауны возрастом в 150 млн. лет в Рязанской области и эталонного месторождения предков мамонтов на Таманском полуострове).

Происходит разграбление пещер – добыча редких минеральных форм и остатков животных ледникового периода; возникают угрозы разрушения геологических памятников, геологических слоев, богатых остатками организмов, и месторождений минералов.

Таким образом, происходит необратимое разрушение системообразующего ядра культурного пространства России в целом и народов, ее населяющих.

Законодательная база, регулирующая отношения в этой области, оказалась во многом не соответствующей новой

рыночной ситуации (особенно в связи с индустриализацией коллекционного бизнеса).

Анализ практики применения Закона Российской Федерации “О вывозе и ввозе культурных ценностей” показывает, что он в достаточной мере дает гарантии надежного контроля за легальным вывозом, и при адаптации к современной рыночной ситуации и сложившемуся правовому пространству его не следует изменять по существу, особенно в тех частях, которые образуют систему контроля. Ее ядром является Институт независимых экспертов, уполномоченных Министерства культуры России. Любая попытка придать экспертизе формат, отличающийся от ныне существующего, способна привести к злоупотреблениям. Тем же чреваты попытки растворить личную ответственность экспертов в коллективной безответственности какой-либо комиссии.

Анализ публикаций о законодательных инициативах, лоббируемых в Государственной Думе отдельными ведомствами и аффилированными с ними фирмами, свидетельствует о желании экспортеров подменить государственный контроль корпоративным.

Недостаточно используются возможности существующей законодательной базы для регулирования использования недр с целью добычи палеонтологического и минералогического материала. Одно из последствий этого – выдача лицензий на право добычи палеонтологических материалов лицам, не имеющих профессиональной подготовки ни в области палеонтологии, ни в области наукоемкого бизнеса.

Отсутствие кадастров (государственных охранных списков) памятников культурного наследия усложняет принятие решений по регулированию научной, хозяйственной и коммерческой деятельности в целях недопущения их утраты.

В итоге происходит неконтролируемое, противозаконное изъятие из недр культурных ценностей и их незаконный оборот, разрушение археологических и геологических памятников, которое ведет к невосполнимой утрате научной информации, зачастую не менее важной, чем сами культурные ценности.

Участники конференции, проанализировав современную ситуацию в области сохранения памятников археологии, минералогии и палеонтологии, стремясь предотвратить их незаконные раскопки и ужесточить борьбу государственных структур с незаконным оборотом культурных ценностей, рассмотрели возможности и перспективы решения этих проблем в контексте действующего законодательства Российской Федерации и разработали ряд положений. По мнению участников конференции:

– необходимо привести в соответствие с современными реалиями законодательную базу, скоординировав для этого действия законодательной и исполнительной властей, а также органов местного самоуправления;

– координирующую роль в решении актуальных проблем коллекционного бизнеса наиболее эффективно должны осуществить Министерство культуры России и Министерство природных ресурсов Российской Федерации;

– принимая во внимание, что проблемы сохранения культурного и природного наследия (в понимании Конвенции “Об охране всемирного культурного и природного насле-

дия”, Париж, 1977) неразделимы, целесообразно сосредоточить ключевые функции реализации Конвенции в одном органе исполнительной власти, а также изучить вопрос о возможности создания Археологической службы Российской Федерации;

– необходимо регулярное проведение научно-практических конференций по вопросам сохранения культурных ценностей с привлечением специалистов из научных организаций и государственных ведомств как актуального средства мониторинга состояния памятников культурного наследия и оборота культурных ценностей.

УЧАСТНИКИ КОНФЕРЕНЦИИ РЕКОМЕНДОВАЛИ

1. Министерству культуры России обратиться в Министерство природы России с информацией об итогах проведенной конференции и просьбой довести до сведения Министерства культуры России имеющиеся перечни геологических памятников с указанием рекомендуемого порядка их использования. Министерству культуры России довести полученную информацию до сведения территориальных органов по сохранению культурных ценностей.

2. Министерству культуры России обратиться в Министерство природы России с просьбой рекомендовать территориальным органам Министерства природы России включить в составы конкурсных комиссий по лицензированию недропользования профессиональных ученых – археологов, минералогов и палеонтологов с целью недопущения разрушения исторических и природных памятников и контроля за их бережным использованием.

3. Министерству культуры России обратиться в федеральные округа с просьбой о приведении законодательных актов субъектов Российской Федерации в соответствие с законами Российской Федерации “Об охране памятников истории и культуры”, “О недрах и использовании недр”.

4. Министерству культуры России принять во внимание необходимость включения в проект Земельного кодекса Российской Федерации раздела о культурно-историческом наследии.

5. Министерству культуры России совместно с заинтересованными организациями рассмотреть вопрос о выработке единых критериев оценки предметов археологии, минералогии и палеонтологии.

6. Территориальным органам Министерства культуры России по сохранению культурных ценностей усилить взаимодействие с территориальными органами Министерства природы России и правоохранительными органами субъектов Федерации в области сохранения культурных ценностей и борьбы с их незаконной добычей и оборотом.

7. Министерству культуры России и его территориальным органам по сохранению культурных ценностей довести резолюцию конференции до сведения каждого субъекта Российской Федерации, включая глав Администраций, органы управления культуры, правоохранительные и таможенные органы.

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

В.И. Молодин, Н.И. Дроздов

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
“К 100-ЛЕТИЮ ПЕРИОДИЗАЦИИ В.А. ГОРОДЦОВА БРОНЗОВОГО ВЕКА
ЮЖНОЙ ПОЛОВИНЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ”
(Самара, 2001)**

Конференция, посвященная наследию В.А. Городцова, стала важным этапом изучения энеолита и бронзового века Восточной Европы. Благодаря поддержке РГНФ и РФФИ, стала возможной организация встречи более ста специалистов России и СНГ. Не будет большим преувеличением утверждать, что это – одна из наиболее представительных конференций последних десяти лет.

В работе конференции приняли участие специалисты и студенты из двадцати городов и двадцати шести научных центров России: Альметьевска, Волгограда, Воронежа, Екатеринбурга, Йошкар-Олы, Казани, Краснодар, Липецка, Майкопа, Москвы, Оренбурга, Орска, Пушкино, Ростова-на-Дону, Самары, Санкт-Петербурга, Саратова, Уфы, Челябинска. Таким образом, география городов-участников соответствовала всей европейской части России, Южному Уралу и Северному Кавказу.

Из стран СНГ в конференции приняли участие и выступили с докладами ученые Украины, Молдовы и Казахстана. В работе конференции участвовали аспиранты и стажеры из Германии (г. Берлин) и США (Университет г. Чикаго).

Программа конференции состояла из двух частей: 1 – представление докладов и ответы на вопросы, 2 – обсуждение докладов и дискуссии. Доклады и сообщения информационного характера были представлены в форме стендовых докладов. На конференции представлено 70 докладов, из них 11 – стендовые.

Перед началом работы конференции на основе представленных докладов и сообщений издан сборник материалов. Авторами сборника являются более ста специалистов. К сожалению, не все из них смогли прибыть на конференцию.

На каждом заседании рассматривался определенный блок проблем. На совещании были рассмотрены пять ключевых тем: 1 – роль В.А. Городцова в создании периодизации бронзового века южной половины Восточной Европы и вопросы историографии; 2 – периодизация и хронология культур эпохи бронзы; 3 – характеристика материальной культуры памятников бронзового века Восточной Европы; 4 – почвоведение и археология; 5 – новые материалы эпохи бронзы Восточной Европы. В такой последовательности опубликованы материалы конференции.

Примечательно и символично, что итоговое обсуждение докладов завершилось 27 апреля – в день, когда ровно 100 лет назад, в 1901 г., В.А. Городцов получил Открытый лист № 762 на право проведения полевых исследований.

На пленарном заседании заслушаны доклады, посвященные анализу и оценке наследия В.А. Городцова. Ключевым выступлением стало “Слово о Городцове”, произнесенное *Н.Я. Мерпертом* – единственным, в наше время, его прямым учеником. Автор подчеркнут огромный вклад Василия Алексеевича и в российскую, и в мировую науку. Представлены достижения в области разработки археологической методики и методологии. Работы В.А. Городцова сравнимы с трудами В.Г. Чайлда, а в чем-то и опережали их. В последующем докладе *В.С. Бочкарева* показано, что в настоящее время создана основная конструкция хронологии культур бронзового века Восточной Европы. В ее основе находится периодизация В.А. Городцова. Его периодизация по значимости сравнима с системами О. Монтелиуса, П. Рейнке, А. Фурумарка. В докладе почвовед *И.В. Иванова* впервые прозвучал анализ работ В.А. Городцова, касающихся вопросов почвоведения. *И.Е. Сафонов* рассказал о первых раскопках курганов В.А. Городцовым в 1901 г.

Следующий блок выступлений посвящен ключевой теме конференции – “Периодизация и хронология культур эпохи бронзы”. *В.А. Трифонов* представил результаты изучения абсолютной хронологии культур Кавказа и Восточной Евро-

пы на основе 894 радиоуглеродных дат. Автор выделяет твердо датированные этапы, утверждая при этом, что смысл традиционного членения культур по периодам эпохи энеолита–бронзы утрачивается. В докладе *Е.Е. Кузьминой* говорилось о проблемах соотношения традиционной и радиоуглеродной хронологии бронзового века. *В.С. Горбунов* рассмотрел срубную культуру в контексте проблем позднего бронзового века.

Представлены новейшие культурно-хронологические схемы культур бронзового века Северного Кавказа и Предкавказья (*С.Н. Корневский, Н.И. Шишлина*), Поволжья и Урала (*П.Ф. Кузнецов, М.А. Турецкий*), Дона (*С.Е. Жеребилов*), Украины (*В.В. Отрошенко, А.В. Николова, Ю.Я. Рассамкин*), Молдовы (*В.А. Дергачев*). Особенно интересными были доклады коллег Украины, Молдовы и Казахстана, т.к. эти материалы менее известны в России. В докладе *В.В. Отрошенко* прозвучала весомая критика работ *Ю.А. Шилова, С.Ж. Пустовалова* и *С.Н. Санжарова* по пересмотру культурно-хронологической схемы В.А. Городцова. В докладе *В.А. Дергачева* представлены систематизированные доказательства первой миграционной волны степного энеолитического населения на запад, соответствующие концепции *М. Гимбутас*. *Ю.Я. Рассамкин* провел сравнительный анализ погребальных традиций энеолитических могильников Поволжья, Подонья и Причерноморья. В докладе *И.Б. Васильева* еще раз подчеркнута преемственность позднего энеолита и раннего бронзового века на территории Волго-Уралья. *С.Н. Корневским* представлена последовательность смены различных хозяйственно-культурных типов в эпоху энеолита и ранней бронзы в системе изменений природно-климатической обстановки Предкавказья. *Н.И. Шишлина* изложила результаты совместной работы с коллегами по радиоуглеродному датированию погребений ямной культуры. Автор говорит о сравнительно позднем появлении ямного населения в Калмыкии. В докладе *М.А. Турецкого* представлен детальный анализ результатов хронологических исследований ямных памятников Самарского Поволжья. Радиоуглеродное датирование позволяет относить ямные памятники данной территории к началу III тыс. до н.э. Благодаря расширению возможностей радиоуглеродного датирования получены большие серии радиоуглеродных дат для Самарского Поволжья, Калмыкии, степной Украины. Анализируя украинскую серию новейших датировок, *А.В. Николова* констатирует факт общего предшествования ямной культуры относительно катакомбной. Автор подтвердила и отмеченное ранее наблюдение о более раннем возрасте ямных и полтавкинских датировок Поволжья по отношению к ямным памятникам Поднепровья. *А.В. Николова* достаточно рельефно выделила современные проблемы использования радиоуглеродных дат. В докладе *А.В. Кияшко* рассмотрены изменения некоторых категорий погребального инвентаря в эпоху средней бронзы на территории Нижнего Поволжья и степного Предкавказья. Эти изменения происходили, по мнению автора, в результате влияния технологических новаций и идеологических изменений на Кавказе.

В.И. Мельник рассмотрел свидетельства миграций и их роль степной зоны на протяжении всего бронзового века. Выступление *П.Ф. Кузнецова* было посвящено времени начала поздней бронзы Восточной Европы. Территория очага культурогенеза эпохи определена в пределах Волго-Уральского междуречья. Результаты типологического сравнения и радиоуглеродные даты позволяют синхронизировать поздние абашевские и потаповские памятники Среднего Поволжья, турбинские некрополи Прикамья, ранние синташтинские Приуралья. Время начала новой эпохи определено в преде-

лах XX–XVIII вв. до н.э. Предложена гипотеза веерного распространения культурных новаций.

Особенное внимание в докладе *Р.А. Литвиненко* было уделено бабинской культуре, которую он рассматривает в системе хронологии всего бронзового века. При создании такой схемы автор объективно указывает на трудности в стремлении полного отображения культурно-хронологической ситуации. *А.Н. Гей* рассмотрел вопросы современной палеосоциологии в применении к изучению степных скотоводов. Особое внимание автор обратил на изменение во времени системы возрастных классов и на формирование семейных структур, одновременно поставив под сомнение высказываемые в последнее время идеи о существовании развитой социальной стратификации и глубоком кризисе первобытности уже на стадии энеолита – среднего бронзового века. Доклад *П.А. Косинцева* посвящен последовательности этапов развития скотоводства как ключевой отрасли хозяйства в бронзовом веке Восточной Европы.

Среди докладов блока “Характеристика материальной культуры памятников бронзового века Восточной Европы” многочисленные вопросы и дискуссии вызвали доклады *О.В. Кузьминой*, *П.Ф. Кузнецова* и *О.Д. Мочалова*, *Н.Б. Виноградова*, *В.В. Ткачева*, *А.А. Хохлова*, *М.В. Халяпина*. При этом интересно, что все доклады были посвящены двум дискуссионным темам: проблеме выделения синташтинской культуры и хронологии абашевской культуры. В докладе *О.В. Кузьминой* обосновалась связь абашевской культуры с традициями фатьяновской и балановской культур. Доновожская абашевская культура рассматривалась как самая поздняя, синхронная катакомбной культуре Среднего Дона. В докладе *П.Ф. Кузнецова* и *О.Д. Мочалова* рассматривались керамические комплексы конца среднего – начала позднего бронзового века Волги и Урала. На основе статистического и содержательного анализа керамики отдельных могильников авторы поставили под сомнение культурно-типологическое единство синташтинских памятников и саму возможность выделения стабильных археологических культур в переходные периоды. Доклад *Н.Б. Виноградова* “Парадоксы Синташты” также был посвящен многокомпонентности синташтинских памятников и их связи со степным миром. Оспаривалась роль абашевской культуры в сложении Синташты. Доклады *В.В. Ткачева* и *М.В. Халяпина* были посвящены синташтинским памятникам Приуралья. *В.В. Ткачев* выделил два этапа: синташтинский и позднесинташтинский. Обобщение *М.В. Халяпина* посвящено раскопкам грунтового синташтинского могильника в Приуралье, с присутствием раннесрубных черт. В выступлении *А.А. Хохлова* освещены результаты антропологического анализа погребений эпохи бронзы Волго-Уралья в контексте этногенетических процессов. После выступлений дискуссии вызвала проблема происхождения и периодизации абашевской культуры (доклад *О.В. Кузьминой*), а также проблема культурно-хронологического единства памятников потаповского и синташтинского типов (доклад *П.Ф. Кузнецова* и *О.Д. Мочалова*).

Несколько докладов посвящались многолетнему опыту совместных работ археологов и почвоведов в Поволжье и на Урале. В разделе “Почвоведение и археология” *В.А. Демкин* представил результаты изучения особенностей природной среды в хронологическом интервале 5500–3000 лет назад для почвенно-географических районов Нижнего Поволжья. Доклад *И.В. Иванова* и *Л.Н. Плехановой* был посвящен сравнению погребенных почв Южного Зауралья (р. Аркаим) и За-

волжья (р. Самара). Прозвучали интересные выводы по сопоставлению экологических условий в эпоху бронзы. Данные доклады явились важным обобщением реконструкции природно-климатических условий бронзового века на Волге и на Урале.

Раздел “Новые материалы эпохи бронзы Восточной Европы” в основном был представлен стендовыми докладами (материалы опубликованы). Наиболее важные сообщения были вынесены на устную презентацию. Доклад *А.С. Ермолаевой* и *Т.Н. Лошаковой* посвящен уникальным материалам из Восточного Прикаспия – поселению Токсанабай. Материалы относятся к эпохе энеолита – средней бронзы и, видимо, связаны с культурами Волго-Уралья. Липецкие археологи впервые ввели в научный оборот представительную серию поселений абашевской и срубной культур верхнего Подонья. Прослежена преемственность керамических традиций, выявлены связи с восточными регионами.

Таким образом, круг проблем, затронутый на конференции, очень широк, он охватывает все периоды, этапы и территории юга Восточной Европы. Значительная часть рассмотренных вопросов касается периодизации и хронологического соотношения культур. Особенно дискуссионны методические вопросы абсолютного датирования и их соотношения с археологическими материалами. Определенные достижения в этом направлении сделаны при изучении культур лесостепного Поволжья и Кавказа, где получены новые абсолютные даты, скорректированы старые и составлены новые хронологические шкалы. Горячо обсуждались вопросы соотношения культурных групп конца среднего – начала позднего бронзового века. Вторым проблемным направлением конференции явилось обсуждение роли культур среднего бронзового века Волго-Уральского региона, рассматриваемого как очаг культурогенеза эпохи поздней бронзы. В контексте вышеперечисленных проблем рассматривались вопросы миграций, проблем выделения археологических культур и их территориальных границ. Почти во всех случаях, так как абсолютное большинство докладов носило интерпретационный и аналитический характер, рассматривались современные проблемы в изучении бронзового века в России: от вопросов типологии до выделения археологических периодов и эпох. Научное наследие *В.А. Городцова* в изучении бронзового века обсуждалось глубоко и всесторонне.

В результате проведения конференции была утверждена следующая резолюция:

1. Конференция “К столетию периодизации *В.А. Городцова* бронзового века южной половины Восточной Европы” явилась важным событием национальной науки, реализованным на международном уровне. Считать конференцию успешно проведенной. В работе конференции приняло участие 80 человек. Большинство докладов подготовлено на высоком научном уровне. Издан сборник материалов конференции. Состоялись дискуссии по важнейшим и актуальным проблемам бронзового века Восточной Европы.

2. Следующую конференцию, посвященную наследию *В.А. Городцова* в изучении бронзового века, провести в 2003 году в г. Москва, на базе Государственного Исторического Музея, где работал *В.А. Городцов*.

3. Ходатайствовать перед Президиумом РАН об учреждении почетной медали имени *В.А. Городцова* “За выдающиеся достижения в российской археологии”.

4. Реализовать подготовку и издание собрания избранных научных трудов *В.А. Городцова*.

ПАМЯТИ НАДЕЖДЫ МИХАЙЛОВНЫ КРАВЧЕНКО

(1935–2001)

22 декабря 2001 года остановилось сердце Надежды Михайловны Кравченко – археолога, историка, педагога. Профессор, кандидат исторических наук, специалист широких научных интересов, Н.М. Кравченко хорошо известна в профессиональных кругах, прежде всего как исследователь раннеславянских археологических памятников. Она является автором более 70 научных работ, участвовала в написании ряда коллективных монографий и курса лекций по археологии и древней истории Украины. Спектр проблем, охваченных в публикациях, очень широк. Он включает этноисторические реконструкции, исследования духовной культуры древних славян (мифология и религиозные верования, зарождение письменности), проблемы методологии и источниковедения, памятниковедение, культурология, краеведение. На ее счету более 40 полевых сезонов, участие в экспедициях почти во всех регионах Украины, а также в Молдавии и России.

Н.М. Кравченко родилась 4 ноября 1935 г. в Киеве в семье Кравченко Михаила Гавриловича и Николаенко Галины Андреевны – историков, преподавателей и ученых. Вскоре для семьи настали нелегкие времена. Среди тысяч репрессированных в годы строительства “сталинского социализма” был и ее отец (он погиб в одном из магаданских лагерей). Война застала семью во Львове, куда в 1939 году Г.А. Николаенко была направлена преподавателем университета. Семья оказалась в осажденном Сталинграде, где вскоре после окончания сражений маленькая Надя пошла в первый класс.

В конце 1943 г. семья переехала в только что освобожденный Киев, так как мать была назначена директором Киевского исторического музея. Благодаря ее усилиям и энтузиазму, в 1946 г. с целью пополнения музейных фондов была организована археологическая экспедиция на днепровские пороги (начальник М.Я. Рудинский), в которой школьницей участвовала и Надя. Там она и заинтересовалась археологией, собрала свою первую археологическую коллекцию.

В 1954 г. Надежда Михайловна стала студенткой исторического факультета Киевского государственного университета им. Т.Г. Шевченко. Археологическую практику она проходила в Переяславской экспедиции. После второго курса, с целью специализироваться в области славянской археологии,

переводится в Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, где она смогла получить отличную профессиональную подготовку. Юшко А.А. посчастливилось быть в той группе, куда была переведена Надежда. Середина 50-х годов. Еще сказывались последствия войны, и на истфак приходили бывшие фронтовики. Круг наших интересов был очень узок. Лекции, семинары, экзамены. Иногда чтение. Были, правда, экспедиции. Приход в группу Надежды произвел эффект разорвавшейся бомбы. Ее мир был совсем иной: была еще консерватория, музей Скрябина, горные лыжи, интересные друзья... Многие из нас, благодаря ей, смогли к этому миру прикоснуться.

Деканом исторического факультета, а также заведующим кафедры археологии в то время был А.В. Арциховский. Лекции читали Б.А. Рыбаков, В.Л. Янин, Б.Н. Граков, О.Н. Бадер, С.В. Киселев, Д.А. Авдусин. Семинары вели Б.А. Рыбаков, В.Л. Янин.

В Киев Надежда Михайловна вернулась в 1959 г., получив направление на работу в Институт археологии Академии наук Украины. Еще в студенческие годы определилась сфера ее научных интересов – проблема происхождения славян, связанная с изучением археологических культур I тыс. н.э. и, в частности, черняховской культуры. Глубокий след на всю жизнь остался у нее от общения в Институте и экспедициях с выдающимися учеными М.Ю. Брайчевским, В.Н. Даниленко, В.П. Петровым. Результатом совместной работы с М.Ю. Брайчевским в Каневской экспедиции (1960 г.) стала подробная археологическая карта береговой линии Днепра, который и сейчас пользуются специалисты, работающие на Каневщине. В 1961 г. в составе Бугской экспедиции под руководством В.Н. Даниленко Н.М. Кравченко принимала участие в обследовании Бушанского скального рельефа в Поднестровье.

С 1961 г. Н.М. Кравченко начинает исследования Косановского могильника черняховской культуры. Ее непосредственным руководителем на раскопках был В.П. Петров. Материалы этих исследований стали источниковедческой базой кандидатской диссертации “Косановский могильник как источник для изучения истории населения Побужья в первой половине I тыс. н.э.”, которую Н.М. Кравченко подготовила во время обучения в аспирантуре (1965–1967 гг.) и успешно защитила в 1967 г. Научным руководителем ее был Г.Б. Федоров. Многие положения диссертации явились отправными моментами дальнейших исследований, в частности весь круг вопросов, связанный с историко-социальной реконструкцией по данным погребального обряда. Работой, подводившей итог изучению черняховских некрополей, для Н.М. Кравченко стал свод “Погребальные обряды черняховской культуры”, подготовленный в соавторстве с Э.А. Сымоновичем.

В молодости Надежде Михайловне посчастливилось учиться у выдающихся ученых и, вероятно, поэтому она подхватила эстафету. В полном объеме творческий научный потенциал Надежды Михайловны раскрылся в Киевском государственном педагогическом институте им. М. Горького (сейчас Национальный педагогический университет им. М.П. Драгоманова), куда она перешла работать в 1968 г. доцентом кафедры истории СССР, а впоследствии стала заведующей кафедрой (1985–1990 гг.).

Преподавая отечественную историю и археологию, Н.М. Кравченко целенаправленно занималась исследованиями в области славяно-русской археологии, изучением археологических памятников I тыс. н.э. Она организовала и в течение 23 лет (1969–1991) возглавляла Раннеславянскую экспедицию исторического факультета. По инициативе Надежды Михайловны и при ее непосредственном участии на историческом факультете были созданы кабинет археологии музейного типа и археологическая лаборатория.

В первый же год работы экспедиции, которая создавалась с целью изучения черняховских памятников Киевщины, были открыты местонахождения с керамикой киевской культуры. Материалы этого типа памятников, выделенного В.Н. Даниленко, в то время были еще мало известны и практически не введены в научный оборот. Именно этот материал на долгие годы стал объектом внимания экспедиции, а главной проблемой – соотношение с синхронными черняховскими памятниками и последующими древностями третьей четверти I тыс. н.э.

Одним из достижений экспедиции является создание подробной археологической карты памятников I тыс. н.э. бассейна р. Стугна (Киевщина). В научный оборот введены более 100 новых местонахождений. Особого внимания заслуживают разработки в области методической базы полевых исследований. Метод сплошной разведки микрорегиона позволил применить ландшафтный подход, реализовать задачу реконструкции локального заселения в динамике, а также провести сравнительное изучение памятников в рамках отдельной ландшафтно-культурной группы. Исследования Обуховской территориальной группы памятников I тыс. н.э. позволили по-новому подойти к осмыслению ряда проблем древней истории Юго-Восточной Европы.

Раскопки поселения Обухов II в Киевском Поднепровье, включающего весь диапазон раннеславянских культур предкиеворусского периода, позволили Н.М. Кравченко установить непрерывную заселенность региона и последовательность смены культур. Уникальное сочетание раннеславянских-киевских (Обухов III) и черняховских (Обухов I) поселений и могильников позволило ей интерпретировать этот комплекс как памятники антов. Особенности материальной культуры, а также камень с петроглифами, в которых прочитывалось сочетание славянских и сарматских элементов, дали возможность Н.М. Кравченко выделить раннеантский этап.

Разработанный Н.М. Кравченко метод историко-археологических аналогий, предусматривающий историческую реконструкцию древних обществ по археологическим материалам, позволил сформулировать концепцию, согласно которой ранним антам отвечает среднеднепровский вариант черняховской культуры. Ее местным субстратом является киевская культура (споров – спалов), в которую интегрированы выразительные сарматские элементы. Последние представлены наиболее престижными погребениями на черняховских могильниках (возможно, росомонов), а также сарматской символикой власти и собственности (петроглифы Обуховского камня). Наличие северо-западной компоненты (пшеворская и вельбарская культуры) в среднеднепровских черняховских памятниках является свидетельством этнического присутствия венедов и готов.

С 1987 г. под руководством Н.М. Кравченко начались систематические исследования Фастовского района. Помимо разведывательных работ и раскопок памятников I тыс. н.э., Н.М. Кравченко занималась краеведением, охраной памятников, а также принимала активное участие в создании краеведческого музея. Здесь в полной мере пригодился ее плодотворный опыт по созданию музея в Обухове и археологической экспозиции в музее истории Киева. Заслугой Надежды Михайловны является создание археологической карты района, составление каталога памятников истории и культуры, подлежащих охране. Материалы раскопок составили основу археологической экспозиции и коллекции музея. Удалось собрать этнографические материалы и исторические реликвии. Музей был открыт в 1993 г.

Последние годы жизни Н.М. Кравченко связаны с Киевским институтом “Славянский университет”. По ее инициативе и под ее руководством работал научный семинар “Проблемы изучения древней истории славян”. Она активно включилась в разработку историко-социальных и методологических проблем, в частности в подготовку курса лекций “Введение в историю”.

Надежда Михайловна ставила своей целью подготовить грамотных специалистов, историков широкого профиля,

прежде всего учителей, которые в то же время могли вести самостоятельные охранные работы, составлять информацию об археологических объектах и т.п. Многие ученики впоследствии нашли себя в самых различных сферах науки – от археологии, истории, этнографии, памятниковедения и культурологии до педагогики, психологии и юриспруденции. Со многими из них Н.М. Кравченко постоянно поддерживала творческие и дружеские отношения. Она собирала и хранила, наверное, сотни публикаций, статей и книг своих учеников.

Активная жизненная позиция, стойкость и мужество особенно проявились в последние годы, когда долгая тяжелая болезнь лишила ее возможности самостоятельно передвигаться. Болезнь отнимала силы, но не могла оторвать от любимых дел. Она работала до последних дней жизни. Две последние статьи, оставшиеся в компьютере, были сданы в печать уже без нее. Остался нереализованным проект “Страна антов” в свете историко-археологических аналогий”.

Имя Надежды Михайловны Кравченко навсегда вписано в историю археологической славистики. Ее талант, доброжелательность и высокий профессионализм останутся в памяти тех, кому посчастливилось с ней общаться. В будущее устремлены слова, которыми Н.М. Кравченко закончила свои “Записки об археологической (студенческой) экспедиции”: “Я надеюсь, что... ученики превзойдут своего учителя. Я желаю успеха археологам нового тысячелетия”.

ИЗ ПОСЛЕДНИХ ПИСЕМ Н.М. КРАВЧЕНКО (АДРЕСОВАНЫ А.А. ЮШКО)

24.04.01

Теперь, когда у меня появился компьютер, и я могу сама набирать тексты, я вернулась к своим незаконченным работам. Поскольку я всегда была “многостаночницей”, то и сейчас у меня в работе одновременно несколько тем.

Во-первых, основная – ... – “Анты”, памятники которых, как я полагаю, я исследовала под Обуховым все эти годы. Материалы готовы к публикации и я надеюсь с моими бывшими учениками (теперь уже канд. наук) издать их. Кроме того, в работе у меня несколько статей, посвященных этой теме (две из них недавно вышли), и небольшая книга, которую берет издать “Славянский Университет”, с кот. я последние 7 лет (годы болезни) сотрудничаю: вначале преподавала, сейчас кое-что пишу.

В частности, недавно сдала в набор первый выпуск лекций университетского курса “Введение в историю”, работа над которым доставила мне истинное удовольствие и заставила думать о том, что и как мы делаем в своих исследованиях. Согласно Фуко, – о связях между словом и вещами, которые они выражают.

1.09.01.

В настоящее время заканчиваю (в соавторстве с одной моей прежней ученицей) запланированную и в целом подготовленную еще десять лет тому назад монографию по материалам 25-летних раскопок памятников I тысячелетия под Обуховым. Решила закончить, если Бог даст, а там уже искать спонсоров для публикации.

Конечно, болезнь (в 2002 году “отмечаю” десятилетие) надолго отбросила мои научные занятия назад, откровенно говоря, еще два-три года тому назад думала, что никогда к ним не вернусь. Очевидно, Судьбе было угодно распорядиться моими жизненными силами иначе: возвращение к работе над монографией и активная помощь моей бывшей ученицы (она уже давно к.и.н., с.н.с. И-та археологии – Наталья Абашина) рождает надежду хотя бы частично завершить труды, которые на протяжении моей профессиональной жизни были ее смыслом и содержанием.

“.....”

Постоянно у меня под рукой дискеты с записями двух концертных программ в исполнении моей дорогой сестры. Я тебе прежде не писала об этом: Людмила – прекрасная пианистка и

тонкий интерпретатор. И каким-то “шестым чувством” угадывает мои любимые и желанные произведения. Добавлю, что кроме побуждения к творчеству, эта музыка воздействует на меня в чисто медицинском плане – снимает болезненные спазмы тогда, когда уже не помогают лекарства.

“.....”
...каждый из нас формировался и определенными жизненными обстоятельствами и в силу своего характера. Мне не хватало здравого смысла и реализма, но я ни разу не изменила себе и своим убеждениям о долге.

“.....”
Признаюсь, у меня в планах (осуществятся ли?) есть несколько эссе о моих встречах и общении с учеными-археологами, как правило, людьми выдающимися, это – В. Петров (о нем я уже написала, статья – в печати), Г. Федоров, Б. Рыбаков, И. Фабрициус и др.

21–22.10.01 (последнее письмо)

Сейчас я возвращаюсь к публичной жизни. Вчера провела у себя в комнате кафедральный научный семинар: Проблемы изучения древней истории славян. Был узкий круг заинтересованных людей, и все выступали – по-настоящему хорошо, интересно, с активной и нелицеприятной критикой, и – в мой адрес, руководителя семинара и основного докладчика.

...на днях закончила оформление бумаг на грант Американо-научное (по гуманитарным наукам) общество, отослала и... забыла. Деньги дают на исследование, а только затем – на издание книги. Получу ли? Поживем – увидим.

Неожиданно быстро вышли три мои работы. Для развлечения одну из них: “Древняя история славян в концепциях современной украинской историографии. Два дискурса методологии” – вышлю тебе.

“.....”
Моя экспедиция была для меня и моих учеников прибежищем и оазисом “усих чеснот” и “рідною домівкою (укр. – не перевожу). Этот “дом” для меня (как и твоя экспедиция – для тебя?) отгораживал от казармщины и безнравственности гос. учреждений, в кот. мы работали. Хотя и там было, на кого душевно опереться.

К ним отношу – светлой памяти Ирочку Русанову.

В науке Ирина совершила беспримерный подвиг – подвижничеством своим, одна (среди московских археологов) поднимала на свет божий “славянскую Атлантиду” – Корчакскую (Пражскую) культуру.

“.....”
А потом были встречи с И. на Межд. слав. конференциях (1978, 1981 гг.) и симпозиуме (1977) и на защите докторской (я специально приехала в Москву). Ира, помню, была очень грустна в день своего триумфа...

Если действительно душа бессмертна, то душа Ирочки должна радоваться нашим с тобою воспоминаниям о ней.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ПЕЧАТНЫХ РАБОТ Н.М. КРАВЧЕНКО

1. Дослідження ранньослов'янської культури на Україні // Український історичний журнал. 1961. № 3. С. 156, 157 (в соавт. с Брайтчевским М.Ю.).
2. Тигли черняховской культуры // КСИА АН УССР. 1961. Вып. 11. С. 87, 88 (в соавт. с Петровым В.П.).
3. До історії населення Східного Поділля середини першого тисячоліття н.е. // Український історичний журнал. 1966. № 12. С. 99–105.
4. Косановский могильник как источник для изучения истории населения Побужья в первой половине 1 тыс. н.э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1967. 16 с.
5. Косановский могильник (по материалам раскопок В.П. Петрова, Н.М. Кравченко (1961–1964 гг.)) // МИА. 1967. № 139. С. 77–135. 20 табл.
6. Памятники черняховского типа в Буджакской степи. (По материалам разведки 1966 г.) // Археологические исследования на Украине 1965–1966 гг. Киев, 1967. С. 224, 225.
7. К вопросу о происхождении некоторых типов обряда трупопожжения на черняховских могильниках // КСИА. 1970. Вып. 121. С. 44–52.
8. К изучению памятников черняховского типа в степях Северо-Западного Причерноморья // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Вып. 7. Одесса, 1971. С. 51–70.
9. Исследования в Киевской области // АО–1970. 1971. С. 280, 281.
10. Похоронения V ст. н.э. з с. Вільшанки на Київщині // Середні віки на Україні. Вып. 1. Київ, 1971. С. 75–79.
11. Работы Черняховского отряда Днестро-Дунайской экспедиции // Археологические исследования на Украине в 1968 г. Киев, 1971. С. 40–43.
12. Комплекс римського часу з Тіри // Археологічні дослідження на Україні в 1969 р. Вып. IV. Київ, 1972. С. 181–184.
13. Розвідки на Київщині // Археологічні дослідження на Україні в 1969 р. Вып. IV. Київ, 1972. С. 341–347 (в соавт. с Бугаем А.С., Магомедовым Б.В.).
14. Пам'ятки черняхівської культури на Пороссі // Археологія. 1973. Вып. 8. С. 99–108.
15. Нові пам'ятки I тис. н.е. в Київському Подніпров'ї // Археологія. 1975. Вып. 15. С. 87, 98 (в соавт. с Абашиной Н.С., Гороховским Е.Л.).
16. Деякі риси матеріальної культури пізньоримської Тіри // Археологія. 1975. Вып. 18. С. 20–42 (в соавт. с Корпусовой В.Н.).
17. Знахідка в “Змійовому валу” // Археологія. 1975. Вып. 18. С. 108–110 (в соавт. с Кучерой М.П., Юрой Р.О., Гопаком В.Д.).
18. Работы в Обуховском районе Киевской области // АО–1975. 1976. С. 343, 344.
19. Исследования памятников I тысячелетия н.э. в бассейне Стугны // АО–1977. 1978. С. 338 (в соавт. с Абашиной Н.С., Цыдровской Л.А.).
20. Исследование славянских памятников на Стугне // Славяне и Русь. Киев, 1979. С. 74–92.
21. Исследования памятников I тысячелетия н.э. в Обуховском районе Киевской области // АО–1978. 1979. С. 350 (в соавт. с Абашиной Н.С., Цыдровской Л.А.).
22. О некоторых особенностях развития материальной культуры населения Среднего Поднепровья в первой половине I тысячелетия н.э. // СА. 1979. № 2. С. 51–69 (в соавт. с Гороховским Е.Л.).
23. О понятии и принципах выделения археологической культуры // Археологические исследования на Украине в 1978–1979 гг. Тез. докл. XVIII конф. Института археологии АН УССР (Днепропетровск, апрель 1980 г.). Днепропетровск, 1980. С. 17, 18.
24. Раскопки и разведки в Среднем Поднепровье // АО–1979. 1980. С. 289, 290.
25. К вопросу о методике сравнительного изучения черняховской и раннесредневековых славянских культур // Тез. докл. симпозиума “Позднейшие судьбы черняховской культуры”. Каменец-Подольский, 1981. С. 22–24.
26. Погребальные обряды племен черняховской культуры // САИ. 1983. Вып. Д1–22. 150 с. (в соавт. с Сымоновичем Э.А.).
27. Реконструкція інтер'єру слов'янського житла VIII–IX ст. ст. // Археологія. 1984. Вып. 45. С. 84–95 (в соавт. со Стрункой М.Л.).
28. К изучению общины у славян Восточной Европы (по материалам раскопок многослойного поселения Обухов II) //

- Тез. докл. совет. делегации на V Междунар. конгрессе славян. археологии. М., 1985. С. 30–32.
29. Некоторые проблемы методики палеоботанических исследований (по материалам Обуховской территориальной группы памятников I тыс. н.э.) // Археология и методы исторических реконструкций. Киев, 1985. С. 177–191 (в соавт. с Пашкевич Г.А.).
 30. Раскопки у города Обухов // АО–1983. 1985. С. 298, 299.
 31. Киевская культура // Археология Украинской ССР. Т. 3. Киев, 1986. С. 100–113 (в соавт. с Терпиловским Р.В.).
 32. О методике социологического анализа погребального обряда черняховской культуры // Исследование социально-исторических проблем в археологии. Киев. 1987. С. 209–227.
 33. К изучению восточнославянской общины (по материалам археологических исследований в Среднем Поднепровье) // Труды V Междунар. конгресса археологов-славистов. Т. 4. Киев, 1988. С. 126–134.
 34. О характере черняховско-сарматских связей в Среднем Поднепровье // Проблемы истории та археології давнього населення Української РСР: Тез. доп. XX республ. конф. (Одеса, жовтень 1989 р.). Київ, 1989. С. 107, 108.
 35. Археологія та стародавня історія України. Курс лекцій. Київ, 1992. 376 с. (в соавт. с Чмыховым Н.А., Черняковым И.Т.).
 36. Археологічними маршрутами Фастівщини // Прес-музей. 1993. № 1. С. 7, 8.
 37. Дослідження багаточислового поселення Малополовецьке II // Археологічні дослідження на Україні 1992 року. Київ, 1993. С. 79, 80 (в соавт. с Петраускене Л.В.).
 38. Загадки козацького городища // Прес-музей. 1993. № 1. С. 12–14.
 39. Із затінку історії // Прес-музей. 1993. № 1. С. 5–7 (в соавт. с Нелиной Т.В., Чиговской Л.Г.).
 40. Під знаком зодіаку // Прес-музей. 1993. № 1. С. 9–12.
 41. До походження назви міста Фастів (версія) // Прес-музей. 1994. № 2. С. 17–19.
 42. Черняхівське поселення Обухів та його київське оточення (до вивчення характеру зв'язків між черняхівською та “традиційними” культурами римської доби) // Старожитності Русі – України. Київ, 1994. С. 37–43.
 43. Про що говорять гідроніми // Прес-музей. 1996. № 6. С. 19, 20.
 44. Фастів – місто історичне // Прес-музей. 1996. № 6. С. 3, 4 (в соавт. с Нелиной Т.В.).
 45. Відновлені сторінки історії краю // Прес-музей. 1997. № 7. С. 3–5 (в соавт. с Нелиной Т.В., Чиговской Л.Г.).
 46. Археологічні пам'ятки слов'янського язичництва (за матеріалами досліджень у Київському Подніпров'ї) // Медобори і духовна культура давніх, середньовічних слов'ян. Матер. наук. конф. Львів, 1998. С. 78–88.
 47. Археологічні пам'ятники ранньо слов'янської писемності // Вісник Київського інституту “Слов'янський університет”. 1998. Вип. 2. С. 88–93 (в соавт. с Абашиной Н.С.).
 48. В пошуках країни антив // Прес-музей. 1999. № 8–9. С. 17–28.
 49. Обухівський камінь з петрогліфами // Етнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в I тисячолітті н.е. Київ; Львів, 1999. С. 94–105.
 50. Подорож в кам'яний вік. По слідах мисливців за мамонтами // Прес-музей. 1999. № 8–9. С. 65–70.
 51. Шевченко на Фастівщині: зустріч з історією // Прес-музей. 1999. № 8–9. С. 103–106 (в соавт. с Чиговской Л.Г.).
 52. Путешествие в первое тысячелетие нашей эры: Записки об археологической (студенческой) экспедиции. Киев, 2000. 57 с.
 53. Анти – на зламі віків. Ранньоантський період у світлі історико-археологічних аналогій // Вісник Київського інституту “Слов'янський Університет”. 2001. Вип. № 11. С. 206–224.
 54. Древняя история славян в концепциях современной украинской историографии. Два дискурса методологии // Слов'янські культури в європейській цивілізації. Киев, 2001. С. 166–197.
 55. Докирилівський напис на пряслиці з ранньослов'янського поселення Обухів II // Археологія. 2001. № 2. С. 144–147 (в соавт. с Абашиной Н.С.).
 56. Археологічні пам'ятки слов'янського язичництва. (За матеріалами досліджень у Київському Подніпров'ї) // Прес-музей. № 10–11 (в печаті).
 57. Знаки та букви на предметах. Археологічні матеріали до вивчення докирилівського письма у ранніх слов'ян // Прес-музей. № 10–11 (в печаті).
 58. Современное состояние изучения древней истории славян Юго-Восточной Европы и теоретико-методологические аспекты археологического славяноведения // Вісник Київського інституту “Слов'янський Університет” (в печаті).
 59. Епоха і суспільство як визначальні системи у формуванні археологічних культур (Наукова естафета: Петров – Браїчевський – Генінг) (в печаті).
 60. Анти і черняхівська культура (в печаті).

Институт археологии РАН, Москва
Институт археологии НАН Украина,
Киев

А.А. Юшко,
А.М. Обломский,
Н.С. Абашина

АВТОРСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ТОМА ЗА 2002 г.

- Абашина Н.С.** см. Юшко А.А.
- Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Горлов Ю.В.** Куматырский клад бронзовых монет IV–I вв. до н.э. № 3, 145–152.
- Авилова Л.И.** см. Черных Е.Н.
- Аксенов В.С.** Обряд обезвреживания погребенных в Верхне-Салтовском и Рубежанском катакомбных могильниках салтово-маяцкой культуры. № 3, 98–114.
- Алексеев Л.В.** Древний Друцк (письменные источники, топография, время возникновения). № 1, 74–91.
- Алексеев Л.В.** Друцк в XII–XVI вв. (общие вопросы истории памятника). № 2, 81–98.
- Алпаткина Т.Г., Голенищева-Кутузова В.Е.** “Автобиографическая канва” Б.П. Денике. № 2, 153–161.
- Амиров Ш.Н., Лев С.Ю.** Prospection archeologique Haute Khabur Occidental (Syria du N.E.). Vol. I. Edite par Bertille Lyonnet. Beyrouth, 2000. № 3, 164–170.
- Амирханов Х.А., Фогт Б.** Аль-Набва 2 – поселение древних рыболовов и собирателей моллюсков на побережье Аденского залива (Республика Йемен). № 2, 30–43.
- Артемяева Н.Г.** Памяти Эрнста Владимировича Шавкунова (1930–2001). № 3, 188–189.
- Беляев Л.А.** Путь ученого. № 4, 7–11.
- Беляев Л.А.** Рец. на кн.: Ousterhout Robert “Master Builders of Byzantium”. Princeton, 1999. № 1, 184–188.
- Беляев Л.А., Кашкин А.В., Кренке Н.А., Юшко А.А., Энгватова А.В.** Памяти Кирилла Алексеевича Смирнова (1931–2001). № 2, 179–182.
- Беркович В.А.** см. Векслер А.Г.
- Болдин И.В.** Круговая керамика из комплекса XIV в. № 4, 149–150.
- Болелов С.Б., Двуреченская Н.Д.** Комплекс деревянных предметов из раскопок культового центра Калалы-Гыр 2. № 3, 133–144.
- Борзунов В.А.** Городища с бастионно-башенными фортификациями раннего железного века в лесном Зауралье. № 3, 79–97.
- Бужилова А.П.** см. Медникова М.Б.
- Вальчак С.Б., Скаков А.Ю.** Клад на Мехчис-цихе в контексте хронологии памятников Юго-Западного Закавказья. № 2, 132–141.
- Ван дер Плихт Дж.** см. Ранов В.А.
- Васильев С.А.** Рец. на кн.: Х.А. Амирханов “Зарайская стоянка”. М., 2000. № 1, 173–174.
- Векслер А.Г., Беркович В.А.** Надгробие столыника эпохи Петра I. № 1, 167–168.
- Гадзяцкая О.С., Крайнов Д.А.** Энеолитическое поселение Стрелка I в бассейне р. Клязьма. № 2, 111–131.
- Гайдуков Н.Е.** Пещерная киновия Чилтер-Мармара в Крыму. № 3, 115–120.
- Гак Е.И., Рындина Н.В., Хаютин С.Г.** Технология отливки бус среднебронзового века на Северном Кавказе и в Восточной Европе. № 3, 121–132.
- Голенищева-Кутузова В.Е.** см. Алпаткина Т.Г.
- Горлов Ю.В.** см. Абрамзон М.Г.
- Гуляев В.И., Ольховский В.С.** Феномен алтайских мумий. Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск, 2000. № 4, 160–165.
- Двуреченская Н.Д.** см. Болелов С.Б.
- Дроздов Н.И.** см. Молодин В.И.
- Жилин М.Г.** Костяная индустрия бутовской культуры в Верхнем Поволжье. № 3, 5–25.
- Завьялов В.И.** Ножи древнего Белоозера: технологический аспект. № 1, 137–147.
- Зуев В.Ю.** Памяти Евгения Яковлевича Рогова (1951–2001). № 2, 183–185.
- Зыков А.П., Кокшаров С.Ф.** Поселенческо-погребальный комплекс конца XV–XVI вв. из Нижнего Приобья. № 2, 67–80.
- Исто К.Дж.** см. Черных Е.Н.
- Кашкин А.В.** см. Беляев Л.А.
- Клепиков В.М.** см. Скрипкин А.С.
- Клоков В.Б.** см. Лебедев В.П.
- Ковалев Р.К.** Новгородские деревянные бирки: общие наблюдения. № 1, 38–50.
- Кокорина Н.А.** см. Старостин П.Н.
- Кокшаров С.Ф.** см. Зыков А.П.
- Коллектив авторов.** Ирина Константиновна Цветкова (1917–2001). № 3, 190–191.
- Корневский С.Н.** Rezepkin A.D. Das frühbronzezeitlich Gräberfeld von Klady und die Majkop-Kultur in Nordwestkaukasien // Archäologie in Eurasien. Band 10. Verlag Marie Leindorf: Rahden/Westf. 2000. № 4, 170–175.
- Крайнов Д.А.** см. Гадзяцкая О.С.
- Кренке Н.А.** см. Беляев Л.А.
- Кренке Н.А., Тавлинцева Е.Ю.** Литейные формы с Дьякова городища. № 4, 90–110.

- Кузнецов А.М.** Древнее поселение в пещере Чертовы Ворота и некоторые проблемы неолита Приморья. № 2, 17–29.
- Кузнецов П.Ф., Мочалов О.Д.** Международная научная конференция “К 100-летию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы” (Самара, 2001 г.). № 4, 184–185.
- Кузьминых С.В.** см. Старостин П.Н.
- Кузьминых С.В.** см. Черных Е.Н.
- Кулаков В.И.** Рец. на кн.: В.П. Буданова “Варварский мир эпохи Великого переселения народов”. М., 2000. № 1, 179–180.
- Кущов А.Г.** см. Леонтьев А.Е.
- Лаухин С.А.** см. Ранов В.А.
- Лебедев В.П., Клоков В.Б.** Западноевропейские свинцовые товарные пломбы с золотоордынских городищ. № 1, 92–100.
- Лез С.Ю.** см. Амиров Ш.Н.
- Леонтьев А.Е.** Н.А. Макаров, С.Д. Захаров, А.П. Бужилова. Средневековое расселение на Белом озере. М., 2001. № 3, 171–175.
- Леонтьев А.Е., Кущов А.Г., Сычева С.А.** Еськи на Мологе. Топография и стратиграфия археологических памятников (от мезолита до средневековья). № 2, 142–152.
- Литвинова Л.В.** О населении Европейской Скифии (по антропологическим материалам могильника Мамай-Гора). № 3, 39–45.
- Лопатина О.А.** Технологическая характеристика глиняных литейных форм Дьякова городища. № 4, 111–112.
- Лунькова Ю.В.** К изучению погребального обряда срубной культуры Волго-Донского междуречья. № 4, 143–149.
- Макарова Т.И.** Памяти Бориса Александровича Рыбакова (1908–2001). № 3, 185–187.
- Малашев В.Ю., Обломский А.М.** Поясная центрально-европейская гарнитура римского времени с Днепровского Левобережья. № 4, 113–124.
- Маслов В.Е.** Зеркало “ольвийского типа” из Краснодарского края. № 3, 153–156.
- Медникова М.Б., Бужилова А.П.** К вопросу о травматических повреждениях среди абашевского населения. № 2, 162–164.
- Мерперт Н.Я.** см. Мунчаев Р.М.
- Могильников В.А.** Курганы с сопроводительными захоронениями чучел коней в северо-западных предгорьях Алтая. № 1, 122–136.
- Молодин В.И., Дроздов Н.И.** Всероссийская научно-практическая конференция “Проблемы борьбы с проведением незаконных раскопок и незаконным оборотом предметов археологии, минералогии и палеонтологии”, (Красноярск, 19–25 июня 2001 г.). № 4, 182–183.
- Моргунов Ю.Ю.** О некоторых особенностях домостроительства поселения Сампсониев остров на Средней Суле. № 2, 56–66.
- Мордвинова В.И.** Фалары из кургана у станицы Воздвиженской. № 3, 157–161.
- Мочалов О.Д.** см. Кузнецов П.Ф.
- Мошкова М.Г.** см. Скрипкин А.С.
- Мунчаев Р.М.** К 80-летию Николая Яковлевича Мерперта. № 4, 176–181.
- Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я.** Телль Хазна I: раскопки 2001 года. № 4, 20–39.
- Носов Е.Н.** Н.А. Макаров, С.Д. Захаров, А.П. Бужилова. Средневековое расселение на Белом озере. М., 2001. № 4, 151–154.
- Обломский А.М.** см. Малашев В.Ю.
- Обломский А.М.** см. Юшко А.А.
- Олейников О.М.** Стекланные браслеты Великого Новгорода. № 1, 51–73.
- Ольховский В.С.** см. Гуляев В.И.
- Орловская Л.Б.** см. Черных Е.Н.
- От редколлегии.** К 100-летию со дня рождения А. В. Арциховского (1902–1978). № 4, 5–6.
- От редколлегии.** О присуждении Борису Анатольевичу Литвинскому премии им. Р. Гиршмана. № 4, 180.
- Очир-Горяева М.А.** Сезонный экономический цикл населения Северо-западного Прикаспия в бронзовом веке. (Труды ГИМ, Вып. 120). М., 2000. № 4, 165–169.
- Панова Т.Д.** Материалы по археологии из архива музея-заповедника “Московский Кремль”. № 1, 148–154.
- Парцингер Г.** Германский археологический институт: Задачи и перспективы археологического изучения Евразии. № 3, 59–78.
- Петрухин В.Я.** Рец. на Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 1, 1997; Т. 2, 1997; Т. 3, 1997; Т. 4, 1998; Т. 5, 1999. № 1, 181–183.
- Полубояринова М.Д.** см. Старостин П.Н.
- Полубояринова М.Д., Седова М.В.** Вспоминая А. В. Арциховского. № 4, 125–127.
- Разуваев Ю.Д.** Клад римских денариев из с. Казаки Липецкой области. № 2, 165–171.
- Ранов В.А.** А.П. Деревянко, В.Т. Петрин, Е.П. Рыбин, Л.М. Чевалков. Палеолитические комплексы стратифицированной части стоянки Кара-Бом. Новосибирск, 1998. (Станет ли алтайская стоянка Кара-Бом центральноазиатским Бокер-Тачтитом?). № 4, 155–160.
- Ранов В.А., Лаухин С.А., Ван дер Плихт Дж.** Первое серийное радиоуглеродное датирование мустье Таджикистана. № 2, 5–16.
- Рындина Н.В.** см. Гак Е.И.
- Саймон Франклин.** В обществе святых: к выходу каталога “Христианские реликвии в Московском Кремле”. М., 2000. № 1, 189–191.

- Седов В.В.** Les Centres Proto-Urbains Russes Entre Scandinavie, Byzance et Orient. Paris, 2000. № 2, 172–174.
- Седов В.В.** XIV конференция по изучению Скандинавских стран и Финляндии (Архангельск, 2001). № 3, 183–184.
- Седова М.В.** см. Полубояринова М.Д.
- Сидоров В.В.** М.Г. Жилин. Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. УРСС, 2001. 326 с. № 3, 162–163.
- Скаков А.Ю.** см. Вальчак С.Б.
- Скржинская М.В.** Иллюстрации литературных произведений на аттических вазах из раскопок Боспора. № 1, 24–37.
- Скрипкин А.С., Клепиков В.М., Мошкова М.Г.** Об одной попытке модернизации сарматской периодизации. № 1, 101–112.
- Смирнов А.С.** Сохранение археологического наследия России. История и проблемы. № 4, 50–59.
- Смирнов К.А.** М.Г. Иванова, К.И. Куликов. Древнее искусство Удмуртии. Альбом. Научно-популярное издание. Ижевск, 2000. № 2, 177–178.
- Смирнов К.А.** Рец. на кн.: Р.Д. Голдина “Древняя и средневековая история удмуртского народа”. Ижевск, 1999. № 1, 175–178.
- Смирнов К.А., Формозов А.А.** Памяти Хавы Иосифовны Крис (1921–2001). № 2, 186–187.
- Сорокина И.А.** Полевая археология России на современном этапе: итоги и перспективы. № 4, 60–69.
- Старостин П.Н., Полубояринова М.Д., Кокорина Н.А., Кузьминых С.В., Хузин Ф.Ш., Шарифуллин Р.Ф.** Памяти Тамары Александровны Хлебниковой (1928–2001). № 2, 188–191.
- Сударев Н.И.** T. Scholl and V. Zin'ko. Archaeological Map of Nymphaion (Crimea). Warsaw, 1999. № 2, 175–176.
- Сычева С.А.** см. Леонтьев А.Е.
- Тавлинцева Е.Ю.** см. Кренке Н.А.
- Федорова Н.В.** Призраки и реальности ямальской археологии. № 2, 99–110.
- Фогт Б.** см. Амирханов Х.А.
- Формозов А.А.** Дневник и “записные книжки” И.Е. Забелина. № 3, 176–177.
- Формозов А.А.** см. Смирнов К.А.
- Фролова Н.А.** см. Абрамзон М.Г.
- Хан Н.А.** Лопаревский клад золотоордынских монет и денежных слитков XIV в. № 1, 155–162.
- Хаяутин С.Г.** см. Гак Е.И.
- Хузин Ф.Ш.** см. Старостин П.Н.
- Черных Е.Н., Авилова Л.И., Орловская Л.Б., Кузьминых С.В.** Металлургия в циркумпонтийском ареале: от единства к распаду. № 1, 5–23.
- Черных Е.Н., Исто К.Дж.** Начало эксплуатации Каргалов: радиоуглеродные даты. № 2, 44–55.
- Шарифуллин Р.Ф.** см. Старостин П.Н.
- Шнирельман В.А.** Рец. на кн.: Heinrich Härke (ed.). “Archaeology, Ideology and Society. The German Experience.” Frankfurt am Main: Peter Lang, 2000. № 1, 169–172.
- Шрамко Б.А.** Новая литейная формочка с Бельского городища: к истории вооружения у племен Скифии. № 1, 163–166.
- Шапова Ю.Л.** А. В. Арциховский во главе кафедры археологии исторического факультета МГУ. № 4, 12–19.
- Энговатова А.В.** см. Беляев Л.А.
- Эрлих В.Р.** Переход от бронзового к железному веку на северо-западном Кавказе (К постановке проблемы). Часть I. № 3, 26–38.
- Эрлих В.Р.** Переход от бронзового к железному веку на Северо-западном Кавказе (К постановке проблемы). Часть II. № 4, 40–49.
- Юшко А.А.** А.Б. Мазуров. Средневековая Коломна в XIV–первой трети XVI в. Комплексное исследование региональных аспектов становления единого Русского государства. М., 2001. № 3, 178–182.
- Юшко А.А.** Памяти Татьяны Николаевны Никольской (1919–2001). № 2, 192.
- Юшко А.А.** см. Беляев Л.А.
- Юшко А.А., Обломский А.М., Абашина Н.С.** Памяти Надежды Михайловны Кравченко (1935–2001). № 4, 186–189.
- Яйленко В.П.** Идентификация и реконструкция зданий Ольвийского теменоса. № 3, 46–58.
- Яковлев Н.А.** Начальный этап исследований Софийского собора в Киеве: работы архитектора М.А. Щурупова (1838 г.). № 1, 113–121.
- Янин В.Л.** Из воспоминаний об Артемии Владимировиче Арциховском. № 4, 128–130.
- Яценко И.В.** Представления И. Е. Забелина о строении насыпи кургана Чертомлык. № 4, 131–142.

Список сокращений 192

Список сокращений 192

Незаконные раскопки и археологическое наследие России Материалы круглого стола, проведенного редакцией и редколлегией журнала “Российская археология” 70

Авторский указатель журнала “Российская археология” за 2002 г. 190